Философский журнал

Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке

Том 7, № 5А, 2018.
С. 1-296.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

October 2018, Volume 7, Issue 5A.

Pages 1-296.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 7, № 5A, 2018

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год. Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (09.00.11), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, ***Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах*** – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (09.00.11), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, ***Южный федеральный университет*** – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (09.00.11)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (09.00.11)
Ответственный редактор	В.В. Галушкин
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Корректоры	Л.Л. Куприянчик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-43675 от 24.01.2011.
ISSN 2223-5485
Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»
Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»:
42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке»
Цена договорная. Подписано к печати 15.10.2018. Печ. л. 39,25. Формат 60x90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7192.
Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сущевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" October 2018, Volume 7, Issue 5A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, ***Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy*** (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, ***Southern Federal University*** (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal " Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Executive editor	V.V. Galushkin
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Sheikhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.
The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Mass media registration certificate:
PI No. FS77-43675 of 24.01.2011.
ISSN 2223-5485.
Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"
Subscription index of the union catalogue "The Press of Russia":
42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being"**.**
Contract price. Passed for printing on 15.10.2018. 39.25 printed sheets. Format 60x90/8.
Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7192.
Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.
P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 09.00.01 – Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Никольский Сергей Анатольевич – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук.

по направлению: 09.00.03 – История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 09.00.04 – Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 09.00.05 – Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлия Максимилиана (Германия).

по направлению: 09.00.08 – Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 09.00.11 – Социальная философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Артановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных знаний, Российский государственный университет туризма и сервиса.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 09.00.14 – Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факульет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ivleva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of philosophy, humanities and social sciences, Russian State University of Tourism and Service, Moscow (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongolology, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Nikol'skii Sergei Anatol'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

Zheltov Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikal State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

Карнаухов Игорь Александрович
Язык рабочего класса в молодежной среде 5

Косилова Елена Владимировна
Анализ центральных механизмов субъектности в компьютерной культуре 11

Бакаева Жанна Юрьевна
Степанов Алексей Георгиевич
Степанова Светлана Евгеньевна
Философско-методологические основания информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума 20

Тайсина Эмилия Анваровна
«Представление» и его расширительное толкование в немецкой философии 28

История философии

Макаренко Яна Александровна
Тезис Хайдеггера о бытии: к вопросу об онтологическом различии бытия и сущего 43

Мешков Игорь Михайлович
Гносеология ценностей в феноменологии и философии неокантианства 52

Социальная философия

Атик Аниса Ахмедовна
Динамика развития социокультурного диалога в поликультурном обществе 58

Беленкова Оксана Архиповна
Творческий потенциал человеческого капитала инновационной экономики 65

Мясников Андрей Геннадьевич
Ульянов Виктор Петрович
Современный философский анализ теории демократии П.И. Новгородцева 79

Цуканов Евгений Александрович
Медиа и медиумы Великой октябрьской революции 86

Боровой Евгений Михайлович
Вещизм как принцип современного потребительского капитализма 93

Абрамов Сергей Витальевич
Концепция конструктивизма в исследовании национализма 104

Матюшко Андрей Владимирович
Аналогия в гуманитаристике и естествознании 111

Вихман Виктория Викторовна
Демаркация понятий «теоретический образ» и «фрейм» в контексте теоретизации образования 118

Звягин Сергей Александрович
Маринистика и поморский Север в контексте философского исследования морского наследия 125

Киблик Олег Николаевич
Воображение и фантазия в аспекте философии А.С. Грина 133

Поляков Вячеслав Олегович
Йога как комплексное социально-философское явление и ее место в системе религиозных воззрений 139

Антошкина Екатерина Александровна
Время как бесценный ресурс человека 151

Михайловская Светлана Александровна
Вторичная занятость студенческой молодежи в контексте социально-философского знания 161

Сабанин Сергей Анатольевич
Общественная география с основами геополитики: Современный тренд развития в условиях глобального государственного и корпоративного противостояния 169

Равочкин Никита Николаевич
Индустриальное общество и формирование контекста новоевропейского капитализма: социально-философский анализ ... 176

Эстетика

Темерева Елена Валерьевна
Воображаемое в эстетике Мартина Хайдеггера ... 185

Этика

Балаева Ольга Евгеньевна
Аксиологический аспект поддержания интереса к отечественному туризму в современных реалиях ... 192

Володин Валерий Юрьевич
Прилуцкий Александр Михайлович
Хлыстовские секты лютеранского генезиса: движение скакунов в Западной Ингерманландии ... 199

Кондратьева Екатерина Вадимовна
Капустина Татьяна Викторовна
Люкшина Дарья Сергеевна
Кадыров Руслан Васитович
Отношение к научно-исследовательской деятельности аспирантов и будущих аспирантов медицинского вуза ... 209

Философия и история религии, философская антропология, философия культуры

Галухин Андрей Владимирович
Парадигмальные основы этики бизнеса ... 218

Беляева Людмила Александровна
Ниязбаева Наталья Николаевна
Экзистенциальный смысл образования взрослых в контексте вызовов современности ... 229

Ниязбаева Наталья Николаевна
Экзистенциально-антропологические аспекты образования: ценности и самоосуществление человека ... 235

Пырьянова Ольга Анатольевна
Замощанский Иван Игоревич
Конашкова Алена Михайловна
Кризис субъективности: эффект нулевого «Я» ... 241

Пырьянова Ольга Анатольевна
Замощанский Иван Игоревич
Конашкова Алена Михайловна
Классический психоанализ как парадигма социального действия ... 249

Гапанюк Антон Евгеньевич
Исторические основы византийского богослужения ... 258

Гапанюк Антон Евгеньевич
Опыт успехов и неудач реформ католической Церкви: на примере поздней литургии ... 269

Философия науки и техники

Смирнов Олег Аркадьевич
Философские проблемы научной объективности применения количественных методов в социальных науках ... 279

Специальный материал номера. Этика

Шуталева Анна Владимировна
Карташева Анна Александровна
Циплакова Юлия Владимировна
Философско-правовые основания биоэтики как современного типа мышления ... 285

Contents

Ontology and theory of cognition

Igor' A. Karnaukhov
The working class language among the youth 5

Elena V. Kosilova
Analysis of the central mechanisms of subjectivity in the computer culture 11

Zhanna Yu. Bakaeva
Aleksei G. Stepanov
Svetlana E. Stepanova
Philosophical and methodological bases of informatization and modeling in the context of digitalization of society 20

Emiliya A. Taisina
Vorstellung and its broad interpretation in German philosophy 28

History of philosophy

Yana A. Makakenko
Heidegger's thesis about being: on the ontological difference between being and existence 43

Igor' M. Meshkov
The Epistemology of Values in the Phenomenology and Philosophy of Neo-Kantianism 52

Social philosophy

Anisa A. Atik
Dynamics of development of socio-cultural dialogue in a policultural society 58

Oksana A. Belenkova
The creative potential of human capital innovation economy 65

Andrei G. Myasnikov
Viktor P. Ul'yanov
Modern philosophical analysis of the P.I. Novgorodtsev's theory of democracy 79

Evgenii A. Tsukanov
Media and mediums of the Great October Revolution 86

Evgenii M. Borovoi
Materialism as a principle of modern consumer capitalism 93

Sergei V. Abramov
Concept of constructivism in the study of nationalism 104

Andrei V. Matyushko
Analogy in the humanities and natural sciences 111

Viktoriya V. Vikhman
Demarcation of the theoretical image and frame concepts in the context of the theory of education 118

Sergei A. Zvyagin
Marine painter and Northern seaboard in the context of philosophical research of the marine heritage 125

Oleg N. Kiblik
Imagination and fantasy in the aspect of philosophy of A.S. Grin 133

Vyacheslav O. Polyakov
Yoga as a complex socio-philosophical phenomenon and its place in the system of religious beliefs 139

Ekaterina A. Antoshkina
Time as a human resource 151

Svetlana A. Mikhailovskaya
Secondary employment of students in the context of social and philosophical knowledge 161

Sergei A. Sabanin
Social geography with geopolitics fundamentals: Modern trend of development in conditions of global state and corporate confrontation 169

Nikita N. Ravochkin
Industrial society and modern European capitalism context formation: socio-philosophical analysis..... 176

Aesthetics

Elena V. Temereva
Imagined in Martin Heidegger's aesthetics 185

Ethics

Ol'ga E. Balaeva
Value aspect of maintaining the interest to national tourism in today's reality 192

Valerii Yu. Volodin
Aleksandr M. Prilutskii
Khlysts Sects of the Lutheran Genesis: Jumpers Movement in Western Ingermanland 199

Ekaterina V. Kondrat'eva
Tat'yana V. Kapustina
Darya S. Lyukshina
Ruslan V. Kadyrov
The relation to the scientific research activity of postgraduates and future postgraduates of a medical university 209

Philosophy of religion and religious studies; philosophical anthropology, philosophy of culture

Andrei V. Galukhin
Paradigmatic foundations of Business Ethics 218

Lyudmila A. Belyaeva
Natal'ya N. Niyazbaeva
Existential meaning of adult education in the context of the challenges of modernity 229

Natal'ya N. Niyazbaeva
Existential-anthropological aspects of education: values and self-realization of a person..... 235

Ol'ga A. Pyr'yanova
Ivan I. Zamoshchanskii
Alena M. Konashkova
Subjectivity crisis: the effect of zero self..... 241

Ol'ga A. Pyr'yanova
Ivan I. Zamoshchanskii
Alena M. Konashkova
Classical psychoanalysis as a social action paradigm..... 249

Anton E. Gapanyuk
Historical foundations of Byzantine worship..... 258

Anton E. Gapanyuk
The experience of the successes and failures of the reforms of the Catholic Church: the example of the late liturgy..... 269

Philosophy of science and technology

Oleg A. Smirnov
The philosophical problems of the scientific objectivity of the application of quantitative methods in the social sciences..... 279

Special material. Ethics

Anna V. Shutaleva
Anna A. Kartasheva
Yuliya V. Tsiplakova
Philosophical and legal foundations of bioethics as a modern type of thinking..... 285

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 316.7

Язык рабочего класса в молодежной среде

Карнаухов Игорь Александрович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук и технологий,
Тюменский индустриальный университет,
625000, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 38;
e-mail: Igor_Karnaukhov@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

Аннотация

В статье рассмотрена специфика языка рабочего класса и работающей молодежи. Определены онто-гносеологические основания использования языковых структур. Выявлено, что такими основаниями являются языковые компетенции и коды. В качестве компетенций понимается знание языка, или, как отмечал Н. Хомский, «знание некоторых способов использования языка в процессе его употребления говорящим или слушающим». Согласно теории Б.Б. Бернштейна, код – это «набор организованных принципов внутри языка, управляющий членами социальной группы». Существуют расширенный и ограниченный языковые коды. Субъекты среднего и рабочего класса используют разные коды при интерпретации бытия. Акт познания осуществляется субъектом в строго определенных границах языковой компетенции, и объект в таком случае познается в рамках определенной языковой системы, которую использует субъект познания. При «переключении» языковой компетенции познаваемый объект не перестает существовать, но принимает иную форму, находящую свое отражение в структуре языка (лексические и грамматические единицы, синтаксис). Определено, что ценностные ориентации субъекта формируются в рамках той или иной языковой компетенции. Формирование аксиологической компоненты происходит на микроуровне в раннем детстве и корректируются в период взросления. Ценностные ориентации в таком случае не могут рассматриваться как универсальные элементы бытия.

Для цитирования в научных исследованиях

Карнаухов И.А. Язык рабочего класса в молодежной среде // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 5-10.

Ключевые слова

Рабочий класс, язык, молодежь, жизненные стратегии, современная Россия.

Введение

Прежде чем говорить о языке рабочего класса в молодежной среде, рассмотрим язык в контексте философских наук. С позиций онтологии существует точка зрения, при которой язык выступает в качестве продукта соглашения между людьми (конвенционалистская концепция). Р. Карнап раскрывал данный тезис, обращаясь к «принципу терпимости», согласно которому языки с определенной внутренней структурой равны. Правила языка при таком подходе не ограничены и могут быть установлены произвольно. Язык в таком случае непосредственно не связан с бытием. При противоположном подходе язык вписан в онто-гносеологическую картину мира и является инструментом эпистемологического анализа действительности.

Тесную связь языка и познавательных способностей человека философы определяли по-разному. Ф.В. Гумбольдт считал, что язык формирует «дух народа», А. Бергсон и Э.Г. Гуссерль настаивали на фальсификации результатов познавательной деятельности в процессе их выражения посредством языковых конструкций, Э. Кассирер отмечал способность языка к символизации, Г.В. Лейбниц и Б.А. Рассел определяли язык как нечто несовершенное и провозглашали необходимость создания «совершенного языка», инструмента познания и интерпретации структур бытия и законов его развития.

Современные философы, лингвисты, психологи, социологи и ученые иных областей, затрагивающих проблемы языка, признают факт взаимодействия языка и мышления. Н. Хомский отмечает, что процесс формирования языка проходит не просто стадию превращения звуков в слова, и после ряда слов – в предложения. Напротив, язык формируется путем перехода «абстрактных синтаксических структур к фонетике» [Хомский, 1972], что важно и при изучении языка рабочего класса в молодежной среде. Профессор Стэнфордского университета Роберт Сапольски в работе «Metaphors Are Us» определяет и теоретически раскрывает такое свойство языка как «метафоричность». Способность мыслить символами наделила человека определенными эволюционными преимуществами. «Язык отделяет сообщение от его значения, и <…>, продолжает получать лучшее из этого разделения, – то, что дает большие индивидуальные и социальные преимущества» [Сапольски, 2013, www].

Осуществляя социальное взаимодействие, человек использует тот или иной вид «языковой компетенции». По Н. Хомскому, это – «знание языка, имеющееся у каждого нормального носителя языка, а также знание некоторых способов использования языка в процессе его употребления говорящим или слушающим» [Хомский, 2005]. Очевидно, что рабочая молодежь имеет собственную языковую компетенцию. Более того, представители рабочего класса современной России используют языковую компетенцию, отличную от представителей рабочего класса западных стран.

Так, определение онто-гносеологических оснований использования вида языковой компетенций, присущей рабочему классу из числа молодежи в современной России, – цель настоящего исследования.

Языковой код рабочего класса

Большой вклад в изучение социального класса и развития языка в части лингвистических кодов и грамматических элементов внес британский социолог Бейзил Бернштейн. Он разработал теорию языковых кодов, в рамках которой язык может включать в себя как *расширенный*, так и *ограниченный* код. Под кодом Б.Б. Бернштейн понимал «набор организованных принципов внутри языка, управляющий членами социальной группы»

[Бернштейн, 1971, 178]. В своих работах он описал грамматические и лексические различия между языком представителей рабочего и среднего классов. Первые использовали ограниченный языковой код, тогда как вторые – и ограниченный, и расширенный. Ключевым тезисом в рассуждениях Б.Б. Бернштейна было убеждение в том, что большинство детей из рабочего класса, в особенности, из числа самых неблагополучных семей, не имеют доступа к расширенному языковому коду. В.П. Робинсон подтвердил данный тезис результатами эмпирических наблюдений, согласно которым «субъекты рабочего класса, находящиеся в равных условиях с представителями среднего класса, не используют расширенный языковой код» [Робинсон, 1965, 243]. Однако, по мнению В.П. Робинсона, существует вероятность, при которой субъекты рабочего класса, могут «переключиться» с одного кода на другой. Это зависит от ряда факторов, в том числе от темы, структуры, способа коммуникации и от типа личности, вступившей в коммуникативный акт с представителем рабочего класса.

В целях подтверждения гипотезы Б.Б. Бернштейна (и Д. Лоутона) Робинсон организовал исследование, в рамках которого 120 человек в возрасте 12-13 лет из представителей рабочего и среднего классов должны были написать неофициальное и официальное письма. Первое – с использованием ограниченного кода, другое – расширенного. Результаты исследования представлены в журнале «Language and Speech», выпуск №8 [Робинсон, 1965, 246-248]. Примечательно, что гипотеза Б.Б. Бернштейна подтвердилась при анализе неофициальных писем (отмечены существенные различия в использовании грамматических и лексических средств языка субъектами рабочего и среднего классов). В свою очередь, это подтверждает утверждение, основанное на работах Н. Хомского, о существовании различных языковых компетенций, в том числе и у представителей рабочего класса.

Но остается нерешенным вопрос об основаниях той или иной компетенции. Очевидно, что способ использования языка (или языкового кода) в процессе его употребления зависит от внешних факторов. И как ограниченный, так и расширенный коды формируются под влиянием межличностного общения внутри семьи, социальной среды региона и регионов-субъектов, межнационального взаимодействия, распространения масс-медиа, процессов глобализации и т.д. Та среда, в которую помещен субъект, оказывает на него как прямое, так и непрямое воздействие, выражающееся в языке. Посредством языка субъект отражает воспринимаемый «здесь-и-сейчас» фрагмент бытия. Гносеологический акт происходит в строго установленных границах языковой компетенции, и познаваемый объект интерпретируется согласно языковой системе, используемой субъектом познания. При смене языковой компетенции фрагмент бытия не перестает существовать, однако, принимает иной вид и форму, присущую внутренней структуре языка, используемого говорящим. Например, изделие, выполненное из кожи или ткани и предназначенное для ношения денег, представителем среднего класса будет названо в большинстве случаев «портмоне» (или «бумажник»), тогда как представитель рабочего класса, скорее всего, определит данный предмет как «кошелек». Согласно Б.Б. Бернштейну, субъект рабочего класса может не иметь внутри используемой им языковой компетенции лексемы как «портмоне» и, соответственно, не использовать ее в речи.

Хотя языковые компетенции не ограничиваются двумя языковыми кодами, система Б.Б. Бернштейна показывает прямую связь между познаваемой областью бытия и языком. Одним из онто-гносеологических оснований использования вида языковой компетенций является языковой код, включающий в себя определенные грамматические и лексические единицы языка, позволяющие субъекту интерпретировать информацию в наиболее удобном виде для самого себя и членов его социальной группы.

Язык и ценностные ориентации работающей молодежи

Язык (вербальный, невербальный, символический и т.д.) напрямую связан с установлением ценностных (аксиологических) ориентаций субъекта. Посредством языка происходит процесс самоопределения личности и присущих этой личности ценностных установок. Т. Парсонс определял ценность как «элемент <…>, выступающий в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации» [Парсонс, 1997, 73]. М.Х. Титм отмечал, что «выступая в качестве носителей целей, преследуемых той или иной группой молодежи в профессиональной деятельности и ее выборе, ценностные представления имеют двоякое значение. Они выступают в качестве духовных регуляторов распределения людских ресурсов посредством выбора профессий в обществе; с другой стороны, эти ценностные представления входят в мировоззрение личности» [Кузнецов, 1995, 96]. Согласно О.А. Кузьминой, «под ценностными ориентациями понимается характеризующаяся относительной устойчивостью направленность на общественно значимые ценности, которые могут быть представлены, с одной стороны, витальными и социальными ценностями, а с другой – терминальными и инструментальными» [Кузьмина, 2008, 8]. Витальные и социальные ценности определяются из названий, тогда как терминальные и инструментальные требуют некоторых пояснений. К терминальным относятся ценности, связанные с семьей, любовью, материальным достатком и пр. Инструментальные зависят от профессиональной деятельности, например, «работники нематериального производства ориентированы на образованность, терпимость и чуткость; работники материального производства – на самореализацию, независимость и рационализм [Кузьмина, 2008, 9].

В этой связи субъект социального взаимодействия посредством языкового кода в рамках определенной языковой компетенции формирует ряд ценностных ориентаций. «Ценностные ориентации личности на микроуровне формируются в большей степени в детстве и ранней юности, то есть во время, когда индивид активно социализируется, создавая свою ценностную основу» [Кузьмина, 2008].

На среднем уровне происходит их коррекция и адаптация к условиям внешней среды. Так, любой субъект рабочего или среднего класса имеет собственную языковую компетенцию, наполненную теми ценностными установками, которые были заложены в период детства и период взросления.

Таким образом, язык выступает в качестве одного из определяющих факторов при формировании ценностных ориентаций личности.

Заключение

Рабочему классу и работающей молодежи присуще использование определенного вида языковой компетенции. Языковые компетенции и коды являются основаниями онто-гносеологического характера. Язык, выступая в качестве сложной структуры, формирует в рамках той или иной компетенции, ценностные ориентации субъекта. Выявлено, что аксиологическая компонента формируется внутри языковой компетенции на микроуровне и корректируется позднее. Это указывает на то, что ценностные ориентации не являются универсальными компонентами бытия.

Языковой код, используемый субъектами среднего и рабочего классов, отличается по внутреннему устройству в части грамматических конструкций, синтаксиса и использования

лексических единиц. Познание одного и того же объекта в таком случае осуществляется по-разному, что выражается в последующем определении данного объекта в речи и его интерпретации членами той или иной социальной группы.

Библиография

1. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч.1. 612 с.
2. Кузнецов А.Г. Динамика ценностных ориентаций российской молодежи: дис. … докт. соц. наук. М., 1995. 301 с.
3. Кузьмина О.А. Ценностные ориентации работающей молодежи в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
5. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
6. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 126 с.
7. Bernstein B.B. Class, Codes and Control. Volume 1. Theoretical Studies Towards A Sociology Of Language. London: Routledge, 2003. 211 p.
8. Lawton D. Social class language differences in group discussions // Language and Speech. 1964. № 7. P. 182.
9. Sapolsky R. Metaphors Are Us. URL: http://nautil.us/issue/1/what-makes-you-so-special/metaphors-are-us
10. Robinson W.P. The elaborated code in working class language // Language and Speech. 1965. № 4. P. 243-252.

The working class language among the youth

Igor' A. Karnaukhov

PhD, Associate Professor,
Department of Humanitarian Sciences and Technologies,
Tyumen Industrial University,
625000, 38, Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: Igor_Karnaukhov@mail.ru

Abstract

The article describes the specifics of the working class language among the youth. Onto-epistemological grounds are identified for the use of language's structure. The linguistic competencies and codes are these grounds. The competences mean *knowledge of the language*, or, as N. Chomsky noted, "knowledge of some ways of using the language in the process of speaking or listening". According to B.B. Bernstein's theory, code is "a set of organizing principles behind the language employed by members of a social group". There are elaborated and restricted language codes. Subjects of the middle and working class use different codes when he or she know being. The subject within the strictly defined limits of language competence carries out the act of knowing, and the object in this case is known within the framework of a certain language system that the subject uses. When "switching" the linguistic competence happens, the object does not cease to exist, but takes another form, which is reflected in the structure of the language (lexical and grammatical units, syntax and etc.). It was determined that the axiological orientations of the subject are formed within the framework of a particular linguistic competence. The formation of the axiological component occurs at the micro level in early childhood and it corrects during the adolescent period. The axiological orientations in this case cannot be considered as universal elements of being.

For citation

Karnaukhov I.A. (2018) Yazyk rabochego klassa v molodezhnoi srede [The working class language among the youth]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 5-10.

Keywords

Working class, language, youth, life strategies, modern Russia.

References

1. Bernstein B.B. (2003) Class, Codes and Control. Volume 1. Theoretical Studies Towards A Sociology Of Language. London: Routledge.
2. Chomsky N. (2005) Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoi mysli [Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought]. Moscow: KomKniga Publ.
3. Chomsky N. (1972) Yazyk i myshlenie [Language and thought]. Moscow: MSU.
4. Kuznetsov A.G. (1995) Dinamika tsennostnykh orientatsii rossiiskoi molodezhi. Doct. Dis. [Dynamic of the axiological orientations among Russian youth. Doct. Dis.]. Moscow.
5. Kuz'mina O.A. (2008) Tsennostnye orientatsii rabotayushchei molodezhi v sovremennoi Rossii. Doct. Dis. [The axiological orientations among the working youth in modern Russia. Doct. Dis.]. Stavropol.
6. Lawton D. (1964) Social class language differences in group discussions. Language and Speech, 7, p. 182.
7. Parsons T. (1998) Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt-Press Publ.
8. Robinson W.P. (1965) The elaborated code in working class language. Language and Speech, 4, pp. 243-252.
9. Sapolsky R. Metaphors Are Us. Available at: http://nautil.us/issue/1/what-makes-you-so-special/metaphors-are-us [Accessed 10/10/2018]
10. Wittgenstein L. (1994) Filosofskie raboty. Ch.1 [Philosophical works. Part 1]. Moscow: Gnozis Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 101.1

Анализ центральных механизмов субъектности в компьютерной культуре

Косилова Елена Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: implicatio@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-03-00257-ОГН «Онтология и эпистемология в компьютерной культуре» («Ontology and epistemology in the computer culture»).

Аннотация

В статье рассматривается формирования когнитивных основ личности в эпоху интернета. Выделены центральные когнитивные механизмы: центральное согласование и центральное управление. Центральное согласование – инстанция, формирующая цельное восприятие и осмысление ситуации. Центральное управление – инстанция принятия решений о действии. Рассмотрено формирование центрального управления, и показано, что оно аналогично формированию личностного стержня. В этом процессе играет роль совесть, формирующаяся, в свою очередь, на поступках. Рассмотрены особенности интернет-субъекта. Для интернет-общения характерны бестелесность, анонимность. Такого рода коммуникация не является основой формирования долговременного чувства Я, самотождественности субъекта. Влечение к общению в Интернете основано на высокой концентрации событийности и на сгущении смыслов, на отсутствии в нем высокой доли неизменности, характерной для повседневной жизни. Субъекты испытывают влечение к смыслу, даже страх упустить нечто важное, поэтому они вовлечены в Интернет. В сетевом общении доля поступков снижена, совесть формируется замедленно. Рассмотрен стиль написания блогов и записей в социальных сетях, введено понятие клипового письма. Клиповое письмо расшатывает работу не только центрального управления, но и центрального согласования. Чтобы центральные когнитивные механизмы сформировались, нужно активное участие старшего поколения.

Для цитирования в научных исследованиях

Косилова Е.В. Анализ центральных механизмов субъектности в компьютерной культуре // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 11-19.

Ключевые слова

Центральное управление, центральное согласование, интернет-общение, совесть, поступок, старшее поколение.

Введение

Интернет в наше время развивается в двух основных направлениях: как информационный источник и как средство коммуникации. Мы будем рассматривать второе, но оно сопряжено с первым, так как поиск информации – это тоже коммуникация, общение с тем, кто эту информацию туда поместил. Ни для кого не секрет, что для интернет-информации характерны отсутствие цензуры, безграмотность и поверхностность письма и чтения [Ariso, 2017]. Пользуются этой информацией в самых разных обстоятельствах, например при обучении (написание курсовой работы, ответ на экзамене). Понятно, что именно в таких критических для студента случаях упомянутая поверхностность является особенно большим злом. Сайты есть и хорошие, и плохие, но в стрессовой ситуации экзамена студент этого вопроса себе не задает. Автор статьи много раз принимала экзамены, за время ответа студента успевая найти в сети интернет-источник его знаний.

Рассмотрим теперь особенности интернет-общения. Нас будет интересовать, как они влияют на становление субъектности. Это не случайная тема: ведь все больше в Интернет вовлекаются дети и подростки.

Центральные инстанции

Понятия центрального управления и центрального согласования были исследованы нами ранее [Косилова, 2017].

Центральное согласование – термин, получивший известность благодаря исследованиям аутистических расстройств школой Уты Фрит [Happé, Frith, 2006]. Это способность мышления из разрозненных деталей выстроить целое, причем осмысленное целое. Ясно, что центральное согласование – сложно устроенный механизм, низшим уровнем которого является распознавание образов (в свою очередь, оно требует согласования информации с разных сенсорных каналов и согласования ее с вызываемым из памяти подходящим жизненным опытом), далее идет распознавание комплексов образов, т. е. вещное, предметное содержание ситуации, затем распознавание (осмысление) самой ситуации: что здесь происходит? Вместе с распознаванием смысла происходят уже массивное привлечение прошлого опыта и конституирование сложного целого – ситуации вместе с ее вписанностью в течение жизни, в жизненный мир (в смысле Гуссерля), с причиной и целью всего происходящего, возможно, с моральной оценкой, которую требуется дать этой ситуации, и т. д. Следует добавить, что у взрослого многие из этих актов происходят одновременно или в другом порядке: например, он распознает смысл ситуации ранее, чем ее детали (это было установлено школой гештальт-психологии). Моральная оценка может быть столь сильной, что полностью исказит распознавание отдельных моментов ситуации. Знакомость ситуации приведет к тому, что некоторые ее элементы вообще не будут распознаны, они будут оставлены без внимания, поскольку уже понят общий смысл (возможно, без этих проигнорированных элементов он будет понят неверно).

Подводя итог, скажем, что центральное согласование – это познавательный механизм, благодаря которому выстраивается связная картина мира, распознаются ситуации, осмысляется происходящее. Все это может происходить далеко не только на уровне мозга. Работа механизмов осмысления погружена в культуру, в которой воспитан субъект, в его личную историю и зависит еще от множества внешних факторов [Zerubavel, Smith, 2010]. Однако под

центральным согласованием в данной работе понимается согласование в узком смысле, на уровне работы мозга. Следует специально указать, что без центрального согласования невозможно адекватное существование субъекта, всерьез эту возможность, полагаем, никто рассматривать не будет.

Центральное управление – более сложный и более загадочный механизм. Здесь мы встречаем переход данных от центрального согласования на принятие решения о действии. Это, по сути, центр нашего Я, вершина свободной субъектности [Карпов, 2000]. Есть философы, которые отрицают его существование (принято приводить в пример Деннета, но мы можем начать с долгой истории до него, когда человека объявляли машиной на рефлексах, например, Ламетри, Сеченов, Скиннер).

Здесь наступает необходимость разобраться вообще в том, насколько можно обойтись без центрального управления. Прежде всего, нам будет мешать факт нашего сознания, что мы «чувствуем в себе» свое Я (это очень хорошо поймет тот, кто пережил состояние настоящей деперсонализации) [Denes, Pizzamiglio, 1999]. Но временно не будем принимать во внимание субъективные ощущения. Давайте прежде всего предполагать, что орган центрального управления – мозг, но не в целом, а некоторая его часть. Это колоссальное упрощение делается только для того, чтобы проиллюстрировать некий подход к теории отсутствия центрального управления. Тогда мы имеем несколько аргументов за такое отсутствие.

Во-первых, мозг работает не только на *центральное* управление, *центральное* согласование и необходимые для них механизмы перцепции и исполнения. Названное тут проходит обычно осознанно или полуосознанно. Но есть еще множество процессов, которыми мозг управляет, и они проходят бессознательно и действительно как рефлексы, по типу машины. Мозг ими также управляет, хотя это происходит бессознательно. Проявляется ли центральное управление (и центральное согласование) на том уровне, где мозг работает бессознательно, так сказать, в темноте? Антоним к централизации управления подобрать в данном случае сложно, но пусть пока это будет автономия этих процессов. По данным биологии, существуют процессы в организме, вообще не требующие управления (биение сердца), требующие управления с более-менее жесткой обратной связью (гипофиз – эндокринная система), требующие управления с массивным обменом информацией (лимбическая система – родительский инстинкт), полностью управляемые (речь). Видим, что далеко не во всем мозг является центральным управляющим центром процессов организма. Это первый аргумент за отсутствие центрального управления, довольно слабый, поскольку найдено несколько процессов вне управления и несколько – целиком под управлением. Скиннер сделал попытку показать, что речь является видом поведения, описываемого терминами «стимул – реакция» [Skinner, www]. Тогда мозг оказался бы не центром, осуществляющим центральное управление, а просто одним из звеньев (возможно, сложным) цепочки каузально передающихся друг другу рефлексов. Но эта попытка Скиннера была неудачной. Даже речь детей не укладывается в модель «стимул – каузальная обработка – действие», а если добавить сюда поэзию, чувство красоты стиля, а также шизафазическую и гебефреническую речь больных шизофренией, то применить модель «стимул – реакция» будет совсем трудно.

Вторая модель отсутствия центрального управления принадлежит Деннету [Dennett, 1991]. Он замечает, что в мозге процессы часто идут, так сказать, наподобие гипотез: мелькание мыслей, языковых или невербальных, некоторые из которых, мелькнув, забываются, а другие – более полезные для управления в данной ситуации – закрепляются. Имеются и биологические подтверждения этой модели [Edelman, 1987]. В дальнейшем в похожих ситуациях

закрепившиеся процессы (Деннет называет их «черновиками») сами запускают себя и отрабатывают свою управленческую функцию. Возражение, что даже в похожих ситуациях человек не ведет себя одинаково, можно отклонить, предположив самообучающиеся элементы и генераторы случайной помехи, отклоняющие мысль от пройденного пути, помогающие проверить новый путь. Более того, даже Я в модели Деннета является иллюзией. Ее порождает речь, в которой субъект повествует о себе.

В модель Деннета не укладывается свободный выбор (он его и отрицает), ею трудно объяснить рефлексию и мораль, героическое действие в пограничной ситуации, также невозможно представить, как с помощью нее можно решить проблему творчества, в том числе научного. Даже математическое творчество является неалгоритмизируемым [Penrose, 1989]. Что же сказать о музыкальном, поэтическом, актерском творчестве? Но, главное, без центрального согласования невозможен личностный стержень, то «присутствие», о котором говорит Хайдеггер, ибо вместо него будут присутствовать каждый раз случайные и разные процессы-«черновики». Невозможен проект будущего, поскольку никакой стимул не может его вызвать. Проблемные ситуации не будут решаться осмысленно, а посредством «парламента черновиков». Мы будем иметь хаотически реагирующую марионетку. Поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться теории, что центральное управление у нас имеется.

Формирование центрального управления

Обе центральные инстанции не даются человеку от рождения, они формируются. Нас будет интересовать формирование центрального управления.

Внутренний личностный стержень, который оно собой представляет, обеспечивает, во-первых, постоянство личности, во-вторых, возможность строить и выполнять длительные проекты, ориентироваться на отдаленные цели. Появление того, что Фрейд называл «принципом реальности», невозможно без взаимодействия с реальностью. Этот личностный стержень поддерживается совестью («не обманывать», «не нарушать обещания»), будь то совесть внутренняя или на первых порах внешняя, социальная. Для длительного и сложного жизненного проекта совесть как инстанция внешнего наблюдения заставляет ему следовать, реагируя на отклонения как на слабость воли, как на обман самого себя.

Итак, для формирования центрального управления необходима совесть, но совесть сама формируется. И для формирования совести необходимы поступки. Это должны быть поступки в реальности. Здесь, конечно, нельзя сказать однозначно. В некоторых случаях нажатие клавиши – это такой же поступок, как и в реальности, скажем, уход с работы. Однако большинство поступков в Интернете «ослабленные», допускают изменения, не ведут к жизненным последствиям, никого всерьез не задевают. По сравнению с расставанием с другом бан френда – не поступок. Да и о каких друзьях можно говорить, если френдов около тысячи?

Отсутствие настоящих поступков ведет к недоразвитию совести. Ей просто задают слишком мало задач. Самый частый «поступок» в интернет-сетях – лайк. Лайк имитирует улыбку, но это не улыбка. В реальной улыбке есть смысл, иногда нужно сделать над собой усилие, чтобы улыбнуться. Так формируется социальная личность. В лайке зачастую нет никакого смыла, его ставят просто механически. Несколько больше мучений вызывает бан. Но и он несопоставим с реальным поступком, тем более что за него никто не понесет ответственность. Даже если в таких условиях совесть и разовьется, она все равно будет слишком слаба, чтобы поддерживать длительные личностные проекты центрального управления.

Особенности интернет-субъекта

Философы любят апориями расшатывать здравый смысл. В философии сознания сейчас модно говорить об отсутствии тождества субъекта. Но есть и в жизни место, где тождество субъекта если не пропадает, то ослабевает. Это Интернет.

В сетевом общении главное – слабая степень знакомства общающихся. Мы не видим их тел, их лиц, выражений лиц, мы не слышим их интонаций. Мы ничего не знаем об их биографии. Если же учесть, что один человек может создать много образов, конкретность и полнота личности совершенно теряются. Так происходит потеря субъектности. Даже сами мы, нисколько не желая терять себя, просто не в состоянии сообщить о себе самые простые вещи: внешность, настроение, интонации речи. Как мы воспринимаем собеседников искаженно, так же искаженно мы предстоим и им. В конце концов, мы привыкаем к этой искаженности и вступаем в быструю смену парадигм общения. Все это имеется и в реале, но полнота личности в реале и виртуале несопоставима. На работе обычно коллеги знают друг о друге достаточно многое: семейное положение, хобби, характер. Все это просто невозможно представить в одном интернет-субъекте. Мы берем какую-то одну его сторону и общаемся с ней. И подставляем в общение лишь одну из своих сторон. Субъект интернет-общения – это субъект изменяющийся, субъект-приспособитель. Используя лишь одну сторону своей личности, мы меняем и собственную парадигму письма, и даже парадигму мысли. В разных обществах субъект теряется, наступает диссоциация его личности. Жизнь здесь-и-сейчас (настоящая жизнь) подменяется жизнью не-здесь-и-не-сейчас; вместо планов и преобразования бытия – иллюзорное отсутствие себя в своем здесь-и-сейчас. Несколько иначе дело обстоит в блогах.

О бестелесности интернет-общения сказано уже много [Косилова, Фролов, 2017]. Тело задает мощное невербальное общение, тормозя речь. Тела говорят прежде слов. Бестелесность, задавая чисто вербальное общение, растормаживает речь и переходит в вербализм. Люди говорят быстро, не обременяя себя слишком глубокими мыслями, реагируют только на текущую ситуацию, играют словами. Речь льется рекой, но во многих репликах можно заподозрить полное отсутствие рефлексии. Возвращаясь к проблеме центрального управления и вообще полноценной личности, стоит задать вопрос: как возможно управление без обратной связи, как возможен личностный стержень без самосознания? Его же постоянно надо укреплять, сам собой он рассыпается. Поэтому так трудно бывает встать из-за компьютера: переход из царства виртуальности, которое не требует много, в царство реальности болезненно: оно тут же предъявляет требования телесности, самосознания и, как сказано было выше, требует настоящих поступков.

Смысл

Что влечет людей к Интернету, что заставляет молодежь проводить там целые часы? Ответ, который дал Ясперс, прост: это глобальная коммуникация [Ясперс, 1994]. Природа сетевой аддикции – глобальный мир, события, общение. Как людей тянет из глубинки в большие города, так же их тянет в большой мир. В наше время сеть – это большой мир. Мир можно «увидеть» в сети, причем увидеть сразу много, окинуть с высоты птичьего полета, быть в курсе не локальных событий своей реальности, а событий всего мира. Весь мир отражается в сети. Это получило даже специальное название «боязнь пропустить что-то важное» (так называемый fear of missing out).

Сидя в Интернете, человек чувствует, что он в гуще событий, но еще более важно – он в гуще смыслов. Экзистенциальная свобода и неотъемлемая подспудная тоска нашей реальной жизни обесценивают ее. В ней недостаточно смыслов. Мы лишь сами создаем смыслы своей собственной жизни. Мы конституируем их, когда понимаем, что происходит, какое отношение это имеет к нам. Мы используем собственные смыслы в своих жизненных проектах.

Компьютерная культура отличается огромной концентрацией смыслов. Новостные ленты, блоги и сообщества предоставляют их в готовом виде. Их не приходится конституировать, большая их часть уже создана за читателя. Вместе с утратой конституирования теряются планы и проекты. Прошлый опыт живет в сети своеобразной жизнью: с одной стороны, он остается там навечно в архивах, с другой стороны, в беседах и новых впечатлениях он быстро забывается.

Клиповое письмо

Сейчас много говорят о «клиповом мышлении». В сети ему соответствует клиповое письмо. Мы имеем в виду блоги, о которых настало время упомянуть, и ленты соцсетей. Сюда же следует отнести и новостные ленты, но они не являются специфической чертой Интернета.

Что такое клиповое письмо? Это блоги и ленты сообществ. Автор произведения длиною в среднем в четверть страницы, которое в сети называется «пост», пишет на любую тему, которая его волнует в данный момент. В принципе, это дневник. Но если в дневнике мы имеем полномочное право писать все, что хотим, в Интернете на наш дневник есть читатели. Я не буду специально анализировать очевидную вещь, что такого рода письмо и чтение (а оно составляет большую часть чтения Интернета) отличаются отсутствуем глубины анализа. Для этого нужен длинный текст, который, конечно, тоже можно написать, но его мало кто будет читать. И не только из лени. Даже очень любящие читать люди быстро перескочат к следующему посту – в данном же блоге либо в ленте – не потому, что им лень, а из голода по смыслам, о котором писалось выше. Эту тенденцию быстро уловили создатели интернет-площадок, и теперь в Фейсбуке видны только начальные строки поста, а продолжение спрятано. Его можно легко открыть, но далеко не факт, что многие его открывают.

По такой ленте глаза скользят, впитывая смыслы, но очень поверхностно. Смыслы не перевариваются. Не можем сказать, перевариваются ли они у самого автора: есть и прекрасные писатели, но большинство пишет каждый раз о разном. Это дневник-заметки. В самом этом жанре нет ничего плохого, если бы он не вытеснял другие. Многие мои знакомые писатели, пишущие яркие посты, не пишут ничего более. Вот что я называю клиповым письмом.

Безадресность клипового письма приводит к истощению личностных смыслов, глубины, отсылок к прошлому, интимности в общении и в конечном счете к вербализму. Сетевой человек – публичный, это журналист там, где, по идее, следует искать человека. Часто он даже не интересуется реакцией аудитории (и эта реакция того и не заслуживает), он лишь представляет себя ей. Комментирование же аудиторией воздает ему по заслугам: по большей частью комментарии носят игровой и ироничный характер. Структурное время беседы в Интернете иное: в жизни после разговора встречаются уже другие люди, в сети продолжают показывать себя те же самые персонажи. Если сетевой человек хочет изменить, предположим, стиль общения, он скорее сменит имя, чем стиль под тем же именем. Игра в слова продолжается до тех пор, пока участникам не надоест. Они могут сколь угодно далеко отойти от темы. Что можно в этих условиях сказать о личностном стержне, о центральном управлении, когда даже центральное согласование не несет такой нагрузки, какую должно было бы нести?

Вымывание старшего поколения

Вымывание людей старшего поколения из сетевого общения связано с недоступностью им новых гаджетов и современных платформ общения. Может показаться, что данная проблема не относится к нашей теме, но мы полагаем, что старшее поколение, особенно для детей и подростков, играет важнейшую роль в формировании их личностного стержня. Это не подражание и не воспитание. Это тот взгляд на человека, который пробуждает в нем собственное постоянство. Эта мысль подкрепляется, например, наблюдениями за детьми детских сиротских учреждений (личные наблюдения автора). Дети из детдомов, в которых приходится меньше взрослых на ребенка, чем в семьях, отличаются не самостоятельностью, как можно было бы ожидать, а ослаблением воли и способности строить собственные проекты. Они держатся стаей, даже главарь которой постоянно меняет свои намерения. Итак, отсутствие людей старшего поколения в Интернете служит дополнительным источником слабости центрального управления у формирующихся под воздействием Интернета подростков.

Несколько спасает дело то обстоятельство, что никто не проводит в Интернете все время. Так или иначе все находятся в реале (хотя множество школьников на уроках держат гаджет под партой). Возможно, помогают тренинги выработки практических навыков управления и решения задач. И в любом случае старшее поколение должно взять на себя не существовавшую ранее ответственность за выработку у детей центрального управления, умения организовать проекты собственного бытия, побуждать формирование личностного стержня.

Заключение

Глобальная коммуникация (в том виде, в каком она предстает перед нами в Интернете) – это соблазн идти на поводу у внешних смыслов. Интернет – глобальная коммуникация внешних смыслов, причем они структурированы хаотически, в виде клипового письма.

Как это сказывается на формировании центрального согласования и центрального управления? На формировании согласования, думается, меньшим образом. Оно становится поверхностным, но как-то продолжает работать. Но на формировании центрального управления мелькание смыслов сказывается трагически. Перестают вырабатываться проекты собственных действий, ослабевает совесть, не формируется личностный стержень. Субъект не проходит «точку сборки», не становится цельным. Он делается похож на набор масок. В Интернете центральное управление фактически перестает работать. Это должно служить стимулом для нахождения альтернативы в реале: упражнений, требующих управления, а также соответствующего поведения родителей.

Библиография

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Ювента, 1998. 316 с.
2. Карпов А.В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. М.: Наука, 2000. 328 с.
3. Косилова Е.В. Гносеологический анализ центральных когнитивных механизмов // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 82-91.
4. Косилова Е.В., Фролов А.В. Интернет в перспективе трансцендентальной философии и феноменологии // Вестник МГУ. 2017. № 12. С. 18-29.
5. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.: Республика, 1994.
6. Ariso J.M. (ed.) Augmented reality. Berlin: De Gruyter, 2017.
7. Denes G., Pizzamiglio L. Handbook of clinical and experimental neuropsychology. Psychology Press, 1999. 1108 p.
8. Dennett D. Consciousness explained. Little, Brown & Co., 1991. 528 p.

9. Edelman G. Neural Darwinism: the theory of neuronal group selection. New York: Basic Books, 1987. 400 p.
10. Happé F., Frith U. The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders // Journal of autism and developmental disorders. 2006. Vol. 36. No. 1. P. 5-25.
11. Penrose R. The emperor's new mind: concerning computers, minds and the laws of physics. Oxford: Oxford University Press, 1989. 480 p.
12. Skinner B.F. Verbal behavior. URL: http://store.behavior.org/resources/595.pdf
13. Zerubavel E., Smith E.R. Transcending cognitive individualism // Social psychology quarterly. 2010. Vol. 73. No. 4. P. 321-325.

Analysis of the central mechanisms of subjectivity in the computer culture

Elena V. Kosilova

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of ontology and the theory of knowledge,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: implicatio@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the formation of the personal cognitive basis in the Internet age. It analyses the central cognitive mechanisms (central coherence and central control) and scrutinizes the formation of central control. The author of the article demonstrates that conscience plays an important role in this process, and this conscience needs actions to be formed. The article makes an attempt to reveal the features of the participant in internet communication and shows that internet communication is characterised by unbodiliness and anonymity. The desire to communicate on the Internet is based on a high concentration of events, the thickening of meanings, as well as the absence of a high proportion of immutability that is typical of everyday life. Participants in communication are attracted to meaning, there is even fear of missing out, so they are involved in the Internet. In network communication, the share of actions is reduced, conscience is formed slowly. The author studies the style of blogs and posts in social networks, introduces the concept of clip writing and demonstrates that this writing derails the work of central coherence. The article points out that the active role of the older generation is very important because it helps to develop central cognitive mechanisms.

For citation

Kosilova E.V. (2018) Analiz tsentral'nykh mekhanizmov sub''ektnosti v komp'yuternoi kul'ture [Analysis of the central mechanisms of subjectivity in the computer culture]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 11-19.

Keywords

Central coherence, central control, internet communication, conscience, action, older generation.

References

1. Ariso J.M. (ed.) (2017) *Augmented reality*. Berlin: De Gruyter.
2. Denes G., Pizzamiglio L. (1999) *Handbook of clinical and experimental neuropsychology*. Psychology Press.
3. Dennett D. (1991) *Consciousness explained*. Little, Brown & Co.
4. Edelman G. (1987) *Neural Darwinism: the theory of neuronal group selection*. New York: Basic Books.
5. Happé F., Frith U. (2006) The weak coherence account: detail-focused cognitive style in autism spectrum disorders. *Journal of autism and developmental disorders*, 36 (1), pp. 5-25.
6. Husserl E. (1995) *Cartesianische Meditationen*. Hamburg. (Russ. ed.: Husserl E. (1998) *Kartezianskie razmyshleniya*. St. Petersburg: Yuventa Publ.)
7. Jaspers K. (1955) *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Fischer Bücherei. (Russ. ed.: Jaspers K. (1994) *Istoki istorii i ee tsel'*. Moscow: Respublika Publ.)
8. Karpov A.V. (2000) *Obshchaya psikhologiya sub"ektivnogo vybora: struktura, protsess, genesis* [General psychology of the subjective choice: the structure, process, genesis]. Moscow: Nauka Publ.
9. Kosilova E.V. (2017) Gnoseologicheskii analiz tsentral'nykh kognitivnykh mekhanizmov [Epistemological analysis of central cognitive mechanisms]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 10, pp. 82-91.
10. Kosilova E.V., Frolov A.V. (2017) Internet v perspektive transtsendental'noi filosofii i fenomenologii [The Internet from the perspective of transcendental philosophy and phenomenology]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State University], 12, pp. 18-29.
11. Penrose R. (1989) *The emperor's new mind: concerning computers, minds and the laws of physics*. Oxford: Oxford University Press.
12. Skinner B.F. *Verbal behavior*. Available at: http://store.behavior.org/resources/595.pdf [Accessed 26/08/18].
13. Zerubavel E., Smith E.R. (2010) Transcending cognitive individualism. *Social psychology quarterly*, 73 (4), pp. 321-325.

УДК 316.6

Философско-методологические основания информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума

Бакаева Жанна Юрьевна

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии, социологии и педагогики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: jannasar@yandex.ru

Степанов Алексей Георгиевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии и педагогики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Российская Федерация, Чебоксары, просп. Московский, 15;
e-mail: stalex73@bk.ru

Степанова Светлана Евгеньевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры коммуникационных технологий и менеджмента,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
428000, Российская Федерация, Чебоксары, ул. Карла Маркса, 38;
e-mail: clers@mail.ru

Аннотация

Актуальность философско-методологических оснований информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума обусловлена возможностью хранения, переработки и передачи большого количества информационных данных в различных сферах современного общества. Информационная трансформация видоизменяет существующее мировоззрение субъекта, переосмысливая по-иному, что обусловлено пересмотром объект-субъектных отношений в социуме. К вопросу о среде, в которой рассматриваются данные отношения, можно говорить о гибридизации процессов информатизации, моделирования в контексте цифровизации современного общества. Двойственность изучаемых процессов обусловлена тем, что анализируется динамика самих процессов, и информационные технологии, интегрирующие информационные явления. В структуре цифровизации социума речь идет о познавательных нанотехнологиях, и характеристиках окружающей реальности цифро-знаковых методов. Основным понятием данных методов является число как элемент информационной действительности – всеобъемлющий, сущностный и знаково-символьный.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Для цитирования в научных исследованиях

Бакаева Ж.Ю., Степанов А.Г., Степанова С.Е. Философско-методологические основания информатизации и моделирования в контексте цифровизации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 20-27.

Ключевые слова

Гибридная среда, нанотехнологии, информационный социум, цифровизация общества, культурное пространство, моделирование, процесс информатизации, когнитивные методы, дезорганизованность, большие данные.

Введение

В условиях современной действительности философские проблемы моделирования, информатизации и цифровизации общества обусловлены множеством причин. В первую очередь, это потребность общества в возможности хранения, передачи и переработки больших данных с учетом практической ценности информации. Ценность информации традиционно рассматривает важность отношений по поводу информации для той или иной группы субъектов, но в контексте существующей информационной реальности ценность информации подразумевает возможность ее актуализации. Информация становится продуктом, который можно купить, продать или получить в соответствии с теми реалиями, границы которых задает существующая действительность. Философские проблемы информатизации социума переплетаются с задачами интенсификации производства, различными видами новых технологий, ускоренным ростом науки, анализом информационных потоков и изменениями в них в контексте существующей реальности.

Методологическая база

Ведущий подход к исследованию определяется концепцией информатизации и моделирования цифровых структур. Смысловое измерение цифровизации систем в информационном социуме представлено определенными теориями атрибутивного подхода. Информация в определенном смысле является неотъемлемым свойством существующего, любой сегмент реальности, располагая способностью отражаться вовне, содержит потенциал и принятия информации, и осуществления внутри объектных информационных процессов. Методология информатизации современной реальности строилась на информационном разделении по количественным и качественным свойствам и признакам: актуальности, доступности и целостности информации. Количественное представление математических моделей современной действительности требуют анализа динамики чисел, описывающих математические процессы в структуре общества. Информационная трансформация видоизменяет существующее мировоззрение субъекта, по-иному осмысливает окружающую действительности и по-новому объект-субъектное взаимодействие среды.

Проблема информационного моделирования социальных систем

Еще одна философская проблема моделирования социума в ракурсе информационных процессов и явлений – это построение моделей политических, социальных и культурных сфер информационного социума, с точки зрения количественных составляющих совокупности

больших данных. Построение информационных моделей объектов различной природы невозможно без внешней среды, определенного информационного пространства. Цифровое пространство рассматривают как новую коммуникативную галактику с определенными информационными играми и особенностями интеллектуальных ресурсов. Область, созданная человеком и воспринимаемая как новая коммуникативная галактика – это новое представление цифрового пространства. В работе М. Маклюэна отражено представление о новом культурном пространстве современного общества [Маклюэн, 2003, 45-48].

Сложность в создании математических моделей общества с дальнейшими их трансформациями в рамках информатизации определяется не только проработкой знания о природе информации, ее двойственном характере, но и использованием атрибутивного подхода как устранение неопределенности информации в коммуникациях. А также, использование функционального подхода, который «привязывает» информацию к процессу функционирования систем различного рода, невозможностью существования общества как живой системы без информационной трансформации социальных, политических и культурных процессов. Критерием оценки информационной трансформации всех сфер современного общества является идея К. Шеннона, который предложил рассматривать сообщения как количественные составляющие информационного объема коммуникаций. Данная структура коммуникаций построена на организации и динамике определенного количества информации в неоднозначных условиях существующей реальности [Кибрик, 2011, 56-58].

Схема формирования представлений о социальной действительности связана с определенной деятельностью, которая формирует высокую степень участия аудитории в коммуникативных процессах. Визуализация для фотографии как одного из видов развлечений рассматривается в контексте процессов деятельности с «высокой степенью определенностью» в структуре коммуникативных процессов. «Низкая степень определенности» характеризует процесс деятельности субъекта с получением малого количества визуальной информации. В скудном количестве информации принимает участие слух и речь, а деятельность по поводу достраивания недостающего количества информации определяется как ограниченная» [Кузнецов, 2011, 106-158]. В данной ситуации происходит «отход» от парадигм математического знания, которые придают числу определенную сущность. Сфера математических моделей рассматривается в контексте сетевого пространства и интерпретируется в форме тотального «гиперинтеллекта». Технические возможности такого пространства проявляются как понятия по поводу функциональных возможностей, моделирующих объекты различной природы (например, «гиперречь», «гиперухо», «гиперглаз», «гипертело»).

Постоянно изменяющийся киберчеловек в контексте современных представлений его создателей, идеально выполняет множество сложнейших функций по поводу существования в реальности. Концепция киберчеловека основывалась на идеях бихевиоризма, обоснованной в американской социологии массовой коммуникации, в частности в трудах П. Лазарсфельда, К. Ховланда, Л. Фестингера, Э. Катца, Д. Клаппера и др. [Дунас, 2013, 13-14]. Выполнение сверхзадачи – вот основная цель, необходимая совершенному человеку. В идеи достижения совершенства нет ничего необычного, но новая технологическая парадигма дает иное осмысление участия человека в объект-субъектных отношениях и выводит технологическое решение многих задач информатизации и моделирования на особенный качественный уровень.

Методологические осмысления информационных концепций в контексте новых теоретических оснований цифровизации общества способствуют созданию условий и предпосылок информационного измерения субъекта.

Специфика математических информационных моделей

Свою историю математические парадигмы начинают с античной натурфилософии. Пифагор рассматривал число как сущность вещей, описываемых символьным образом. Такое числовое представление различных понятий в общественных и социальных процессах рассматривалось не только применительно к объектам материального мира, но и нематериальным. Парадигма алгебраического знания рассматривала понятие числа как натуральное и целое и определяла его как некую сущностную протяженность. Философский аспект числовых представлений систем различной природы в античной натурфилософии рассматривал число как единство религиозно-магического и научного, с рассмотрением его в определенном пространстве. «Весь мир – число..» – по концепции Пифагорейцев математические структуры становятся инструментами в познании мира и приносят истинное знание. Поэтому физическое и абстрактно-математическое существование объектов приводится к единому знаменателю в контексте реальности античности. Основные принципы построения действительности в математической парадигме античности - это системность, изотропность, трехмерность и взаимооднозначное отражение объектов. В дальнейшем все парадигмы математического знания рассматривают число не только как сущностную субстанцию, но и как некий антропологический параметр социума. Природа и сущность числовых структур трансформируются сообразно современным представлением цифровизации общества и выдвижением на первый план совокупности больших чисел. Они позиционируются как неоспоримые, неизменные данные, сведения в контексте существующей информационной реальности. Гносеология цифровизации определяется истоками возникновения чисел как массивов данных и невозможностью определить их природу без использования современных методологических подходов. Например, системный подход как классический метод познания трансформируется в контекст описания в совокупность больших чисел.

Большие числа способствуют развитию многозначной логики и, следовательно, созданию многочисленных взаимосвязей между совокупностью числовых элементов. Структурность совокупности больших чисел не отличается иерархичностью, так как равнозначность и однородность передаваемых информационных каналов компенсирует это свойство. Мера дезорганизованности взаимодействий и взаимоотношений в структуре информационных каналов больших чисел определяется построением новой информационной среды, созданием новых связей в системе больших чисел. Эта среда представляется многозначностью смыслового содержания информационных элементов, однородностью и однозначностью информационных каналов, и прямыми взаимодействиями больших чисел. Существование общества в политической, экономической и культурной сферах формируется в рамках определенного механизма больших чисел и характеризуется однородностью информационных каналов, а следовательно, возможностью передавать большой объем информации мгновенно за ограниченный временной период.

Компьютерные дистанционные воздействия и управления в условиях рынка способствуют целевой привлекательности объектов информационной культуры. Например, киберандроиды или киберживотные – это продукция биотехнологичных направлений для привлечения

финансов в условиях современного социума. Современные устройства и механизмы, позволяющие решать целевые задачи по поводу создания моделей искусственного интеллекта, в условиях современной действительности требуют создания новейших компьютерных разработок.

Сетевое коммуникативное пространство

Сетевое пространство по своей природе инвариантно и открыто для изменений, а человеческий организм слишком индивидуален. Работа над его изменением не только слишком дорога, но и имеет локальные особенности, которые невозможно переносить в другой организм. Они возможны только в медицинских целях и требуют весьма серьезного финансирования. Можно отметить, что возникают две группы параметров, в которых осуществляются активные изменения человеческой природы [Кузьмин, 2017, 88]. Это внешняя для человека культурная среда, которую он активно изменяет, действуя в своем интерактивном поле, а также – он сам, изобретающий способы своих собственных трансформаций.

Формирование нового коммуникативного пространства – неотъемлемая характерная черта динамично расширяющейся области общения, личностного мира человека и одновременно вписывающего его в социум. Возникают новые технологии общения, которые могут играть серьезную роль и как технологии научного исследования. Они рассматривают технологию общения как иерархичную: от первоначального до высшего уровня переработки информации в определенный момент времени.

Такая технология создает единое пространство, которое выражает динамику языковых изменений, а именно функционирование национальных масс медиа [Добросклонская, 2011, 6-7].

Поэтому непрерывность восприятия образами и выражение своих мыслей в виде абстрагированных знаков способствует мышлению метафорами и созданию символьно-знакового мира, в котором живет человек [Чудинов, 2011, 81-82].

Метафоричность пространства определяется типами дискурса, например медийный дискурс [Кибрик, 2011, 56-58].

Цифровизация в свою очередь влечет усиление когнитивных методов познания, слабой инфраструктуры каналов связи, передачу больших данных в режиме реального времени. Основная проблема использования больших данных – это представление их как ограничения, барьеров, свободныхвычислительных резервов, нечетной информации (особый матричный тип организации по вертикали и горизонтали). По такому же принципу создаются объекты авангардного искусства через определенную последовательность знаков. Например, боди-арт, содержание которого раскрывается с помощью невербального языка: поз, жестов, мимики, нанесения на тело знаков, «украшений» [Дери, 2008, 56-58].

Необходимость создания такого вида объектов соответствует определенной социализации человека и адаптации его как личности к нормам и ценностям определенных групп [Кузнецов, 2011, 20-22].

Следовательно, решение знаковой проблемы объектов обусловлено формированием когнитивных кластеров, определяющих состояние прогнозируемых информационных процессов и явлений. Параллелизм вычислений определяется механизмом когнитивных методов познания и таким образом формирует новое представление методологии в контексте цифровизации современного общества. Традиции классического параллелизма формируют представления о когнитивных нанотехнологиях. Трансгуманисты изучают возможности и

последствия применения технологий, используя идею конвергенции биологических, информационных, познавательных и нанотехнологий.

Заключение

Итак, говоря о философско-методологических основаниях информатизации и моделирования в контексте цифровизации современного общества нельзя не сказать о создании реальности, которая получила название гибридной, изменяющей объект-субъектные отношения существующей действительности [Степанов, 2010, 118]. С одной стороны, изучаются процессы информатизации современного общества, а с другой анализируются новые технологии, интегрирующие эти явления. Цифровизация способствует использованию когнитивных нанотехнологий, а также цифро-знаковых методов для характеристики существующей реальности. Понятие числа как элемента, описывающего процессы цифровизации, представляется всеобъемлющим, сущностным изнаково-символьным.

Библиография

1. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков М.: АСТ, 2008. 234 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. 374 с.
3. Дунас Д.В. Антропологический поворот в зарубежных исследованиях СМИ // Этнографическое обозрение. 2013. №4. С. 13-26.
4. Дэвис Э. Техногнозис: мир, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2008. 480 с.
5. Кибрик А.А. О правомерности понятия «медийный дискурс» // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. 374 с.
6. Кузнецов В.Г. Влияние СМИ на изменение традиционного понимания социализации // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. 374 с.
7. Кузьмин Ю.А. Роль практики в жизни человека (социально-философский аспект) // Актуальные аспекты современной науки сборник материалов XIV-й международной научно-практической конференции. 2017. С. 86-89.
8. Маклюен Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 327 с.
9. Степанов А.Г. Категория «объект познания» в контексте социально-философского анализа // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С.117-123.
10. Чудинов А.П. Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации начала XXI века // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. С. 81.
11. Dong G. Mathematical Structures of the Hexagrams in Yijing. Shanghai: People'sPress, 2000. 234 p.
12. Shannon K. Works on information theory and Cybernetics. Moscow, 1963. 829 p.

Philosophical and methodological bases of informatization and modeling in the context of digitalization of society

Zhanna Yu. Bakaeva

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of philosophy and methodology of science,
Chuvash State University named after I.N. Ul'yanov,
428015, 15, Moskovskii av., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: jannasar@yandex.ru

Aleksei G. Stepanov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of philosophy and methodology of science,
Chuvash State University named after I.N. Ul'yanov,
428015, 15, Moskovskii av., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: stalex73@bk.ru

Svetlana E. Stepanova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of Communication technologies and management Department,
Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev,
428000, 38, Karla Marksa st., Cheboksary, Russian Federation;
e-mail: clers@mail.ru

Abstract

The relevance of philosophical and methodological foundations of Informatization and modeling in the context of digitalization of society is due to the possibility of storage, processing and transmission of large amounts of information data in various spheres of modern society. A large amount of data does not always reflect the practical value of information in society. Philosophical problems of Informatization of society are determined by the development of various types of new technologies and the creation of algorithms for the analysis of information flows in the context of the existing reality. Information transformation alters the existing worldview of the subject, rethinking differently, due to the revision of the object-subject relations in society. To the question of the environment in which these relations are considered, we can talk about the hybridization of the processes of Informatization, modeling in the context of the digitalization of modern society. The duality of the studied processes is due to the fact that the dynamics of the processes themselves and information technologies integrating information phenomena are analyzed. In the structure of the digitalization of society we are talking about cognitive nanotechnology, and the characteristics of the surrounding reality of digital-sign methods. The basic concept of these methods is the number as an element of information reality comprehensive, essential and symbolic.

For citation

Bakaeva Zh.Yu., Stepanov A.G., Stepanova S.E. (2018) Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya informatizatsii i modelirovaniya v kontekste tsifrovizatsii sotsiuma [Philosophical and methodological bases of informatization and modeling in the context of digitalization of society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 20-27.

Keywords

Hybrid environment, nanotechnologies, information society, digitalization of society, cultural space, models, Informatization process, cognitive methods, disorganization, big data.

References

1. Chudinov A.P. (2011) Dinamika metaforicheskikh obrazov v rossiiskoi politicheskoi kommunikatsii nachala XXI veka [Dynamics of metaphorical images in the Russian political communication of the beginning of the XXI century]. In:

Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke [Language and discourse of the media in the XXI century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
2. Davis E. (2008) *Tekhnognozis: mir, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Techo-gnozis: peace, magic and mysticism in the information age]. Ekaterinburg.
3. Dery M. (2008) *Skorost' ubeganiya: kiberkul'tura na rubezhe vekov* [Runaway speed: cyberculture at the turn of the century]. Moscow: AST Publ.
4. Dobrosklonskaya T.G. (2011) Medialingvistika: novaya paradigma v izuchenii yazyka [Media linguistics: a new paradigm in language learning]. In: *Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the XXI century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
5. Dong G. (2000) *Mathematical Structures of the Hexagrams in Yijing.* Shanghai: People'sPress.
6. Dunas D.V. (2013) Antropologicheskii povorot v zarubezhnykh issledovaniyakh SMI [Anthropological turn in foreign media studies]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4, pp. 13-26.
7. Kibrik A.A. (2011) O pravomernosti ponyatiya «mediinyi diskurs» [On the legality of the concept of media discourse]. In: *Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the XXI century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
8. Kuznetsov V.G. (2011) Vliyanie SMI na izmenenie traditsionnogo ponimaniya sotsializatsii [The influence of the media on the change in the traditional understanding of socialization]. In: *Yazyk i diskurs sredstv massovoi informatsii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the XXI century]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
9. Kuz'min Yu.A. (2017) Rol' praktiki v zhizni cheloveka (sotsial'no-filosofskii aspekt) [The role of practice in human life (socio-philosophical aspect)]. In: *Aktual'nye aspekty sovremennoi nauki sbornik materialov XIV-i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual aspects of modern science, a collection of materials of the XIVth international scientific-practical conference].
10. McLuhan G.M. (2003) *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Human Extensions]. Moscow.
11. Shannon K. (1963) *Works on information theory and Cybernetics.* Moscow.
12. Stepanov A.G. (2010) Kategoriya «ob"ekt poznaniya» v kontekste sotsial'no-filosofskogo analiza [The category of object of knowledge in the context of socio-philosophical analysis]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2, pp. 117-123.

УДК 165

«Представление» и его расширительное толкование в немецкой философии

Тайсина Эмилия Анваровна

Доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет,
420066, Российская Федерация, Казань, ул. Красносельская, 51;
e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В «школьной» (университетской) отечественной философии давно утвердились следующие формы (ступени) познания: ощущение – восприятие – представление, каковые суть формы чувственности, и понятие – суждение – умозаключение, которым принадлежит роль воплощения рассудка и/или разума. Если формы логического восходят к Аристотелю, то авторство первого триплета определить сегодня невозможно. Проблема состоит в том, что упрощенное понимание форм чувственного и рационального познания зачастую расходится с немецкой традицией словоупотребления. Так, термин "*Vorstellung*", букв. «представление», у немецких философов (Гегель, Зигварт, Фреге) используется для обозначения деятельности рассудка, т. е. мышления, а не только чувственного содержания сознания. Выявлено, что у всех рассмотренных философов, идеалистов и рационалистов «представление» используется расширительно: оно введено в мыслительные процессы, а не только организует чувственность. Это можно объяснить действительным двойственным характером представления: представление, в отличие от форм восприятия, отвлекается от объекта, воспроизводясь по памяти; оно легко поддается сигнификационному лифту (лексическому выражению); общие представления – это уже «дорога» к понятию, т. е. мышлению.

Для цитирования в научных исследованиях

Тайсина Э.А. «Представление» и его расширительное толкование в немецкой философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 28-42.

Ключевые слова

Представление, Vorstellung, формы чувственного и рационального познания, рассудок, разум, смысл.

Введение

В немецкой философии конца XVIII – начала XX в. (Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Христоф Зигварт, Готлоб Фреге и др.) термином “Vorstellung”, т. е. *представление*, зачастую обозначалась не только и не столько высшая форма чувственного познания – пусть и обобщающая и уже отвлеченная от своего реального референта, сколько то, что в советской философии, наследнице немецкой классики, считалось уже *понятием*, т. е. первоначальной формой мышления.

Привычно используемые в теории познания, логике, психологии триплеты «ощущение – восприятие – представление» и, соответственно, «понятие – суждение – умозаключение» имеют непонятное даже для нашей «старой гвардии» происхождение. В качестве первооткрывателя и первого исследователя форм рационального мышления называют Аристотеля; Гегель в том же порядке строит свое учение о понятии в «Науке логики» и «Энциклопедии философских наук». Авторство же в отношении формулировки трех ступеней чувственного познания остается неясным. Само по себе это не было бы так важно, если бы не порождало вопросы относительно роли и места *представления* на этой лестнице познавательного восхождения.

Можно было бы счесть, что в советской науке возобладал не германский идеализм, а марксизм и, следовательно, материализм; поэтому и неясный в немецкой классике статус представления обрел в отечественной философии твердое место высшей формы чувственного познания. Однако это слишком поверхностный ответ на поставленный недоуменный вопрос; это ответ, не дающий подлинного объяснения и, тем более, решения проблемы такого серьезного разночтения.

Можно было бы поискать исчерпывающий ответ в «локковской парадигме», как стыдливо стали именовать материалистическую гносеологию, а точнее – материалистическую теорию отражения, в нашей стране в перестроечный период конца XX – начала XXI в. Однако нет, номенклатура форм познания у классика нововременной гносеологии Джона Локка значительно богаче упомянутых триплетов.

Использование термина “Vorstellung” в немецкой философии

В рамках данной статьи мы будем принимать во внимание лишь тех немецких философов, чье творчество согласуется, так сказать, с «мейнстримом», отвечая основным характеристикам немецкой классики – идеализму и рационализму. Таким образом, данное исследование не касается текстов Шопенгауэра, Ницше или Хайдеггера, что само по себе было бы очень интересно изучить.

Итак, Гегель, Зигварт, Фреге. Все трое принадлежат к направлению идеализма в оценке комментаторов, хотя, разумеется, ни один не сомневается в существовании доступного для понимания внешнего мира, других людей и самих себя. В «Энциклопедии философских наук» Гегель пишет: «Внешнее есть *в себе* истинное, ибо истинное действительно и должно существовать» [Гегель, 1974, т. 1, 150]. Известный логик Зигварт также указывает на то, что до всякой логической рефлексии «человек воспитывает в себе привычку истолковывать многообразие своих ощущений ссылкой на объективно-реальный мир, который столько же является средством для его наслаждения и источником его нужды, и потому объектом его практической деятельности, сколько и предметом его восприятия и любопытства» [Зигварт, 1908, т. II, вып. 1, 8]. Насколько это «идеалистически» звучит – большой вопрос. Или вот еще

цитата из классики: «При определении истинности существенным является отличие реальности от представления», – недвусмысленно говорит Фреге. – «Утверждение, что вместо всего окружающего меня мира, в котором я передвигаюсь и действую, я обладаю лишь своим внутренним миром, является абсолютно невероятным» [Фреге, 1987, 20, 35].

Однако для познания философа важнее идеальный мир – в его связи с внешним. Если принять для простоты объяснений упомянутые познавательные схемы, то центральное место среди идеальных форм познания займет *представление*. Готлоб Фреге исчерпывающе разъяснял:

“Auch der unphilosophische Mensch sieht sich bald genötigt, eine von der Außenwelt verschiedene Innenwelt anzuerkennen, eine Welt der Sinneseindrücke, der Schöpfungen seiner Einbildungskraft, der Empfindungen, der Gefühle und Stimmungen, eine Welt der Neigungen, Wünsche und Entschlüsse. Um einen kurzen Ausdruck zu haben, will ich dies mit Ausnahme der Entschlüsse unter dem Worte “Vorstellung” zusammenfassen” [Frege, 1993, 66].

В переводе: «Даже нефилософ рано или поздно оказывается перед необходимостью признать существование внутреннего мира, отличное от мира внешнего: мира, который образуют чувственные впечатления, создания воображения, ощущения, эмоции, настроения; мира склонностей, желаний и решений. Для краткости все эти компоненты – за исключением решений – я буду в дальнейшем объединять под названием “представление” [Vorstellung]» [Фреге, 1987, 30-31].

К сожалению, схемы срабатывают не всегда. Весьма часто и на разных основаниях “Vorstellung” означает также и нечто большее, чем чувственность, объединяясь, скажем, у того же Фреге с изображениями, предложениями и *мыслями* по признаку обладания истинностью: “Man findet die Wahrheit ausgesagt von Bildern, Vorstellungen, Sätzen und Gedanken”. «Истинность может быть свойственна изображениям, представлениям, предложениям и мыслям» [Там же, 20].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, классик среди классиков, законодатель европейской философии на протяжении сотен лет, отличался именно таким, «путающим» материалиста использованием интересующего нас термина “Vorstellung”.

Форма мысли, которую мы считаем понятием, с точки зрения Гегеля является лишь общим представлением: “Was gewönlich unter *Begriffen* verstanden wird, sind *Verstandesbestimmungen*, auch nur allgemeine *Vorstellungen*…” [Hegel, 2014, www]. В русском академическом издании: «То, что обычно понимают под *понятиями*, представляет собой *рассудочные определения* или лишь общие *представления*» [Гегель, 1974, т. 1, 344].

Есть немало других мест, где Гегель утверждает то же самое; например: «Когда говорят о понятии, то обычно перед нашим умственным взором возникает лишь абстрактная всеобщность, и обычно поэтому понятие определяют как общее представление» [Там же, 343]. Или вот еще характерное высказывание: «То, что называют понятиями и даже определенными понятиями (например, человек, дом, животное и т. д.), суть… абстрактные представления, суть абстракции, заимствующие от понятия лишь момент всеобщности и опускающие особенность и единичность; они, таким образом, абстрагируются как раз от понятия» [Там же, 344].

Возможно, рассудок доходит «только» до представлений, тогда как до подлинных понятий доходит только разум? Но разве разум – это не всеобщее и абстрактное мышление в своем высшем выражении?

Да, но не в гегелевской и вообще не в немецкой традиции.

Эти определения разумного, принятые для сравнения с чувственностью опять-таки в

школьной логике, даже вкупе с обязательным языковым оформлением мысли и ее особым творческим характером, Гегеля нимало не устроили бы. Его, как известно, не устроил даже кантианский рационалистический идеализм, несмотря на верное, с его точки зрения, утверждение Канта о том, что между *всеобщим* рассудка, который абстрагируется от *понятия*, и *особенным* созерцания, которое отображает единичный предмет, лежит иное отношение, чем то, которое лежит в основании учения о теоретическом и практическом разуме. В Предисловии к первому изданию «Науки логики» Гегель пишет, что рассудок «определяет и удерживает определения»; разум отрицает – и он диалектичен, потому что сводит на нет определения рассудка; он также положителен, потому что вырабатывает универсальное, *всеобщее* и схватывает в нем *особенное* [Hegel, 2013, www].

"*Der Verstand bestimmt* und halt die Bestimmungen fest; *die Vernunft* ist negative und dialektisch, weil sie die Bestimmungen des Verstands in nichts auflöst; sie ist *positiv*, weil sie das *Allgemeine* erzeugt und das Besondere darin begreift" [Ibidem].

Возможно, рассудок, принадлежа к сфере конечного и одновременно будучи способен на абстрактное и всеобщее, во всем подобен разуму, а не чувственности. Кроме того, понятия/определения, которыми оперирует разум, являются *конкретными*, т. е. одновременно и совокупно единичными, особенными, общими, всеобщими – и при этом непосредственными. И бесконечными. Ведь «бесконечная определенность, которую ищет разум, существует не в своей истине, а в чувственном единичном образе» [Гегель, 1974, т. 1, 293].

Но возможно, что и нет. В «Науке логики» разум и рассудок, понятие и представление недвусмысленно разводятся; понятие (разумеется, взятое в гегелевском смысле) есть абсолютное единство бытия и рефлексии, в себе и для себя бесконечное. А представление – это «эмпирическое и резонирующее сознание» [Гегель, 1972, т. 3, 293].

В произведениях Гегеля есть положения, напрямую сопоставляющие *рассудок и чувственность* – созерцание, но *не* рассудок и разум, на том основании, что созерцание и рассудок равно могут быть абстрактными – а рассудок даже всеобщим. «Наука логики» в целом и начинается с противопоставления рассудка и разума. В Предисловии Гегель указывает, что *рефлектирующий рассудок* является абстрагирующим и, таким образом, разделяющим и упорствующим в этих своих разделениях. Вопреки разуму, порождающему химеры, если тот остается сам по себе (an und für sich bleibe), рассудок – это просто здравый смысл человека, делающий свой взгляд на вещи ценным (geltend). В этом отречении разума от себя самого теряется понятие истины; он ограничен признанием только субъективной истины, только феноменом, которому природа самой вещи не соответствует; знание тогда обращается в мнение [Там же, 34].

"…der *reflektierende* Verstand bemächtigte sich die Philosophie… Es ist überhaupt… der abstrahierende und damit trennende Verstand… der in seinen Trennungen beharrt. Gegen die Vernunft gekehrt, beträgt er sich als *gemeiner Menschenverstand* und macht seine Ansicht geltend... In diesem Verzichttun der Vernunft aus sich selbst geht der Begriff der Wahrheit verloren… das *Wissen* ist zur *Meinung* zurückgefallen" [Hegel, 2013, www].

Говоря о Канте, Гегель положительно отзывается о его критической философии в той части, в которой она признала, что определения рассудка принадлежат области конечного и что движущееся в их пределах познание не достигает истины. Однако этого недостаточно. Требуется, согласно Гегелю, утвердить это самое отношение между *всеобщим* рассудка и *особенным* созерцания как *истину* [Гегель, 1974, т. 1, 178].

Вопрос об истине является центральным вопросом любой теории познания. Переходя к

нему, мы не можем не воспользоваться термином «соответствие», характеризующим отношение между истиной и ее референтом, какие бы синонимы к этому непопулярному ныне термину ни использовались; чаще всего это «согласование», Übereinstimmung[1].

«Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем» [Там же, 126]. Хорошо видно, что в первом суждении не мысль-представление интенционально направлена на предмет, схватывая или отображая его, в данном случае это не так важно, а предмет как-то устремляется к познающему сознанию, yields to cognition. Второе же суждение, если его вычленить из контекста, звучит абсолютно материалистически. Его автором может быть и Локк, и Фейербах, и Энгельс. Ясно, однако, что контекстно-свободное цитирование Гегеля опасно. Например, такой абзац из Введения к «Науке логики» должен был бы обрадовать любого материалиста: “Wahrheit ist die Übereinstimmung des Denkens mit dem Gegenstande, und es soll in diesem Übereinstimmung hervorzubringen – den sie ist nich an und für sich vorhanden, – das Denken nach dem Gegenstande sich fügen und bequemen” [Hegel, 2013, www]. «Истина есть соответствие мышления предмету, и для того, чтобы создать такое соответствие – ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, – мышление должно подчиняться предмету, сообразовываться с ним» [Гегель, 1972, т. 3, 34]. В действительности здесь охарактеризован как раз метафизический способ мышления и понимания, против которого и написана «Наука логики».

Вне сходства понятия и реальности познание невозможно. Однако, по сравнению с любым материализмом, для абсолютного идеализма характерно противоположное «направление совпадения». В заключительных параграфах первой книги «Энциклопедии» (§ 213) можно встретить следующее: «Даже плохое и неистинное есть лишь постольку, поскольку их реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует их понятию. Насквозь плохое или неприемлемое для понятия есть именно поэтому нечто распадающееся в самом себе. Вещи в мире обладают прочностью единственно лишь через понятие» [Гегель, 1974, т. 1, 401]. Одним из наиболее широко цитируемых мест «Науки логики», где Гегель выразился еще короче и определеннее, является следующее: «*понятие… третье* к *бытию* и *сущности*, к *непосредственному* и *рефлексии*… понятие… есть их основа и истина как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся» [Гегель, 1972, т. 3, 9]. Однако и этого недостаточно для рождения истины: содержание мысли может быть признано истинным лишь постольку, поскольку оно опосредствовано *не чем-либо другим* – в этом случае оно останется конечным, но опосредствует себя самим собой.

Различая истинность и правильность, истинность и достаточность, Гегель утверждал, что мы можем иметь в своей голове много правильного, что вместе с тем неистинно[2]. Значит ли это,

[1] Общеизвестно, что из всех европейских языков немецкий лучше всего отвечает типу философствования нового и новейшего времени, который называется «модернити». Немецкая терминология является, так сказать, особенно честной, прозрачной для понимания. Ср.: wahrnehmen – воспринимать, букв. «истинно взять»; begriffen – понимать, букв. «схватывать»; Entsprechung – соответствие, букв. «нечто обговоренное»; Gegenstand – объект, букв. «стоящий напротив»; Einbildungskraft – воображение, букв. «сила, создающая внутренние картины»; и наиболее яркое, пожалуй: Bewuβtsein – сознание, букв. «знаемое бытие». Однако есть один казус: “sinnlich” – *чувственный*, букв. «осмысленный»; но об этом ниже.

[2] См., например: Гегель. Энциклопедия. Т. I. § 172. С. 356-357. В «Феноменологии духа» есть и такое утверждение: чистое представление не различает между достаточностью и истиной.

что правильность возникает из неистинности? Точнее было бы сказать, что правильность – *еще* не истинность, ибо последняя возникает вместе с самим по себе подлинным понятием бесконечного содержания и не вне его. Следовательно, все качественные суждения состоят не из понятий в точном и полном смысле, но из представлений. Значит, рассудок именно приспособлен к произведению знания абстрактного и всеобщего.

Современный исследователь творчества Гегеля поясняет, как это возможно: «Всеобщность преставления получается вследствие того, что нечто часто являлось нам и получило очевидность благодаря названию, т. е. благодаря фиксации содержания представления словом» [Жирнов, 2010, 61]. Более века назад о том же писал Зигварт: «Всякое рассмотрение мышления, которое отвлеклось бы от характера его *общности,* от той общественной природы, какую человек обнаруживает также и в этой области, должно было бы стать односторонним и неистинным. Отсюда вытекает в особенности задача обратить внимание на все то, что в отношении представлений и предпосылок мышления приобретается каждым путем усвоения *языка*» [Зигварт, 1908, т. II, вып. 1, 7-8]. Вообще говоря, в материалистической гносеологии, логике и психологии в таком случае — это уже не чувственный образ, а понятие. Однако и у Локка мы встречаем мысль о том, что языковой знак призван именовать *идею*, каковая может, в частности, быть представлением.

Представление «извлекается» непосредственно из объекта и становится материалом для мысли. Для индивидуума значение слова состоит не в его этимологии, а в представлении объекта, которое это слово вызывает в сознании [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

Как же тогда гегелевское утверждение, что подлинно непосредственным является не представление рассудка, но одно лишь понятие? Ведь рассудок, который полагает, что освободился от конечного знания, снова непосредственно делает критерием истины *абстрактное отношение с собой*, абстрактное тождество изолированных определений.

Согласно Гегелю, истинная непосредственность присуща только подлинному, конкретному понятию; оно включает в свое единство противоположные характеристики, показывает себя опосредствованным через себя и самим собой и, следовательно, вместе с тем истинно непосредственным [Гегель, 1974, т. 1, 213]. Рассудок вместе со всем своим содержанием и метафизическими операциями не отвергается, но включается в истинное умозрение, в познание посредством понятий как необходимый начальный стартовый момент.

Гегель так рассуждает о метафизичности рассудка в сравнении его с представлением:

«…Отличительную особенность представления следует вообще… видеть в том, что в нем… содержание стоит как бы изолированно… Представление совпадает здесь с *рассудком*, отличающимся от представления лишь тем, что он устанавливает отношения… необходимости между изолированными определениями представления, тогда как в неопределенном пространстве представления эти определения остаются *рядоположенными*…» [Там же, 113].

Гегель разъясняет, что разум может действовать в форме рассудка: моменты конечного познания тогда получают форму самостоятельных, отличающихся друг от друга видов познания. Разум ассимилирует материал чувственно данного; это представляется *принятием* его в «определения понятия», *внешние* по отношению к нему. В отношении друг друга эти определения также выступают как различение. «Это – разум, действующий в форме *рассудка*… Бесконечная истина понятия фиксируется для этого познания, как только *в-себе*-сущая цель, как нечто для него *потустороннее*» [Там же, 410].

“Die Assimilation des Stoffes al seines Gegebenen erscheint daher als die *Aufnahme* desselben in die ihm zugleich bleibenden Begriffsbestimmungen, welche ebenso in der Verschiedenheit

gegeneinander auftreten. Es ist die als *Verstand* tätige Vernunft. <…> Die unendliche des begriffs ist als ein nur *an sich* seiendes Ziel, ein *Jenseits* für dasselbe fixiert" [Hegel, 2014, www].

Однако и такое познание находится в своей внешней деятельности «под руководством понятия», и определения понятия составляют линию его поступательного движения.

Близкий к неокантианству Х. Зигварт, как и Гегель, выпускник Тюбингенского университета, профессор и сын профессора, в своей знаменитой «Логике» сплошь и рядом называет части суждения – субъект и предикат – именно *представлениями*. Вот характерный пример:

"§ 5. Der Satz, in welchem etwas von etwas ausgesagt wird, ist der sprachliche Ausdruck des Urtheils. Dieses ist ursprünglich ein lebendiger Denkact, der jedenfals voraussetzt, dass zwei unterschidene Vorstellungen dem Untheilenden gegenwärtig sind…" [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

В первом томе его «Логики» [Ibidem] первый раздел, Erster Abschnitt, так и называется "Die Vorstellungen als Elemente des Urtheils und ihr Verhältniss zu den Wörtern". Шестой параграф упомянутого раздела начинается следующим вводным абзацем: "Was wir vorstellen und was als Subject oder Prädikat oder Theil des Subjects oder Prädikats in unsere Urtheile einzugehen vermag, sind: I. Dinge… II. Relationen…" [Ibidem]. Зигварт так же легко и часто, как Гегель, называет представления не только общими, но и *абстрактными*: "Jedes beliebige Object, das ich im Bewusstsein für sich festhalten kann… sei's eine unmittelbare Anschauung von Einselnem, sei's eine Abstracte Vorstellung…" [Ibidem]. Представление отличается от объекта познания: "…Der Grund [der] Abweisung ist ursprünglich… etwas Positives, – ein *gegebenes Object, dessen Unterschied von meiner Vorstellung erkannt wird*"[3] (выделено мной. – Э.Т.); однако остается не вполне ясным, каким образом оно отличается от собственно понятий.

Х. Зигварт также уделяет очень много внимания связи не только понятия, но и *представления* со словом, что опять-таки сближает эти формы познания. Он указывает в первом томе своей «Логики», что представления, полученные от объекта, входят в состав *суждений*. Рассуждать можно только с помощью различающих определений, посредством которых части речи достигают совпадения с представлением, соответствующим предмету. "…erst durch unterscheidende Determinationen vermittelst der Adverbia etc. zur Congruenz mit der dem Subject anhaftenden Vorstellung gebract warden könnte" [Ibidem]. Слова суть знаки для представлений (и, разумеется, понятий).

Какие именно представления в субъекте суждения предшествуют самому суждению – это, как правило, имеет языковое обозначение. Скажем, слово «человек» – это не имя конкретного индивидуума, хотя представление индивидуального гештальта включено в его смысл. "Mensch" ist nicht der Name eines bestimmten Individuums, – пишет Зигварт, – wiewohl die Vorstellung individueller Gestalt in seiner Bedeutung eingeschlossen ist; es ist überhaupt kein Name, sondern das Zeichen eines bestimmten Vorstellungsgehalt" [Ibidem]. Это вообще не имя, а знак определенного содержания представления. Таков человек как общее представление, которое поначалу имеет отношение к конкретному индивидууму. "So ist ein Mensch, als allgemeine Vorstellung, die erst ihre Beziehung auf ein bestimmtes Individuum erwartet…" [Ibidem].

Зигварт пишет, что слово всегда должно рассматриваться *только как знак для субъективного индивидуального представления*.

"Welche Vorstellungen in einem urtheilenden Subjecte dem Urtheilen selbst vorausgehen, wird im

[3] Зигварт говорит далее, что это различие – критерий истины и заблуждения, *verum sui index et falsi.*

allgemeine durch ihre sprachliche Bezeichnet angedeutet. …das Wort darf immer nur als Zeichen der eben in dem urtheilenden Individuum gegenwärtigen Vorstellung angesehen werden" [Ibidem].

Нам уже приходилось (двадцать пять лет назад), решая семиотическую проблему знака и значения, писать о том, что в языке существует возможность превращения нечетко оформленного чувственного образа, первичной «небулы», в *значение* лингвистического знака – слова или группы слов. Идеальный образ может некоторое время существовать, не становясь понятием, составляющим когнитивное ядро значения («образ как таковой»). Формы чувственности, пока они не концептуализированы, не осмыслены и не обозначены словами, не являются лексическими значениями. Когда же они осознаны и обозначены, в них меняется direction of fit (направление совпадения – термин, взятый из теории речевых актов), они получают *сигнификационный лифт*, повышенную по сравнению с исходной степень абстрактности и служат компонентами значения [Тайсина, 2013, 137-138].

Любой человек, придумывая или используя языковые знаки для чувственных образов (например, «сиреневый», «березовый», «заснеженный») совершает концептуализацию ощущений/восприятий/представлений и сигнификационное возвышение. «Лифт» способен совершать и обратное движение: результатом обыкновенно бывает «забытованный» символ (зеркало, икона как красивая картина или «Туми», бог хирургии древних инков, имеющий вид человека-топорика).

Х. Зигварт разъясняет: то, что мы представляем, является нашим уверенным, прочным, надежным достоянием, которое можно использовать в мышлении, если у нас есть относящееся к нему *слово*. Отсутствие слова для представления рассматривается как дефект и препятствие, затрудняющее отличие *этого* представления от других, безопасное воспроизводство и защиту от путаницы в его особенном и отдельном качестве.

"…was wir vorstellen nur dann unserer sicherer und fester Besitz, der im Denken verwertet werden kann, wenn wir das beziechnende Wort dazu haben; wir empfinden des Fehlen des Wortes zu einer Vorstellung immer als einen Mangel und als ein Hinderniss, das uns erschwert sie in ihrer Eigenthümligkeit und Geschiedenheit von andren festzuhalten, sicher zu reproducieren und vor Verwechslung zu bewahren" [Sigwart, 1889, Bd. 1, www].

Логик Зигварт не был чужд психологизму; лишь трудный психологический анализ вечно движущегося мышления, утверждает он, может помочь сделать выводы о его индивидуальных факторах и тех, которые их производят, и сформировать представление о законах его бессознательного:

"Nur durch eine schwierige psychologische Analyse des immer schon in Bewegung begriffenen Denkens vermögen wir auf seinen einzelnen Factoren und hervorbringenden zurückzuschliessen, und uns eine Vorstellung über die Gesetze seines unbewussten Werdens zu bilden" [Ibidem].

Вероятно, в его время это было оправдано. Например, В.А. Суровцев раскрывает этот уклон в психологию следующим образом (по отношению к творчеству Фреге): «С привнесением в философию позитивного естественнонаучного духа возникала иллюзия, что теория познания обретет, наконец, так недостающие ей прочные основания, и в этом отношении психологическое объяснение логики как ядра теории познания должно было сыграть свою ведущую роль» [Суровцев, 2008, 5]. Фреге, однако, был лишен подобного уклона. Напротив, он всячески советовал избегать его, чтобы не заключить предмет теории познания целиком в психику.

Произведение родоначальника философии языка Г. Фреге «Мысль: логическое исследование» ровно сто лет назад было переведено на русский язык. Слово Vorstellung, т. е.

«представление», встречается в нем сотни раз. (Кстати говоря, “Begriff”, т. е. понятие, не встречается ни разу; вместо него Фреге так же часто, как “Vorstellung”, использует излюбленное “Gedanke”, т. е. мысль).

Представления, которыми обладает человек, составляют содержание его сознания. Всякое представление имеет только одного носителя; никакие два человека не обладают одним и тем же представлением. Наше представление признается истинным не само по себе, а лишь в зависимости от того, соответствует ли оно своему референту, причем полное совмещение представления об объекте с самим объектом было бы возможно, если бы объект также был представлением: их совпадение влекло бы за собой их тождество. Представления не являются ни объектами внешнего мира, ни мыслями, и взаимообратно. «Если кто-либо считает мысли представлениями, то то́, что он признает истинным, является лишь содержанием его сознания и, в сущности, никак не соотносится с другими сознаниями» [Фреге, 1987, 34].

Все это кажется бесспорным. Вопросы возникают в связи с разъяснениями относительно особой объективности мысли по сравнению с представлением – и нашего «мышления о мышлении».

Мы не являемся носителями мыслей в той степени, в какой мы являемся носителями представлений, по мнению Фреге. Мы *обладаем мыслью* не так, как мы обладаем, например, чувственным впечатлением; но мы *воспринимаем мысль* и не так, как мы воспринимаем, например, звезду. Кроме того, в процессе мышления мы не производим мысли, мы формулируем их, а точнее – «формируем» или даже «формуем», подобно платоновской золотой *хоре* – воспреемнице (правда, и поглотительнице) образов. Особая духовная, мыслительная сила способствует данному процессу – аналогу контемпляции. Фреге выбирает для этого познавательного отношения специальное, наиболее подходящее выражение; им является слово fassen, что-то сродни ваянию. Действительно, этот образ позволяет как бы «увидеть», *воспринять* мысль (и, значит, тем самым сделать ее представлением, добавим мы).

Со своей стороны, Фреге не раз задается вопросами: «Являются ли мысли представлениями? Принадлежат ли они внутреннему миру сознания отдельного человека?» Отрицательно отвечая на первый вопрос, т. е. отстраивая мысль от представлений, определенно причисляя последние к сознанию своего конкретного носителя, Фреге вместе с тем склонен выносить мысли, по примеру платоновских эйдосов и гегелевских понятий, *вовне*, заговорив о «третьем мире» задолго до Поппера, критиковавшего платонизм. “Ein drittes Reich muß anerkannt warden”, третий мир должен быть признан [Frege, 1993, 69]. (Правда, у Платона *triton genos, хора*, это как раз материя [Платон, 1994, т. 3]). Нам уже доводилось указывать: Фреге постулирует, что содержание мысли соответствует представлениям в том отношении, что не может быть воспринято чувством, а вещам – в том отношении, что не требует носителя, сознанию которого принадлежит. В XX в. к этому придет и К. Поппер с его «семантикой возможных миров». Это своеобразный «логический и лингвистический реализм», выносящий идеальное содержание нашего сознания за пределы последнего и утверждающий существование объективного мира идей, точнее – *мыслей*. Они могут иметь носителя – того, кто их *сформулировал*, однако “Zum Wahrsein eines Gedankens gehört nicht, daß er gedacht werde” [Frege, 1993, 74]. К истинности мысли не имеет отношения то обстоятельство, что эта мысль кому-то принадлежит [Фреге, 1987, 42].

Фреге не определяет мысль привычным для логики способом – через род и видовое отличие. Он называет мыслью то, к чему применимо понятие истинности.

“Beim Denken erzeugen wir nicht die Gedanken, sondern wir fassen sie. Denn das, was ich

Gedanken genannt habe, steht ja im engsten Zusammenhange mit der Wahrheit. Was ich als wahr anerkenne, von dem urteile ich, daß es wahr sei ganz unabhängig von meiner Anerkennung seiner Wahrheit, auch unabhängig davon, ob ich daran denke" [Frege, 1993, 74].

«То, что я назвал мыслью, находится в теснейшей связи с истинностью. То, что я признаю истинным, об истинности чего я выношу суждение, является истинным совершенно независимо от того, признаю ли я это истинным, и даже независимо от того, думаю ли я об этом вообще». [Фреге, 1987, 42].

В ходе изучения основных качеств мышления Фреге уточняет: «То, что часто ошибочно считают истинностью изображений и представлений, мы сводим к истинности предложений» [Там же, 21].

Вообще говоря, предложения изъявительного наклонения являются языковыми выражениями, или воплощениями, суждений, а суждения состоят из связанных понятий. На смешение представлений с понятиями мы здесь обращаем основное внимание.

Два самых поразительных заявления Фреге относительно сущности мысли таковы: "Der [Satz] an sich unsinnliche Gedanke kleidet sich in das sinnliche Gewand des Satzes und wird uns damit faßbarer" [Frege, 1993, 61], в переводе: «Сама по себе внечувственная мысль облекается в чувственную оболочку предложения и становится в результате более понятной для нас», и "Der Gedanke ist etwas Unsinnliches" [Ibidem, 22], в переводе: «Мысль – это нечто внечувственное». Имеется в виду, что мысль – это нечто большее, чем ощущения или восприятия; она есть нечто, не соответствующее сенсорному впечатлению. В Примечании 4 этот оборот повторяется: "…*an sich unsinnlichen Gedanken* (курсив мой. – Э.Т.) in die sinnliche sprachliche Form gehüllt dem Leser darzubieten…" [Ibidem, 66]. Однако русский слух – и взгляд – это поражает: "unsinnlich" буквально означает «бессмысленый». *Предложение облекает саму по себе бессмысленную мысль в осмысленное одеяние*.

Бессмысленная мысль.

Предложение – осмысленное одеяние мысли.

Sinneseindruck, т. е. ощущение, буквально означает «осмысленное впечатление».

Как великий философский язык допускает такой казус?

Действительно, корневая морфема термина «смысл» в немецком, английском, французском содержит понятие, соответствующее русским словам «ощущение», «чувство», «сенсорное впечатление» и даже чувственно воспринимаемое свойство. В отличие от этого, русское «с-мысл» говорит само за себя. Однако было бы слишком просто сослаться на это разночтение и отнести «немецкий, английский, французский» «смысл» лишь к первой, чувственной сфере познания. Выражения типа "Does it make any sense?" или "Das kommt mir nicht aus dem Sinn" Гейне, или гегелевское "Wenn man sich des Sinns erinnert, in welchem Pilatus die Frage "Was ist Wahrheit?" sagte", или в особенности фрегевское "Und wenn wir einen Satz wahr nennen, meinen wir eigentlich seinen Sinn" [Ibidem, 60] (Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл) опровергают первоначальное объяснение. Мысль есть *смысл предложения*, но не всякого, а лишь утвердительного. Она примерно соответствует суждению [Фреге, 1987, 22].

Переход от (идеального) суждения к (чувственно воспринимаемому) предложению совершается просто и быстро: "…ergibt sich als dasjenige, bei dem das Wahrsein überhaupt in Frage kommen kann, der Sinn eines Satzes" (…та область, в которой применимо понятие истинности, это смысл предложения) [Frege, 1993, 60]. И еще определеннее: "Der Gedanke ist der Sinn eines Satzes" [Ibidem]. Мысль есть смысл предложения.

Спрашивается: “Ist nun der Sinn eines Satzes eine Vorstellung?” [Ibidem]. Является ли смысл предложения представлением? [Фреге, 1987, 21]

Этот вопрос у Фреге остался *открытым.*

Важно обратить внимание на одну серьезную деталь. Чувственное созерцание может «схватывать» *единичное, отдельное* и/или *особенное.* Рассудок метафизичен, абстрактен и всеобщ. Однако, согласно абсолютному идеализму, «чистое *созерцание*… есть совершенно то же самое, что и чистое мышление»; «*абстрактное мышление* (форма рефлектирующей метафизики) и *абстрактное созерцание* (форма непосредственного знания) суть одно и то же» [Гегель, 1974, т. 1, 187, 198]. На наш взгляд, Гегель устанавливает именно ту общую область, где существуют, *сутят* смыслы – они же аугментированные (расширенные до форм рассудка) представления. Смысл – искомая переходная форма между первой и второй ступенями познания, понимаемыми в ключе отечественной философии.

“Das *Vorstellen* hat solchen sinnlichen Stoff zum Inhalte, aber in die Bestimmung des *Meiningen*, daβ solcher Inhalt in *Mir* ist, und der *Allgemeinheit*, der Beziehung-an-sich, er *Einfachheit* gesetzt. – Auβer dem Sinnlichen hat jedoch die Vorstellung auch Stoff zum Inhalt, der aus dem Selbstbewuβten Denken entsprungen [ist]… und es fällt nicht so leicht auf, worin der Unterschied solcher *Vorstellungen* von der *Gedanken* solchen Inhalts zu setzen sei” [Hegel, 2014, www].

В академическом переводе:

«*Представление* имеет своим содержанием такой же чувственный материал, но этот материал в представлении характеризуется как *мой*, как находящийся во мне (Фреге! – Э.Т.), и как *всеобщность*, как соотношение с собой, как *простота* (*не* Фреге! – Э.Т.). Однако, кроме чувственного, представление имеет своим содержанием так же и такой материал, который возник из знающего себя мышления… и нелегко указать, в чем состоит различие таких *представлений* от *мыслей* такого же содержания…» [Гегель, 1974, т. 1, 113].

Это, очевидно, и есть сфера бытия представления, погруженного наполовину в чувственность (созерцание), наполовину в рациональность (рассудок). Достаточно заметить, что в Предисловии к «Науке логики» у Гегеля встречается характерный оборот «рассудочный разум или разумный рассудок». А в заключительной главе представление подается как такое опосредствование, «которое не принадлежит мыслящему постижению в понятиях», а есть возвышение представления до степени мышления [Гегель, 1972, т. 3, 293].

[Es gibt] “…eine Vermittlung, die mehr als die bloβer Anfang ist, und ist eine solche Vermittlung, die nicht dem denkenden Begreifen gehört, sondern die Erhebung der Vorstellung, des empirischen und räsonierenden Bewuβtseins zu dem Standpunkte des Denkens ist” [Hegel, 2013, www].

Итак, триплет «ощущение – восприятие – представление» – не гегелевский, его схемы гораздо сложнее. Правда, соответствующие главы обеих «Логик», Большой и Малой, выстроены по образцу логики Аристотеля, и в них триплет «понятие – суждение – умозаключение» все-таки анализируется. Однако для нас важнее, что загадка отношения представлений к понятиям разрешается удовлетворительно: мы получаем сведения о существовании медиативной области, соединяющей созерцание и мысль, или *смысл*. Что касается происхождения вышеупомянутых триплетов, то было бы напрасно искать их у Джона Локка.

В своем выдающемся произведении «Опыт о человеческом разумении», которое Локк создавал на протяжении 20 лет, мы встречаем следующую классификацию познавательных ступеней/форм. (Просим прощения за пространность цитаты, но иначе нельзя подтвердить богатство мысли Локка).

«…Восприятие, фактически сопутствующее всякому воздействию, произведенному на тело внешним объектом, связанное с этим объектом и отличное от всех других модификаций мышления, доставляет уму отличную от других идею, которую мы называем *ощущением* и которая… есть фактическое вхождение идеи в разум через чувства. Та же самая идея, когда она вновь приходит без воздействия того же объекта на внешний орган чувств, есть *воспоминание*; если ум ищет ее, с трудом и усилиями находит и она вновь открывается его взору, это есть *припоминание*. Если идею долгое время внимательно рассматривают в уме, это есть *созерцание*. Когда *идеи* всплывают и текут в нашем уме, а разум их не рассматривает или не обращает на них внимания, бывает то, что французы называют rêverie… Когда наблюдают и… отмечают в памяти те идеи, которые появляются сами, это есть *внимание*. Когда ум с большой серьезностью и по своему выбору сосредоточивает свой взгляд на какой-нибудь идее, рассматривает ее со всех сторон и не отвлекается на обычные возбуждения со стороны других идей, мы называем это *напряжением* или *изучением*. Сон без сновидений есть отдохновение от всяких идей. А само сновидение есть наличие в уме идей… которые не предложены ни внешними объектами, ни известными поводами и вообще появляются не по выбору или повелению разума. И еще предстоит исследовать, есть ли то, что мы называем *экстатическим состоянием,* – сновидение с открытыми глазами» [Локк, 1985, т. 1, 278].

Итак, было бы слишком просто отнести «школьные» триплеты к творчеству Джона Локка, создателя самой совершенной материалистической гносеологии – до диалектического материализма.

Впрочем, у Энгельса в «Анти-Дюринге» этих схем также нет. Возможно, в дело когда-то вступили «позднейшие изготовители поверхностных систем» (выражение Энгельса)? Нам, по крайней мере, это не известно. Важно следующее. «Представление» встречается у Локка неожиданным для нас образом: не как совершенно определенная, третья, высшая форма чувственного познания, но как синоним *восприятия* – или как *понятие.* В главе «О простых идеях» говорится о следующем: 1) «Производимые [качествами] в душе идеи входят через посредство чувств несомненно простыми и несмешанными. Каждая такая идея, будучи сама по себе несложной, содержит в себе *только одно единообразное представление* или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи» [Там же]. В главе «Об именах субстанций» указано: 2) «*Обычные имена субстанций обозначают виды*. <…> Они сделаны знаками таких сложных идей, которым соответствуют или могут соответствовать разные единичные сущности… их можно охватить одним общим представлением и обозначить одним именем» [Там же, 496].

Можно заявить, что такая двойственность представления, встречаемая в текстах Локка, также есть мотив в пользу существования или, по крайней мере, философского поиска некоей медиативной области между чувством и мыслью, это и есть смысл. Ведь и в немецком, и в английском, и в других развитых европейских языках соответствующий термин означает не просто восприятие, но и его осознанную оценку. Становясь лексическим значением, а оно всегда интерсубъективно, ибо «в языке есть только общее», индивидуальный смысл-представление становится понятием, становится мыслью. И, пожалуй, можно сделать предварительный вывод: в немецкой философии (по крайней мере, у рассмотренных в данной статье авторов) речь идет об *аугментированном* представлении, чье содержание расширено за счет сигнификационного лифта. При этом смысл является основой понимания, а логически оформленное понятие – основой мышления. Однако это отдельная тема для исследования.

Заключение

При весьма значительной – можно сказать, максимальной – проработке немецкой классики в нашей стране мало исследователей обращает внимание на характерное разночтение того, что в университетской науке и преподавании закрепилось в качестве общих мест, не имеющих достоверного автора, и употребления соответствующих терминов немецкими философами. Omnia definitia periculosa est, говорили еще римские логики; всякое определение опасно – в том смысле, что оно многое оставляет «за бортом». Однако в дидактических целях приходится развертывать линейно тот интеллектуальный философский материал, который в действительности представляет собой *сферу* знания, взаимно замкнутых друг на друга идей, принципов, категорий, законов и т. д. Поэтому использование анализируемых триплетов, а именно форм чувственности и форм рациональности, вероятно, дидактически оправдано.

Но природа, сущность и познавательная роль всех переходных форм всегда составляют проблему; в нашем случае исследовательский интерес привлекает использование немецкого термина *"Vorstellung"*, соответствующего русскому слову «представление». Как было показано, эта форма у немецких философов не «привязана» только к чувственности, созерцанию и зачастую наполняется понятийным когнитивным содержанием. Это можно видеть, в частности, в трудах Гегеля, Зигварта и Фреге. Дополнительную сложность составляет то, что в немецкой классике недвусмысленно разводятся рассудок и разум, что для отечественной мысли не характерно. Оба термина-синонима у нас означают «ум» и обозначают рациональное, логическое мышление. Но было бы слишком просто, сославшись на немецкую традицию и в высокой мере приняв ее, связать представление с рассудком, а понятие – с разумом. Поистине, все четыре концепта сложно и неоднозначно перекрещиваются: рассудок с его представлениями включает и чувственность, и понятийное содержание; однако мы помним, что у Гегеля рассудок – это абстрактное постижение, а понятие, предельно конкретное, возвышается над ним. У логиков же (Зигварт, Фреге) представление и есть термин суждения, т. е. занимает место, отводимое, вообще говоря, понятию.

Эта тема заслуживает дальнейшего изучения. Здесь можно сделать, по крайней мере, следующие выводы. У всех рассмотренных философов, идеалистов и рационалистов, «представление» используется расширительно: оно введено в мыслительные процессы, а не только организует чувственность. Это можно объяснить действительным двойственным характером представления: оно, в отличие от форм восприятия, отвлекается от объекта, воспроизводясь по памяти; оно легко поддается сигнификационному лифту (лексическому выражению); общие представления – это уже «дорога» к понятию, т. е. мышлению. Ту переходную область, или поле, где существуют, «сутят» пластичные представления, еще не заключенные, в отличие от понятий, в жесткий каркас самых общих, абстрагированных от субстратов и существенных признаков, можно с полным правом отнести к домену *смысла*.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Наука, 1972. Т. 3. 371 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
3. Жирнов В.Д. Гегель о понятии и представлении // Вестник Российского философского общества. 2010. № 3.
4. Зигварт Х. Логика. СПб., 1908. Т. II. Вып. 1. 483 с.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
6. Платон. Тимей // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.

7. Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // Фреге Г. Логико-философские труды. Логические исследования. Основоположения арифметики. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008.
8. Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. СПб.: Алетейя, 2013. 208 с.
9. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987.
10. Frege G. Der Gedanke. Eine logische Untersuchung // Logische Untersuchungen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. 146 S.
11. Hegel G.W.F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Berlin, 2014. URL: http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Enzyklop%C3%A4die+der+philosophischen+Wissenschaften+im+Grundrisse
12. Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Berlin, 2013. URL: http://www.zeno.org/Lesesaal/N/9781484031834?page=730
13. Sigwart C. Logik: die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss. Freiburg, 1889. Bd. 1. URL: https://archive.org/stream/bub_gb_kxw9AAAAIAAJ#page/n159

Vorstellung and its broad interpretation in German philosophy

Emiliya A. Taisina

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor at the Department of philosophy and media communications,
Kazan State Power Engineering University,
420066, 51 Krasnoselskaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Abstract

In “school” (university) Russian philosophy, the following forms, which are also stages, of cognition are commonly recognised: *sensation* – *perception* – *notion* (or presentation), which are forms of sensuality, and *concept* – *judgment* – *conclusion*, which play the role of the embodiment of *ratio* and/or reason. If the logical forms go back to Aristotle, then the authorship of the first triplet cannot be safely determined today. In contemporary Russian philosophical texts, it sometimes looks like its author could be John Locke; but this does not prove to be right. However, the main problem is that a simplified understanding of forms of sensual and rational cognition differs often from the German tradition of word usage. Thus, the term *Vorstellung*, literally “presentation”, in the works of German philosophers (Hegel, Sigwart, Frege) is used to denote the activity of *mind*, i. e. thinking, and not just the sensory content of consciousness. In view of this, it looks reasonable to take closer research on what the meditative field between the sensual and rational forms of cognition might be, permeating both notions, (re)presentations and even concepts, which meditative “existence” contributes to lessening the rigidness of the border(s) between feeling and thinking. Presumably this field, or nebulae, or thus augmented *Vorstellung* is what we call *sense* – the core of understanding.

For citation

Taisina E.A. (2018) “Predstavlenie” i ego rasshiritel'noe tolkovanie v nemetskoi filosofii [*Vorstellung* and its broad interpretation in German philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 28-42.

Keywords

Presentation, Vorstellung, forms of sensual and rational cognition, mind, intellect, sense.

References

1. Frege G. (1993) Der Gedanke. Eine logische Untersuchung. In: *Logische Untersuchungen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
2. Frege G. (1987) Mysl': logicheskoe issledovanie [The thought: logical research]. In: *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow: Progress Publ.
3. Hegel G.W.F. (1974) *Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t.* [The encyclopaedia of the philosophical sciences: in 3 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
4. Hegel G.W.F. (2014) *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Berlin. Available at: http://www.zeno.org/Philosophie/M/Hegel,+Georg+Wilhelm+Friedrich/Enzyklop%C3%A4die+der+philosophischen+Wissenschaften+im+Grundrisse [Accessed 18/06/18].
5. Hegel G.W.F. (1972) *Nauka logiki: v 3 t.* [Science of logic], Vol. 3. Moscow: Nauka Publ.
6. Hegel G.W.F. (2013) *Wissenschaft der Logik*. Berlin. Available at: http://www.zeno.org/Lesesaal/N/9781484031834?page=730 [Accessed 18/06/18].
7. Locke J. (1985) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
8. Plato (1994) Timei [Timaeus]. In: *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.
9. Sigwart C. (1889) *Logik: die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss*, Bd. 1. Freiburg. Available at: https://archive.org/stream/bub_gb_kxw9AAAAIAAJ#page/n159 [Accessed 18/06/18].
10. Sigwart C. (1908) *Logika* [Logic], Vol. 2-1. St. Petersburg.
11. Surovtsev V.A. (2008) O logiko-filosofskikh vzglyadakh Gotloba Frege [On the logical and philosophical ideas of Gottlob Frege]. In: Frege G. *Logiko-filosofskie trudy. Logicheskie issledovaniya. Osnovopolozheniya arifmetiki* [Logical and philosophical works. Logical investigations. Fundamentals of arithmetic]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
12. Taisina E.A. (2013) *Filosofskie voprosy semiotiki* [Philosophical issues of semiotics]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
13. Zhirnov V.D. (2010) Gegel' o ponyatii i predstavlenii [Hegel on the concept and presentation]. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 3.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 1(091)

Тезис Хайдеггера о бытии: к вопросу об онтологическом различии бытия и сущего

Макакенко Яна Александровна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: yanach@list.ru

Аннотация

Хорошо известно, что Хайдеггер в своей философии продумывает одну единственную мысль – мысль о бытии. Уже Аристотель полагал познание бытия («сущего как сущего») первой и единственной целью философии. В этом смысле Хайдеггер выступает как вполне традиционный мыслитель, пытающийся вскрыть и выразить подлинное содержание философии. Вместе с тем он претендует на уникальность в постановке вопроса о бытии, поскольку классическая метафизика не мыслит бытия как такового, предав его забвению, и представляет «бытие» исключительно как «бытие сущего». Таким образом, Хайдеггер ставит перед собой амбициозную задачу, связанную с переосмыслением «старой» и построением «новой» метафизики, которая будет мыслить бытие как таковое, отличное от сущего. В этой статье представлено рассмотрение двух положений Хайдеггера о бытии, которые он представляет в «Бытии и времени», содержащих видимое противоречие: «бытие не есть определенного рода сущее» и «бытие всегда есть бытие сущего». По мнению автора статьи, эти тезисы, рассмотренные в их единстве, открывают пути к схватыванию общей ориентации хайдеггеровской философии на бытие как таковое.

Для цитирования в научных исследованиях

Макакенко Я.А. Тезис Хайдеггера о бытии: к вопросу об онтологическом различии бытия и сущего // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 43-51.

Ключевые слова

Бытие, сущее, онтологическое различие, тождество мышления и бытия, различие в сущем, сущность, Dasein, Хайдеггер, Аристотель, метафизика.

Введение

В лекции V лекционного курса «Что зовется мышлением?», который был прочитан во Фрайбургском университете в 1951-1952 гг., Хайдеггер говорит: «Каждый мыслитель продумывает только одну-единственную мысль. И это существенно отличает мышление от науки. Исследователю нужны все новые и новые открытия и идеи, иначе наука впадает в закоснелость и ложь. Мыслителю же нужна лишь одна-единственная мысль. И трудность для мыслителя заключается в том, чтобы эту одну-единственную мысль удерживать… осмыслять… как то же самое и говорить об этом том же самом соразмерным способом и тоном [Хайдеггер, Что зовется…, 2007, 60-61].

Основная часть

Хайдеггер говорит эти слова о Ницше, который, по его мнению, продумывает одну-единственную мысль о вечном возвращении того же самого, однако эти слова вполне применимы и к самому Хайдеггеру. Возможно, к Хайдеггеру даже в большей степени, чем к Ницше, поскольку его мысль вращается вокруг одной-единственной мысли и одного-единственного вопроса: «Что есть бытие?».

Уже Аристотель (к слову, «не самый последний» философ традиции для Хайдеггера) полагал познание «сущего как сущего» (τὸ ὂν ᾗ ὂν) в качестве главной цели философии, поскольку она ищет первые начала и причины всего [Аристотель, 1976, 119]. Хайдеггер абсолютизирует эту мысль и пытается поставить вопрос о сущем более радикально – как предварительный вопрос к вопросу о бытии, который делает «основным». Так, в лекционном курсе 1927 г. «Основные проблемы феноменологии», непосредственно примыкающем к «Бытию и времени», он говорит: «Сейчас мы утверждаем только, что бытие есть подлинная и единственная тема философии. Это означает в негативной форме: философия не есть наука о сущем, но наука о бытии, или, как говорит греческое выражение, – онтология. Мы понимаем это выражение так широко, как только возможно, а не в том более узком значении, которое оно имеет, скажем, в схоластике или же в философии Нового времени у Декарта и Лейбница» [Хайдеггер, 2001, 13]. Итак, философия есть «онтология», наука о бытии, «понимаемая в самом широком смысле», но что есть «бытие»?

В параграфе 2 «Бытия и времени» Хайдеггер выстраивает «логику» бытийного вопроса, делая набросок его формальной структуры, и сообщает следующее: «Бытие сущего само не “есть” сущее. Первый философский шаг в понимании проблемы бытия состоит в том, чтобы… “не рассказывать истории”, т. е. определять сущее как сущее не через возведение к другому сущему в его истоках, как если бы бытие имело характер возможного сущего» [Хайдеггер, 1997, 6]. При этом далее он говорит: «…бытие означает бытие сущего, опрашиваемым бытийного вопроса оказывается само сущее. Оно как бы расспрашивается на тему его бытия» [Там же].

Таким образом, *бытие не есть определенного рода сущее*, однако *бытие – всегда бытие сущего*, оно необходимо состоит в связи, отношении с сущим и постигается всегда из него и в нем. Этот тезис может быть рассмотрен как своего рода «ключ» к мысли Хайдеггера, прежде всего в силу того, что он проблематизирует онтологическое различие, являющееся принципиально важным для хайдеггеровской философии в целом. Так, в цолликоновском семинаре от 9 июля 1964 г. Хайдеггер говорит: «Поскольку бытие не является ничем сущим, то

отличие сущего от бытия является *самым фундаментальным* и самым трудным» [Хайдеггер, 2012, 48-49].

Насколько полемична сама постановка вопроса о бытии, совершенная Хайдеггером, можно судить по дискуссии, которая развернулась между А. Паткулем и Д. Федчуком в 2013-2014 гг. в журнале «Horizon» [Паткуль, 2014; Федчук, 2013; Федчук, 2014].

Д. Федчук полагает, что Хайдеггер искусственно абстрагирует бытие от сущего, выставляя его в качестве отдельного и приоритетного предмета философского рассмотрения. Такой ход является логически обоснованным, поскольку смысл бытия открывается во времени и для всего конечного быть – значит быть в одном и том же смысле. Соответственно, мы можем полагать, что онтология только именуется «наукой о бытии», в действительности же она представляет собой «науку о сущем». На это А. Паткуль отвечает возражением, что сам Хайдеггер подчеркивает принципиальное отличие бытия от сущего, заявляя онтологию именно как «науку о бытии», которое не только отлично от сущего, но и всегда есть бытие сущего и только сущего. Эта исходная онтологическая связанность бытия и сущего показывает, что невозможно построить никакой онтологии без онтического фундамента, т. е. построение онтологии необходимо связано с задачей прояснения и раскрытия сущего как сущего. Хайдеггер действительно задается вопросом единства бытия, но для него, как и для Аристотеля, тождественность смысла бытия оказывается проблемой, а не результатом. Он стремится прояснить основание смыслового единства бытия, и главное затруднение его онтологии состоит в невозможности перехода от факта понимания бытия к развернутой идее бытия вообще. Таким образом, заключает А. Паткуль, нельзя просто так сказать, что Хайдеггер абстрагирует бытие от сущего и рассматривает его само по себе, хотя рассмотрение бытия как такового, действительно, составляет главнейшую цель его онтологии.

Вышеуказанная дискуссия разворачивается вокруг курса «Основные проблемы феноменологии», т. е., по сути, речь идет о «раннем Хайдеггере», который, действительно, вопрос о бытии как таковом в этот период только ставит. П.П. Гайденко со ссылкой на Гадамера говорит, что Хайдеггер разворачивает вопрос о бытии, которое не есть бытие сущего только после так называемого «поворота» [Гайденко, 1997, 374]. При этом она допускает, что некоторые проблемы его философии имеют явную преемственность (тем более что сам Хайдеггер постоянно подчеркивает это и настаивает на преемственности собственной мысли) [Там же, 354-355]. Полагаем, что рассмотрение хайдеггеровского «тезиса о бытии» с необходимостью должно быть сориентировано как на «раннего» так и на «позднего» Хайдеггера, поскольку проблема бытия является проблемой не просто «преемственной», но «ведущей» в его мышлении и концентрирующей в себе все его философские потенции.

Хорошо известно, что Хайдеггер отказался от проекта построения фундаментальной онтологии, однако продолжил искать подходы к бытию, намереваясь открыть его не средствами науки, т. е. определить не в понятиях «логоса», но в иных понятиях, которые диктует нам само наше существование. Можем ли мы в таком случае говорить о последовательном разворачивании бытийного вопроса из традиционной его постановки или Хайдеггер претендует здесь на нечто принципиально новое и оригинальное? В семинаре, состоявшемся в доме М. Босса 23 и 26 ноября 1965 г., Хайдеггер говорит: «Истинно сущим считается то, что установлено в научной объективности. Это звучит великолепно. Только слишком легко и слишком часто забывают о том, что эта объективность возможна лишь постольку, поскольку человек вовлек себя в субъективность, которая сама собой никоим образом не разумеется. Потом Кант в своей *Критике чистого разума* впервые систематически проанализировал подход Декарта, касающийся

определения объективности объекта. Гуссерль эту позицию Канта феноменологически уточнил, развернул и обосновал. Однако в *Бытии и времени*, в отличие от традиционного метафизического мышления, поставлен совсем другой вопрос. До сих пор сущее опрашивалось относительно его бытия. Вопрос в *Бытии и времени* – уже не о сущем как таковом, а о *бытии как таковом*, о *смысле бытия* вообще, о возможной *открываемости бытия*. Побуждение ко всем моим размышлениям восходит к тезису Аристотеля, в котором он говорит, что сущее высказывается многообразно. Этот тезис и был, собственно, вспышкой, высветившей вопрос: "Каково же единство этого множества значений бытия, что такое бытие вообще?"» [Хайдеггер, 2012, 180].

Хорошо известно, что Аристотель, руководствуясь тем, что разнообразие сказываемого вообще должно относиться к чему-то единому, свел все высказывания о сущем к установленным значениям, в которых оно эксплицируется разным способом [Брентано, 2012, 11-14]. Он истолковал сущее как то, что существует привходящим образом, согласно истине, в смысле возможного и действительного и, наконец, в соответствии с категориями. Однако в общем смысле его истолкование становится возможным только в отношении того, что есть *сущность*, к проблеме которой сводится в конечном итоге вопрос о том, что есть *сущее как сущее* или *сущее в его бытии*. Значение общего понятия о сущем, от которого должно совершаться восхождение к общему понятию бытия, безусловно, обладает несомненной важностью и для Хайдеггера. Поскольку он вносит принцип различия в само сущее и истолковывает его несколько иным образом, чем это делает Аристотель[1], представление о сущем в его онтологических характеристиках, как и взгляд на само бытие, имеет для него совершенно иное значение.

«Тезис» Хайдеггера о бытии может быть развернут в два положения: «бытие не есть определенного рода сущее» и «бытие – всегда бытие сущего». Оба говорят о невероятной трудности схватывания бытия как такового, но также о необходимости *онтологического различия*, которое позволит в этой сложнейшей ситуации удержать ориентацию на бытие как таковое. Очевидно, что нечто не может *быть чем-то определенным*, если оно предварительно не обозначено как *то, что есть*, однако само это *есть* вне онтической определенности фактически неуловимо, так как мыслиться может только в качестве *иного* по отношению к сущему. Хайдеггер пытается уловить бытие как таковое, пытаясь избежать всевозможных коннотаций бытия с сущим. Итак, рассмотрим оба эти положения.

«Бытие не есть определенного рода сущее»

Очевидно, что Хайдеггер предполагает бытие как таковое, отличное от всякого сущего. Однако это простое полагание при внимательном рассмотрении должно с необходимостью развернуться в вопрос о *возможности* бытия помимо сущего. Возможно ли бытие как таковое, если мы фактически неспособны рассматривать его безотносительно к какому-либо сущему?

[1] Если для Аристотеля истолкование сущего возможно только в *субстанциальном* смысле, то для Хайдеггера принципиальное значение приобретает *экзистенциальный* смысл сущего, который он вводит не в качестве альтернативы субстанциальности, но в смысле своего рода «расширения». Это «расширение» служит основанием онтического различия: всякое сущее можно понимать с точки зрения его сущности и только некоторое – также в смысле его существования. При этом existentia (существование) имеет явный приоритет по отношению к essentia (сущность), поскольку освоение и схватывание сущности вообще возможны из существования и на его основе, однако здесь приоритет не означает иерархического превосходства: сущность и существование в отношении онтической определенности каждой вещи равноисходны.

Аристотель в «Метафизике» утверждает, что о сущем говорится в различных значениях (с различных точек зрения), но всегда в отношении к чему-то одному [Аристотель, 1976, 119-120]. При этом сущее связано не одной только общностью названия, поскольку заявленное «одно» есть некая единая и основная реальность. Так, Аристотель поднимает проблему *единства бытия*, которая противостоит «множественности содержательных понятий верховных родов» [Хайдеггер, 1997, 3] и предстает в общем виде как своего рода восхождение к первопричине (некому сущему высшего порядка): «Если же существует нечто само-по-себе-единое и само-по-себе-сущее, то сущностью их необходимо должно быть единое и сущее, ибо [здесь] сказывается как общее не что-то иное, а сами единое и сущее. С другой стороны, если должно существовать нечто само-по-себе-сущее и само-по-себе-единое, то возникает весьма трудный вопрос: как может существовать что-то иное помимо них – я хочу сказать, каким образом может существующих вещей быть больше, чем одна. В самом деле, ничего отличного от сущего нет, так что в согласии с учением Парменида необходимо получается, что все вещи образуют одно и что это одно и есть сущее» [Аристотель, 1976, 114].

Очевидно, Аристотель мыслит общее (первопричину, верховное сущее, единое) как то, что носит имманентный общему порядку сущего характер. Хайдеггер же утверждает, что всеобщность бытия «не есть таковая рода», бытие «не очерчивает верховную область сущего» и всеобщность бытия «превосходит всякую родовую всеобщность» [Хайдеггер, 1997, 3]. На этом основании можно утверждать, что для Хайдеггера (как, впрочем, и для Аристотеля) бытие не является аристотелевой «сущностью в первичном смысле», т. е. имя «бытие» не соотносимо с каким-либо отдельно взятым сущим, поскольку «бытие» говорит об общем, а сущность в первичном смысле (так как Аристотель обозначил ее в «Категориях») и говорит, и представляет собой нечто единичное. Также бытие не есть вторая сущность в смысле вида, поскольку «бытие» говорит о предельно общем, а «вид» представляет собой частное обобщение, т. е. является общим для определенного класса или региона сущего. Аристотель (поскольку он не мог помыслить ничего из существующего вне общего порядка сущего) полагает бытие в смысле рода. Для Хайдеггера, однако, бытие не есть вторая сущность в смысле рода, поскольку то, как он пытается представить всеобщность бытия, показывает, что бытие превосходит родовую всеобщность. Таким образом, бытие превосходит всякое сущее. Бытие есть «trancendens», как оно было обозначено в средневековой онтологии. В этом смысле Хайдеггер скорее наследует традиции понимания бытия, которые представлены в средневековой теологии, чем той, к которой принадлежит Аристотель. Однако сам он утверждает, что средневековая теология так и не пришла к принципиальной ясности в решении проблемы бытия [Там же].

Для Хайдеггера совершенно очевидно, что бытие в смысле trancendens нельзя представлять в качестве сущего. Отсюда возникают сложности с его определением. Бытие не может быть представлено через «низшие» понятия, также нельзя его вывести из «высших» понятий, которые касаются существующего. Из этой невыводимости бытия из сущего в европейской метафизике был сделан вывод о том, что *бытие как таковое не есть* и в конечном итоге *бытие как таковое* есть *ничто*. Соответственно, *бытие как таковое* становится закрытым для мышления, поскольку еще Парменидом была показана невозможность мыслить то, что *не есть*. Действительно, если *бытие – не сущее*, при этом оно всегда *бытие сущего*, но является таковым не в смысле рода, то бытия, которое отличалось бы от сущего, либо вообще нет, либо мы можем мыслить его исключительно в негативных характеристиках, либо оно не мыслимо. Для

Хайдеггера, однако, невыводимость бытия из сущего ни в коем случае не означает того, что бытие *не есть* и, соответственно, *не мыслимо*. Очевидно, что сущее мыслится как то, что *есть* благодаря бытию, само же *бытие* никогда *не есть* благодаря сущему.

«Руководствуясь правилом непротиворечивости, наше мышление или, лучше сказать, наш подсчет и расчет уже готовы заявить, что история, которая *есть*, но в которой само бытие *не есть*, – полный абсурд. Вполне возможно, что само бытие нисколько не заботят противоречия нашего мышления. Если бы бытие заботилось о непротиворечивости человеческого мышления, оно перестало бы отвечать своей собственной сущности» [Хайдеггер, Ницше, 2007, т. 2, 297].

Таким образом, выводимость бытия из сущего неочевидна для мышления, однако из этого никак не следует то, что бытие должно быть понято как ничто, хотя оно, безусловно, не является сущим. Когда мы говорим о том, что бытие *не есть*, это значит, что оно *не есть определенное нечто* (т. е. сущее), но *есть бытие*. Традиционное метафизическое мышление упускает это.

Бытие как таковое есть, но оно ускользает от мышления, однако трудность его схватывания в такой ситуации не останавливает Хайдеггера. Еще Парменид высказал идею о тождестве мышления и бытия. Если мыслить и быть – одно и тоже, оно, безусловно, должно обнаруживать себя в мышлении.

«Местонахождение места бытия как такового есть само бытие. Это местонахождение есть сущность человека» [Там же, 314].

Таким образом, *бытие как таковое* может быть *открыто мышлению* в особом («образцовом») сущем, Dasein, которое способно «понимать в своем бытии» [Хайдеггер, 1997, 52-53]. При этом именно эта способность «понимать в своем бытии» служит условием открытости сущего бытию и основанием для направленности на него.

«Бытие есть всякий раз бытие сущего»

Все сущее *есть*, но *есть различным образом*, полагает Хайдеггер. Таким образом он не только вносит принцип различия в отношение бытия и сущего, но также применяет его к самому сущему, поскольку сущее всегда есть либо «что», либо «кто»: «…сущее есть *кто* (экзистенция) или *что* (наличность в широчайшем смысле)» [Там же, 45].

Относительно сущего, интерпретируемого как *«что»*, Хайдеггер задается вопросом: способно ли это сущее относиться к бытию и «понимать в своем бытии», т. е. быть открытым бытию? Очевидно, нет, поскольку понимание бытия стоит в зависимости от самопонимания, которое, в свою очередь, происходит из понимания и схватывания феномена «мир», однако «…ни онтическое изображение внутримирно сущего, ни онтологическая интерпретация бытия этого сущего не сталкиваются как таковые с феноменом “мир”» [Там же, 64].

Понимание «мира» и возможность относиться к нему Хайдеггер связывает с «присутствием» (Dasein), которое есть сущее, имеющее «образцовый» характер. Dasein является, с одной стороны, основанием для сущности, ее носителем и тем, что обладает сущностью, с другой же стороны, тем, что выводится из сущностного порядка и вводится в порядок экзистенциальный: его сущность лежит в его существовании. Хайдеггер представляет Dasein как своего рода suppositum, т. е. то, что одновременно обладает сущностью, или тем, *что* представляет собой вещь, и то, что осуществляет существование и действие. Подобно тому, как Фома Аквинский посредством substinentia (субстанциального модуса, который характеризует конкретное единство сущности и существования) показывает то, как essentia в suppositum

трансформируется в existentia, Хайдеггер показывает, как Dasein, благодаря открытости бытию и специфическому бытийному характеру, приобретает экзистенциальный характер, становится сущим в смысле existentia и дает возможность существованию осуществиться. В силу этого мы можем в итоге интерпретировать сущее в *онтологическом* смысле (т. е. в степени его отношения к бытию как таковому) и в смысле *онтическом* (т. е. в степени отношения к самому себе, с интенцией конечного определения этого сущего как сущего в его бытии).

В лекционном курсе о Ницше Хайдеггер говорит, что о бытии сущего, если спрашивать о нем с точки зрения самого сущего, говорится как о том, что «примысливается» к сущему. «О бытии сущего спрашивается с точки зрения самого сущего как о том, что *примысливается* к сущему. Примысливается как что? Как γένος и как κοινόν, как нечто такое, откуда всякое сущее в его таком-то и таком-то бытии получает общее *"что"*» [Хайдеггер, Ницше, 2007, т. 2, 303]. Как в таком случае может быть представлено само бытие? Очевидно, в смысле предельной общности, включающей в себя все значения сущего, либо в смысле частного обобщения, откуда сущее в его специфическом бытии может получать свое «что». В такой постановке вопроса о бытии мы, безусловно, постигаем то, что оно *есть*, однако Хайдеггера не удовлетворяют формальные постановки вопроса о бытии, его интересует не *понятие бытия* и не логическая модель, изображающая различные подходы к этому понятию, он заинтересован *в реальном схватывании* бытия как такового. В понятийном схватывании сущего мы можем прийти к заключению о том, что оно есть в силу своего бытия. Всякая вещь есть, и от рассмотрения родо-видовых отношений, характеристик, модификаций и дериваций сущего мы можем перейти к *простому факту бытия* всякой вещи. Так мы входим в пространство *мышления бытия*, где можем его схватить и постичь реальным образом [Хайдеггер, 2012, 66].

Заключение

Традиционная метафизика не мыслит бытия, останавливаясь на бытии сущего, она обрекает бытие как таковое на забвение. Таким образом, Хайдеггер ставит перед собой весьма амбициозную задачу обновления метафизики, что фактически означает построение новой метафизики, которая будет мыслить бытие как таковое, так же как она мыслит сущее в его предельных значениях и сущее в его бытии.

Библиография

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2012. 247 с.
3. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
4. Паткуль А.Б. О статье Дмитрия Федчука «Схоластическое различие в сущем и онтологическая дифференция» // HORIZON. Феноменологические исследования. 2014. № 3 (1). С. 251-260.
5. Федчук Д.А. Ответ на рецензию А.Б. Паткуля на статью «Схоластическое различие в сущем и онтологическая дифференция» (HORIZON, том 2 (2), 2013) // HORIZON. Феноменологические исследования. 2014. № 3 (2). С. 177-185.
6. Федчук Д.А. Схоластическое различие в сущем и онтологическая дифференция // HORIZON. Феноменологические исследования. 2013. № 2 (2). С. 75-85.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. 452 с.
8. Хайдеггер М. Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 464 с.
9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
10. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
11. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2007. 320 с.

Heidegger's thesis about being: on the ontological difference between being and existence

Yana A. Makakenko

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of philosophy,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620002, 19 Mira st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: yanach@list.ru

Abstract

The article aims to explore the ontological difference between being and existence It is well known that Martin Heidegger elaborates the only thought in his philosophy – the thought about being. Aristotle believed that cognition of being (the "being of beings") is the first and sole purpose of philosophy. In this regard M. Heidegger is a traditional thinker trying to discover and express the true meaning of philosophy. Furthermore, he claims to restate the question of the meaning of being, because classical metaphysics does not consider being itself, being as such. The article points out that classical metaphysics regards being only as being of existence. Thus, M. Heidegger sets before himself a very ambitious aim of rethinking "old" metaphysics and creating "new" metaphysics, which will think of being itself, different from being of existence. The author of the article makes an attempt to review M. Heidegger's two contradictory statements about being, presented in his "Being and Time": "the being of existence 'is' not existence itself" and "being is always the being of existence". Having considered other scholars' points of view, the author pays special attention to the fact that these combined statements open the way to capturing the focus of M. Heidegger's philosophy on being itself.

For citation

Makakenko Ya.A. (2018) Tezis Khaideggera o bytii: k voprosu ob ontologicheskom razlichii bytiya i sushchego [Heidegger's thesis about being: on the ontological difference between being and existence]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 43-51.

Keywords

Being, existence, ontological difference, identity of thinking and being, difference in existence, essence, Dasein, Heidegger, Aristotle, metaphysics.

References

1. Aristotle (1976) Metafizika [Metaphysics]. In: *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
2. Brentano F. (1862) *Von der mannigsachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles*. Freiburg: Herdersche Verlagshandlung. (Russ. ed.: Brentano F. (2012) *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelyu*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School.)
3. Fedchuk D.A. (2014) Otvet na retsenziyu A.B. Patkulya na stat'yu "Skholasticheskoe razlichie v sushchem i ontologicheskaya differentsiya" (HORIZON, tom 2 (2), 2013) [The response to A.B. Patkul's review of the article "The scholastic difference in being and ontological differentiation" (HORIZON, Vol. 2 (2), 2013)]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Studies in phenomenology], 3 (2), pp. 177-185.

4. Fedchuk D.A. (2013) Skholasticheskoe razlichie v sushchem i ontologicheskaya differentsiya [The scholastic difference in being and ontological differentiation]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Studies in phenomenology], 2 (2), pp. 75-85.
5. Gaidenko P.P. (1997) *Proryv k transtsendentnomu: novaya ontologiya XX veka* [The breakthrough to the transcendent: the new ontology of the 20th century]. Moscow: Respublika Publ.
6. Heidegger M. (2005) *Die Grundprobleme der Phänomenologie*. Frankfurt am Main: Klostermann. (Russ. ed.: Heidegger M. (2001) *Osnovnye problemy fenomenologii*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School.)
7. Heidegger M. (1961) *Nietzsche*. Adler's Foreign Books Inc. (Russ. ed.: Heidegger M. (2007) *Nitsshe,* Vol. 2. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.)
8. Heidegger M. (2006) *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer. (Russ. ed.: Heidegger M. (1997) *Bytie i vremya*. Moscow: Ad marginem Publ.)
9. Heidegger M. (1992) *Was heißt Denken?* Ditzingen: Reclam. (Russ. ed.: Heidegger M. (2007) *Chto zovetsya myshleniem?* Moscow: Akademicheskii proekt Publ.)
10. Heidegger M. (2006) *Zollikoner Seminare*. (Russ. ed.: Heidegger M. (2012) *Tsollikonovskie seminary*. Vilnius: European Humanities University.)
11. Patkul' A.B. (2014) O stat'e Dmitriya Fedchuka «Skholasticheskoe razlichie v sushchem i ontologicheskaya differentsiya» [On the article "The scholastic difference in being and ontological differentiation" by Dmitry Fedchuk]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya* [HORIZON. Studies in phenomenology], 3 (1), pp. 251-260.

УДК 1(091)

Гносеология ценностей в феноменологии и философии неокантианства

Мешков Игорь Михайлович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и социальных наук,
Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет,
298635, Российская Федерация, Ялта, ул. Севастопольская, 2;
e-mail: nesyalkayotl@mail.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ философии неокантианства и феноменологии в контексте способов познания и «прочтения» ценностей. Самих способов познания можно выделить несколько: рационалистический и чувственный. Несмотря на преобладающий гносеологический акцент статьи, тем не менее, не обойдена вниманием и онтологическая сторона ценностей в том смысле, что показывает тот аспект, который поддается познанию. В качестве примера можно привести концепцию Г. Риккерта, у которого ценности «трансцендентально-значимы», но не объективны, и как противоположность – теорию М. Шелера, показывающего, что ценности идеальны, объективны настолько, что могут не предполагать «Я». В данной связи, очевидно, что способы познания, применимые данными мыслителями, различны в зависимости от онтологии ценностей. Целью исследования является проведение сравнительного анализа гносеологии ценностей в философии неокантианства и феноменологии в контексте рационалистического и чувственного способов познания. Сравнительный анализ философии неокантианства и феноменологии позволит установить особенности применения, предпочтения в способах познания ценностей, «оттенки» гносеологии в зависимости от онтологии ценностных ориентаций. Результаты исследования могут быть использованы в теории познания, так как основное концептуальное содержание посвящено гносеологической стороне проблемы ценностей. Сравнительный анализ нескольких аксиологических течений, таких как неокантианство и феноменология, позволяет применять материал работы в истории философии. Вместе с тем научные результаты статьи могут быть использованы в философии и методологии науки, так как затрагивается проблема использования методов познания ценностей.

Для цитирования в научных исследованиях

Мешков И.М. Гносеология ценностей в феноменологии и философии неокантианства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 52-57.

Ключевые слова

Ценность, «абсолютный онтологизм», значимость, мышление, оценочные суждения, чувственные акты, любовь, ноэзис, ноэма, интенциональность.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Гносеология ценностей в аксиологическом учении философии играет значимую роль, поскольку позволяет «отыскать» и прочесть те значимые феномены объективной и субъективной действительности, которые имели бы ценностное содержание.

Среди способов познания ценностей, можно выделить рациональный, основанный на оценочных суждениях, научной методологии, мышлении. Другим же способом познания является чувственный, выражающийся преимущественно в чувственных актах, эмотивных высказываниях, переживаниях.

Философия неокантианства и феноменология в гносеологии ценностей используют оба способа познания. Более того, как первое аксиологическое течение, так и второе – имеют много общего и даже дополняют друг друга. В определенной степени различием между данными течениями можно считать онтологическую сторону в интерпретации ценностей, которая отразилась на сфере познания ценностных ориентаций. Стоит в данной связи обратить внимание на то, что философия неокантианства в определенной степени противостоит бытию, ведь по утверждениям Г. Риккерта сущностью трансцендентального является значимость, а не фактичность [Риккерт, 1992, 55]. Сфера трансцендентального превращается в «обитель» ценностей. Феноменология в свою очередь постулирует понятие «абсолютного онтологизма», наиболее ярко выразившегося в учении М. Шелера. То есть, в феноменологии сфера трансцендентального однозначно определяется как бытие, фактичность, сверхпредметность в аксиологическом измерении. Данный факт онтологического различия между неокантианством и феноменологией позволяет выяснить, что же подвергается познанию: «трансцендентально-значимое», или «предметность» идеалистического плана?

Гносеология ценностей

Феноменология расширяет сферу бытия на «трансцендентальное», через феномены сознания, в отличие от философии неокантианства. Главным инструментом постижения трансцендентального является «ноэзис» – процесс сознания по утверждению Э. Гуссерля. Ключевая роль в процессе сознания принадлежит трансцендентальному субъекту, сознанию вообще. «Ноэзис» в данном смысле является ценностным сознанием, способным порождать «аксиологическую предметность», называемую Э. Гуссерлем «ноэмой» [Husserl, 1922, 240, 168, 270]. Связующим звеном между «ноэзисом» и «ноэмой» является интенциональность как направленность сознания на предметный мир [Husserl, 1922, 240, 168, 270]. В аксиологическом значении интенциональность сознания – способность порождать предметный мир в его ценностном значении [Husserl, 1922, 240]. Через ноэзис – процесс сознания, конституируются предметы, создается ноэма – предмет, выражающийся как феномен, обладающий смысловой значимостью [Husserl, 1922, 240]. В данной связи, стоит обратить внимание на то, что философия неокантианства, в частности Г. Риккерт видел в значимости сущность трансцендентального [Риккерт, 1913, 55]. Э. Гуссерль смысловую значимость применяет к «аксиологической предметности» – ноэме. Ноэзис через свою направленность – интенциональность, наделяет предмет (ноэму) смысловой значимостью.

Несмотря на то, что Г. Риккерт и Э. Гуссерль применяют категорию значимости в разных контекстах, гносеологически оба мыслителя усматривали рационалистический способ познания ценностей. Исследователь неокантианства Т. Райнов пишет, что мышлению принадлежит

значимость согласно нравственному императиву [Райнов, 1913, 104]. Г. Риккерт категорию значимости относил так же к научному познанию, ведь в своем труде «науки о природе и о культуре» он высказывался, что «для историка Французская революция может оцениваться положительно, или отрицательно, но она значима [Риккерт, 1992, 92]. Э. Гуссерль в свою очередь значимость понимал, как «смысловую значимость», то есть в рационалистическом контексте.

По Э. Гуссерлю, сознанию присуще интенциональность – единство переживаний, «быть сознанием о чем-то» [Husserl, 1922, 186].

Таким образом, в философии Э. Гуссерля ценность предметна, возникает вследствие направленности на нее сознания, где она интерпретируется как «ноэма», обладающая смысловой значимостью, и понимается как феномен.

Феномен по Э. Гуссерлю, с точки зрения К.А. Свасьяна, не есть предмет, вещь, существующая сама по себе, вне сознания, но «самообнаружение и самополагание вещи в потоке сознательных переживаний» [Свасьян, 1987, 86].

Если существует субъект, обладающий процессом «ноэзиса», и существует объект, понимаемый как «ноэма» в аксиологическом значении, то интенциональность – направленность актов, включая суждения и оценочные акты [Husserl, 1922, 168]. В данной связи, стоит подчеркнуть, что интенциональность в гносеологическом смысле конструирует «ноэму», «аксиологическую предметность» через суждения, оценочные акты, направленные на вещи, преобразовывая их в ценности.

Философия неокантианства в свою очередь не отражала рационалистическую связь субъекта с объектом. В представленной связи, Г. Риккерт упоминает о том, что трансцендентальная ценность соединена с субъектом, воплощаясь в виде оценки [Риккерт, 1992, 66]. Оценка соответственно является актом субъекта.

Другой видный представитель феноменологии М. Шелер видит процесс интенциональности в несколько другом аспекте, а именно в интенциональном предмете, а не в интенциональности сознания как у Э. Гуссерля. «Абсолютный онтологизм» М. Шелера говорит о том, что могут быть даны предметы, по своей сущности не постигаемые через сознание [Scheler, 1921, 272].

Гносеология ценностей М. Шелера в отличие от концепции Э. Гуссерля акцент делает на чувственном познании ценностных ориентаций. По Шелеру, ценности явлены чувственному созерцанию, они постигаются субъектом через чувствование. Тем не менее, «бытие ценностей столь же мало предполагает Я, как предполагает существование предметов, например чисел, или существование всей природы» [Scheler, 1921, 273].

Ценности по М. Шелеру объективны настолько, что они «не могут быть созданы или уничтожены. Они существуют независимо от всех организаций определенных духовных сущностей» [Scheler, 1921, 268].

На основании вышеизложенного, следует обратить внимание на классический платонизм в понимании ценностей по М. Шелеру, где они подобно идеям – вечны, неизменны, всеобщи… Следует так же акцентировать внимание на то, что данные «сверхпредметы» как ценности интенциональны, то есть играют роль абсолютного сознания, направленного на сознание отдельного субъекта.

По мнению М. Шелера, полнота идей и ценностей находится в Божественном, заложенном в основании вещей, но сам человек в его человеческой самости – «это единственное место становления Бога» [Шелер, 1976, 94]. Поэтому человек соучаствует в актах непрерывного творения мира и участвует в сопровождении идей и «сопровождающих вечную любовь ценностей из первоистока самих вещей» [Шелер, 1976, 61].

Таким образом, судя по всему, в концепции М. Шелера присутствует определенный натурализм, ведь полнота идей и ценностей находится в Божественном, заложенном в их основании. Человек в данной связи – единственное место становления Бога [Шелер, 1976, 94]. Задача человека – соучастие в сопровождении идей через чувствование, а именно любовь [Sheler, 1921, 248-249]. То есть чувство любви сопровождает идеи от «ценностей в себе» к «ценностям для нас».

Подобным образом относительно роли человека в воплощении ценностей высказывался представитель неокантианства В. Виндельбанд, где «человек выступает посредником воплощения ценностей, с точки зрения философа, нормативное долженствование ценности имеет свое сверхъестественное основание: «… высшие ценности эмпирической жизни – знание, нравственность и искусство – становятся живыми деяниями Божества в человеке и приобретают в трансцендентальном сознании более высокое и глубокое значение» [Виндельбанд, 1904, 298].

Относительно трансцендентального, в его Божественной интерпретации, можно упомянуть представителя неокантианства Г. Лотце, утверждавшего, что «вера, указывает нам в идеях блага прекрасного и Святого, дает единственную непреложную цель, которая определяет ценность всякой действительности» [Лотце, 1866, ч. 2, 15-16]. То есть, вера в концепции мыслителя, безусловно, имеет гносеологическое значение, отсылающее субъекта к идеям блага прекрасного и Святого. В данном плане, вера как инструментарий познания имеет нечто похожее с интенциональностью Э. Гуссерля, исключая только феноменологическое содержание. В концепции Г. Лотце, также, как и у М. Шелера, гносеология имеет эмоционально-окрашенное содержание, ведь ценности «схватываются» чувством удовольствия [Лотце, 1866, ч. 1, 281]. По М. Шелеру в свою очередь, чувство любви познает, сопровождает идеи и ценности от «сверхпредметности» до их реализации в эмпирической действительности [Sheler, 1921, 248-249].

Другой видный представитель неокантианства Г. Коген, также делал акцент на чувствование как способ познания ценностей. Мыслитель считал достоинство человека главной ценностью, полагая, что оно способно мотивировать индивида через чувства – побуждать приобщаться ко всеобщему, «идеальному». Человек, как представитель всего человечества, связан с таким родовым состоянием человеческого сознания, как «чистое чувство». «Чистое чувство», по Г. Когену, и есть эстетическая сфера, объединяющая «чистое познание» – мышление и «чистую волю». Искусство, объективирующее «чистое чувство», приобщает человека к человечеству и воспитывает человечность в человеке. Вместе с тем, на достоинство человека направлена любовь к человеку [Cohen, 1912, 236].

Заключение

Таким образом, рассматривая концепцию представителя неокантианства Г. Риккерта, можно утверждать, что его гносеологическая позиция по отношению к ценностям выглядит рационалистически, поскольку мышлению принадлежит значимость. В исторической науке историк обращает внимание на значимые события, соответствующие трансцендентальной ценности [Риккерт, 1992, 92].

Похожим образом в способе познания ценностей использовал представитель феноменологии Э. Гуссерль, где главным гносеологическим инструментарием является интенциональность, которая способна порождать ноэму, вещи в аксиологическом значении. Интенциональность формирует «смысловую значимость» вещей, что указывает на некоторый

рационализм, соответствующий позиции Г. Риккерта. Тем не менее, понятие интенциональности явно шире категории значимости, и в данном смысле Э. Гуссерль в определенной степени выходит за рамки рационализма, касаясь отчасти психологической стороны. В представленном контексте, интенциональность – единство сознательных переживаний [Husserl, 1922, 186].

Другой видный представитель феноменологии М. Шелер придерживался позиции чувственного познания ценностей, а именно, человек соучаствует, сопровождает идеи и ценности от плана трансцендентального, в план эмпирической действительности. Главным инструментом такого познания, сопровождения, соучастия является чувство любви, и в этом процессе человек становится местом становления Бога [Шелер, 1976, 94]. Трансцендентальный план с позиции мыслителя представлен натуралистически, с точки зрения Божественного, и именно Бог, судя по всему, обладает интенциональностью, как некая «сверхвещь», направленная на сознание человека. То есть, человек «схватывает» идеи и ценности через чувство любви, и реализует их в действительности [Sheler, 1921, 248-249].

К данному способу познания ценностей можно отнести представителей неокантианства Г. Лотце и Г. Когена, где первый мыслитель утверждал, что ценности схватываются чувством удовольствия [Лотце, 1866, ч. 1, 281]. Второй же мыслитель также выделял чувство любви применимое к познанию достоинства человека [Cohen, 1912, 236].

Библиография

1. Виндельбанд В. Прелюдии: философские статьи и речи. СПб., 1904. 374 с.
2. Лотце Р.Г. Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории. Опыт антропологии. Жизнь. М., 1866. Ч. 2. 620 с.
3. Райнов Т. Гносеология Лотце // Новые идеи в философии. 1913. Сб. 7. С. 80-114.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1992. 128 с.
5. Риккерт Г. Два пути познания // Новые идеи в философии. 1913. Сб. 7. С. 1-79.
6. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ереван, 1987. 265 с.
7. Шелер М. Положение человека в космосе. М., 1976. 425 с.
8. Cohen H. Astetic des Gefuhls. Berlin: Erster Band, 1912. 225 s.
9. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Halle, 1921. 676 s.
10. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologishen Philosophie. Halle: Erstes Buch, 1922. 168 s.

The Epistemology of Values in the Phenomenology and Philosophy of Neo-Kantianism

Igor' M. Meshkov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of philosophy and social sciences,
Humanitarian and Pedagogical Academy,
Crimean Federal University,
298635, 2, Sevastopol'skaya st., Yalta, Russian Federation;
e-mail: nesyalkayotl@mail.ru

Abstract

The article compares the philosophy of neo-Kantianism and phenomenology in the context of their methods of cognizing and reading values. The methods of cognition can be divided into the

following ones: rationalistic and sensual. Nevertheless, despite the predominant epistemological emphasis in the article, the ontological element of values is not overlooked, as it shows the aspect that can be cognized. An example is G. Rickert's concept, whose values are transcendental and significant but not objective; and the opposite is M. Scheler's theory showing that values are ideal and objective to such an extent that they may not imply ego. The purpose of the research is to conduct a comparative analysis of the epistemology of values in the philosophy of neo-Kantianism and phenomenology in the context of the rationalistic and sensual cognition methods. The comparative analysis of the philosophy of neo-Kantianism and phenomenology will make it possible to establish the specific features of application and preferences in the methods of values' cognition, shades of epistemology depending on the ontology of value orientations. The results of the research can be used in the cognitive theory, since the main conceptual content concerns the epistemological element of the problem of values. The comparative analysis of several axiological schools of thought, such as neo-Kantianism and phenomenology, makes it possible to apply the research results in the history of philosophy. At the same time, the scientific results of the article can be used in the philosophy and methodology of science.

For citation

Meshkov I.M. (2018) Gnoseologiya tsennostei v fenomenologii i filosofii neokantianstva [The Epistemology of Values in the Phenomenology and Philosophy of Neo-Kantianism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 52-57.

Keywords

Value, absolute ontologism, significance, thinking, value judgments, sensual acts, love, noesis, noema, intentionality.

References

1. Cohen H. (1912) *Astetic des Gefuhls.* Berlin: Erster Band.
2. Husserl E. (1922) *Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologishen Philosophie.* Halle: Erstes Buch.
3. Lotze R.G. (1866) *Mikrokosm. Mysli o estestvennoi i bytovoi istorii. Opyt antropologii. Zhizn'* [Microcosm. Thoughts on natural and everyday history. The experience of anthropology. The life]. Moscow. Part 2.
4. Rainov T. (1913) Gnoseologiya Lottse [Lotze's Gnoseology]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy], 7, pp. 80-114.
5. Rickert G. (1913) Dva puti poznaniya [Two ways of knowledge]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy], 7, pp. 1-79.
6. Rickert G. (1992) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Two ways of knowledge]. Moscow: Respublika Publ.
7. Scheler M. (1921) *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Halle.
8. Scheler M. (1976) *Polozhenie cheloveka v kosmose* [The position of man in space]. Moscow.
9. Svas'yan K.A. (1987) *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism]. Erevan.
10. Windelband V. (1904) *Prelyudii: filosofskie stat'i i rechi* [Preludes: philosophical articles and speeches]. St. Petersburg.

УДК 364.146

Динамика развития социокультурного диалога в поликультурном обществе

Атик Аниса Ахмедовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социальных наук,
Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
95000, Российская Федерация, Симферополь, просп. Вернадского, 4;
e-mail: anisatun@mail.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

В данной работе рассматриваются особенности развития социокультурного диалога в исторической ретроспективе и периодическое возникновение этноконфессиональных противоречий, ведущих к искажению социальной и политической жизни общества. Данный аспект имеет особую социально-историческую значимость для поликультурного общества Крыма, который издревле считался местом встречи и взаимодействия самых разнообразных культур, что является основной предпосылкой для осуществления конструктивного социокультурного диалога. Диалог культур как социокультурное явление имеет свою особенность, которая заключается в том, что для его осуществления требуется взаимная заинтересованность его участников. Построение социокультурного диалога в поликультурном обществе основывается, прежде всего, на принципах укрепления взаимопонимания между представителями различных культур и верований с акцентом на преимущества культурного разнообразия и уважения к нему. Современное общество, характеризующееся своей многогранностью и плюралистичностью всех аспектов культуры, тем не менее, испытывает потребность в диалоге, так как именно в нем открываются просторы для межкультурного конструктивного общения и взаимодействия с учетом уникальности и самобытности каждой культуры. Для этого, на наш взгляд, необходимо выработать особую культуру и политику социокультурного диалога, которые смогли бы сформулировать четкие рамки отношений в ходе осуществления социокультурного диалога.

Для цитирования в научных исследованиях

Атик А.А. Динамика развития социокультурного диалога в поликультурном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 58-64.

Ключевые слова

Социокультурный диалог, культура, поликультурное общество, толерантность, этноцентризм.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена растущим уровнем разногласий и противоречий, протекающих в современном обществе, в частности в поликультурном обществе Крыма. Социокультурный диалог становится основным фактором развития культуры взаимопонимания и создания конструктивных взаимоотношений в обществе. Именно поэтому исследование динамики развития социокультурного взаимодействия становится необходимым элементом для решения кризисных ситуаций, возникающих в современном обществе. Главным, а порой единственным, способом мирного разрешения конфликтов в этой ситуации является социокультурный диалог, как метод согласования различных интересов. Современное общество сталкивается сегодня с необходимостью решения двуединой проблемы, а именно стремление к поиску точек соприкосновения и единства интересов разных народов, с одной стороны, но с другой стороны, оно пытается сохранить уникальность и неповторимость каждой культуры. Межкультурное взаимодействие и активный обмен материальными и духовными ценностями сопровождается усилением самоутверждения национальных культур.

Все это делает актуальной проблему раскрытия феномена диалога, изучение его динамики в условиях взаимодействия культур при необходимости сохранения локальных культур и их защиты от негативных последствий глобализации и унификации.

Постановка проблемы

Сегодня в условиях всеохватывающей глобализации происходит повсеместный процесс социокультурного возрождения и подъем этнокультурного самосознания, тяготеющего к сохранению своей культуры, уникальности и особой духовной целостности. Эта тема особо актуальна для современного общества России и особенно Крыма, который с давних времен был известен как перекресток культур и славился своей многонациональностью и поликультурностью.

Однако, несмотря на толерантные отношения этносов Крыма на бытовом уровне, иногда возникают конфликтные ситуации, связанные с попыткой представителей одних этнических элит доказать свой приоритет над другими.

Анализ последних исследований и публикаций позволяет выявить, что проблема социокультурного диалога и динамика его развития занимает и волнует многих исследователей, которые рассматривают ее в различных ракурсах, начиная с философии, культурологии и заканчивая областью политики и экономики.

Наряду с классиками философии диалога, таких как Мартин Бубер, Франц Розенцвейг, М.С. Каган, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, В.С. Библер и многих других исследователей, доказывающими специфическую особенность каждой культуры, которая не препятствует возможности взаимодействия и формирования новой парадигмы взаимоотношений, мы рассматривали идеи современных исследователей. Так, в современной научно-философской литературе вопрос диалога освещается в работах А.С. Панарина, Н.Н. Моисеева, А.П. Назаретяна, рассматривающих влияние глобализации на осуществление социокультурного диалога. Также отметим деятельность А.В. Журавского, А.С. Уткина, М.А. Чешкова, Я.Н. Питерсе, В.И. Толстых, С.В. Аршинова, В.Е. Черникова, рассматривающих

особенности развития диалога культур в контексте межконфессионального взаимодействия, определения роли религии и культуры в оптимизации диалога и гармоничных межкультурных и межконфессиональных отношений.

Значительный вклад в развитие концепции социокультурного диалога в Крыму внесли крымские ученые и исследователи, среди которых отметим А.Д. Шоркина, О.А. Габриеляна, Д.С. Берестовскую, А.Р. Никифорова, И.И. Кального, В.Е. Григорьянца, А.П. Цветкова и др.

В изучение темы диалога культур был сделан значительный вклад, большое количество научной, философской и культурологической литературы посвящено исследованию названного феномена. Тем не менее, диалог как социокультурное явление, имеющее свои особенности развития не получил достаточного освещения, что обусловило выбор данной темы.

Объектом исследования является диалог как социокультурное явление современного общества.

Предметом исследования является особенности развития диалога в современном поликультурном обществе Крыма.

Целью исследования является определение основных проблем, стоящих на пути осуществления социокультурного диалога в поликультурном обществе Крыма.

Задачи исследования:

-анализ системы существующих взаимоотношений, сложившихся на протяжении истории в поликультурном обществе Крыма;

-формирование понимания сущности периодически возникающих этноконфессиональных противоречий, и определение возможных путей их преодоления и принципов осуществления конструктивного социокультурного диалога.

Основная часть

В настоящее время проблема социокультурного диалога звучит особенно актуально, как на глобальном уровне (обострение противоречий между Востоком и Западом), так и на региональном. Крым издревле считался местом встречи различных культур: эллинской, византийской, иудаистской, мусульманской, русской и т.д. Эта область, куда стекались и продолжают стекаться элементы культуры различных миров.

Однако современное состояние межэтнических взаимоотношений в Крыму можно назвать неустойчивым и нестабильным в связи с присутствием идей этноцентризма. Часто возникают разногласия или расхождения в понимании того или иного явления. Появляется понятие «чужой» или «другой». Контакт с «другим» не всегда носит позитивный характер, порой он вызывает простое непонимание, а иногда доходит до негодования, протеста и даже конфликта. В этих условиях, как правило, формируется образ «другого», как странного, необычного, находящегося за границами своей культуры, а значит, несущего угрозу для жизни. Именно такое понимание приводит к формированию негативного образа «другого» и распространению враждебных установок по отношению к нему.

Наряду с идеями о невозможности реального соприкосновения различных цивилизаций, о сложности взаимодействия культур, имеющих замкнутый и изолированный характер, идущих от Гегеля и О. Шпенглера [Шпенглер, 1999], не говоря уже о гипотезе «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [Хантингтон, 2003], звучат идеи универсализма и космополитизма [Ясперс, 1991].

Основоположник концепции «осевого времени» К. Ясперс отмечал, что человечество имеет единые истоки и единый путь развития [Ясперс, 1991, 31]. М.М. Бахтин писал, что культура всегда присутствует там, где есть как минимум две культуры и что «самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [Бахтин, 1979, 85].

В отдельные периоды истории межкультурное взаимодействие приводило к необычайному подъему творческих сил того или иного этноса. В кризисные периоды истории проявляются признаки этноцентризма, которые выражаются во враждебном отношении к любым народам, кроме своего, стремление подчинить себе все и вся. Однако этноцентризм может выражаться и в самоутверждении этноса, принимающего формы крайнего индивидуализма, что ведет к замкнутости и изоляции от других народов и культур и в результате – к партикуляризму.

На современном этапе развития общества мы можем наблюдать повсеместное оживление этнического самосознания, предполагающего идентификацию индивида с историческим прошлым данного этноса. Такое самосознание этноса является конструктивным до тех пор, пока не появляются претензии на избранность и уникальность.

Необходимо отметить, что внимание представителей того или иного народа к своей истории, обрядам, национальным традициям и ценностям является необходимым условием существования культуры этноса. Сохранение самобытности культуры и ее уникальности являются важными факторами самоидентификации в контексте процессов глобализации, затрагивающих и культурные связи.

В этих условиях представляется целесообразным развитие социокультурного диалога, призванного развивать взаимопонимание межу народами и их бесконфликтное сосуществование в одном социокультурном пространстве.

В этой связи М.М. Бахтин отмечает, что только в диалоге реализуется жизнь человека и его действия приобретают смысл: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, понимать, ответствовать, соглашаться» [Бахтин, 1979, 329].

В рамках осуществления диалога необходимо разработать правила и нормы сосуществования разных культур и их представителей в едином поликультурном обществе. В основе таких норм должны выступать взаимоуважение и готовность к ведению диалога. Так крымский исследователь и философ А.Д. Шоркин отмечает, что такой диалог подразумевает «взаимное обогащение культур, способность слышать друг друга и развиваться не в ущерб, а в пользу другому, как и самому себе» [Шоркин,2002, 29].

Однако сегодня мы наблюдаем, что основные этнические группы Крыма вместо взаимного обогащения и сотрудничества предъявляют друг другу целые списки исторических претензий, испытывая при этом существенные трудности в создании мирных взаимоотношений.

Крымский исследователь А.П. Цветков выразил мысль о том, что Крым может быть примером толерантности и уважения права каждого народа на самобытность. Что касается геополитического и духовного плана, Крым, по его мнению, должен стать катализатором исторических процессов, сближающих народы. Исследователь также отмечает важную роль интеллигенции в межнациональных отношениях, особенно тогда, когда возникает конфликтная ситуация. Сегодня Крым можно рассматривать как уникальную геокультурную территорию, сочетающую в себе особенности восточной и западной культур [Цветков, 1993, 22].

В качестве основных принципов осуществления социокультурного диалога можно назвать: признание прав «другого» на сохранения своей самобытности и уникальности, его права быть иным и сохранять свои ценности и приоритеты.

В качестве условий для разрешения данной проблемы А.П. Цветков предлагает: во-первых, создать регионально-культурную политику, за счет сокращения влияния процессов унификации, посредством организационно-технологических средств; во-вторых, организовать устойчивый, непрерывный процесс межкультурного диалога поликультурного региона; в-третьих, обеспечить условия для диалога на разных уровнях: культурных элит, общественности, религиозных элит [Цветков, 2001, 7].

Необходимо выработать такую модель общественного развития, в которой не были бы ущемлены интересы ни одного из народов при обеспечении равных условий для всех народов Крыма. Основой такой модели должен стать социокультурный диалог, выстроенный на принципах: паритетности в отношениях, взаимной культурной эмпатии и равноправия сторон диалога.

Заключение

Можно прийти к заключению, что диалог культур как социокультурное явление имеет свою особенность, которая заключается в том, что для его осуществления требуется взаимная заинтересованность его участников. Построение социокультурного диалога в поликультурном обществе основывается, прежде всего, на принципах укрепления взаимопонимания между представителями различных культур и верований с акцентом на преимущества культурного разнообразия и уважения к нему. Современное общество, характеризующееся своей многогранностью и плюралистичностью всех аспектов культуры, тем не менее, испытывает потребность в диалоге, так как именно в нем открываются просторы для межкультурного конструктивного общения и взаимодействия с учетом уникальности и самобытности каждой культуры. Для этого, на наш взгляд, необходимо выработать особую культуру и политику социокультурного диалога, которые смогли бы сформулировать четкие рамки отношений в ходе осуществления социокультурного диалога.

В Крыму диалог может осмысливаться как способ преодоления периодически возникающих конфликтов и разногласий, а для этого необходимо создание правовой и этической базы со стороны общественной элиты и государства, направленной на поддержку общества, стремящегося к диалогу.

Перспектива построения конструктивного социокультурного диалога и его положительное влияние на взаимоотношения в обществе остается значимой и актуальной и требует дальнейшего философского осмысления и научной разработки.

Библиография

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Худож. лит., 1979. 424 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
3. Цветков А.П. Культура Крыма как особый тип средиземноморской культуры // Культура Крыма на рубеже веков (XIX–XX вв.). Материалы республиканской научной конференции 27-29 апреля 1993 г. Симферополь, 1993. С. 20-22.
4. Цветков А.П. Полиэтничный и поликультурный Крым: проблемы, решения, перспективы // Предупреждение межнациональных конфликтов в Крыму и их разрешение через диалог культур и интеллектуальные усилия национальных элит (материалы круглых столов). Симферополь, 2001. С. 5-8.
5. Шоркин А.Д. Этос в пространстве культур и цивилизаций // Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. Симферополь: ДОЛЯ, 2002. 300 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Попури, 1999. 720 с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. 527 с.

Dynamics of development of socio-cultural dialogue in a policultural society

Anisa A. Atik

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of philosophy and social sciences,
Humanitarian and Pedagogical Academy,
Crimean Federal University named after V.I. Vernadskiy,
95000, 4, Vernadskogo av., Simferopol, Russian Federation;
e-mail: anisatun@mail.ru

Abstract

This paper examines the features of the development of sociocultural dialogue in a historical retrospective and the periodic emergence of ethno-confessional contradictions leading to a distortion of the social and political life of society. This aspect has a special socio-historical significance for the multicultural society of Crimea, which since ancient times was considered a meeting place and interaction of the most diverse cultures, which is the main prerequisite for the implementation of a constructive sociocultural dialogue. The dialogue of cultures as a sociocultural phenomenon has its own peculiarity, which consists in the fact that its implementation requires the mutual interest of its participants. Building a sociocultural dialogue in a multicultural society is based primarily on the principles of strengthening mutual understanding between people of different cultures and beliefs, with an emphasis on the benefits of cultural diversity and respect for it. Modern society, characterized by its versatility and pluralism of all aspects of culture, nevertheless, is in need of dialogue, since it is in it that open spaces for intercultural constructive communication and interaction, taking into account the uniqueness and originality of each culture. For this, in our opinion, it is necessary to develop a special culture and policy of sociocultural dialogue, which could formulate a clear framework of relations in the course of the sociocultural dialogue.

For citation

Atik A.A. (2018) Dinamika razvitiya sotsiokul'turnogo dialoga v polikul'turnom obshchestve [Dynamics of development of socio-cultural dialogue in a policultural society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 58-64.

Keywords

Socio-cultural dialogue, culture, multicultural society, tolerance, ethnocentrism.

References

1. Bakhtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Khudozh. lit., 1979. 424 s.
2. Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST Publ.
3. Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.
4. Shorkin A.D. (2002) Etos v prostranstve kul'tur i tsivilizatsii [Ethos in the space of cultures and civilizations]. *Mezhetnicheskoe soglasie v Krymu: puti dostizheniya* [Inter-ethnic harmony in the Crimea: ways to achieve]. Simferopol: DOLYA Publ.

5. Spengler O. (1999) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow: Popuri Publ.
6. Tsvetkov A.P. (1993) Kul'tura Kryma kak osobyi tip sredizemnomorskoi kul'tury [Culture of the Crimea as a special type of Mediterranean culture]. In: *Kul'tura Kryma na rubezhe vekov (XIX–XX vv.). Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii 27-29 aprelya 1993 g.* [Culture of the Crimea at the turn of the century (XIX – XX centuries). Materials of the Republican Scientific Conference on April 27-29, 1993]. Simferopol.
7. Tsvetkov A.P. (2001) Polietnichnyi i polikul'turnyi Krym: problemy, resheniya, perspektivy [Polyethnic and multicultural Crimea: problems, solutions, perspectives]. In: *Preduprezhdenie mezhnatsional'nykh konfliktov v Krymu i ikh razreshenie cherez dialog kul'tur i intellektual'nye usiliya natsional'nykh elit (materialy kruglykh stolov)* [Prevention of interethnic conflicts in Crimea and their resolution through a dialogue of cultures and intellectual efforts of national elites (materials of round tables)]. Simferopol.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 005.1:005.642.5

Творческий потенциал человеческого капитала инновационной экономики

Беленкова Оксана Архиповна

Доктор философских наук, профессор,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
450062, Российская Федерация, Уфа, ул. Космонавтов, 1;
e-mail: belenkovaoksana@mail.ru

Аннотация

В статье в рамках гуманитарной парадигмы исследована проблема формирования творческого потенциала человеческого капитала. Показано, что в инновационном обществе профессиональная подготовка специалистов, обладающих инновационно ориентированным творческим потенциалом, превращается в особую форму капитала инновационной экономики. Разработана комплексная социокультурная методология, интегрирующая инструментарий социальной философии, экономической науки, социологии и социально-философской антропологии. Обоснована структура человеческого капитала как системной совокупности общекультурных и профессиональных знаний и компетенций специалистов-инноваторов, реализация творческих потенций которых в социальной практике является условием эволюционного развития общества и формирования его богатства. Обоснован исторический характер развития творческого потенциала человеческого капитала, который формируется исторически, воплощая на каждом этапе человеческой истории творческие возможности человечества в таких формах творчества как искусство, наука, техника. В совокупности они выступают как целостная система социального творчества, а отдельные его формы: художественно-эстетическая, научная, технико-технологическая стимулируют творческую активность индивидов, проявляющуюся в оптимизации качества их труда и условий жизни. В статье обоснован инновационный аспект творческого потенциала субъектов творчества, сохраняющих в создаваемых инновационных системах единство прошлого и современного, диалектическая взаимосвязь которых обеспечивает реализацию потребности субъектов творчества в самоактуализации, стимулирующей их творческо-созидательную деятельность. Автор считает, что данное диалектическое единство должно рассматриваться в условиях инновационного общества как определяющий принцип гуманитарной парадигмы формирования инновационно-ориентированного в своей реализации творческого потенциала субъектов человеческого капитала.

Для цитирования в научных исследованиях

Беленкова О.А. Творческий потенциал человеческого капитала инновационной экономики // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 65-78.

Ключевые слова

Инновационная деятельность, гуманитарная парадигма творчества, научно-техническое творчество, человеческий капитал, творческий потенциал человеческого капитала, формирование творческого потенциала человеческого капитала.

Введение. Постановка проблемы

На рубеже третьего тысячелетия человеческой истории современная техногенная цивилизация вступает в постиндустриальный этап развития, содержание которого определяется внедрением разнообразных инноваций во все сферы общественного производства. Источниками инноваций являются фундаментальные достижения научно-технической революции второй половины прошлого столетия, технологизация которых заложила фундамент нового мирохозяйственного уклада, определяемого двумя взаимообуславливающими друг друга факторами. К ним относятся: 1) *конвергентные (цифровые) технологии* SNBIC и NBIC [социо-, нано-, био-, инфо-, когито-конвергенция], которые разрабатываются на основе искусственного интеллекта, платформ блокчейна и квантирования; и 2) *человеческий капитал* – социально-экономический феномен, интегрирующий системную совокупность общекультурных и профессиональных знаний и компетенций инноваторов – субъектов высокотехнологичного производства, являющихся творцами принципиально новой социально-технологической реальности – инновационно-цифровой экономики XXI столетия. По определению российского академика В.С. Степина творческий потенциал этих инноваторов формируется на основе методологии научной рациональности постнеклассического типа, интегрирующей объектную и субъектную стороны познания, интеграция которых определяет принципиально новое содержание конвергентных технологий, на основе которых формируются научно-производственно-технологические комплексы, объединяющие природные, производственные и технологические факторы инновационного производства. Разрабатывают эти комплексы инноваторы – профессионалы высокого класса, к которым относятся ученые и инженеры-разработчики, а также экономисты и менеджеры, обладающие системной и творчески-ориентированной технологией мышления и практической деятельности, адекватных вызовам и требованиям инновационного производства XXI столетия. Благодаря инновационным преобразованиям в системе общественного производства выстраивается новый миропорядок, формирование которого сопровождается ожесточенной борьбой между отдельными странами и транснациональными корпорациями за природные и человеческие ресурсы, а также приоритетное положение в системе мирового хозяйства.

В этих условиях профессиональный потенциал специалистов-инноваторов (их общекультурные и профессиональные знания, компетенции и ценностные ориентации) выступают как инновационный потенциал человеческого капитала, реализация которого обеспечивает на основе внедрения в общественное производство инноваций возрастание добавочной стоимости, повышение рентабельности производства и его конкурентной способности. Соответственно, формирование инновационного потенциала человеческого капитала становится важной задачей профессиональной подготовки специалистов для хозяйственно-экономической сферы общественного производства современной России. Как считает автор, эта подготовка должна осуществляться в рамках гуманитарной научно-образовательной парадигмы, интегрирующей принципы социо- и человекоцентризма. Применение этих принципов позволяет сформировать основы творческого потенциала российских специалистов новой формации – профессионалов-инноваторов, обладающих, с одной стороны, чувством ответственности за результаты своего труда, обеспечивающего экономическую суверенность России, а с другой стороны, сформировать у них ориентированность на творческое самовыражение себя в сфере труда как личности и профессионала высокого класса.

Проблема *человеческого капитала* впервые была поставлена в конце прошлого столетия в трудах американских исследователей-экономистов Т. Шульца (1902-1998 гг.) и его ученика и последователя Г. Беккера (1930-2014 гг.), которые начали разрабатывать теорию человеческого капитала в рамках экономической науки. Также значительный вклад в теорию *человеческого капитала* внесли американские исследователи П. Бурдье, С. Кузнец, Дж. Коулман, Р. Лукас, Э. Тоффлер и ряд других авторов. В отечественном обществознании к исследованию проблем человеческого капитала также обратились на рубеже XXI столетия экономисты О.В. Давыдова, М.Н. Дорофеева, И.В. Ильинский, Ю.А. Корчагин, Р.И. Капелюшников и ряд других авторов. Этот интерес был вызван потребностями формирующейся в России инновационно-ориентированной рыночной экономики. Следует отметить, что исследование роли человеческого капитала в становлении инновационной экономики приводит к «интервенции» экономического понятия «капитал» в сопредельные с экономической наукой дисциплины – социальную философию, социологию, социальную психологию, теорию и практику управления (социальный менеджмент). В настоящее время проблема человеческого капитала интенсивно разрабатывается в рамках социальной философии в том числе автором данной статьи [Беленкова, 2014; Беленкова, 2012; Беленкова, 2004]. Это обусловлено необходимостью выявления объективных, социально обусловленных закономерностей и механизмов формирования инновационно-ориентированного творческого потенциала человеческого капитала. Исследованию этой проблемы посвящается также данная статья.

Исследовательские вопросы

Исследовательские вопросы данной статьи связаны с анализом творческого потенциала человеческого капитала инновационной экономики. Объект исследования – человеческий капитал в системе общественного производства, субъектом которого выступают специалисты-инноваторы. Предмет исследования – закономерности и механизмы формирования творческого потенциала человеческого капитала в условиях инновационно – ориентированной экономики. Цель исследования – выявить на основе применения комплексной социокультурной методологии закономерности и механизмы формирования творческого потенциала человеческого капитала как стратегического ресурса развития субъектной стороны производительных сил инновационной экономики постиндустриального общества.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели разработана комплексная социокультурная методология, интегрирующая инструментарий социальной философии, экономической науки, социологии и социально-философской антропологии. Применение данного инструментария конкретизировано в соответствии с принципом историзма, что позволило: 1) проследить динамику развития творческих потенций человеческого капитала в условиях техногенной цивилизации; 2) раскрыть специфику диалектической взаимосвязи культуры общества и его социально-экономических и производственно-технологических отношений, что является основанием при разработке конвергентных технологий; 3) выявить закономерности процесса формирования инновационного компонента творческого потенциала человеческого капитала; 4) обосновать его системный характер.

Результаты исследования

Истоки творческого потенциала человеческого капитала и его сущность. При исследовании истоков и сущности инновационного компонента творческого потенциала человеческого капитала как социально-экономического феномена необходимо, по мнению автора, опираться на социально-философскую концепцию человека как субъекта теоретико-познавательной и творчески-преобразовательной деятельности, осуществляемой им в системе общественного производства. Фридрих Энгельс – один из классиков диалектико-материалистической концепции социантропогенеза утверждал: «Труд – первое основное условие всей человеческой жизни, и при том в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [Энгельс, 1961, 486-499]. С позиции социально-философского анализа труд – это осознанная человеком познавательно-преобразовательная деятельность, выступающая в единстве двух сторон: объектной (природа) и субъектной (сознание), в процессе которой люди преобразуют вещество природы с целью производства продукта и создания условий своей жизни. Природная сторона трудовой деятельности охватывает: 1) психофизические возможности самого человека, социализированные в процессе социантропогенеза, но не утратившие своей биогенетической природы; 2) природные ареалы с присущими им природно-климатическими особенностями, определяющими характер и условия труда; 3) материальные объекты природы как предмет труда с присущими им многообразными потенциальными возможностями, необходимыми для создания объектов удовлетворяющих потребностей людей.

Духовная сторона трудовой деятельности определяется уровнем развития в процессе труда природных, сущностных сил человека. Она охватывает: 1) знания; 2) разнообразные умения и навыки по преобразованию в процессе труда природных и социальных фрагментов реальности; 3) ценностно-ориентирующие мировоззренческие взгляды и духовные отношения людей к окружающему миру. Осмысление трудовой деятельности через призму диалектической взаимосвязи ее природной (материальной) и духовной (сознание) сторон позволяет определить труд как физическую активность человека, осуществляемую им с целью преобразования вещества природы на основе использования своих природных психофизических возможностей, креативные потенции которых раскрываются в процессе труда, трактуемого как творческо-преобразовательная деятельность.

На начальном этапе человеческой истории субъектная сторона труда закреплялась в нормах и требованиях традиций (лат. tradition – передача, предание), которые носили синкретический характер, интегрируя накапливаемый социальный опыт, знания и нормы поведения, регулирующие жизнедеятельность людей. Профессор В.Е Кемеров высоко оценивает роль традиций в формировании социума как фактора, интегрирующего объектную и субъектную стороны трудовой деятельности. Он пишет: «Традиции обеспечивают простое воспроизводство общественной жизни, передачу социального опыта за счет его повтора, сохранение технологических схем, жесткую взаимозависимость социальных позиций, структур, культурных норм и стереотипов» [Кемеров, 2000, 94]. Однако в традициях приоритет принадлежит объектной стороне труда, в процессе которого выявлялись методом проб и ошибок (либо интуитивно) его наиболее оптимальные формы. Истинность этих форм как соответствие объективным закономерностям природы проверялась благодаря многократному повтору трудовых операций, в процессе осуществления которых выявлялись наилучшие результаты.

Велика роль труда в формировании социальной характеристики человека как личности. Целенаправленный труд людей в течение достаточно длительного времени и его результаты способствовали формированию таких сторон их характера, как: 1) любознательность и уважение к знаниям, которым первобытные люди придавали сакральное значение; 2) высокая оценка взаимопомощи и взаимоподдержки в процессе трудовой деятельности; 3) трудолюбие и преданность своему роду и соплеменникам; 4) физическая сила, смелость, выносливость, настойчивость в достижении поставленной цели, которые рассматривались как свойства характера, обеспечивающие сохранение рода. Все эти черты характера людей активно культивировались и, начиная с родоплеменной организации человеческого сообщества, передавались из поколения в поколение на протяжении всей человеческой истории. Но только в условиях высокотехнологичного частнособственнического производства XXI столетия они обрели статус «человеческого капитала», рассматриваемого в условиях инновационного общества как источник добавленной стоимости.

В то же время в условиях этой достаточно примитивной с точки зрения современных людей трудовой деятельности, осуществляемой в условиях родоплеменной социальной организации, впервые зарождались механизмы творчества, которые пробуждали в человеке скрытые инновационные возможности его творческого потенциала. Уже в глубокой древности люди, обустраивая свою жизнь в борьбе с природой, догадывались о том, что творческие силы и возможности, позволяющие им создавать более оптимальные условия своей жизнедеятельности, заложены в них самих. А те силы, которые позволяют реализовать эти человеческие возможности, являются внешними по отношению как к человеку, так и к тем природным условиям, в которых протекает их жизнедеятельность. И эти внешние силы определяют порядок, созданный по определенным законам, которому люди должны подчиняться беспрекословно. В монотеистических религиях христианства и ислама эти высшие духовные силы персонифицированы в лице Бога-Творца. В буддизме этой высшей силой является Брахман – Божественная Душа Мироздания. В соответствии с религиозными взглядами человек сотворен Высшими Силами как часть природы, однако он наделен этими силами сознанием и духовной энергией, которые позволяют ему также стать творцом. Однако это становится возможным лишь при условии признания им наличия в мире животворящей творчески-созидающей Божественной Силы Творца и следованию его Заветам. Следует отметить, что монотеистические религии в мистифицированной форме приоткрывают тайну творческих возможностей человека, источником которых является тождество природы и человека, созданного Творцом из материала природы, но по ее законам. Поэтому человек, взаимодействуя с природой в процессе трудовой деятельности, способен открывать для себя ее законы и творить в соответствии с ними. Этот взгляд на природу и человека как часть природы, созданных Божественным Разумом Творца, сыграл определяющую роль в формировании философией Нового времени естественнонаучной механистической картины мира, определившей принципы развития в эту эпоху естественных наук и математики. Неслучайно великий английский ученый Исаак Ньютон (1643-1727 гг.) называл Бога Гениальным Часовщиком, сотворившим мир по законам механики, которые люди сами должны выявить и использовать для создания машин как искусственных механических объектов. С развитием в рамках западноевропейской культуры естественнонаучного знания и его воздействия на философию приоритетное значение в понимание сущности человека приобретает логико-аналитический подход. Наиболее конструктивно этот подход реализуется в философских

концепциях Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831 гг.) и К. Маркса (1818-1883 гг.). Г.В.Ф. Гегель анализировал творческо-преобразовательную деятельность в мистифицированной форме объективного идеализма. В своем труде «Феноменология Духа» Г.В.Ф. Гегель показал, что труд является тем способом, каким человек «образует свой предметный мир и самого себя… и он не может знать, что есть он, пока своим действиями не претворит себя в действительность» [Гегель, 1956, 594]. В силу этого источник творчества Гегель видел в интеллектуальных возможностях Верховного Разума, которого он считал Верховным Демиургом творчества.

К. Маркс рассматривал проблемы творчества в рамках диалектико-материалистического подхода, но при этом он опирался на аналитику Гегеля и разработанные им в рамках объективного идеализма операциональные механизмы творческо-преобразовательной деятельности. По мнению Г.В.Ф. Гегеля, механизмы творчества включают две диалектически взаимосвязанные, противостоящие друг другу стороны: «опредмечивание» – «распредмечивание», которые определяют содержание предметно-пребразовательной деятельности. Опредмечивание – процесс воплощения Абсолютного Духа в природу и человеческую историю, что является предпосылкой формирования творческого мышления человека как субъективного духа, взаимодействующего с Абсолютным Знанием, воплощенным в природе и истории и определяющим их сущность и законы развития. Распредмечивание от термина «предмет» – объект, на который направлена познавательная активность человека в процессе познания. Цель распредмечивания – выявление познающим субъектом информации о свойствах познаваемого объекта (фрагмента материальной или духовной реальности) и определение на основе этой информации (в соответствии с принципами тождества и отражения) его сущности, а также возможности преобразования этого объекта, или создания принципиально нового объекта, отвечающего возникшим потребностям людей. Опредмечивание на индивидуально-личностном уровне – «это превращение действующей способности субъекта» в форму предметности, то есть это процесс воплощения человеком-Творцом в материале новых форм реальности, способных удовлетворить возникшие социальные потребности.

Артефакты творчества (лат. arte – искусственный + factum – сделанный) – материальные и идеальные объекты, которые создаются индивидом-творцом на основе познания им объективных закономерностей бытия, его гармонии и целесообразности, основанием которых является по Г.В.Ф. Гегелю Верховный Разум. В соответствии с его концепцией артефакты творчества объективны по содержанию, поскольку они отражают сущность Верховного Разума, который определяет логику развития природы и человека, взаимодействующего с ней. Но, по мнению Г.В.Ф. Гегеля, они субъектны по форме, воплощая единство логики развития Абсолютной Идеи и сознания человека.

Карл Маркс был хорошо знаком с трудами Г.В.Ф. Гегеля и его идеями о развитии духовных и интеллектуальных возможностей человека, которые актуализируются благодаря его взаимодействию с энергией Абсолютной Идеи, носителем которой является Верховный Разум. Однако К. Маркс трактовал диалектику творчества Гегеля с диалектико-материалистических позиций, что позволило ему обосновать объективный, системный и творческо-созидательный характер социальной деятельности, в процессе реализации которой раскрываются заложенные в человеке природой, частью которой он является, его творческие сущностные силы. Человек у К. Маркса – это «универсально-деятельное существо, вбирающее в себя и излучающее из себя все природные силы» [Маркс, 1956, 593].

По мнению К. Маркса, ключевым моментом формирования у человека способности к творчеству явилось создание первобытными людьми орудий труда, в которых впервые воплотилось понимание ими возможности использовать природные материалы для формирования социально-значимых объектов, важнейшими из которых были орудия труда. Он раскрыл связь, формирующуюся в процессе труда, между субъектами деятельности (познающий и действующий человек), ее объектом (предмет труда), средствами деятельности (то, при помощи чего осуществляется деятельность) и ее результатами [Маркс, 1974, 164]. Механизм этой связи складывается, как считал К. Маркса, на основе приема, который он обозначил термином «оборачивание метода», а современные психологи обозначают понятием «опережающее отражение». Суть этого приема определяется тем, что при решении проблемы создания принципиально нового объекта цель, определяющая содержание и характер деятельности, а также результат, достигнутый на первом этапе деятельности, на следующих этапах становятся средством для достижения последующего, и, в конечном счете, конечного результата. Благодаря этому закладывается основа для сохранения предыдущего опыта, а также его передача последующим поколениям. То есть изначально опыт становится стартовой позицией для последующей творческой деятельности. По мнению Маркса, именно в творчестве должны сформироваться условия для перехода человечества из царства необходимости в царство свободы, в котором человек будет действовать в соответствии с собственной универсальной мерой. Это мера присутствует в человеке как природный камертон, воплощенный в нем природой и все более осознаваемый им в процессе творческо-преобразовательной деятельности. В соответствии с Марксовой диалектико-материалистической трактовкой сущности человека творческий аспект всегда присутствует во всех формах социально-преобразовательной деятельности, но в разной мере. А специфика отдельных направлений творчества и его форм определяется, во-первых, предметом творческо-преобразовательной деятельности и, во-вторых, ее результатами. Следует отметить, что во всех формах творчества – науке, искусстве, образовании, управлении – присутствует инновационно-творческий аспект, а его отдельные формы и результаты взаимодействуют в рамках единой системы социального творчества как диалектически взаимосвязанные его части. Это определяется закономерностями взаимосвязи отдельных форм материи и характером социально-преобразовательной деятельности [Беленкова, 2016, 100-105]. Возможность творчества присуща каждому человеку. Она рождается из глубины человеческого духа, а его источником является потребность человека, воплощенная в стремление раскрыть через себя (опираясь на свою субъектность – знания, опыт, интуицию) глубинную сущность исследуемого объекта. Рассматриваемые в совокупности, эти компоненты человеческого сознания (знания, опыт, интуиция) формируют творческий потенциал его мышления, важнейшим составляющим которого является инновационный аспект мышления, сущность которого определяется стремлением «открыть неизвестное и создать не бывшее прежде» [Беленкова, 2016, 439-453].

Термин «потенциал» (лат. potentia – мощь, сила, возможность) многогранен и широко используется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Научное употребление данного термина уходит своими корнями в философию Аристотеля, который ввел категории «акт» и «потенция» при исследовании онтологических оснований движущей причины развития предметов бытия. По Аристотелю, «потенция» (действительность и возможность) – есть категории, обозначающие способность вещи быть не тем, что она есть, при ее исследовании в рамках категории: «субстанция», «качество», «количество», «место». То есть, «потенция» – есть

способность вещи осуществлять качественное изменение при наличии необходимых для этого условий в процессе актуализации присущих ей возможностей. «Акт» (энергия) – деятельное осуществление, изменение вещи в соответствии с поставленной целью [Аристотель, 1975, 71-75; 155-157; 229-231]. Такая трактовка конкретного фрагмента объективной реальности (предмета или процесса) позволяет исследователю при возникновении проблемы преобразования объекта моделировать ее решение, исходя из условий возникновения объекта и динамики его развития. Соответственно, научно-исследовательская проблема должна рассматриваться в единстве: 1) прошлого (потенциальные возможности преобразования – ресурс преобразования); 2) настоящего (действительное в состоянии объекта – резерв развития); 3) будущего, в котором на основе интеграции ресурсов и резервов актуализируются возможности прошлого и настоящего, и моделируется будущее. Соответственно, понятие «потенциал» определяет степень возможного проявления какого-либо действия или функции. В общественных науках понятие «потенциал» характеризует возможности отдельного лица, общества, государства в различных сферах деятельности. Реализация в какой-либо сфере этих возможностей отдельными лицами, обществом и государством определяется наличием необходимых источников, средств и запасов, которые могут быть использованы для решения поставленной задачи в достижении поставленной цели. Таким образом, инновационный аспект творческого потенциала субъекта творчества выстраивается на основе интеграции, с одной стороны, знаний, опыта и творческих устремлений предшествующих поколений, а с другой стороны – на основе использования новейших научных достижений в различных областях естественнонаучного, технического и социально-гуманитарного знания, применение которых раскрывает возможности преобразования объекта или создания принципиально нового объекта, отвечающего актуальным социальным потребностям. При этом в создаваемых инновационных системах должно сохраняться динамичное единство старого (традиций) и нового, современного (новаций). На основе представленного анализа познавательно-преобразовательной деятельности можно сделать вывод, что творческое начало изначально присутствует в социальной практике, формируя тот инновационный компонент, который стимулирует творческую активность субъектов деятельности (хотя далеко не всегда и не у всех) и тем самым обеспечивает эволюционное развитие всей системы общественного производства. В условиях инновационной экономики постиндустриального общества, как это обосновано в исследовании Г.Г. Виноградено и И.В. Фроловой, успешность этого процесса обеспечивает деалектическая связь социолизации, интернализации и адекватной требованиям инновационной экономики идентификация ее субъектов [Виноградено, Фролова, 2011].

Реализация творческого потенциала субъектов деятельности в социальной практике. Длительное время реализация творческо-созидательной энергии человечества осуществлялась спонтанно, хотя здесь также можно проследить определенные закономерности. В этом плане показательны творческие достижения эпохи Европейского Ренессанса (XIV – XVII вв.). В этот период, благодаря интенсивному развитию мануфактурного производства в таких странах, как Италия, Англия, Нидерланды, Франция, актуализировались в общественном сознании творческо-ориентированные достижения античности. Они соединились с постулатом христианства о единосущем Боге-Творце и сформировали модель человека-творца. Об этом времени современный российский академик В.С. Степин писал: «Сформировалось особое понимание человека, созданного по образу и подобию Бога, и сформировался культ человеческого разума, способного понять и постигнуть тайну Божественного творения,

расшифровать те письмена, которые Бог заложил в мир. А целью познания считалась расшифровка промысла Божьего, плана Божественного творения, реализованного в мире» [Степин, 2006, 93]. Таким образом, в сознании образованных людей эпохи Ренессанса начинает целенаправленно формироваться аналитическое, творческо-преобразовательное мышление, ориентирующее людей на познание природы и ее преобразование на основе познанных законов, которые пока рассматривались ими как воплощенные в природу Божественные законы. При этом в мировоззрение образованных творцов эпохи Ренессанса идея Бога-Творца интегрировалась с идеями античной философии, утверждавшей принципы единства, гармонии и соразмерности Вселенной. Наиболее полно это понимание сущности творчества воплотил гений Леонардо да Винчи. Это позволило ему стать великим ученым, инженером и художником, в творчестве которого соединились значительные достижения в области естественных наук, искусства и инженерно-технической практики [Беленкова, 2017, 32-39]. Таким образом, именно в эпоху Европейского Ренессанса закладывается «культурная матрица творческого сознания техногенной цивилизации, а основой ее жизнедеятельности становятся техника и технология, формировавшиеся за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы» [Степин, 2006, 93-94].

Начиная с XVII столетия, достижения в области естественных наук начинают активно реализовываться в сфере промышленного производства, что положило начало его технологизации. Разрабатываемые на основе интеграции науки и техники промышленные технологии представляли собой такую форму и этап развития техники, когда ее создание концептуально обусловлено и структурно основывается на новом знании. Первые промышленные технологии разрабатывались преимущественно в текстильной промышленности на основе двух гениальных изобретений. Первое – это многоверетенная прялка «Джени» (Дж. Харгрис). Второе изобретение – паровая машина (Дж. Уатт). Разработка и внедрение машинных технологий привели к механизации труда и внедрению поточного машинного производства. Страны-лидеры, обеспечившие внедрение первых машинных технологий – это Великобретания, Франция, Бельгия. Массовое применение промышленных технологий, разработанных на основе технологизации научных идей классической механики, привело к формированию первого технологического уклада, определившего переход всей системы общественного производства на принципиально новый – промышленный уровень, который характеризовался следующими чертами.

1. Утверждение товарно-денежных отношений и рынка в качестве господствующей формы обмена общественно-полезной деятельностью и ее результатами.
2. Превращение юридически полноценной собственности в основную форму имущественного обладания.
3. Использование в хозяйственно-экономической сфере только экономически стимулируемого труда лично свободных производителей.
4. Юридический запрет превращения самого человека в собственность [Беленкова, Вежнина, 2016, 33-34].

Формирование нового типа производственно-технологических отношений, основанных на частной собственности на средства производства, и применение труда экономически свободных работников, получивших возможность к свободной реализации своих сущностных сил, произошло в значительной степени благодаря победоносным буржуазным революциям XVII – XVIII столетий. Благодаря этим революциям, в передовых странах Европы открылись

исторические перспективы развития производительных сил капиталистического способа производства на основе активно формирующегося инновационного аспекта человеческого капитала буржуазного общества. Сформировавшееся на рубеже XVII – XVIII столетий индустриальное общество было инновационно-ориентированным в своем развитии. Его инновационный характер базировался на интеграции науки, технологии, человеческом капитале и управлении. Интеграция этих факторов осуществлялась благодаря системному характеру общественного производства, стратегию развития которого определяли рыночная конкуренция, динамично развивающиеся промышленные технологии и постоянно совершенствующийся промышленный менеджмент. Формировавшееся на рубеже XVII – XVIII столетий техногенное общество получило название «индустриальное» (лат. industria – трудолюбие, усердие), поскольку оно создавалось целенаправленным инновационно-ориентированным трудом промышленных предпринимателей, воодушевляемых идеей служения Богу созидательным трудом. Об этом писал выдающийся социолог XX столетия Макс Вебер в своем трактате «Дух капитализма». По его мнению, капитализм как особая форма хозяйственно-экономических отношений, основанных на частной собственности, создавался трудом предпринимателей-капиталистов, для которых успех их производства рассматривался как смысл их жизни, призвания и спасения в потустороннем мире. Это спасение будет обеспечено Богом-Творцом, которому они служили своим трудом [Вебер, 1990, 97].

Российский академик С.Ю. Глазьев считает, что современная техногенная цивилизация прошла пять технологических укладов и три индустриальных революции [Глазьев, 1993, 11]. Формирующаяся на наших глазах 4-я Индустриальная революция стимулирует создание принципиально новых технологий на основе фундаментальных открытий в области естественных наук, имевших место на рубеже XX – XXI столетий. Технологизация этих знаний приводит к глубинной интеграции научного и технического творчества. Это имеет следующие последствия: 1) начинает трансформироваться в направлении инновационных преобразований вся система общественного производства, и закладываются основы инновационной экономики; 2) обостряется рыночная конкуренция между отдельными странами и транснациональными корпорациями за ресурсы, важнейшими из которых становятся трудовые ресурсы, причем наиболее профессионально подготовленные и обладающие творческо-ориентированным инновационным потенциалом; 3) происходит капитализация таких основных ресурсов формирующегося инновационного общества, как: наука, социальные связи и отношения, а также духовные и интеллектуальные аспекты трудового потенциала производителей, которые обозначаются понятием «человеческий капитал».

Первые попытки обосновать социальную значимость субъектной стороны производительных сил, то есть уровня профессиональной подготовки специалистов в условиях промышленных технологий, мы встречаем в трудах английских политэкономов XVIII столетия. Так, Адам Смит пишет, что «увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем – от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работает» [Смит, 1956]. Однако в соответствии с господствующей в Новое время механистической трактовкой сущности человека, Адам Смит советует не повышать профессиональную подготовку работника, а операционально упрощать трудовой процесс, разделяя его на отдельные операции. С усложнением промышленных технологий также многократно усложняется связь между машиной и работником, что актуализировало значение в трудовом процессе его профессиональных знаний и компетенций. Исследуя процесс капиталистического производства, К. Маркс ввел понятие рабочей силы как

совокупности физических и духовных способностей работников, обеспечивающих производительным трудом рентабельность производства [Маркс, 1955-1981]. Однако лишь во второй половине XX столетия экономисты-исследователи приходят к пониманию того, что субъектная сторона производительных сил, то есть профессионализм и ответственность работников, становятся в условиях высокотехнологизированного производства его ключевым ресурсом. Совместными усилиями преимущественно американских экономистов-исследователей начинает формироваться в западном обществознании теория человеческого капитала, за разработку которой были присуждены три Нобелевские премии. Ими были удостоены: Семен Кузнец (1971 г.), Теодор Шульц (1979 г.) и Гэри Беккер (1992 г.). Начиная с 90-х годов прошлого столетия, проблемы человеческого капитала и выявление закономерностей формирования его творческого потенциала в российских условиях активно исследуются российскими экономистами, социологами, исследователями в области теории и практики менеджмента. Решение задачи формирования творческого потенциала национального человеческого капитала в современной России обусловлено необходимостью обеспечить российской экономике суверенность и достойное место в единой системе мирового хозяйства. По мнению автора, представляется возможным дать следующее определение человеческого капитала как социально-экономического феномена: человеческий капитал – это системная совокупность знаний, интеллекта, производительного труда, здоровья и качества жизни специалистов-профессионалов, включенных в социально-производственные организации рыночной экономики, в рамках которой возможности человеческого капитала конкретизируются на уровне отдельных работников в форме их творческого потенциала [Беленкова, 2017, 280]. Социальные формы человеческого капитала как социально-экономического феномена и их инновационная компонента определяются уровнем и спецификой развития производительных сил общественного производства на конкретных этапах исторического развития техногенной цивилизации.

Заключение

На основе исследования роли творческого потенциала человеческого капитала в процессе становления и развития техногенной цивилизации предоставляется возможным сделать следующие выводы.

Истоки формирования творческого потенциала человеческого капитала уходят в глубину тысячелетий человеческой истории и связаны с творческо-ориентированной деятельностью людей по преобразованию природных объектов с целью создания предметов потребления, обеспечивающих оптимизацию условий их жизнедеятельности. Это позволяет сделать вывод о диалектической связи между уровнем развития творческого потенциала субъектной стороны производительных сил техногенной цивилизации и ее развития. Применения принципов историзма как инструмента анализа процесса развития техногенной цивилизации позволяет сделать вывод о диалектической связи между уровнем развития инновационного компонента творческого потенциала непосредственных производителей и уровнем зрелости техногенной цивилизации на отдельных ее этапах.

В процессе познавательно-преобразовательной деятельности социальных индивидов актуализируются их сущностные силы и включаются механизмы их социализации (приобщение к традициям, образование, воспитание), обеспечивающие формирование творческого потенциала, который выстраивается на основе интеграции, с одной стороны, знаний, опыта и творческих достижений предшествующих поколений, а с другой стороны – новейших

достижений в области науки, раскрывающих возможность преобразования актуализированных природных или социальных объектов, а также создания новых объектов(технологических и социальных новаций) возникших в связи с потребностями развивающейся инновационной экономики.

Реализация творческого потенциала субъектов хозяйственно-экономической деятельности определяется уровнем развития материальной и духовной культуры общества и его производительных сил, в процессе развития которых возрастает потребность непосредственных производителей в самоактуализации их сущностных сил в творческо-преобразовательной деятельности.

На постиндустриальном этапе развития техногенной цивилизации происходит капитализация субъектной стороны производительных сил общества и формирование социально-экономического феномена человеческого капитала. Человеческий капитал автор рассматривает как системную совокупность общекультурных и профессиональных знаний и компетенций, а также производительного труда, здоровья и условий жизни субъектов высокотехнологизированного производства. В соответствии с социальной структурой общества субъектами человеческого капитала выступают преимущественно производственные организации, в рамках которых человеческий капитал конкретизируется на уровне отдельных работников в форме их творческого потенциала.

Библиография

1. Аристотель. Метафизика. Сочинения в 4-х тт. М.: 1975. Том 1. С. 71-75; С. 155-157; С. 229-231.
2. Беленкова О.А. Методология творчества как синтез закономерностей науки и искусства // Теория и практика приоритетных научных исследований. Смоленск: Новаленсо, 2016. Ч. 3. С. 100-105.
3. Беленкова О.А. Трудовая мотивация как фактор инновационного развития хозяйственно-экономической сферы общественного производства // Российский гуманитарный журнал. 2016. №5. С. 439-453.
4. Беленкова О.А. Роль антропологического фактора управления в формировании человеческого капитала общественного производства // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1495-1502.
5. Беленкова О.А. Роль базовых ценностей мировой и национальной культуры в социальном управлении // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17. № 1(1). С. 596-601.
6. Беленкова О.А. Сущность управленческой культуры: закономерности ее формирования и функционирования // Science and Education: Materials of the V international research and practice.
7. Беленкова О.А. Антропологический фактор социального управления в социохозяйственной сфере общественного производства: дис. … докт. филос. наук. М., 2004. 336 с.
8. Беленкова О.А. Роль социальных технологий в формировании инновационного потенциала человеческого капитала // Российский гуманитарный журнал. 2017. №3. С. 271-284.
9. Беленкова О.А., Надыров А.И. Научно-техническое творчество как фактор становления и эволюционного развития техногенной цивилизации // Juvenis scientia. 2017. №3. С. 32-39.
10. Беленкова О.А., Вежнина Е.В. Философия социального управления в техногенном обществе. Уфа, 2016. 146 с.
11. Виноградено Г.Г., Фролова И.В. Социализация, интернализация, идентичность: диалектика взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16. № 4. С. 1389-1391.
12. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.
13. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения в 14 т. М., 1959. Т.4. 487 с.
14. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
15. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М.: Академический проект, 2000. 318 с.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41-174.
17. Маркс К. Капитал. Книга 1 // Сочинения. М.: Политиздат, 1955-1981. Т. 23. 736 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 594.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства человека. М.: Соцэкгиз, 1956. С. 490.
20. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарика, 2006. 384 с.
21. Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 486-499.

The creative potential of human capital innovation economy

Oksana A. Belenkova

Doctor of Philosophy, Professor,
Ufa State Petroleum Technical University,
450062, 1, Kosmonavtov st., Ufa, Russian Federation;
e-mail: belenkovaoksana@mail.ru

Abstract

The author of the article considers the problem of forming creative potential of human capital within the framework of the humanitarian paradigm. It is shown that under the conditions of an innovative society that is being formed at the postindustrial stage of development of a modern technogenic civilization, the professional training of specialists with innovatively oriented creative potential is turned into a special form of capital. In modern social science, it is called "human capital". It was shown that in terms of content, human capital is a system unity of general cultural and professional knowledge and competencies, the implementation of which in social practice is a condition for the creation of national wealth. The author also considers the productive labor, in which cultured creative potentials and abilities of individuals are realized, as a part of human capital. It was substantiated that the creative potential of human capital is formed historically; at every stage of human history, human capital reveals the creative potential of humankind in such forms of creativity as art, science, and technology, which act together as an integral system of social creativity. In accordance with Aristotle's interpretation of the term "potential", the author substantiated the innovative aspect of the creative potential of the subject of creativity, preserving the unity of the past (traditions) and modern (innovations) in the created innovation systems. The dialectical interrelation of traditions and innovations ensures the unity of historical continuity and the development strategy of the society in social practice.

For citation

Belenkova O.A. (2018) Tvorcheskii potentsial chelovecheskogo kapitala innovatsionnoi ekonomiki [The creative potential of human capital innovation economy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 65-78.

Keywords

Innovative activity, humanitarian paradigm of creativity, scientific-technical creativity, human capital, creative potential of human capital, formation of creative potential of human capital.

References

1. Aristotle (1975) *Metafizika. Sochineniya v 4-kh tt.* [Metaphysics. Works in 4 vols.]. Moscow. Vol. 1.
2. Belenkova O.A. (2016) Metodologiya tvorchestva kak sintez zakonomernostei nauki i iskusstva [Methodology of creativity as a synthesis of laws of science and art]. In: *Teoriya i praktika prioritetnykh nauchnykh issledovanii* [Theory and practice of priority research]. Smolensk: Novalenso Publ. Part 3.
3. Belenkova O.A. (2016) Trudovaya motivatsiya kak faktor innovatsionnogo razvitiya khozyaistvenno-ekonomicheskoi sfery obshchestvennogo proizvodstva [Labor motivation as a factor in the innovative development of the economic sphere of social production]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Journal of Humanities], 5, pp. 439-453.

4. Belenkova O.A. (2014) Rol' antropologicheskogo faktora upravleniya v formirovanii chelovecheskogo kapitala obshchestvennogo proizvodstva [The role of the anthropological factor of management in the formation of human capital of social production]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 19, 4, pp. 1495-1502.
5. Belenkova O.A. (2012) Rol' bazovykh tsennostei mirovoi i natsional'noi kul'tury v sotsial'nom upravlenii [The role of basic values of world and national culture in social management]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 17, 1(1), pp. 596-601.
6. Belenkova O.A. Sushchnost' upravlencheskoi kul'tury: zakonomernosti ee formirovaniya i funktsionirovaniya [The essence of management culture: the laws of its formation and functioning]. In: *Science and Education: Materials of the V international research and practice*.
7. Belenkova O.A. (2004) *Antropologicheskii faktor sotsial'nogo upravleniya v sotsiokhozyaistvennoi sfere obshchestvennogo proizvodstva. Doct. Dis.* [Anthropological factor of social management in the social sphere of social production. Doct. Dis.]. Moscow.
8. Belenkova O.A. (2017) Rol' sotsial'nykh tekhnologii v formirovanii innovatsionnogo potentsiala chelovecheskogo kapitala [The role of social technologies in the formation of the innovative potential of human capital]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Journal of Humanities], 3, pp. 271-284.
9. Belenkova O.A., Nadyrov A.I. (2017) Nauchno-tekhnicheskoe tvorchestvo kak faktor stanovleniya i evolyutsionnogo razvitiya tekhnogennoi tsivilizatsii [Scientific and technical creativity as a factor in the formation and evolutionary development of a technological civilization]. *Juvenis Scientia*, 3, pp. 32-39.
10. Belenkova O.A., Vezhnina E.V. (2016) *Filosofiya sotsial'nogo upravleniya v tekhnogennom obshchestve* [Philosophy of social management in a technogenic society]. Ufa.
11. Engels F. (1961) Dialektika prirody. Rol' truda v protsesse prevrashcheniya obez'yany v cheloveka [Dialectics of Nature. The role of labor in the process of turning a monkey into a man]. In: *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow: Politizdat Publ. Vol. 20.
12. Glaz'ev S.Yu. (1993) *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow: VlaDar Publ.
13. Hegel G.V.F. (1959) Fenomenologiya dukha [Phenomenology of the Spirit]. In: *Sochineniya v 14 t.* [Collected works in 14 vols.]. Moscow. Vol. 4.
14. Kemerov V.E. (2000) *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to social philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
15. Marx K. (1974) Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 g. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: *Sochineniya* [Collected works]. Moscow: Politizdat Publ. Vol 42.
16. Marx K. (1955-1981) Kapital. Kniga 1 [Capital. Book 1]. In: *Sochineniya* [Collected works]. Moscow: Politizdat Publ. Vol 23.
17. Marx K., Engel's F. (1956) *Iz rannikh proizvedenii* [From early works]. Moscow.
18. Smith A. (1956) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva cheloveka* [Study on the nature and causes of human wealth]. Moscow: Sotsekgiz Publ.
19. Stepin V.S. (2006) *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [Philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardarika Publ.
20. Vinogradenko G.G., Frolova I.V. (2011) Sotsializatsiya, internalizatsiya, identichnost': dialektika vzaimosvyazi [Socialization, internalization, identity: dialectics of interconnection]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 16, 4, pp. 1389-1391.
21. Weber M. (1990) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In: *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 101.1

Современный философский анализ теории демократии П.И. Новгородцева

Мясников Андрей Геннадьевич

Доктор философских наук, профессор,
Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в Пензе),
440011, Российская Федерация, Пенза, ул. Вяземского, 25-б;
e-mail: myasnikov-g@mail.ru

Ульянов Виктор Петрович

Директор,
Московский университет им. С.Ю. Витте (филиал в Пензе),
440011, Российская Федерация, Пенза, ул. Вяземского, 25-б;
e-mail: vulanov@muiv.ru

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые религиозно-правовые идеи русского философа П.И. Новгородцева относительно русской революции и возможности демократии. Дается философский, рационально-критический анализ трактовки демократии как произвольного выбора большинства членов общества. Подвергается критике основной тезис русского философа о том, что народ должен «созреть» для реализации демократии. Показаны основные стереотипные установки, характерные для русского религиозно-философского мировоззрения. Прежде всего, речь идет о характерном стереотипе, согласно которому объединяющим началом российского общества может быть только религиозная (православная) нравственность, укорененная в народной вере. В статье предлагается современное объединяющее начало сложного российского социума – это институт частной собственности, который является надежным основание для реальной демократии. При этом требуется изменить негативное отношение к этому институту со стороны многих представителей политического традиционализма и религиозного консерватизма.

Для цитирования в научных исследованиях

Мясников А.Г., Ульянов В.П. Современный философский анализ теории демократии П.И. Новгородцева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 79-85.

Ключевые слова

Демократия, революция, Новгородцев, свобода, частная собственность.

Введение

Тема демократии приобретает особое значение в переходные, революционные периоды общественной жизни, так как в этих сложных условиях реальная жизнь обнаруживает много противоречий, конфликтов, разрушительных качеств и процессов. Так, демократические процессы в России начала и конца XX века показали, что стихийное волеизъявление народа может оказаться очень агрессивным, может сопровождаться и массовым террором, и разрушением прежней государственности, и бессмысленными жертвами. Ярким примером противоречивого отношения к демократии является позднее творчество русского философа, правоведа П.И. Новгородцева.

Опасности революции и проблема их осмысления

В 1923 году Павел Иванович Новгородцев опубликовал статью под названием «Демократия на распутьи», в которой попытался доказать сложность и противоречивость реализации демократии в России начала XX века. Он дает идеально-нормативное описание демократии как самоуправления народа, которое «открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе» [Новгородцев, 1991, 548]. А также отмечает, что для достижения демократического состояния необходима «зрелость народа», которая должна выражаться в способности управлять самим собой, в сознании своих прав и в уважении прав других, в понимании своих обязанностей и в способности к самоограничению.

Действительно, достичь такой зрелости не просто, а часто она сопряжена с большими трудностями и опасностями. Но, как писал еще И. Кант после событий Великой Французской революции, если народу не давать свободы, то он никогда не научиться ею пользоваться [Кант, 2002, 202-204]. И если правители откладывают освобождение своего народа на лучшие времена, то они лишь укрепляют свой деспотизм и усиливают чувство мщения [Мясников, 2016, 93]. Новгородцев понимает, что реализация свободы-произвола каждого человека может привести общество к анархии, в хаос, поэтому необходимо, чтобы «эти силы подчиняли себя некоторому высшему обязывающему их началу». И далее русский философ поясняет: «Свобода, отрицающая начала общей связи и солидарности всех членов общения, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни» [Новгородцев, 1991, 548].

Итак, ключевой вопрос – это вопрос о «высшем обязывающем начале», которое должно объединять всех граждан. Что же может быть таким началом? Русский философ-правовед был уверен, что *таким объединяющим началом в России может быть только религиозная нравственность, которая коренится в традициях народной (православной) веры.* С этой мыслью он ушел из жизни в 1924 году, находясь в вынужденной эмиграции.

Оценивая этот теоретический вывод в 2018 году, мы видим явное противоречие, непоследовательность и эмоциональную ограниченность в рассуждениях П.И. Новгородцева.

Во-первых, он испугался восставшего русского народа, его дикой, необузданной свободы, которая вырвалась в ходе революции, и этот негативный опыт свободы сбил его с пути рационального понимания исторического процесса. Под страхом смертной казни он был вынужден эмигрировать из Советской России.

Во-вторых, Новгородцев не достаточно конкретно представлял себе возможную свободную игру человеческих сил, интересов и убеждений в демократическом обществе, когда призывал к объединяющей религиозной нравственности. Такой единой религиозной нравственности просто

не существует, и никогда не будет, так как в свободном обществе религиозные убеждения очень разные, и они будут разделять людей. Пожалуй, уже находясь вне России, он интуитивно возвращается к идеалу крестьянской общинной веры, но это будет иллюзорное представление, которое до сих пор вселяет надежды в некоторых мечтательных славянофилов.

В-третьих, провозглашенная Новгородцевым идея «зрелости народа» не получает практического пояснения, не разъясняются конкретные механизмы формирования этой зрелости. А без этого разъяснения идея остается пустой формой, которой можно легко манипулировать и наполнять произвольным содержанием. Так, например, искомая Новгородцевым религиозная нравственность бывает очень агрессивной и нетерпимой к правам инакомыслящих и инаковерующих, а зачастую и безответственной.

Вместе с тем нужно признать абсолютную правоту П.И. Новгородцева в том, что демократия всегда будет состоянием «на распутье», постоянным выбором будущего. Нередко это мучительный, тяжелый выбор, который требует от человека больших интеллектуальных и морально-волевых усилий. Учиться выбирать нужно с самого детства и до конца жизни – и в этом суть демократии.

В демократическом обществе человеку приходится постоянно преодолевать свою «лень и трусость», чтобы стать полноценным, «совершеннолетним» гражданином [Мясников, 2017, 179-180]. А это значит, что каждый ежедневно оказывается и «витязем на распутье», принимая свои жизненные решения, и вместе с тем, членом шумного базара, где многие предлагают «свое» – особенное, настаивают на своей правоте, хотят подороже продать свой товар или занять более выгодное место.

Делая свой выбор, человек утверждает свое Я, свой интерес и свою свободу, а вступая в общение с другими, должен убеждать других в разумности и правомерности своей позиции, и оценивать интересы и позиции сограждан с общеразумной точки зрения, которая должна объединять многообразные частные интересы, и прежде всего интересы материально-экономические. Именно они составляют фундамент современной общественной жизни, а не субъективные нравственно-религиозные искания.

В поисках объединяющего начала

Вглядываясь в 20 век и вдумываясь в события 21 века, мы можем уже иначе ответить на поставленный вопрос о «высшем обязывающем начале». Этот научно-философский вопрос ведет нас к более фундаментальному понятию человеческой природы, и к следующему вопросу: соответствует ли идеально-нормативное понятие демократического общества самой человеческой природе? Или идея демократии является чисто утопической, и даже вредной для многих обществ, например, для российского?

Начнем с того, что П.И. Новгородцев определяет демократию как «систему свободы», а большинство современных россиян считают себя несвободными людьми [Мясников, 2016, 145-146]. Получается, что теория опровергается практикой, и отсюда можно сделать легкомысленный вывод, что *демократия не для россиян*.

В своей поздней статье «Восстановление святынь» Новгородцев почти приходит к этому выводу, тем самым отвергая все, что писал ранее, и о чем мечтал до революции 1917 года. Суровая реальность перечеркнула его идеальную теорию? В итоге, Новгородцев отказался и от автономной морали ради «теономной», и от демократической политики ради «власти святынь». По его словам, «путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в

человеческой душе вечных связей и вековых святынь» [Новгородцев, 1991, 579]. Такой поворот в сознании русского философа-правоведа очень показателен тем, что реальная жизнь оказалась не совместимой с его идеальной теорией демократического общества, и мыслитель решил отказаться от дальнейшего рационального осмысления своей теории, и обратился к религиозно-мистическим ожиданиям некоего будущего «благодатного просвещения душ», которое должно чудесным образом произойти с помощью многовековой народной религиозности [Жуков, 2013, 280-285]. Такая вера в чудесное преображение народа является фантастической идеей, которая явно противоречит научно-философскому пониманию человеческой природы.

Для современной науки и философии человеческая природа предстает как необходимое единство животных и разумных сил и способностей. При этом очевидна и научно обоснована первичность животных (биологических) потребностей человека, их базовый, естественный характер [Рубинштейн, 2008, 524-540]. Из чего следует, что именно частный, эгоистический интерес человека будет главным стимулом к участию в общественной жизни. Если естественный частный интерес найдет свое выражение в демократическом обществе, тогда человеческая природа будет согласована с научной теорией демократии [Мясников, 2017, 180-182].

У позднего П.И. Новгородцева мы обнаруживаем принципиальное недоверие частному, эгоистическому интересу людей (прежде всего, русского народа), и явное предпочтение народной, православной религиозности, которая, по мнению многих ученых, вовсе не демократична, а напротив, авторитарна и репрессивна [Яковенко, Музыкантский, 2012, 224-240]. Находясь на чужбине, он приходит к выводу, что для сохранения в России самодержавной империи нужна именно народная православная религиозность и церковность. Но нужна ли была эта церковность россиянам? Отечественная история 20 века показывает, что русские крестьяне хотели большей свободы, большей справедливости, и уже не хотели деспотической власти господ и священников, поэтому и массовый отказ от православной религиозности был не случаен, так как люди хотели другой веры, более рациональной и справедливой. И действительно, марксизм-ленинизм оказался новым типом религиозности, который был близок к научному мировоззрению, особенно в познании природы («диалектический материализм»), а также был близок к протестантской этике труда, которая побуждает человека раскрывать все свои способности и таланты в этой земной жизни с помощью честного и добросовестного труда. Но и этот тип светской религиозности исчерпал себя к концу 20 века, так как содержал псевдонаучные предпосылки о равенстве всех людей, о принудительном подчинении частного общему, о порочности частной собственности и денег, об отсутствии общечеловеческой морали и др.

70-летний опыт «советской демократии» позволяет нам ясно увидеть, что каждый человек хочет жить по-своему, и даже в условиях казарменного социализма не удалось искоренить это естественное желание, потому что оно коренится в самой человеческой природе, в ее биологическом стремлении к разнообразию и в разумном стремлении к самоутверждению своей воли.

Можно рассмотреть другое объединяющее начало, соответствующее природе человека – это *институт частной собственности*. Под частной собственностью мы будем понимать все, что законно принадлежит конкретному лицу, начиная с его владения, пользования своими индивидуальными способностями (физическими и интеллектуальными), и заканчивая внешними материальными ценностями, благами, которыми он может свободно распоряжаться. Именно частные собственники хотят защищать свою свободу, свое право жить по своему, а

потому заинтересованы в общем правовом порядке. Именно частная собственность дает человеку экономическую независимость от государства, от других лиц, и позволяет выйти на новые степени свободы [Мясников, 2017, 177-179].

Институт частной собственности долго не складывался в России, и в настоящее время еще формируется, также, как и во многих других развивающихся странах. Когда этот институт станет всеобщим, то демократия выйдет на прямую дорогу. Пока же институты частной собственности формируются и распределена она очень неравномерно, то неизбежно будут возникать конфликты, будет идти классовая борьба за более справедливое распределение материальных благ и за большую степень личной свободы, и без этой социальной напряженности невозможно развитие и совершенствование общественной жизни.

При этом нужно учитывать мнение позднего П.И. Новгородцева, а также многих социалистов и коммунитаристов о том, что в частой собственности коренится человеческий эгоизм, который якобы будет разрушать социальную и государственную общность. Такое мнение особенно усиливается в кризисные переходные эпохи, особенно в период «дикого капитализма», когда идет во многом стихийное формирование класса собственников, и резко возрастает социально-экономическое неравенство в обществе. Но в том-то и диалектика общественных отношений, что ради сохранения своей частной собственности и ради общественного порядка, сами собственники будут договариваться между собой, и с наемными работниками о взаимовыгодных условиях сотрудничества, и эти взаимные договоренности будут объединять людей. Это будет относиться и к государству в целом, которое предназначено защищать, прежде всего, интересы всех собственников и гарантировать сохранность собственности, а значит, и обеспечивать возможности реализации свободы всех реальных и потенциальных собственников.

Заключение

Возвращаясь к определению демократии П. И. Новгородцева, мы можем дополнить его следующим образом: *демократия – это система свободы конкретных лиц, т.е. частных собственников, заинтересованных в поддержании правопорядка*. Эта система находится в постоянном развитии, т.е. увеличивает степени человеческой свободы (лишь в критические моменты ограничивает эту степень), а потому реализация свободы каждого гражданина или социальной группы будет тем самым «распутьем», которое усложняет общественную жизнь: делает ее разнообразной, интересной, динамичной и вместе с тем противоречивой и конфликтной [Аузан, 2010, 11-35]. Но когда каждый свободный человек знает, что он сам выбирает то или иное действие, т.е. свое личное будущее и будущее своего общества, то возрастает и степень ответственности за собственное решение.

Новгородцева и некоторых современных традиционалистов пугают возможные злоупотребления человека личной свободой, т.е. *произвол.* Эти злоупотребления часто происходят из-за того, что у человека нет частной собственности («нет ничего за душой»), нет образования, ему нечего терять, (не очень серьезно думает о будущем), а, следовательно, у такого человека мало ответственности. Поэтому личная свобода такого «пустого» человека легко становится беззаконием, приводит к деспотизму, и насилию над другими.

Исторический опыт XX века дает нам важный мировоззренческий урок: если «свобода» будет мыслиться как беззаконный личный произвол, то она ведет к разрушению общества, и это будет вовсе не свобода, а именно *произвол*. Отсюда и подлинная демократия – это свобода для

всех граждан по общим законам. Такое понимание демократии очень медленно и противоречиво утверждается в российском социуме.

Библиография

1. Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010. 192 с.
2. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 270-296.
3. Кант И. Спор факультетов. Калининград. 2002. 286 с.
4. Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Об общественном идеале. М., 1991. С. 559-580.
5. Новгородцев П.И. Демократия на распутьи // Об общественном идеале. М., 1991. С. 540-558.
6. Мясников А.Г. Нужно ли отказаться от гражданского общества? // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 141-148.
7. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. 2017. № 5. С. 174-186.
8. Мясников А.Г. Философия свободы А. Радищева: современный комментарий к оде «Вольность» // CREDO new. 2016. № 2. С. 91-95.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2008. 713 с.
10. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь, 2012. 320 с.

Modern philosophical analysis of the P.I. Novgorodtsev's theory of democracy

Andrei G. Myasnikov

Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow University named after S.Yu. Witte (branch in Penza),
440011, 25-b, Vyazemskogo st., Penza, Russian Federation;
e-mail: myasnikov-g@mail.ru

Viktor P. Ul'yanov

Director,
Moscow University named after S.Yu. Witte (branch in Penza),
440011, 25-b, Vyazemskogo st., Penza, Russian Federation;
e-mail: vulanov@muiv.ru

Abstract

The article deals with the key religious and legal ideas of the Russian philosopher P.I. Novgorodtsev of rather Russian revolution and a possibility of democracy. The article presents the philosophical, rational and critical analysis of interpretation of democracy as any choice of most of members of society. There is offered criticism of the main thesis of the Russian philosopher that the people have to "ripen" for realization of democracy. Also the article shows the main stereotypic installations characteristic of the Russian religious and philosophical outlook. First of all, it is about a characteristic stereotype according to which only the religious (orthodox) morality implanted in national belief can be the uniting beginning of the Russian society. In article the modern uniting beginning of complex Russian society is offered; it is a private property institution which is reliable reason for real democracy. At the same time it is required to change negative attitude to this institute

from many representatives of political traditionalism and religious conservatism. The historical experience of the twentieth century gives us an important ideological lesson: if "freedom" is thought of as lawless personal arbitrariness, then it leads to the destruction of society, and this will not be freedom at all, but arbitrariness. Hence, genuine democracy is freedom for all citizens according to general laws. This understanding of democracy is very slowly and controversially affirmed in Russian society.

For citation

Myasnikov A.G., Ul'yanov V.P. (2018) Sovremennyi filosofskii analiz teorii demokratii P.I. Novgorodtseva [Modern philosophical analysis of the P.I. Novgorodtsev's theory of democracy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 79-85.

Keywords

Democracy, revolution, Novgorodtsev, freedom, private property.

References

1. Auzan A.A. (2010) *Natsional'nye tsennosti i modernizatsiya* [National values and modernization]. Moscow: OGI; Polit.ru Publ.
2. Kant I. (2002) *Spor fakul'tetov* [Dispute of faculties]. Kaliningrad.
3. Novgorodtsev P.I. (1991) Demokratiya na rasput'i [Democracy looking for its way]. In: *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow
4. Novgorodtsev P.I. (1991) Vosstanovlenie svyatyn' [Restoration of shrines]. In: *Ob obshchestvennom ideale* [On the social ideal]. Moscow
5. Myasnikov A.G. (2016) Nuzhno li otkazat'sya ot grazhdanskogo obshchestva? [Do we need to abandon civil society?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 3, pp. 141-148.
6. Myasnikov A.G. (2017) Pravo na lozh' kak lovushka dlya svobody [The right to lie as a trap for freedom]. *Polis*, 5, pp. 174-186.
7. Myasnikov A.G. (2016) Filosofiya svobody A. Radishcheva: sovremennyi kommentarii k ode «Vol'nost'» [Philosophy of Freedom by A. Radishchev: Modern Commentary on the Ode "Liberty"]. *CREDO new*, 2, pp. 91-95.
8. Rubinshtein S.L. (2008) *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
9. Yakovenko I.G., Muzykantskii A.I. (2012) *Manikheistvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoi tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: the cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkii put' Publ.
10. Zhukov V.N. (2013) *Russkaya filosofiya prava: ot ratsionalizma k mistitsizmu* [Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism]. Moscow: Yurlitinform Publ.

УДК.130.2

Медиа и медиумы Великой октябрьской революции

Цуканов Евгений Александрович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ,
Высшая школа печати и медиатехнологий,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
191180, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Вознесенский, 46;
e-mail: tsukanov@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы формирования большевиками обновленного образа реальности, начатого в результате их победы в октябре 1917 года. По мысли автора, Великая Октябрьская социалистическая революция стала возможной лишь благодаря утонченному пониманию отдельными большевистскими лидерами сути происходящих кардинальных сдвигов в исторической повестке и глубокому проникновению в структуру событийной картины действительности, рождающейся в режиме «здесь и сейчас». Одним из таких лидеров был А.А. Богданов, который разработал уникальную для своего времени науку о всеобщей организации – тектологию – ставшую мощным концептуальным средством конструирования нового мира. Автор данной статьи полагает, что тектология с ее базовыми управленческими механизмами, конъюгацией и ингрессией, была не только руководством к преобразовательным действиям в руках большевиков, но и послужила зародышем появившейся через десятилетия теории медиа. В связи с этим в тексте статьи предлагаются аргументы в защиту тезиса о том, что советская власть – это первая в мире полноценная медиальная власть.

Для цитирования в научных исследованиях

Цуканов Е.А. Медиа и медиумы Великой октябрьской революции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 86-92.

Ключевые слова

Медиа, медиальность, тектология, конъюгация, ингрессия, бытие, ничто, коммуникация, реальность, визуальные образы.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

На вводном этапе нашего исследования необходимо обозначить основные понятия, на которые мы будем опираться: медиум, медиа, медиальность.

Этимологически понятие «медиум» означает нечто среднее, находящееся посреди, занимающее промежуточное положение, середину, центр. В мифо-религиозной традиции медиум – это жрец, колдун, шаман, трикстер. Он соединяет основные онтологические оппозиции: землю и небо, дух и тело, и тем удостоверяет их существование. Медиум также означает средство, посредника, человека, легко поддающегося внушению, а в физическом смысле – среду. Из дополнительных коннотаций рассматриваемого понятия можно выделить способ, посредничество, промежуточную ступень, окружение.

Медиа. В целом, можно выделить два базовых подхода, конкурирующих друг с другом. В первом случае речь идет о классических теоретиках коммуникации, которые понимают под медиа «устройства, собирающие, фиксирующие, хранящие и передающие информацию на расстоянии (от письма, телефона и радио, до мобильной связи и интернета)», т.е. медиа рассматриваются узкоспециально [Савчук, 2014, 36]. Второе направление, наоборот, усматривает в медиа объект, в котором скрыта идея всеобщности. Его исповедуют последователи канадского культуролога и теоретика медиа М. Маклюэна, полагавшего, что медиа есть внешнее расширение человека [Маклюэн, 2003, 9-26]. Раскрывая данный тезис, В. Савчук отмечает, что «любая форма восприятия уже является медиальной, поскольку опосредована нашими органами чувств и действительность доступна нам всегда только как медиальная конструкция» [Савчук, 2014, 68]. В таком случае медиа неминуемо требуют особой репрезентации *как предпосылки всего сущего*, что предоставляет нам шанс уравнять медиа с реальностью и действительностью вообще. Что касается корреляции между понятиями медиа и медиум, то нам импонирует точка зрения, согласно которой природа того и другого, в сущности, едина [Савчук, 2014, 61]. Поэтому в рамках данного исследования мы будем их отождествлять.

Медиальность. Под этим термином мы понимаем не набор социальных конвенций, предшествующих любой коммуникации, и не атрибут физической среды распространения информации [Кузнецова, 2008, 182], а особое качество медиа, взятых в широком семантическом горизонте, удерживать действительность в собранном (организованном) состоянии. Медиальность предохраняет бытие от партикулярного распада на отдельные дробные локусы бессвязного существования. Иными словами, медиальность есть важнейший маркер жизни, ведущей перманентную борьбу с экспансионистски настроенным небытием [Сартр, 2000, 59-82].

Предположим, что каждого, кто был проводником основных идей или участником событий коренного переворота 7 ноября 1917 года, можно назвать ее медиумом. Исходя из этой логики, следует наделить медиумическо-медиальными характеристиками целый ряд стоящих, на первый взгляд, особняком от революции вещей: почтовые отделения и мосты, вокзалы и телеграф, перекрестки главных дорог столицы, ее водные артерии и даже грозный крейсер «Аврора». Мы не говорим уже о том, что такие признанные творцы революции как В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский, насытив до предела своими пламенными и пространными речами информационное поле Петрограда через газеты и листовки, live-выступления на митингах, являлись медиумами по самой сути, причем, как в нейтрально-светском, так и в радикально-апостольском, а где-то и вовсе в примитивно-магическом, шаманском значении этого слова [Элиаде, 2000, 19-47].

Однако наравне с приведенными выше примерами в общем-то лирической медиальности, когда употребляемый термин используется всего лишь в виде красивой аллегории, можно говорить и о вполне конкретном, жестко-прагматическом медиумном плане, т.е. о применении изощренно-умной медиатехники участниками Великой октябрьской социалистической революции (ВОСР) при оперировании ими событиями и процессами и построении небывалой ранее, и поэтому подлинно эксклюзивной, исторической повестки. У большевиков для этих целей имелось интеллектуальное «супер-оружие» в лице гения технологической медиальности А. Богданова с его весьма эффективной тектологической теорией.

Организационная наука А. Богданова на службе революции

В.И. Ленин сказал об А. Богданове и его ближайших соратниках такие слова: «Умные, талантливые люди, немало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше, а – не пойдут они с нами! Не могут» [Горький, 1972]. На наш взгляд, данный тезис признанного вождя Великой октябрьской революции 1917 года не совсем корректен. Мы не будем вникать в специфику внутрипартийной борьбы лидеров РСДРП, и в частности, анализировать причину политических разногласий А. Богданова и В.И Ленина. На наш взгляд, гораздо важнее показать влияние организационной науки А. Богданова на революционные события.

Будучи пламенным революционером, на протяжении нескольких лет игравшим значительную роль в деятельности РСДРП, А. Богданов вместе с В.И. Лениным и Л.Б. Красиным входил в состав руководящей тройки большевистской фракции РСДРП. Однако на сегодняшний день он более известен как автор тектологии – организационной науки, в которой причудливо переплелись идеи марксизма, махизма и софиологии, и которая, по нашему убеждению, оказала существенное влияние не только непосредственно на лидеров революции, но и на процесс ее организации в целом.

А.А. Богданов искал эффективное и простое средство (medium) управления революционными процессами. Будучи прекрасным обществоведом и экономистом, он пришел к выводу о том, что процесс организации революционного движения должен быть построен на научной основе. Все организационные процессы подчиняются общим закономерностям, на основе которых можно формулировать законы организации. Апогеем организованности является трудовой человеческий коллектив.

Первые практические навыки организационной науки, которая только начинала вызревать в уме А. Богданова, были применены им в ходе работы Школы пролетарской культуры на острове Капри, которая была им организована совместно с М. Горьким и будущим пролетарским наркомом просвещения А.В. Луначарским в 1909 году для подготовки рабочего актива. Из-за разногласий с В.И. Лениным, А. Богданов создает революционную группу «Вперед», на базе идеологической платформы которой ставились задачи распространения пролетарской культуры, науки и философии. Опираясь на единую теорию опыта – эмпириомонизм (как прототип тектологии), А. Богданов уже тогда делает ставку на углубление представлений о механизме человеческой деятельности в целом и революционной в частности.

Пленум ЦК РСДРП в январе 1910 года осудил деятельность каприйской школы. Отказавшись подчиниться постановлениям ЦК РСДРП, А. Богданов был исключен из рядов большевиков, но не оставил своих научных поисков. С 1911 года и в течение последующего десятилетия, А. Богданов плотно работает над теоретическими основами тектологии, сделав выводы из организационных ошибок каприйской школы.

После октябрьской революции А. Богданов возглавил работу Пролеткульта, что позволило ему активно внедрять тектологические идеи. И хотя официальное признание тектологии состоялось несколькими десятилетиями позже, уже в первые послереволюционные годы она акцентировала внимание на связи всех явлений действительности и способствовала анализу процессов организации и дезорганизации, механизма формирования и регуляции, устойчивости и организованности общественных систем [Любутин, 1999, 17-47].

На наш взгляд, именно тектологическое учение способствовало принятию удивительно грамотных решений в политической, экономической и социокультурной сферах и помогло им не только относительно быстро установить советскую власть на гигантских просторах бывшей Российской Империи, но и укрепить международный авторитет.

Мировая ингрессия как тотальная медиальность

Тектология А. Богданова явила собой пример тончайшего индикатора наступления новой эры – эры современных медиа, став, фактически, прообразом уже привычной для нашего лексикона феномена медиальности. Нам представляется, что благодаря тектологическому учению А.А. Богданова, творцы революции максимально близко подбираются и разгадывают тайну медиа, задолго до М. Маклюэна и других теоретиков средств коммуникации [Почепцов, 2001], о чем мы уже однажды писали [Цуканов, 2018, 97-104].

При более тщательном разборе богдановской концепции оказывается, что весь мир в целом находится в непрерывном изменении, в нем нет ничего постоянного, все суть изменения, действия и противодействия. Главным в этой картине перманентных метаморфоз элементов мировой системы является тенденция к их взаимодействию в двух коренных вариациях: соединения и разъединения. По А. Богданову, человек во всей своей деятельности – в практике и мышлении – только соединяет и разделяет какие-нибудь наличные элементы [Богданов, 1989, 142]. Однако, по мнению А. Богданова, акты соединения и разделения играют неравную роль в деятельности человека: «… один из них является первичным, другой – производным, один может быть непосредственным, другой всегда бывает только результатом» [Богданов, 1989, 143]. Именно встрече и связи элементов друг с другом, а не их расставанию и вражде отдается явное предпочтение в силу сугубой веры автора в цельность и высшую монолитность мироздания. Отсюда его большевистско-коллективистский пафос объединения всего и вся, поскольку с этой точки зрения любой коллектив всегда раньше индивида, а целое раньше частного.

Думается, что в парадигме медиальности следует рассматривать и такое понятие как конъюгация, которое было заимствовано А. Богдановым из области биологии. Если рассматривать конъюгацию в едином ансамбле родственных понятий смежности, совокупления, взаимодействия, встречи, слияния, брака, обобщения, связи, перехода и сообщения, то необходимо констатировать, что данный смысловой ряд вполне релевантен понятию медиа.

Конъюгация становится возможной в контексте функционирования еще более тонкого механизма, именуемого ингрессией, которая представляет собой приведение к взаимному совпадению внешне разрозненных по форме и содержанию объектов на уровне их внутренней структуры или внешних проявлений через особую координацию усилий или образование дополнительных звеньев-трансмиссий, совмещающих друг с другом противоположные полюса. Метод ингрессии – это метод «вводных» или «посредствующих» комплексов. По мнению

А. Богданова, путем ингрессии возможно связывать даже такие комплексы, которые при непосредственном соединении взаимно разрушались бы.

Ингрессия в политике большевиков

Обращаясь к революционным событиям, попытаемся констатировать наличие конкретной практической выгоды от применения тектологии в искусстве революционной медиации=конъюгации=управления. В тектологическом контексте событие может быть определено как место встречи, состыковки различных обособленных элементов действительности, что можно редуцировать до компактной формулы «Любое событие есть medium». А если учесть, что в мире в единицу времени происходит огромное количество медиумических интеракций, то мир в таком случае представляет собой колоссальных размеров полотно, стягиваемое в некое сверхъединство копулятивно-промискуитетными контактами всех со всеми без разбора. Перефразируя мастера итальянского кинематографа Ф. Феллини [Феллини, 1981, 230], полагавшего, что во время монтажа кадры, стоящие в непосредственной близости друг от друга, словно бы взаимно заражаются и напитываются имеющейся у них энергией (тут уместно вспомнить и знаменитый эффект Кулешова) [Лотман, 1994, 15], скажем, что событийный нарратив мира соткан из беспорядочных регулярных взаимозаражений элементов, участвующих в процессе метамедиации.

К числу самых ярких и показательных событий первых месяцев большевистской власти, имевших тектологическое обоснование, можно считать заключение сепаратного мирного договора с Германией 3 марта 1918 года, создание в 1920 году Дальневосточной республики (ДВР) как буферного политического образования, политические меры в отношении царской семьи и многие другие. В частности, при заключении непопулярного мирного договора была применена ингрессивная медиа-пауза, которая заключалась в выработке так называемого третьего пути – «мир не заключаем, а армию демобилизуем», ставшего переходным этапом между войной и ее прекращением, что не позволило немцам быстро и прочно закрепиться на оккупированных территориях. Образование ДВР как некоей буферной зоны в качестве промежуточного (медиа-) образования между конфликтующими сторонами на какой-то период устроило всех участников конфликта в регионе, что в дальнейшем позволило прирастить и этот регион к могучему телу обновленной России, используя сильнодействующий «клей» ингрессии и медиаманипуляции в формате третьего пути. В отношении судьбы царя большевиками была взята гроссмейстерская пауза.

Таким образом, большевистское правительство проявило чудеса ингрессивной гибкости, искусно маневрируя между недружественными ожиданиями скоропостижного конца красного проекта за границей и неистовыми мечтами о коммунизме в самой обездоленной России. В итоге, как известно, был взят курс на строительство светлого будущего.

Заключение

В завершение еще раз подчеркнем, что большевики как политическая сила опирались не только на энергию возмущенных народных масс, но и на деликатный инструментарий научной теории, разработанный в их среде человеком, ставшим предтечей завоевавших впоследствии заслуженный авторитет таких областей знания, как кибернетика, теория систем и синергетика. На наш взгляд, богдановская тектология в какой-то степени стала предвосхищением медиатеории. В целях усиления философского напряжения в рамках предложенной темы можно

декларировать необходимость дальнейшего усложнения интеллектуальных игр с масштабированием при взгляде на ВОСР, за счет чего саму революцию стоило бы рассмотреть как вещь запредельно медиумическую, ведь именно она говорила с нами Троцким и Лениным, Зиновьевым и Каменевым. Революция есть особый язык и стихия Бытия, обремененного хаосом. Встроившись между старым потускневшим порядком вещей и фантастически-завораживающей мечтой человечества, она была воплощенной попыткой ответа на суровый экзистенциальный гамлетовский вопрос «Быть или не быть?». Богдановская тектология в таком ракурсе заметно корректирует визуальный образ Великого Октября.

Библиография

1. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
2. Горький М. В.И. Ленин. М.: Издательство политической литературы, 1972. 64 с.
3. Кузнецова Е.И., Дорожкин А.М. Медиа и медиальное: социально-философский анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. №3. С. 182.
4. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. 144 с.
5. Любутин К.Н. Герои и еретики: Александр Богданов // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 1999. № 1. С. 17-47.
6. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. 464 с.
7. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. С. 160-252.
8. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб., 2014. 350 с.
9. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
10. Феллини Ф. Делать фильм // Иностранная литература. 1981. №9. С. 230.
11. Цуканов Е.А. Предтечи теории медиа в отечественной интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX веков // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2018. №1 (27). С. 97-104.
12. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. К.: София, 2000. 480 с.

Media and mediums of the Great October Revolution

Evgenii A. Tsukanov

PhD in Philology,
Associate Professor of Journalism and Media Technologies Department,
Higher School of Press and Media Technologies,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
191180, 46, Voznesenkii av., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tsukanov@rambler.ru

Abstract

The research presented in the article is devoted to studying of a problem of formation by Bolsheviks of the updated image of reality begun as a result of their victory in October, 1917. According to the author of the paper, Great October Socialist Revolution has become possible only thanks to distinguished understanding certain Bolshevist leaders of an essence of the happening cardinal shifts in the historical agenda and to the deep penetration into structure of an event picture of the reality born in the mode «here and now». The researcher A.A. Bogdanov who has developed a new unique for the time science about the general organization called the tectology which became a powerful conceptual tool of designing the new world was one of such leaders. The author of this article believes that the tectology with its basic administrative mechanisms, conjugation and an

ingression, was not only the management tool to converting actions in hands of Bolsheviks, but it also has served as a germ of the theory of media which has appeared in decades. In this regard in the text of article arguments in protection of a thesis that the Soviet power is the first-ever full-fledged medial power are offered.

For citation

Tsukanov E.A. (2018) Media i mediumy Velikoi oktyabr'skoi revolyutsii [Media and mediums of the Great October Revolution]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 86-92.

Keywords

Media, mediality, tectology, conjugation, ingression, existence, nonexistence, communication, reality, visual images.

References

1. Bogdanov A.A. (1989) *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka)* [Tectology: (General Organizational Science)]. Moscow: Ekonomika Publ. Vol. 1.
2. Eliade M. (2000) *Shamanizm: arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: archaic techniques of ecstasy]. Kiev: Sofiya Publ.
3. Fellini F. (1981) Delat' fil'm [Making a film]. *Inostrannaya literature* [Foreign Literature], 9, pp. 230.
4. Gor'kii M. (1972) *V.I. Lenin*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.
5. Kuznetsova E.I., Dorozhkin A.M. (2008) Media i medial'noe: sotsial'no-filosofskii analiz [Media and Medial: Socio-Philosophical Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University], 3, p. 182.
6. Lotman Yu., Tsiv'yan Yu. (1994) *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallinn: Aleksandra Publ.
7. Lyubutin K.N. (1999) Geroi i eretiki: Aleksandr Bogdanov [Heroes and heretics: Alexander Bogdanov]. Nauchnyi *ezhegodnik IFiP UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Philosophy Institute of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 1, pp. 17-47.
8. McLuhan G.M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Media Understanding: External Human Extensions]. Moscow.
9. Pocheptsov G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Moscow: Refl-buk Publ.
10. Sartre J.P. (2000) *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothing: The Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow: Respublika Publ.
11. Savchuk V.V. (2014) *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. Attack of reality]. St. Petersburg.
12. Tsukanov E.A. (2018) Predtechi teorii media v otechestvennoi intellektual'noi traditsii kontsa XIX – nachala XX vekov [Forerunners of the theory of media in the national intellectual tradition of the late XIX – early XX centuries]. *Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya* [The sign. Problem field of media education], 1 (27), pp. 97-104.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 1

Вещизм как принцип современного потребительского капитализма

Боровой Евгений Михайлович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и истории,
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
630102, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Кирова, 86;
e-mail: адрес bor77@ngs.ru

Аннотация

В работе исследуются сущностные характеристики потребительского общества и такой ключевой принцип его составляющий, как вещизм. Кроме того, в работе исследуется проблематика воздействия виртуализации на ключевые характеристики вещизма. Особое внимание в работе оказывается выявлению взаимозависимости вещизма чувствами страха и вины. При анализе принципа вещизма используются некоторые положения структурного психоанализа Ж. Лакана. Данный исследователь отмечает, что полная направленность человека на ценности обладания вещью является причиной существенной деформациям его личности. Абсолютизация принципа владение вещью приводит к тому, что вся сложность и многообразие бытия сводятся к материальному рассмотрению всех онтологических составляющих. Все это становится причиной того, что личность человека воспринимается как вещь, а культура, основанная на данном принципе, формирует систему ценностей, согласно которой человек должен постоянно стремиться к владению совокупностью вещей, что должно определять его социальный статус. В работе показано, что призрачная свобода выбора потребителей замещает воздействие на идеологию, а определенная проблема человечества не решается, а постоянно исследуется в виртуальной системе, включающей в себя такие социальные явления как мода, политика, реклама и пр. Переадресация проблематики, определяющей последовательность единообразных сценариев играет двоякую роль: в первую очередь, трансформируя данную тему в вид поведения, не исследует социальную проблему; во вторую очередь - приводит к тому, что для решения социальных проблем применяются неэффективные инструменты. Все это замыкает порочный круг потребительского общества, поэтому поиск новых смыслов представляет собой главную проблему современного общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Боровой Е.М. Вещизм как принцип современного потребительского капитализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 93-103.

Ключевые слова

Информационное общество, потребительский капитализм, социальный характер, обладание вещью, вещизм, симулякр, принцип желания, статусные вещи, виртуализация общества, потребительская свобода, страх, вина.

Введение

За последнее время современное общество трансформировалось посредством ряда глубоких изменений, его характер не позволяет его в полной мере отнести к индустриальному, наступает эра информационного общества. В настоящее время в научной литературе исследует проблема информационной стадии развития общества. Но в то же время, характер данной категории полностью не исследован.

Концептуальные основания «информационного общества» исследуется начиная с середины XX века в работах Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и других исследователей. Обобщая в целом взгляды последователей информационного общества, необходимо выявить такие характеристики определяемого ими будущего общества: 1) факторы производства как основа индустриального технологического уклада замещаются знаниями и информацией, реальный сектор теряет ключевую роль и ее место замещается университетами как центрами генерирования, переработки и систематизации информации; 2) базой экономики постиндустриального общества становится сектор услуг, которые смещают значимость промышленного и аграрного сектора; 3) характер знаний, а не индивидуализированные вещи, формируются как определяющая характеристика социального расслоения, таким образом, источник социальных конфликтов смещается из экономической сферы в социокультурную; 4) информационные технологии определяются как основа инфраструктуры нового общества, а все социальные процессы проявляют черты управляемости [Иванов, 2002, 11-12].

Основная часть

В текущей массовой культуре данные характеристики не стали ведущими. Университет не заместил реальный сектор экономики, а общество слабо характеризуется как программируемая система институтов, в большей степени характеризуясь многообразием форм. В этих условиях трансформировалась и парадигма капитализма. Он потерял черты индустриального, и характеризуется принципами гедонизма и потребления. Однако трансформировалась только форма капитализма, но не суть. Все также в мире происходит борьба за полезные ископаемые, и войны в Сирии тому является ярким примером. Также олигархический капитал наиболее значим в экономике, а размер состояния определяет социальный статус человека. В настоящее время можно говорить о неокапитализме, неоколониализме, о «виртуальном капитализме. Но все эти формы далеки от информационного общества. Современный западный капитализм активно задействует новые информационные технологии, все инновации, например нанотехнологии, дает толчок в развитии сервисной сферы. Однако перечисленное только технологический характер эволюции капитализма, а не переход к новому типу общества. Если исследовать трансформацию капитализма в XVIII-XIX веках, то увидим, что технические инновации были и в то время, но они не трансформировали сущность капитализма.

Ф. Фукуяма определил современное развитие капитализма как ситуацию «Великого разрыва», т.е. лага между инновациями и сложившейся системой ценностей капитализма. «Слом эпох» как перерождение сложившейся системы ценностей и несформированность новой как кризис социальной системы периода модерна и трансформация к постмодерну характерно обозначился в последние десятилетия XX века. Основой данного кризисного типа социума в духовном аспекте является парадигма постмодернизма, в социально-экономическом плане – потребительский капитализм.

Все общества характеризуются совокупностью ценностных нематериальных, неосязаемых символических компонентов, которые являются составляющими данных обществ определенными «критериями истины». Ситуация искажения бытийной базы символов, не только отражающих объективную реальность, сколько являющиеся причиной генезиса неосязаемой, виртуально-манипулятивные миры, отрыающие нас от истинного бытия, влияет на отрыв человека от его экзистенциональных основ и вовлечения в неопределенность и хаос отдаляемого от нас мира. На протяжении прошедшего XX века произошла трансформация замещения символов индустриального типа капитализма симуляциями потребительского капитализма.

Данная система символов в настоящее время является базой «социального характера». Э. Фромм определяет социальный характер «ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры, в противоположность индивидуальному характеру, отличающему друг от друга людей, принадлежащих к одной культуре» [Фромм, 1995, 338]. Социальный состав определяет личность как носителя ценностей соответствующей культуры наиболее распространённый способ восприятия идей и ценностей, отношение к другим людям и своему существованию.

«Нашим временем правит не бытие, а обладание» [Фаулз, 2002, 240], – пишет Дж. Фаулз. Бытие определяется как мертвый конгломерат тел, недостойных нашего соучастия, но являющихся вещами, заслуживающими тотального обладания ими. Наиболее важной формой обладания в западном обществе выступает потребление. Э. Фромм указывал, что личность – потребителя общества обладания можно охарактеризовать с помощью формулы: «Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю».

Существование человеческого Я в этом случае определяется посредством процессов обладания и потребления. Возведение в абсолют принципа обладания приводит к тому, что вся сложность и многообразие бытия сводятся к вещному рассмотрению всех онтологических объектов и структур. В качестве вещи начинает пониматься и личность любого другого человека. Ведущую роль в принципе обладания в рамках классического капитализма играл критерий полезности той или иной вещи или способность ею эффективно владеть. Культура, созданная на базе принципа обладания и оформленная в виде системы ценностей, становится стимулом для человека постоянно стремится к обладанию определенной совокупностью вещей, что обусловливает его социальный статус и материальное положение.

На какой концептуальный базис опирался индустриальный капитализм? Маркс показал, что социальная действительность не дана нам Богом или природой, а производится нами, и в основе этого общего производства лежит производство материальное. Как происходит осознание, что действительность произведена, а не подарена человеку Богом или природой, начинается восприятие ее в плоскости возможного. Так как то, что создано людьми, может быть трансформировано и улучшено в случае, если человек знание соответствующей социальной технологии. Данный технологический подход к миру был наиболее распространённым в западной культуре до момента становления общества «массового потребления».

Наряду с технологической основой у индустриального капитализма была и духовная опора. М. Вебер выявил незначительную взаимосвязь между протестантской системой ценностей и классическим капитализмом. К этому надо добавить еще и философию прагматизма и утилитаризма, довольно популярную в англоязычных странах.

Все это создало некоторый набор социальных черт западной личности. М. Лернер очень ярко представляет нам образ западного человека. «Этот новый человек отличается подвижным,

беспокойным характером… Он всей душой принадлежит здешнему миру, питая мало интереса к потусторонней жизни, очень остро чувствует время и знает ему цену. Его честолюбие нацелено отнюдь не на духовные ценности. Привыкнув мыслить категориями вещей реальных и достижимых, он исполнен оптимизма, веры в прогресс, уважения к техническому мастерству и материальному преуспеванию. Он верит лишь в то, что можно пощупать, схватить, измерить. Это человек техники, которого занимает вопрос «как?» и совершенно не волнуют проблемы цели и блага. Он далек от аскетизма, ценит комфорт и свято верит, что жизненный уровень – это самое важное, а может быть даже и смысл жизни» [Лернер, 1992, 81-82], – пишет М. Лернер.

Ключевой социальной характеристикой западного человека является ярко выраженный индивидуализм. К наиболее значимым характеристикам индивидуализма необходимо отнести: 1) тесную связь индивидуализма с соревнованием, основанным на концепции конкуренции; 2) ключевым является сила отдельного человека, противопоставляемая коллективным ценностям; 3) успех личности в соревновании является безусловной ценностью.

В социуме «массового потребления» сформировалась деонтологизация целого ряда базы индустриального капитализма, таких как индивидуализм, трудолюбие и другие, и превращение их в стимулы. Замещение симулякров в повседневной жизни осуществляется по логике принципа, сформулированного Ф. Соссюром по отношению к формальной лингвистике: «означающее немотивированно, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи». Обозначающее в данном случае является символом или его заменителем, а означаемое – человеком как бытийным существом. Симулякры формируются как все более тонкие имитациями бытия, конечный характер которых – сформировать виртуальный мир, целиком замещающий реальность и препятствующий вторжению свидетельств данной реальности в наше сознание.

Так, потребительский капитализм отсылает к той же системе ценностей, что и индустриальный: к индивидуализму, потреблению, частной собственности, свободе и др. Однако сущность этих ценностей потерял материальную основу и стал симуляцией.

Базой как индустриального, так и потребительского капитализма заключается во владение вещами. Таким образом сущность владения вещами существенно трансформировалась. Какую роль занимают вещи в повседневной жизни человека?

Бытие любого человека в различной степени связана с повседневными вещами. Академическое философское знание исследует повседневность только с негативных позиций. Например, ярко выраженно это прослеживается в работах Макса Вебера, использующего такие словосочетания как «выхолощенная повседневность» и предполагавшего, что процесс «оповседневнивания» соответствует упадку и деградации высокой культуры. В значительном количестве академических мыслителей о повседневности говорится в лучшем как о сфере рационализированной и формальной, а в худшем – как о «тупой», «гнетущей» и т.п. Однако, несмотря на данный негативизм, все люди используют в повседневной жизни вещи. Даже в полном аскетизме отрицание вещей используется только для противопоставления духовности сковывающей материальности повседневности.

Система капитализма базируется на основополагающей идеи об обладании вещами. В системе ценностей индустриального капитализма вещи являются средством удовлетворения только материальных потребностей человека. В этом случае стремление общества к рациональному, другие функции подавлялись. В системе потребительского общества было выявлено, что вещь может служить инструментом и для выполнения иных функций.

Жак Эллюль писал, что логика западного общества потребления постоянно вытесняет

ценности христианской духовности, замещая их языческим тяготением к достижению успеха посредством любых инструментов, к опасному торжеству одномерности бытия и бездуховности. Именно субъективность удовлетворения и является наиболее влиятельной в симулякрах. При этом, радикальность названной субъективности приводит к росту влияния заменителей. Это связано с необходимостью осуществления длительных усилий для реальной смены сложившейся ситуации, результат которых может отличаться от ожидаемого. Замена реальности симулякром приводит к видимости удовлетворения, но эта видимость именно такова, какой индивид ожидал ее увидеть.

Реальны материальные потребности, примером которых служит, прежде всего пища, не могут быть удовлетворены посредством иллюзий. Тогда как психоаналитическая витальность вполне удовлетворяется симулякрами. Именно на этом и базируется современная «индустрия симулякров», продуктом которой являются чувственные заменители, способные вызвать даже большее удовлетворение, по сравнению с реальным сенсорным опытом. Но чтобы добиться большей степени удовлетворения необходимо обращаться к подсознанию, прямо воздействуя на запрещенные культурой и моралью области. Правильно построенный симулякр приводит к подмене на всех уровнях деятельности индивида. Его интересы и реальные потребности подменяются желанием, будущее становится гораздо менее ценным сиюминутности, накопление превращается в потребление, а сама реальность подменяется симулякром.

Структурный психоанализ Жака Лакана позволяет выявить и объяснить изменения в отношении вещей со стороны западного человека. В соответствии теорией Лакана, большинство действий современного западного человека связаны с удовлетворением принципа желания, а потребительский капитализм сделал вещь объектом желания. При этом Лакан, в отличии от Фрейда, определяет удовлетворение желаний как желание обладать вещью, а не удовлетворение либидо. В соответствии с терминологией Лакана это определяется категорией «objet a», прямо означающей объект-причину желания. Буква «а» в данном случае - сокращение от французского слова autre – «другой». Под «другим» понимается или конкретный человек (autre – «маленький другой»), или определённая социально-символическая инстанция (Autre – «большой Другой»), например закон, общее мнение, вождь, Бог и т.п. Этот «другой» и определяет ценность обладания вещью, поскольку без его присутствия обладание не является ценностью. Таким образом ценность обладания заключается не в индивидуальном желании того или иного материального блага или вещи, а в желании иметь то, что что желают иметь другие. «Желание, направленное на природный объект, человечно только в той мере, в какой оно «опосредовано» желанием другого, направленным на тот же объект: человечно желать то, что желают другие, – желать, потому что они этого желают», – указывает А. Кожев [Кожев, 2003, 14].

При этом наибольшая ценность присутствует у тех предметов желания, которые наиболее недоступны. Другой формирует запрет на доступ к объекту желания, формирую тем самым его ценность, тогда как снятие запрета на объект желания приводит к исчезновению и ценности вещи.

А. Кожев вводит определение «неудовлетворенная диалектика желания», отражающее явление, связанное с перманентным переключением интереса сформированное системой потребительского капитализма. Здесь, как только объект желания достигается и потребляется, немедленно появляется следующий, еще более вожделенный и ценный объект, поскольку он уже присутствует у другого. Несоответствия действующей системы потребления, как указывает В.В. Корнев [Корнев, 2011, 23], выражается не в какой-то постоянной отсталости обывателя, а в этой совершенно неудовлетворенности желания как такового в социуме потребительского капитализма.

Владение вещью в современном мире обретает не только материальную, сколько искаженно символическую составляющую. Данную составляющую, которую Ж. Лакан обозначал как «прибавочное удовольствие». Престиж трансформируется с материальных характеристик товара в направлении символически-культурных качеств. Формируется смешивание и замещение потребления товаров и потребления культуры. Увеличивается спрос на культурно «обогащенные», эстетически утонченные и рафинированные вещи. Спросом пользуются продукты, чья мотивация продажи не соотвествует общему удовлетворению потребности, а направлена на некоторый определенный культурный слой.

Владение определенным набором вещей дает возможность человеку не только комфортно себя ощущать в рамках общества потребления, но и с помощью системы символов отражает его социальный статус. Ф. Гирш в предложенной теории «статутных благ» всю совокупность вещей разделяет на тривиальные, т.е. товары массового потребления, доступ к которым открыт, и статусные, составляющие систему символов, определяющих положение человека в обществе. В обществе потребления статусные вещи становятся все дороже относительно товаров массового потребления, которые по мере их все большего производства теряют привлекательность, и при этом каждый отдельный человек вынужден все больше платить за товары, которые ему необходимы для создания своего символического статуса.

Не вызывает сомнения, что и в предыдущие эпохи владение статусными вещами определяло социальное положение человека. Но в данное время стремление к вещам стала безудержной. Данное вовлечение человека в систему постоянного и все увеличивающегося потребления товаров стало возможным при следующих условиях. В первую очередь, возникает разрушение сложившихся социальных институтов индустриальной эпохи, возникшие на их месте политические и экономические структуры не стали ограничивать, а наоборот, всеми способами стимулировать неограниченное увлечение потребителя к обладанию вещами. Во-вторых, наблюдается абсолютизация в социальном характере потребителя идеи того, что каждый человек имеет возможность обладать не только товарами массового производства, но и статусными вещами.

К началу XX века были созданы социальные структуры соответствующие эпохе модерна в таких сферах, как политика, экономика, наука, искусство, семейные отношения. Случилась социокультурная трансформация, которую К. Маркс, М. Хайдеггер, П. Сорокин по-своему однако единственно верно определили так: стремление к господству над вещным миром является источников к овеществлению социального бытия. Человек оказался не только во власти вещей, но и стал подчиняться универсальным безличным нормам. В то же время, несмотря на усиливающийся диктат вещей, стремление человека к все больше увеличивающемся обладанию подавляется в данное время различными системами норм (протестантской, коммунистической, либеральной). Эти системы норм диктуют, цензурируют и рационализируют стремление к вещизму. В то же время и объективная ситуация развития общества как индустриального капитализма указала на то, что экономическая система производства не может удовлетворить большую часть желаний потребителей.

Существенные изменения происходят с середины XX века. Разрушение великих идеологий XX века, кризис христианства, сексуальная революция 60-х годов стало причиной ослабления влияния разума и освобождения бессознательного человека. Весьма симптоматична реакция на это капиталистической экономики, которая трансформировала производство реальных товаров на потребление их симуляций. Все это стало возможным благодаря процессу виртуализации основ социальных институтов индустриального капитализма.

В современные научные источники до настоящего времени доминирует подход, приводящий тематику виртуальной реальности только к развитию компьютерных технологий и мультимедийных средств. При этом характеристика термина «виртуальная реальность» составляет все более объёмный характер, включает в себя совокупность социальных проблем. На настоящее время существует 6 основных философских интерпретаций виртуальной реальности: коммуникативный подход (М. Маклюэн), симулятивный подход (Ж. Бодрийяр), дифференциальный подход (Ж. Делёз), полионтичный подход (Н.А. Носов), субъектный подход (И.Г. Корсунцев), технологический подход (А.В. Юхвид).

Наиболее важными в ключе исследования поставленной проблемы являются исследования Д.В. Иванова и Ж. Бодрийяра. В соответствии с их концепциями вещь – это объект, существующий реально, а образ вещи – это симуляция свойств объекта, и значимости этих свойств. «Таким образом, возникшие в развитых странах на протяжении последней трети XX в. различия между прежней ориентацией процесса реализации ценностей на реальные объекты и нынешней ориентацией этого процесса на симуляции трактуется как виртуализация общества» [Иванов, 2002, 181].

Виртуализация, все больше проникающая в жизнь современного общества, приводит к возрастанию симулякров, как заменителей реальности. При этом реально существующее положение трансформируется в новую, иллюзорную реальность. Заменители присутствую во всех сферах жизни современного общества потребления, начиная от экономики и политики, и заканчивая искусством, семьей и даже наукой. Возникает ситуация, которую Ф. Фукуяма определил как «конец истории», которая заключается в разрушении институциональной социальной системы общества модерна.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что виртуальная реальность в качестве отдельного вида бытия появляется не в связи с изобретение одноименной компьютерной технологии. Отдельные элементы виртуальности прослеживаются и в период существования мифологической картины мира, и во времена таких средневековых философов как Василий Великий, в Шестодневе которого изложена космология с элементами виртуальности [Носов, 2000, 40-53]. Но не в период древнего мира, не в период средневековья реальность не могла быть подавлена виртуальные. Это стало возможным только в современном потребительском обществе, в котором виртуализация стала инструментом для трансформации самой сути вещей, и человеческого отношения к ценности вещей. Вершиной человеческого желания становится не духовные ценности, заключенные в идеях Бога, свободы или любви, а жажда обладания вещами, не несущими, часто, даже материальной ценности.

В современном обществе товарный знак выступает как сам товар. Причиной сложившейся ситуации стали рекламные технологии виртуализации, которые формируют образ, товара, товарного знака, или фирмы. И именно эти образы покупаются и продаются в обществе потребления, поскольку именно эти образы преобразуют вещь, с определёнными физическими потребительскими свойствами в статусную вещь, предающей ее владельцу и определенный социальный статус.

Следует подчеркнуть, что статус, полученный за счет вещи, нуждается в постоянном поддержании. Одной статусной вещи недостаточно, их должно быть много, они должны быть разными, и они должны быть модными, а значит часто меняться. Виртуализация, как технология, позволяет симулировать даже инновации. В современном обществе это проявляется в создании модельного ряда товаров, которые удовлетворяют одну и ту же реальную потребность, но позволяют формировать абсолютно разные информационные поводы в разных

потребителей. Модельный ряд стимулирует технологический прогресс, позволяющий получать «справедливую цену» за серию «новых возможностей», «улучшенных характеристик» [Иванов, 2002, 83].

В современном обществе потребления основной свободой становится отсутсвие ограничений в потреблении вещей, т.е. потребительская свобода, тогда как духовная свобода, гражданская свобода или политическая свобода отодвигаются на второй план. К этому привела иллюзия, связанная с достижением так называемого «общества равных возможностей». Реклама создает иллюзию цели современного общества в комфорте человека, как отдельного индивида. При этом, комфорт достигается в случае приобретения определенного набора вещей, необходимых для достижения комфорта, или определенного уровня комфорта. И, чем больше человек получает комфорта, тем более высокий уровень этого комфорта ему необходим в будущем. А страх потери достигнутого по средствам набора вещей комфорта проста ужасает индивида. Хотя страх невозможности повышения уровня потребления тоже очень велик.

Этот довод особенно актуален для статусных вещей, обладание которыми создает впечатления победы в конкурентной борьбе или успешности отдельного индивида. В ситуации, когда человек больше не может приобретать статусные вещи у него возникает чувство проигрыша, отсутствия успеха, что может восприниматься человеком как его смерть в обществе, а, аллегорически, можно определить как смерть конкретного потребителя.

Потребность к владению и страх смерти значительно взаимосвязаны в контексте западноевропейской культуры. Рост индивидуализации человека в первую очередь связывают с бытийным принципом владения вещью, а страх смерти выступает здесь как страх утраты обладания значимыми вещами. Утрата веры в истинные ценности, такие как вера в Бога, вера в демократические и либеральные ценности, приводит к формированию у потребителя единственного безопасного критерия его нахождения в бытии – владение вещами. Потеря данной возможности приводит к погружению человека в латентное состояние страха и является причиной искажения его нравственной составляющей.

Полная ориентация человека на владение вещами становится причиной существенных деформаций личности. Возведение в абсолют принципа обладания приводит к упрощению сложности и многообразия бытия, которые являются причиной вещного рассмотрения всех онтологических объектов и структур. В качестве вещь определяется и личность любого другого человека. Культура, созданная на основе принципа владения, сформированная посредством системы ценностей, является причиной воздействия на человека к постоянному стремлению владения совокупностью вещей, что определяет его социальный статус и материальное положение.

Искажению подвергается совокупностью символического ряда нематериальных ценностей человека. Глубинной деформации подвергаются такие экзистенциалы человеческого существования, как смерть, смысл жизни, вина, страх. Например, исследует такой значимой основе духовности человека, как вина.

Супермаркет становится основой культурной жизни общества потребления. Он становится одним из важнейших социальных институтов, претендуя на реализацию культовых, идеологических и просветительских функций. Как символ, супермаркет становится в один ряд с античным Олимпом или христианским раем. Проблема супермаркета «в безотчетном чувстве вины, на котором я лично не раз себя ловил на выходе из магазина, в случае если корзина пуста» [Корнев, 2011, 35], – пишет В.В. Корнев.

Потребление как социальный институт в целом основывается на постоянно возобновляемом

комплексе вины. Но это уже не экзистенциальная вина, а не вина, связанная с муками совести и нравственным выбором, а потребительская вина. Значительное количество рекламных нарративов создают образ какого-то правильного мира с молодыми красивыми людьми, пользующимися правильными вещами и технологиями. Потребитель должен чувствовать свою вину как отсталый и недостаточно социализированный субъект, правильного выбора (покупки) которого ожидает все остальное прогрессивное человечество.

Данная атмосфера виртуального мира супермаркета нацелена на то, чтобы потребитель обязательно покупал значительное количество ненужных ему товаров. В фильме «Матрица: Перезагрузка» (The Matrix Reloaded, 2003) Архитектор (создатель Матрицы) так поясняет один из главных алгоритмов действия всей системы общества потребления: Суть этой программы в следующем: почти 9 % испытуемых принимали правила игры, если им предлагалось право выбора, несмотря на то, что выбор существовал только в их воображении. Потребитель был в уверенности, что выбор в мире универсального изобилия совершает он совершает самостоятельно. Покупатель уверен, что его предпочтения – результат эмоционального или интеллектуального самоопределения, что свободный и непосредственный контакт с массой разного типа товаров в отсутствие посредника-продавца предполагает самостоятельные решения. Но основная «покупка» в супермаркете – это иллюзия свободного выбора. Потребительская свобода в итоге становится полной несвободой личности.

Заключение

Двойственность и противоречивость бытия взаимозависима с парадоксом категории желания. Желания потреблять не имеют границ, но и причин. Данное желание основано на кризисном самоощущении. Потребитель при этом сам формирует кризис, который необходимо преодолевать. Потребляемые предметы отражают истинные желания человека. Производители используют в своих интересах это кризисное ощущение человека, а в масштабах общества данная идеология выступает как защитный механизм.

Призрачная свобода выбора потребителей замещает воздействие на идеологию, а определенная проблема человечества не решается, а постоянно исследуется в виртуальной системе, включающей в себя такие социальные явления как мода, политика, реклама и пр. Переадресация проблематики, определяющей последовательность единообразных сценариев играет двоякую роль: в первую очередь, трансформируя данную тему в вид поведения, не исследует социальную проблему; во вторую очередь - приводит к тому, что для решения социальных проблем применяются неэффективные инструменты. Все это замыкает порочный круг потребительского общества, поэтому поиск новых смыслов представляет собой главную проблему современного общества.

Библиография

1. Жеребкина И. Прочти моё желание… // Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.
2. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
3. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 253 с.
4. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединённых Штатах сегодня. Т. 2. М.: Радуга, 1992. 575 с.
6. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
7. Фаулз Дж. Аристос. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 432 с.

8. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 273-597.
9. Шмеман А. Смерть как «практическая проблема» // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 33-45.
10. Priestley M. Constructions and creations: idealism, materialism and disability theory //Disability & Society. – 1998. – Т. 13. – №. 1. – С. 75-94.
11. Williams R. Problems in materialism and culture. – London : Verso, 1980. – С. 31.

Materialism as a principle of modern consumer capitalism

Evgenii M. Borovoi

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Department of philosophy and history,
Siberian State University of Telecommunications and Informatics,
630102, 86 Kirova st., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: адрес bor77@ngs.ru

Abstract

The article analyzes the nature of consumer society and such its fundamental principle as materialism. The article raises the problem of the impact of virtualization on the essence of materialism. The author pays special attention to the relationship of materialism with such human existentials as fear and guilt. The author uses a number of provisions of structural psychoanalysis J. Lacan when studing the principle of materialism. The author notes that the total orientation of a person to materialism leads to serious deformations of his personality. The absolute construction of the principle of possession leads to the fact that all the complexity and diversity of being are reduced to a real consideration of all ontological objects and structures. Culture, formed on the basis of the principle of possession and designed in the form of a system of values, compels a person to constantly strive for possession of a certain set of things, which determines his social status and financial situation. Ephemeral freedom of consumer choice compensates ideological pressure, and any specific problem (poverty, war, harmful environment, etc.) is infinitely redirected within a virtual system consisting of fashion, politics, advertising, etc. The constant redirection of the problematic meaning in a chain of monotonous subjects plays a dual role: first, turning the chosen topic into a stereotype, it profanes a real social problem; secondly, it offers fictitious ways to solve it. In such a vicious circle, it is difficult for the consumer to identify alternatives to the consumer society. Meanwhile, the question of alternatives to the society of consumption (materialism) is the main question of human survival as a spiritual being. The paper shows that the ghostly freedom of consumer choice replaces the impact on ideology, and the specific problem of humanity is not solved, but is constantly explored in a virtual system that includes such social phenomena as fashion, politics, advertising, etc. Forwarding issues defining the sequence of uniform scenarios, it plays a dual role: first of all, by transforming this topic into a type of behavior, it does not investigate a social problem; secondly, it leads to the use of non-efficient tools for solving social problems. All this closes the vicious circle of the consumer society, so the search for new meanings is the main problem of modern society.

For citation

Borovoi E.M. (2018) Veshchizm kak printsip sovremennogo potrebitel'skogo kapitalizma [Materialism as a principle of modern consumer capitalism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 93-103.

Keywords

Information society, consumer capitalism, social character, possession of a thing, materialism, simulacrum, principle of desire, status things, virtualization of society, consumer freedom, fear, guilt.

References

1. Faulz Dzh. (2002) *Aristos.* Moscow: EKSMO-Press Publ.
2. Fromm E. (1995) Zdorovoe obshchestvo [Healthy society]. In: *Psikhoanaliz i kul'tura. Izbrannye trudy Karen Khorni i Erikha Fromma* [Psychoanalysis and culture. Selected works of Karen Horney and Erich Fromm]. Moscow: Yurist Publ., pp. 273-597.
3. Ivanov D.V. (2002) *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0* [Virtualization of society. Version 2.0]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.
4. Kornev V.V. (2011) *Filosofiya povsednevnykh veshchei* [Philosophy of everyday things]. Moscow: Yunaited Press Publ.
5. Kozhev A. (2003) *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the reading of Hegel] / translated from the French by A.G. Pogonyailo. Saint Petersburg: Nauka Publ.
6. Lerner M. (1992) *Razvitie tsivilizatsii v Amerike. Obraz zhizni i myslei v Soedinennykh Shtatakh segodnya* [The development of civilization in America. Way of life and thought in the United States today], vol. 2. Moscow: Raduga Publ.
7. Nosov N.A. (2000) *Virtual'naya psikhologiya* [Virtual psychology]. Moscow: Agraf Publ.
8. Shmeman A. (2013) Smert' kak "prakticheskaya problema" [Death as a "practical problem"]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 5(56), pp. 33-45.
9. Zherebkina I. (2000) Prochti moe zhelanie… In: *Postmodernizm. Psikhoanaliz. Feminizm* ["Read my wish...". Postmodernism. Psychoanalysis. Feminism.]. Moscow: Ideya-Press Publ.
10. Priestley, M. (1998). Constructions and creations: idealism, materialism and disability theory. *Disability & Society*, *13*(1), 75-94.
11. Williams, R. (1980). *Problems in materialism and culture* (p. 31). London: Verso.

УДК 1(33)

Концепция конструктивизма в исследовании национализма

Абрамов Сергей Витальевич

Аспирант,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевистская, 68;
e-mail: sergeyabramov5@yahoo.com

Аннотация

В статье актуализируются проблемы рассмотрения явления национализма и наций с точки зрения конструктивизма в работах зарубежных (Э. Геллнер) и отечественных (В.А. Тишков) ученых. Э. Геллнер, английский философ и антрополог, стал создателем подхода к изучению национализма, впоследствии получившего название «конструктивизм», основной принцип которого заключается в трактовке нации как сознательно сформированного явления, в отличие от признания ее данности. Концепции В.А. Тишкова присущи черты других концепций – не только лишь конструктивизма, но и постмодернистского подхода. Он подходит к рассмотрению этничности с точки зрения социального механизма (конструкта), позволяющего осуществлять культурную дифференциацию, Такой конструктивистский подход подразумевает то, что эти условия в большей степени создаются именно человеком, это прямой результат его деятельности и представлений; значительную роль при этом имеют представители интеллектуальных элит. Конструктивизм является одной из основных и наиболее значимых концепций, возникших в XX в. В рамках данной парадигмы принимается тот факт, что становление наций и национализма стало результатом воздействия множества процессов и факторов, таких как экономика, культура и политика. В работе также оценивается влияние обозначенного подхода на исследования в данной области.

Для цитирования в научных исследованиях

Абрамов С.В. Концепция конструктивизма в исследовании национализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 104-110.

Ключевые слова

Национализм, нация, конструктивизм, культура, этничность.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Изучение национализма приобрело наибольший масштаб в XX в., когда образуются целые научные сообщества единомышленников, работающих в одном русле. К наиболее значимым концепциям, появившимся в данный период, следует отнести примордиализм, этно-символизм, перенниализм и конструктивизм. Последний из вышеназванных подходов во многом связан с именем Э. Геллнера, английского философа и антрополога, который и стал создателем конструктивизма.

Основная часть

Основной принцип этой концепции заключается в трактовке нации как сознательно сформированного явления, в отличие от признания ее данности, как это делали сторонники примордиализма. Приверженцы так называемого «инструменталистского» подхода, основным предметом рассмотрения которого являются инструменты, которыми нация обладает в политической борьбе за власть, также поддерживают теорию Геллнера, связывая искусственное возникновение наций со стремлением элит достичь собственных целей путем умелого манипулирования народными массами. Сам же ученый берет за основу своей теории социокультурный подход, а возникновение наций в своей работе «Нации и национализм» описывает сугубо политической необходимостью. По его словам, национализм представляет собой принцип, в основе которого лежит политика и нация [Геллнер, 1991]. Самостоятельно возникнуть нация не может, лишь в результате активной деятельности политического характера. Как можно видеть, такое утверждение противопоставляется принципу детерминизма примордиализма. Ученый отмечает, что, для того чтобы возникла нация, необходимо «слияние доброй воли, культуры и государства». Исследователь доказывает, что, хотя культурный аспект и воля играют важную роль в формировании нации, сами по себе они не являются достаточным основанием для осуществления данного процесса. В то же время не каждая стадия развития социума представляет собой подходящую среду для возникновения нации.

Геллнер утверждает, что лишь индустриальное общество может стать основой для такого генезиса. Обусловлено это тем, что в индустриальном обществе присутствует потребность в соединении культуры и государства посредством обучения в рамках заданных стандартов с целью обеспечения грамотности и разнообразия профессий. Согласно Геллнеру, понятия нации и национализма неразрывно связаны. Он утверждает, что национализм представляет собой источник возникновения нации, а не наоборот, как считают некоторые исследователи. Воля и культура порождает нацию, однако лишь при определенных условиях в социуме и экономике, а именно в среде индустриального общества. Большую роль в своей концепции ученый отводит всеобщему образованию. Уход от старых культурных отличий аграрных обществ сам по себе важен, однако возникновение новой единой культуры возможно, по его мнению, лишь посредством стандартизированного образования. Только такой вид образования, гомогенный по своей сути, способен стать проводником идеи националистического характера, основой принципиально новой культуры, которая и станет инструментом становления такой идеи. Лишь государственные власти обладают достаточными возможностями для осуществления подобного слияния, а стало быть, лишь в условиях индустриального общества возможно возникновение наций как таковых. Несмотря на это, можно сказать, что Геллнер в своих работах уделяет значительное внимание и культурному аспекту; хоть, и не делая его главенствующим, он во многом разделяет мнение сторонников примордиализма о важности культуры в становлении

наций. В то же время, он сужает понятие культуры, вводя понятие «высокая культура» для описания процесса формирования наций, поскольку, в понимании ученого, высокой культурой является та, которой присуща своя письменность и которая основывается на едином образовании. Говоря о таком типе культуры, Геллнер оставляет без ответа вопросы о том, насколько возможно разделение культур по принципу письменности и как происходит трансформация культуры в высокую посредством обладания единой письменностью. Ученый также пытается дать определение понятию национальной культуры; он пишет, что она основывается не на чувстве этнической общности или сословной принадлежности, а на необходимости выполнения гражданами стандартизированных социальных и профессиональных ролей, требующей и единой (гомогенной) культуры, свободной от местных различий, базирующейся на столь же стандартизированном языке. В индустриальном обществе все его члены «должны быть способны общаться с помощью письменных, безличных, свободных от контекста, ни к кому не обращенных типовых посланий. Поэтому средством этого общения должен быть единый, общий для всех, стандартизированный устный и письменный язык» [Межуев, 2006].

Таким образом, Геллнер в значительной степени акцентирует свое внимание на культурном аспекте, говоря о том, что роль индустриализма является главенствующей, и именно на этом этапе развития общества возникает необходимость в формировании единой и гомогенной культуры. Основным тезисом его теории можно назвать утверждение о том, что национализм, равно как и нации, представляет собой порождение индустриализации общества, своеобразными выражениями этого процесса. Но нельзя не отметить тот факт, что история изобилует примерами того, как националистические движения в отдельных странах возникали задолго до становления в них индустриализма, а потому не были сопряжены с ним. Еще одним слабым звеном в его концепции стала разработанная им типология национализма, в которую входят три его разновидности: направленный на юг и восток, западный национализм и диаспорный национализм. Последний представляет собой сочетание нескольких аспектов – авторитарности, доступа к образованию и гомогенности культуры (либо отсутствия таковой). Однако, как признает сам автор, подобная классификация носит в некоторой степени схожий характер с двойственной классификацией, при которой главенствующая роль отводилась западному национализму.

Теория Геллнера, без сомнения, обладает определенными слабостями, но нельзя не отдать ей должное в силу того, что она стала основой будущих исследований и дискуссий на тему национализма и наций, однако его достижения не ограничиваются этим. Введя понятия индустриализации, а также культурного фактора в свою теорию, он постарался отойти от предшествующих трактовок нации как данности. Вне зависимости от того, в какой степени он претендовал на универсализм своей концепции, оперирование данными понятиями стало значительным прогрессом в изучении данного вопроса. Многие исследователи основывались именно на идеях Геллнера при создании собственных подходов к изучению национализма. В частности, Э. Смит, ученик Геллнера, разработал собственную этно-символическую концепцию, а также предложил определения национализму и нации: национализм есть «идеологическое движение, стремящееся сформировать или поддержать автономию, единство и идентичность социальной группы, предназначенной стать нацией» [Коротеева, 1994], а нация – «носящая определённое имя группа людей, имеющая общую историческую территорию, общие мифы и исторические вспоминания, массовую, публичную культуру, общую экономику и общие законные права, и обязанности для всех членов» [Смит, 2004].

Говоря о том, какое влияние идеи Геллнера оказали на отечественных исследователей национализма, нельзя не отметить работы В.А. Тишкова, которые, по мнению В.С. Малахова, являются в этом отношении весьма показательными [Малахов, 2003].

Разработанная им концепция называется разными экспертами по-разному (инструменталистская, постмодернистская, конструктивистская), и зачастую становится центром напряженных дискуссий и объектом серьезной критики. В частности, В.И. Козлов по этому поводу замечает, что концепция Тишкова нигилистична (либо идеалистична) по своей сути, ведь автор ее пытается доказать то, что вполне реальные явления не существуют, по сути исключая их из объективной реальности. В то же время концепции Тишкова присущи черты других концепций – концепции конструктивизма и постмодернистского подхода. Вообще, позицию исследователя можно свести к тщательному изучению и критике советской концепции нации, в основе которой лежали идеи И.В. Сталина. По словам ученого, в рамках этой теории нации представлялись в виде высших типов этнических групп, а государственность нации описывалась исключительно как национально-этническая государственность, в то время как доктрина государств основывалась (и основывается) при отрицании того, что народы и нации являются территориальными и многокультурными общностями. Тишков заявляет, что советское представление о нации преимущественно этническое, устаревшее, ведь в западной научной мысли преобладают иные идеи. По его мнению, наибольший интерес для условий современной России может представлять попытка создания нации с множеством культур, а также ее переосмысление в качестве согражданства [Тишков, 1995]. Предлагаемый им комплекс действий подразумевает полный отход от советского определения нации как этнической общности с целью пересмотра понятия нации как общегосударственной, гражданской идентичности. При этом этнический элемент не будет учитываться, в отличие от положений советской концепции.

К столь категоричному отказу от идей прошлого исследователя привел использованный им конструктивистский подход к понятию этничности, который противопоставляется примордиализму и иным подходам. Он подходит к рассмотрению этничности с точки зрения социального механизма (конструкта), позволяющего осуществлять культурную дифференциацию, говоря о том, этнические общности, а также присущие им черты, есть продукт различных воздействий, будь то обстоятельства политического или экономического характера, либо иные условия. Такой конструктивистский подход подразумевает то, что эти условия в большей степени создаются именно человеком, это прямой результат его деятельности и представлений; значительную роль при этом имеют представители интеллектуальных элит. Таким образом, Тишков делает вывод о том, что по природе своей этничность отнюдь не культурна, но скорее политична и идеологична, ведь создается она с конкретными политическими целями. Также ученый подчеркивает, что этничность изменчива, ситуативна, ведь в основе ее лежат отношения между людьми, которым свойственно меняться [Тишков, 1997]. Следуя за изменениями в отношениях, происходит борьба за установление нового представления об этничности, о том, что будет составлять ее характерные особенности и систему ценностей. То есть решающая роль в оформлении этничности отводится отношениям интеллектуальных элит друг с другом, с иными государствами, а также факторам экономики, политики. Развивая свою мысль, Тишков заявляет, что национализм, оформившийся после распада СССР, имеет этническую основу, а понятие нации используется как лозунг и способ мобилизовать население, в связи с чем он приходит к выводу о том, что понятие нации имеет весьма опосредованное отношение к науке, а потому оно должно быть из нее исключено. Это

привлекательное, но неоднозначное по своему содержанию слово, которое вместе с тем нашло значительный эмоциональный и политический отклик в человеческой истории. Данное слово не следует включать в научный язык, ведь, как было сказано ранее, понятие нации не может быть применено ни к государствам, ни к этническим группам, в то время как именно два этих лагеря претендуют на связь с ним. Употребление понятия «нации» лишь вносит сумятицу в связи со своей неоднозначностью, а все дискуссии, возникающие вокруг вопросов, связанных с нацией, заранее обречены на провал, ведь почти всегда к сугубо научным соображениям примешиваются и вопросы политики [Малахов, 2002]. Тишков полагает, что само слово «нация» является наглядным примером отношений между знанием с политическими элементами и власти, для которой оперирование понятием нации обеспечивает достижение собственных интересов и межгосударственной конкуренции. В этом и состоит основная причина данного исследователя отказаться от понятия нации. Такая позиция ожидаемо встречает значительное количество критики в свой адрес со стороны как представителей научного сообщества, так и политики. Тем не менее, многие исследователи высказывают схожие предположения. Так, Э. Кедури утверждает, что идеология подчиняет себе философию, а этические нормы и ценности меняются по желанию главенствующей верхушки. При возвеличивании государства неизбежно происходит возвеличивание идеолога, который видит себя не просто мыслителем или политиком, ученым или же хранителем культурного наследия, он начинает считать себя законодателем мирового порядка. «Путем естественного развития философы становятся «властителями дум», а реальные властители приручают философию для своих целей», – так пишет об этом ученый [Кедури, 2010].

Отвергая понятие нации, а вместе с тем и тот факт, что ее существование признано российской наукой, концепция Тишкова ставит себя в оппозицию ей. Тишков поддерживает мнение Геллнера о том, что нации, равно как и государства, возникли случайно, а не из необходимости. Помимо этого, явления нации и государственности отнюдь не представляют собой схожие случайности, однако национализм пытается доказать то, что они взаимосвязаны и необходимы друг другу [Тишков, 1998]. Также, по его мнению, в России применяется практика этнонационализма, которая является выгодной для определенного политического круга, следовательно, данная концепция противоречит и существующим политическим установкам. Тем не менее, исследование Тишкова дало новый толчок рассмотрению вопросов, связанных с нациями и национализмом, а также закрепило конструктивистский подход в российской научной практике.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что актуальность изучения национализма в настоящее время очевидна, о чем свидетельствуют события в отдельных странах. Теория конструктивизма, на наш взгляд, наиболее наглядно отражает то, как национализм, будучи сложным массовым явлением, может быть разложен на составляющие элементы, что позволяет определить причину его возникновения и его цели.

Библиография

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
2. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.

3. Коротеева В.В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций // Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 20.
4. Малахов В.С. Национализм как предмет политико-философского исследования: дис. … д-ра полит. наук. М., 2003. 228 с.
5. Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет) // Политическая наука. Национализм. Новейшие исследования. М., 2002. С. 123.
6. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
7. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 466 с.
8. Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 9-10.
9. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
10. Тишков В.А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 16.

Concept of constructivism in the study of nationalism

Sergei V. Abramov

Postgraduate,
National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev,
430005, 68, Bolshevitskaya st., Saransk, Russian Federation;
e-mail: sergeyabramov5@yahoo.com

Abstract

The article focuses on the problems of studying the phenomena of nationalism and nations in terms of constructivism in the works of foreign (E. Gellner) and Russian (V.A. Tishkov) scientists. E. Gellner, an English philosopher and anthropologist, can be considered the creator of an approach to the study of nationalism which was later called constructivism, the basic principle of which consists in the interpretation of a nation as a consciously formed phenomenon, unlike the recognition of its reality. The concepts of V.A. Tishkov are inherent in the features of other concepts, not only constructivism, but also in a postmodern approach. He approaches the consideration of ethnicity from the point of view of the social mechanism (construct) that allows cultural differentiation. Such a constructivist approach implies that these conditions are largely created by people, and this is a direct result of their activities and ideas; intellectual elites have a significant role in this process. Constructivism is one of the main and most significant concepts that emerged in the XX century. Within the framework of this paradigm, the fact that the emergence of nations and nationalism is the result of a multitude of processes and factors, such as economics, culture and politics, is postulated. The paper also assesses the impact of the designated concept on research in this sphere.

For citation

Abramov S.V. (2018) Kontseptsiya konstruktivizma v issledovanii natsionalizma [Concept of constructivism in the study of nationalism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 104-110.

Keywords

Nationalism, nation, constructivism, culture, ethnicity.

References

1. Gellner E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Moscow: Progress Publ.
2. Keduri E. (2010) *Natsionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
3. Koroteeva V.V. (1994) Entoni Smit: istoricheskaya genealogiya sovremennykh natsii [Anthony Smith: The Historical Genealogy of Modern Nations]. In: *Natsionalizm i formirovanie natsii: Teorii – modeli – kontseptsii* [Nationalism and the Formation of Nations: Theories – Models – Concepts]. Moscow.
4. Malakhov B.C. (2003) *Natsionalizm kak predmet politiko-filosofskogo issledovaniya. Doct. Dis.* [Nationalism as a subject of political and philosophical research]. Moscow.
5. Malakhov B.C. (2002) Problemy izucheniya natsionalizma i etnichnosti v konstruktivistskoi paradigme (na primere rossiiskogo obshchestvovedeniya poslednikh desyati let) [Problems of studying nationalism and ethnicity in the constructivist paradigm (on the example of Russian social studies of the last ten years)]. In: *Politicheskaya nauka. Natsionalizm. Noveishie issledovaniya* [Political science. Nationalism. The latest research]. Moscow.
6. Mezhuev V.M. (2006) *Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury* [The idea of culture. Essays on the philosophy of culture]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
7. Smith E. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism. A critical review of the modern theories of nations and nationalism.]. Moscow: Praksis Publ.
8. Tishkov V.A. (1995) Chto est' Rossiya? (perspektivy natsiestroitel'stva) [What is Russia? (Perspectives of National Construction)]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2, pp. 9-10.
9. Tishkov V.A. (1997) *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia]. Moscow: Russkii mir Publ.
10. Tishkov V.A. (1998) Zabyt' o natsii (Postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma [Forget about the nation (Postnationalistic understanding of nationalism]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 9, p.16.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 101

Аналогия в гуманитаристике и естествознании

Матюшко Андрей Владимирович

Кандидат культурологии,
доцент кафедры «Иностранные языки»,
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
681013, Российская Федерация, Комсомольск-на-Амуре, просп. Ленина, 27;
e-mail: matyushko79@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению аналогии в модусе эвристически генерирующей процедуры. В ней рассматриваются отличия естествознания и гуманитаристики. Ключевой чертой естественных наук, наиболее ярко проявляющейся в физике, является наличие жесткой связи между теорией и проверяемыми предсказаниями, которые продуцируются этой теорией. Гуманитаристика в целом не обладает данной интенцией, хотя наличие прогноза (в некоторых областях) присутствует, но его неисполнение не приводит к отказу от теории, что является обязательным в физике. Данная работа показывает наполненность научного пространства междисциплинарными заимствованиями и переносами методологически продуктивных и концептуально инновационных идей и практик. Приводятся примеры разноуровневых научных контактов на основе аналогий. Раскрываются сущностные моменты кросс-научных интеракций, упорядоченных в соответствии с «дальностью» переноса: внутри одной науки; внутри точных и естественных наук; между естественными и гуманитарными науками; между наукой и философией. Это междисциплинарное «перемещение» неизбежно влечет за собой целый комплекс следствий, репрезентирующихся как в методологической, так и в идеологической транспозиции. Автор делает вывод о некомплементарном исследовательском векторе естественных и точных наук с одной стороны и гуманитарно-социальных дисциплин с другой.

Для цитирования в научных исследованиях

Матюшко А.В. Аналогия в гуманитаристике и естествознании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 111-117.

Ключевые слова

Аналогия, гуманитаристика, точные науки, естественные науки, междисциплинарность.

Введение

В чем коренное отличие социокультурной онтологии и остальной природы (косной и живой)? Ответ можно начать с рассмотрения тривиальных различий в их составе и структуре, но при переходе на уровень закономерностей в развитии и динамике существует возможность найти общие принципы. Например, в эволюционной парадигме главенствует принцип выживания наиболее приспособленных особей [Марков, Наймарк, 2014, 64], однако репрезентацию этого положения можно обнаружить и за пределами биологических систем как на космологическом уровне, так и в исследовательском поле общественных и социальных наук (гуманитаристике). Термин «эволюция» используется в различных, не связанных между собой областях: эволюция звезд и эволюционная лингвистика (глоттогонии), дифференциальная эволюция (стохастический математический метод) и социальная эволюция и т. д. Нам представляется оправданным рассмотреть потенциальные пересечения и/или сопряжения гуманитаристики и естествознания.

Ключевой чертой естественных наук, наиболее ярко проявляющейся в физике, является наличие жесткой связи между теорией и продуцируемыми этой теорией проверяемыми предсказаниями. Гуманитаристика в целом не обладает данной интенцией, хотя наличие прогноза (в некоторых областях) присутствует, но его неисполнение не приводит к отказу от теории, что является обязательным в физике. Однако существуют отдельные математически формализированные области гуманитарного знания: математическая лингвистика, использование статистики в психологии и др. Еще одной значимой чертой естествознания (в широком значении этой дефиниции) выступает сильная когерентность (связность) различных его отраслей, актуализирующаяся через инвариантные для всего корпуса дисциплин фундирующие априорные положения: законы сохранений, принцип наименьшего действия и др. Наличие такого ригористического и лапидарного «кодекса» служит, с одной стороны, центростремительной силой, с другой стороны – словарем-разговорником для коммуникации представителей различных направлений, с третьей – четкой линией демаркации. Например, любая псевдотеория самоликвидируется после вопроса о предоставлении, скажем, уравнений состояний в лагранжианах или гамильтонианах. К сожалению, гуманитарная ветвь знания не обладает общепризнанными теоретическими пролегоменами, каждая отдельная дисциплина очень ревностно относится к своему содержанию (как на понятийном, так и на инструментальном уровне) и довольно настороженно смотрит на возможность идейных заимствований из несмежных областей.

Несмотря на то, что естественные дисциплины накопили огромнейший багаж работоспособного и верифицированного материала, его использование в гуманитаристике тормозится далеко не «безоблачной» историей кросс-научных интеракций, закрепившихся, в частности, в термине «физикализм», который имеет эксплицитно негативную коннотацию.

Ниже мы приведем некоторые примеры продуктивности междисциплинарных аналогий, объединив их по «дальности» переноса: 1) внутри одной науки; 2) внутри точных и естественных наук; 3) между естественными и гуманитарными науками; 4) между наукой и философией.

Внутри одной науки

В истории науки нередки случаи, когда математический аппарат, модель, формализм (можно сказать – уравнение), разработанные для дескрипции одного феномена, начинают успешно использовать в кардинально другой сфере исследований. Например, поведение

электронов в одномерных обстоятельствах, в частности квантовый провод, допустимо описывать как сверххолодный газ [Yang et al., 2017, www]. Возникновение контрастных структур в присутствии магнитного поля позволило обнаружить аналогию в структуре полупроводников (физика твердого тела) и в галактике [Соколов, 2015, 8] (астрофизика). Еще одной впечатляющей параллелью представляется гидродинамический аналог вращающейся черной дыры, который иллюстрирует, как наличие дополнительной структуры влияет на спектр квазинормальных мод. Аналогия получена при рассмотрении рассеяния волн на вихревом потоке дренажной ванны (образование воронки при сливе воды) [Patrick et al., 2018, www].

В космологии используется теория инфляции при описании генезиса и эволюции Вселенной. Движущей основой инфляции выступает скалярное поле (понятие введено А. Гутом), чье туннелирование описывается взятым из классической механики уравнением гармонического осциллятора с вязким трением [Линде, Штерн, 2014, 8]. Сравнивать сверхкритическое состояние Вселенной после Большого взрыва с тривиальной механической системой – это как сопоставлять взрыв бомбы и взрыв восторга, однако математический формализм идентичен.

Впрочем, один из родоначальников принципиально новой (неконгруэнтной и во многом парадоксальной по отношению к классической) квантовой механики Э. Шредингер использовал оптико-механические аналогии при построении своей теории.

Внутри точных и естественных наук

Один из ведущих исследователей в сфере эволюционной геномики Е.В. Кунин активно использует методы статистической физики при изучении генотипов [Кунин, 2014]. В середине XX в. при изучении процессов диффузии газов в угольных фильтрах была разработана теория перколяции, математический формализм которой аналогичен уравнениям, используемых в комбинаторных задачах для оценивания транспортной инфраструктуры [Radicchi, 2015]. Исследователи из Принстона обнаружили единообразие в распределении простых чисел и дифракционной картине, получаемой на квазикристаллах (аналогия в теории чисел и кристаллографии) [Torquato, Zhang, de Courcy-Ireland, 2018].

Интересен пример использования теории аморфных тел для объяснения атрибутов бактерий [Motovilov et al., 2017]. Дифференциальное уравнение в частных производных третьего порядка Кортевега – де Фриза описывает солитоны и в жидких средах (гидродинамика), и в виде световых импульсов (нелинейная оптика), а также нервных импульсах (нейрофизиология) [Голубев, 2001].

Исследуя поведение королевских пингвинов в колониях при гнездовании, ученые пришли к выводу о том, что его допустимо описывать, используя аналогию с концепцией интеракции неполярных молекул в двумерной жидкости [Gerum et al., 2018].

Между естественными и гуманитарными науками

Теория и математическая модель агрегации гелия используются для атрибутирования и поиска экстремистски настроенных сообществ в сети Интернет [Manrique et al., 2018]. Термодинамические модели применяются для объяснения тенденции объединения атомарных индивидов в крупные и сложно устроенные ассоциации [Bejan et al., 2018]. Некоторые исследователи демонстрируют наличие аналогий в поверхностном натяжении (физика) и лингвистике [Открытый научный семинар…, www].

Широко известен принцип неопределенности Гейзенберга. Однако существует аналогичный ему Хоторнский эффект, который заключается в том, что люди ведут себя по-разному в зависимости от того, наблюдают за ними или нет, что, несомненно, может быть тождественно квантовым законам [McCarney et al., 2007].

В отдельных гуманитарных науках фиксируется тенденция к все более активному привлечению хотя бы минимального математического аппарата (зачастую самого примитивного и не всегда релевантного). Тут уместно говорить о своеобразной самолегимитизации гуманитарной отрасли знания в «зеркале» точных и естественных наук. Часто звучат утверждения о том, что само понятие научности, ее критерии и дух «узурпированы», или «захвачены», представителями естествознания и гуманитарии стремятся хотя бы частично (или даже имитационно) демонстрировать сходные исследовательские моменты в практике своей работы [Орехов, 2016].

Между наукой и философией

К данной области можно отнести изучение корреляций в идеях физики и концепций в философии Востока [Капра, 1994].

Мы рассмотрели лишь небольшую часть кросс-исследовательских методологических и концептуальных заимствований на основе аналогий, но, на наш взгляд, даже их достаточно для того, чтобы сделать предварительные выводы.

Заключение

Зачастую в исторической ретроспективе отмечают позитивность маргинальности как детерминанты научной инновации. Она заключается в том, что отдельные прорывные исследования совершаются учеными «перемещающимися» в дисциплинарном аспекте. Это междисциплинарное «перемещение» неизбежно влечет за собой целый комплекс следствий, репрезентирующихся как в методологической, так и в идеологической транспозиции. Именно транспозиция является актором генерации нового содержания и/или пересмотра «классического наследия» отдельно взятой дисциплины. Рекомбинация методов и идей, которые ранее не сочетались или даже считались несочетаемыми, может привести к научным революциям.

Отдельно хотелось бы отметить дисциплинарную диспропорцию в когеренции идей и методов. Естественно-научные дисциплины демонстрируют ригористичные связи с положительной обратной связью (продуктивные идеи и методы транспонируются). В гуманитарных науках отдельные дисциплины зачастую обособлены. По мнению некоторых исследователей, существует разнонаправленный процесс: естественно-научные дисциплины демонстрируют (в динамике) все большую открытость, в то время как гуманитарные движутся к большей автаркии.

Резюмируя, сошлемся на мнение И.М. Гельфанда, в соответствии с которым замыкание только в узких рамках специальности для ученого подобно если не смерти, то хронической болезни, ведущей к преждевременному старению.

Библиография

1. Глаголева Е. Математика с человеческим лицом // Наука и жизнь. 2013. № 12. С. 40-46.
2. Голубев А. Солитоны // Наука и жизнь. 2001. № 11. С. 24-28.

3. Капра Ф. Дао физики: исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока. СПб.: ЯНА-принт, 1994. 302 с.
4. Кунин Е.В. Логика случая. М.: Центрполиграф, 2014. 526 с.
5. Линде А., Штерн Б. Как за полчаса изменился мир // Троицкий вариант. 2014. № 8 (152). С. 8-9.
6. Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М.: CORPUS, 2014. 656 с.
7. Орехов Б.В. Гуманитарная терминология как сеть: теория графов о закономерностях научного стиля // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 94-101.
8. Открытый научный семинар ФТИ «Поверхностное натяжение: аналогия между моделями физики магнетизма, биологии и лингвистики». URL: http://cfuv.ru/event/otkrytyjj-nauchnyjj-seminar-fti-poverkhnostnoe-natyazhenie-analogiya-mezhdu-modelyami-fiziki-magnetizma-biologii-i-lingvistiki
9. Сафонова М.А., Соколов М.М. Иерархия дисциплин и устройство междисциплинарных связей в России, 2006-2016: анализ корпуса докторских диссертаций // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 86-105.
10. Соколов Д.Д. Самые большие магниты // Природа. 2015. № 7. С. 3-11.
11. Bejan A., Gunes U., Errera M.R., Sahin B. Social organization: the thermodynamic basis // International journal of energy research. 2018. Vol. 42. P. 3770-3779.
12. Bertsimas D., Brynjolfsson E., Reichman S., Silberholz J. OR Forum – Tenure analytics: models for predicting research impact // Operations research. 2015. Vol. 63. No. 6. P. 1246-1261.
13. Gerum R., Richter S., Fabry B., Le Bohec C., Bonadonna F., Nesterova A., Zitterbart D.P. Structural organisation and dynamics in king penguin colonies // Journal of physics D: Applied physics. 2018. Vol. 51.
14. Manrique P.D., Zheng M., Cao Z., Johnson N.F. Generalized gelation theory describes onset of online extremist support // Physical review letters. 2018. Vol. 121.
15. McCarney R., Warner J., Iliffe S., van Haselen R., Griffin M., Fisher P. The Hawthorne Effect: a randomised, controlled trial // BMC medical research methodology. 2007. Vol. 7.
16. Motovilov K.A., Savinov M., Zhukova E.S., Pronin A.A., Gagkaeva Z.V., Grinenko V., Sidoruk K.V., Voeikova T.A., Barzilovich P.Yu., Grebenko A.K., Lisovskii S.V., Torgashev V.I., Bednyakov P., Pokorný J., Dressel M., Gorshunov B.P. Observation of dielectric universalities in albumin, cytochrome C and *Shewanella oneidensis* MR-1 extracellular matrix // Scientific reports. 2017. Vol. 7. URL: https://www.nature.com/articles/s41598-017-15693-y
17. Patrick S., Coutant A., Richartz M., Weinfurtner S. Black hole quasibound states from a draining bathtub vortex flow // Physical review letters. 2018. Vol. 121. URL: https://www.groundai.com/project/black-hole-quasibound-states-from-a-draining-bathtub-vortex-flow/
18. Radicchi F. Percolation in real interdependent networks // Nature physics. 2015. Vol. 11. P. 597-602.
19. Torquato S., Zhang G., de Courcy-Ireland M. Uncovering multiscale order in the prime numbers via scattering // Journal of statistical mechanics: theory and experiment. 2018.
20. Yang B., Chen Y.-Y., Zheng Y.-G., Sun H., Dai H.-N., Guan X.-W., Yuan Z.-S., Pan J.-W. Quantum criticality and the Tomonaga-Luttinger liquid in one-dimensional Bose gases // Physical review letters. 2017. Vol. 119. URL: https://physics.aps.org/featured-article-pdf/10.1103/PhysRevLett.119.165701

Analogy in the humanities and natural sciences

Andrei V. Matyushko

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of foreign languages,
Komsomolsk-on-Amur State University,
681013, 27, Lenina av., Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation;
e-mail: matyushko79@mail.ru

Abstract

The paper aims to study analogy in the mode of a heuristically generating procedure. It reveals the differences between the humanities and natural sciences. It points out that the key feature of natural sciences, most pronounced in physics, consists in a rigid connection between theory and verifiable predictions produced by this theory. The humanities in general do not have this intention,

although there is forecasting (in some areas), but its failure does not lead to the rejection of such theory, which is mandatory in physics. The paper shows that the scientific space is full of interdisciplinary borrowings and transfers of methodologically productive and conceptually innovative ideas and practices. The author of the article gives examples of multi-level scientific contacts based on analogies. The article also makes an attempt to identify the essential moments of cross-scientific interactions on the basis of the "distance" of transfer: within one science; inside exact and natural sciences; between natural sciences and humanities; between science and philosophy. This interdisciplinary "movement" inevitably entails the entire complex of consequences, which are represented both in methodological and ideological transposition. The author pays special attention to the non-complementary research vector of natural and exact sciences and humanities and social disciplines.

For citation

Matyushko A.V. (2018) Analogiya v gumanitaristike i estestvoznanii [Analogy in the humanities and natural sciences]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 111-117.

Keywords

Analogy, humanities, exact sciences, natural sciences, interdisciplinarity.

References

1. Bejan A., Gunes U., Errera M.R., Sahin B. (2018) Social organization: the thermodynamic basis. *International journal of energy research*, 42, pp. 3770-3779.
2. Bertsimas D., Brynjolfsson E., Reichman S., Silberholz J. (2015) OR Forum – Tenure analytics: models for predicting research impact. *Operations research*, 63 (6), pp. 1246-1261.
3. Capra F. (1975) *The Tao of physics: an exploration of the parallels between modern physics and eastern mysticism*. Shambhala Publications. (Russ. ed.: Capra F. (1994) *Dao fiziki: issledovanie parallelei mezhdu sovremennoi fizikoi i mistitsizmom Vostoka*. St. Petersburg: YaNA-print Publ.)
4. Gerum R., Richter S., Fabry B., Le Bohec C., Bonadonna F., Nesterova A., Zitterbart D.P. (2018) Structural organisation and dynamics in king penguin colonies. *Journal of physics D: Applied physics*, 51.
5. Glagoleva E. (2013) Matematika s chelovecheskim litsom [Mathematics with a human face]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 12, pp. 40-46.
6. Golubev A. (2001) Solitony [Solitons]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 11, pp. 24-28.
7. Kunin E.V. (2014) *Logika sluchaya* [Case logic]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.
8. Linde A., Shtern B. (2014) Kak za polchasa izmenilsya mir [How the world changed in half an hour]. *Troitskii variant* [Troitsky version], 8 (152), pp. 8-9.
9. Manrique P.D., Zheng M., Cao Z., Johnson N.F. (2018) Generalized gelation theory describes onset of online extremist support. *Physical review letters*, 121.
10. 1Markov A., Naimark E. (2014) *Evolyutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytii* [Evolution. Classical ideas in the light of new discoveries]. Moscow: CORPUS Publ.
11. 1McCarney R., Warner J., Iliffe S., van Haselen R., Griffin M., Fisher P. (2007) The Hawthorne Effect: a randomised, controlled trial. *BMC medical research methodology*, 7.
12. 1Motovilov K.A., Savinov M., Zhukova E.S., Pronin A.A., Gagkaeva Z.V., Grinenko V., Sidoruk K.V., Voeikova T.A., Barzilovich P.Yu., Grebenko A.K., Lisovskii S.V., Torgashev V.I., Bednyakov P., Pokorný J., Dressel M., Gorshunov B.P. (2017) Observation of dielectric universalities in albumin, cytochrome C and *Shewanella oneidensis* MR-1 extracellular matrix. *Scientific reports*, 7. Available at: https://www.nature.com/articles/s41598-017-15693-y [Accessed 11/08/18].
13. Orekhov B.V. (2016) Gumanitarnaya terminologiya kak set': teoriya grafov o zakonomernostyakh nauchnogo stilya [Humanities terminology as a network: graph theory on the regularities in scientific style]. *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], 2, pp. 94-101.
14. *Otkrytyi nauchnyi seminar FTI "Poverkhnostnoe natyazhenie: analogiya mezhdu modelyami fiziki magnetizma, biologii i lingvistiki"* [The open scientific seminar "Surface tension: an analogy between the models of physics of magnetism,

biology and linguistics"]. Available at: http://cfuv.ru/event/otkrytyjj-nauchnyjj-seminar-fti-poverkhnostnoe-natyazhenie-analogiya-mezhdu-modelyami-fiziki-magnetizma-biologii-i-lingvistiki [Accessed 11/08/18].
15. Patrick S., Coutant A., Richartz M., Weinfurtner S. (2018) Black hole quasibound states from a draining bathtub vortex flow. *Physical review letters*, 121. Available at: https://www.groundai.com/project/black-hole-quasibound-states-from-a-draining-bathtub-vortex-flow/ [Accessed 11/08/18].
16. Radicchi F. (2015) Percolation in real interdependent networks. *Nature physics*, 11, pp. 597-602.
17. Safonova M.A., Sokolov M.M. (2016) Ierarkhiya distsiplin i ustroistvo mezhdistsiplinarnykh svyazei v Rossii, 2006-2016: analiz korpusa doktorskikh dissertatsii [The hierarchy of disciplines and the structure of interdisciplinary connections in Russia, 2006-2016: analysis of doctoral dissertations]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology], 7 (4), pp. 86-105.
18. Sokolov D.D. (2015) Samye bol'shie magnity [The biggest magnets]. *Priroda* [Nature], 7, pp. 3-11.
19. Torquato S., Zhang G., de Courcy-Ireland M. (2018) Uncovering multiscale order in the prime numbers via scattering. *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*.
20. Yang B., Chen Y.-Y., Zheng Y.-G., Sun H., Dai H.-N., Guan X.-W., Yuan Z.-S., Pan J.-W. (2017) Quantum criticality and the Tomonaga-Luttinger liquid in one-dimensional Bose gases. *Physical review letters*, 119. Available at: https://physics.aps.org/featured-article-pdf/10.1103/PhysRevLett.119.165701 [Accessed 11/08/18].

УДК 167.7

Демаркация понятий «теоретический образ» и «фрейм» в контексте теоретизации образования

Вихман Виктория Викторовна

Кандидат педагогических наук,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры вычислительной техники,
Новосибирский государственный технический университет,
630073, Российская Федерация, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20;
e-mail: vvv@smc.nstu.ru

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Аннотация

Данная работа автора фокусируется на поиске решения способов конструирования результатов парадигмальных рефлексий в процессе теоретизации социального феномена «образование». С целью разграничения терминологического «поля» и поливариативности применяемых понятий, автором предложена демаркация конструктов «теоретический образ» и «фрейм». Автором расставлены акценты с точки зрения экспликации применяемых понятий «теоретический образ» и «фрейм», исходя из которых, результаты философских рефлексий относительно социального феномена формируются вокруг «теоретического образа образования» посредством применения технологии фрейма. Использование «фреймовых форматов» репрезентации теоретических высказываний относительно исследуемого феномена позволяет унифицировать конструирование теоретического представления исследуемого объекта. Систематизация данных теоретических высказываний позволяет при смене исследовательских парадигм, не прибегать к основательному разрушению построенного исследовательского «фрейма», а лишь скорректировать его в нужных атрибутивных позициях. В работе упоминается, что репрезентация теоретических представлений с помощью понятия «теоретический образ образования» с помощью оптики применяемых научных подходов позволяет выявить в гетерогенном массиве научного знания об исследуемом феномене идеальные объекты, обладающие всеми присущими характеристиками сложных исторически развивающихся систем. В качестве научных подходов планируется опереться на общенаучные и специальные парадигмы.

Для цитирования в научных исследованиях

Вихман В.В. Демаркация понятий «теоретический образ» и «фрейм» в контексте теоретизации образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 118-124.

Ключевые слова

Теоретический образ, фрейм, конструирование теоретического образа, образование, философия.

Введение

Научное познание феномена социальной реальности побуждает ученых осуществлять поиск подходов, методов, перебирая исследовательский инструментарий. Особого внимания заслуживают междисциплинарные интегративные приемы, когда категориальный аппарат теорий одних наук совмещают с другими и порождают этим новый виток исследовательских оптик. Такой феномен как образование не перестает привлекать внимание к его изучению ученых разных научных школ и областей. Его осмыслению, генезису, проблемам экспликации понятия «образование» посвящен огромный пласт научных трудов. Не углубляясь в подробности изучения дефиниций данного термина, остановимся на поиске инструментального подхода для осуществления процедуры конструирования теоретических данных об изучаемом объекте.

Основная часть

Массив теоретических высказываний о таком понятии социальной реальности как «образование» формируется в ходе его осмысления в рамках парадигмальных подходов, отражая видение той или иной теории сущности рассматриваемого явления. Под процессом форматирования (заполнения формата) в контексте нашего исследования понимается такой организационно-процедурный подход, который позволил бы систематизировать все возникающие в поле зрения автора экспликации изучаемого понятия, отразить его сущностные характеристики, связать методологическую базу в единый исследовательский инструментарий.

В научных исследования В.С. Степина фигурирует такое понятие как «теоретическая схема» [Степин, 2000]. Автор раскрывает его сущность как форму представления феномена исследования путем замещения его абстрактными объектами, вокруг которых и формируются теоретические высказывания. Абстрактный объект выступает в роли «конденсатора» знаний об исследуемом объекте. Развивая идею В.С. Степина, основной фокус которой был направлен в естествознание, используем его понятие «теоретическая схема» для гуманитарных наук, трансформировав ее в понятие «теоретический образ» для изучения социального явления – образование. На наш взгляд конструкт «теоретический образ» близок к термину «теоретическая схема», их объединяет наличие абстрактных объектов исследования и идеология отражения через них реальности. Отличие, в своею очередь, заключатся в том, что «теоретический образ» в рамках нашего исследования выступает в качестве такой формы репрезентации теоретических рефлексий о феномене образования, которая должна собрать воедино, под «системно-категориальный купол» и объекты исследования и их сущностные характеристики в призме методологических оптик, и несомненно обозначить их лакунарность.

Применение репрезентаций теоретических представлений посредством конструкта «теоретический образ образования» через призму применяемых методологических подходов позволяет выявить в гетерогенном массиве научного знания об исследуемом феномене теоретические конструкты, обладающие всеми присущими характеристиками сложных исторически развивающихся систем. Понятия «теоретический образ», «теоретическое представление», «представление» встречаются в междисциплинарных научных трудах исследователей Ромма М.В., Ромм Т.А., Васильевой М.Р., Булгакова С.Н., как самодостаточная категория [Ромм, 2010; Булгаков, 2011; Васильева, 2005], или близкие по идеологии понятия, заслуживающие внимания таких ученых-исследователей как А.П. Вяткин, Ильин С.Е, Ан С.А.

[Вяткин, 2011; Ильин, 2015; Ан, 2015]. Отдельный интерес представляет работа Огурцова А.П., Платонова В.В., в которой философские концепции образования, базируются на «образах образования». Под «образом образования» авторы понимают «первичные образы-интуиции» которые «задают специфическое видение образовательной действительности, являются точкой отсчета в анализе процессов и актов образования» [Огурцов, Платонов, 2004]. Все упомянутые работы, несомненно, являются значимыми для науки с точки зрения идеологий исследования социальных явлений, но в них авторами не сделан акцент на подходах, способах теоретизации социальных феноменов, представленных в каком-либо явно-структурированном унифицированном формате, который на наш взгляд должен возникнуть как ответ на вызов тому массиву разнотипной теоретической информации, представленному в научных трудах.

На наш взгляд, «теоретический образ образования» должен быть сформирован путем применения такого приема, который позволил бы выполнить поликонтекстную интеграцию всех атрибутов процедуры изучения социального феномена. Если исходить из того факта, что теоретический образ образования – это репрезентация массива теоретических рефлексий изучаемого феномена, выраженных в осмысленной интерпретации сущностных его характеристиках, то в качестве формата этой репрезентации предлагаем применить элемент теории фреймов – фрейм.

Понятие «фрейм» является базовым конструктом теории фреймов, предложенной Мински М. [Мински, 1979]. Но, несмотря на то, что данный термин из области кибернетики и искусственного интеллекта, применение его можно встретить и в гуманитарных науках. В частности, экспликация фрейма многовариантна от «контекст, окружение» в психологии до «устойчивая структура, когнитивное образование» в социологии [Громов, Мацкевич, Семёнов, 2003]. В социальных науках под фреймом понимают такое понятие, которое применяется в социально-гуманитарных науках (таких, как социология, психология, коммуникация, кибернетика, лингвистика и др.), означающее в общем «смысловую рамку, используемую человеком для понимания чего-либо и действий в рамках этого понимания, целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире». Известные современные социологи, В.С. Вахштайн, В.А. Ядов, Е.Н. Данилова, К. Клеман, утверждают, что, «фрейм – устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания), а также схема репрезентации [Вахштайн, 2007; Ядов, 2010]. Фрейм в контексте метакоммуникативного определения ситуации, которое основано «на управляющих событиями принципах организации и вовлеченности в события» рассматривал Батыгин Г.С [Батыгин, 2003]. Изучение понятия «фрейм» как самодостаточной исследовательской категории мы оставим заинтересованным научным кругам, а сосредоточим свое внимание на способе организационных принципов этой теории.

В рамках данной работы, цель которой – поиск подходов и способов систематизации разноконтекстной, неструктурированной информации воедино, мы видим решение в интеграции логики построения фрейма и семантического способа представления теоретической информации. Фрейм в данном случае выступает как сценарий представления теоретических знаний об исследуемом феномене, выраженный в атрибутах семантико-визуального восприятия образов с фиксированной структурой. Иными словами, фрейм – это фундамент для интерпретации данных, так как парадигмальных взгляд на этот феномен порождает изменения в структуре фрейма отдельных его характеристик, но не рушит его.

Фрейм для конструирования теоретического образа образования, имеет структуру: имя фрейма, имя слота, значение слота и т.д. Фрейм предназначен для последующего построения

фрейм-экземпляров, служащих для систематизации данных исследуемого феномена с помощью понятийно-инструментальных средств отдельной теории. Впоследствии все фреймы-экземпляры можно выстроить в единую наглядную фрейм-сеть, для комплексного осмысления полученных результатов.

Структура фрейма исследования феномена образования содержит базовые, частные теоретические атрибуты – «абстрактные объекты», которые являются «фокусом» применения и формирования теоретических высказываний, методологическую основу и сущностные акценты. Базовые абстрактные объекты полагаем конструктивно независимыми, т.е. они в рамках нашего исследования не могут быть построены из других, но на основе базовых можно строить другие абстрактные объекты в призме методологического подхода, в том числе частные объекты.

Углубляясь далее в структуру исследовательского фрейма, отметим, что под слотами будут представлены основные атрибуты феномена образования (абстрактные объекты), а под значениями слотов – основные категории данного понятия (таблица 1), где ТО(…)ОБРАЗОВАНИЯ – «теоретический образ образования».

Таблица 1 – Исследовательский фрейм

ТО(…)^{ОБРАЗОВАНИЯ}	
Атрибут	**Значение**
Базовые Абстрактные Объекты	
	…
	…
Частные абстрактные объекты	…
	…
	…
Методический подход	…
Концептуально-сущностная характеристика	…
Содержательная характеристика	…
Образование-С*	…
Образование-П** и т.д.	…
Лакунарность	…

«*» - образование рассматривается как система;
«**» - образование рассматривается как процесс.

Теоретический образ образования базируется и рассматривается на понятийно-категориальном аппарате парадигмально-методических подходов научного познания. В качестве данных подходов в исследовании предполагается опереться на социоцентрическую парадигму (структурно-функциональный подход, макросоциология, объективизм), антропоцентрическую парадигму («понимающая социология», символический интернационализм, феноменология, этнометодология и др.), объединительную парадигму (бифокарный подход, мультипарадигма, нормативно-интерпретативный подход), сетевой подход (теория анализа сетей, акторно-сетевая теория, реляционная социология).

Унифицированное конструирование «визуальной стороны» теоретического образа образования, на наш взгляд, позволяет при смене исследовательских парадигм, не прибегать к основательному разрушению построенного исследовательского фрейма, а лишь скорректировать его в нужных уровнях. Использование фрейм-технологии систематизации теоретических данных в качестве концептуального организационного базиса исследования позволяет обнаружить исследовательскую недостаточность примененного теоретико-методологического подхода и лакуны осмысления социального феномена в ее оптике, которые

в дальнейшем процессе исследования могут быть устранены. Последующая процедура сборки фреймов полученных теоретических образов образования (ТООБРАЗОВАНИЕ) в единую фрейм-сеть предоставит возможность путем наложения одних на другие визуально выявить «сильные» и «слабые» стороны примененных теоретических подходов.

Визуализация формируемого теоретического образа образования с применением фреймовой технологии позволяет выстроить различные фреймы, соответствующие позициям разных теоретическим подходов, анализирующих один и тот же феномен. Изменение (трансформация) позиций выступают отражением результата перемещения исследования от одного теоретического подхода (парадигмы) к другому. Яркие достоинства фреймового подхода представления знаний проявляются тогда, когда связи между иерархией фреймов изменяются редко. Этот факт, как нельзя четко отражает его целенаправленную применимость в рамках нашей задачи формирования теоретического образа.

Фрейм – структура когнитивного характера, которая построена для анализа концепта, содержит существенные, основные, типизированные и потенциально возможные данные, которые завязана с этим концептом. Исходя из этого фрейм может выступить в качестве базиса для интерпретации экспликации образования, так как методологический взгляд на этот феномен порождает изменения в структуре фрейма отдельных его характеристик.

Заключение

В общем понятии фрейм – это четко простроенная структура, модель представления знаний. В философии и психологии чаще используют близкое по семантике понятие «абстрактный образ», но главный на наш взгляд недостаток данного понятия – отсутствие четкой структуры и связей между ее объектами. Исследователи интерпретируют его в рамках собственного менталитета, наделяют особенностями и характеристиками в призме своего научного потенциала. Это, несомненно, имеет место быть, и данный подход выводит многие дискурсы на новые практики, но на наш взгляд лишает возможности последователей в данном научном поле целостно воспринять теоретические знания о социальном феномене в не отформатированном и несистемном виде.

Таким образом, понятие «теоретический образ образования» как фундамент-конструкт нашего исследования планируется спроектировать посредством фрейм-технологии, как подхода вобравшего в себя всю ясность и фиксированность структуры выстраиваемой исследовательской схемы.

Библиография

1. Ан С.А. Художественное сознание в образах и понятиях // Философия сознания в образах и понятиях. Барнаул, 2015. С. 103-118.
2. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7-57; С.42-43.
3. Булгаков С.Н. Образ международного терроризма в сети интернет: дис.… канд. полит. наук. М., 2011. 165 с.
4. Васильева М.Р. Социокультурные основания конструирования образов науки: дис.… канд. филос. наук. Новосибирск, 2005. 187 с.
5. Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2007. С. 35.
6. Вяткин А.П. Психология экономической социализации личности в условиях изменяющегося общества: дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2011. 430 с.
7. Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная социология. СПб.: ДНК, 2003. С. 531.
8. Ильин С.Е. Роль вузов в социализации студентов: опыт конструирования теоретического образа // Перспективы науки. 2015. № 9 (72). С. 34-39.

9. Мински М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
10. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб., 2004. 520 с.
11. Ромм М.В., Ромм Т.А. Конструирование теоретических образов социальных феноменов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 32-36.
12. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 292 с.
13. Ядов В.А. (ред.) Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев. М.: Логос, 2010. С. 20.

Demarcation of the theoretical image and frame concepts in the context of the theory of education

Viktoriya V. Vikhman

PhD in Pedagogy, PhD in Technical Science, Associate Professor,
Associate Professor of Computer Engineering,
Novosibirsk State Technical University,
630073, 20, Karla Marksa av., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vvv@smc.nstu.ru

Abstract

This paper focuses on finding solutions to how to construct the results of paradigm reflections in the process of theorizing the social phenomenon “education”. In order to differentiate the terminological “field” and the variability of the concepts used, the author proposed demarcation of the “theoretical image” and “frame” constructs. The author highlights the topic from the point of view of explication of the applied concepts “theoretical image” and “frame”, based on which, the results of philosophical reflections regarding the social phenomenon are formed around the “theoretical image of education” through the use of frame technology. The use of “frame formats” for the representation of theoretical statements about the phenomenon under study allows us to unify the construction of the theoretical representation of the object under study. Systematization of these theoretical statements makes it possible, when changing research paradigms, not to resort to a thorough destruction of the constructed research “frame”, but only to correct it in the required attributive positions. It is mentioned in the work that the representation of theoretical concepts with the help of the notion “theoretical image of education” with the help of optics of the applied scientific approaches makes it possible to reveal in a heterogeneous array of scientific knowledge about the phenomenon under study ideal objects with all the inherent characteristics of complex historically developing systems. As a scientific approach, it is planned to rely on general scientific and special paradigms.

For citation

Vikhman V.V. (2018) Demarkatsiya ponyatii «teoreticheskii obraz» i «freim» v kontekste teoretizatsii obrazovaniya [Demarcation of the theoretical image and frame concepts in the context of the theory of education]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 118-124.

Keywords

Theoretical image, frame, designing of a theoretical image, education, philosophy.

References

1. An S.A. (2015) Khudozhestvennoe soznanie v obrazakh i ponyatiyakh [Artistic consciousness in images and concepts]. In: *Filosofiya soznaniya v obrazakh i ponyatiyakh* [Philosophy of consciousness in images and concepts]. Barnaul.
2. Batygin G.S. (2003) Kontinuum freimov: sotsiologicheskaya teoriya Irvinga Gofmana [Frame Continuum: Irving Hoffman's sociological theory]. In: Gofman I. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of everyday experience]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
3. Bulgakov S.N. (2011) *Obraz mezhdunarodnogo terrorizma v seti internet. Doct. Dis.* [The image of international terrorism on the Internet. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Gromov I.A., Matskevich I.A., Semenov V.A. (2003) *Zapadnaya sotsiologiya* [Western sociology]. St. Petersburg: DNK Publ.
5. Il'in S.E. (2015) Rol' vuzov v sotsializatsii studentov: opyt konstruirovaniya teoreticheskogo obraza [The role of universities in the socialization of students: the experience of constructing a theoretical image]. *Perspektivy nauki* [Prospects of science], 9 (72), pp. 34-39.
6. Minski M. (1979) *Freimy dlya predstavleniya znanii* [Frames for knowledge representation]. Moscow: Energiya Publ.
7. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. (2004) *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of education. Western philosophy of education. XX century]. St. Petersburg.
8. Romm M.V., Romm T.A. (2010) Konstruirovanie teoreticheskikh obrazov sotsial'nykh fenomenov [Constructing theoretical images of social phenomena]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 8, 2, pp. 32-36.
9. Stepin V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow.
10. Vakhshtain V.S. (2007) *Teoriya freimov kak instrument sotsiologicheskogo analiza povsednevnogo mira. Doct. Dis.* [The theory of frames as a tool for a sociological analysis of the everyday world. Doct. Dis.]. Moscow.
11. Vasil'eva M.R. (2005) *Sotsiokul'turnye osnovaniya konstruirovaniya obrazov nauki. Doct. Dis.* [Socio-cultural basis for the design of images of science. Doct. Dis.]. Novosibirsk.
12. Vyatkin A.P. (2011) *Psikhologiya ekonomicheskoi sotsializatsii lichnosti v usloviyakh izmenyayushchegosya obshchestva. Doct. Dis.* [Psychology of the economic socialization of the individual in a changing society. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
13. Yadov V.A. (ed.) (2010) *Kak lyudi delayut sebya. Obychnye rossiyane v neobychnykh obstoyatel'stvakh: kontseptual'noe osmyslenie vos'mi nablyudavshikhsya sluchaev* [How people make themselves. Ordinary Russians in unusual circumstances: a conceptual understanding of eight cases observed]. Moscow: Logos Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 111.82 + 130.2+159.922.23

Маринистика и поморский Север в контексте философского исследования морского наследия

Звягин Сергей Александрович

Научный сотрудник,
Институт биогеографии и генетических ресурсов,
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. Н.П. Лаверова,
Российская академия наук,
163046, Российская Федерация, Архангельск, набережная Северной Двины, 109;
e-mail: zvyagin7@yandex.ru

Работа выполнена за счет средств проекта № 15-15-5-57 «Социокультурное пространство и использование биоресурсов в Арктической зоне Европейского Севера России».

Аннотация

В статье рассматривается тема художественно-творческого жанра маринистики. Образ маринистики отсылает нас к социальному компоненту в живописи и сводится к тому, чтобы ориентировать посыл к смыслам общественной значимости. Осуществляется своеобразное «отзеркаливание», отражение в произведении и личностном контексте художника его национальной самоидентификации. Маринистика как особый жанр в литературе и живописи имеет свою специфическую выраженность, что говорит и о наличии собственного предмета познания действительности, предвосхищающего воплощение предмета изображения. Особое место в маринистике занимает отнюдь не чувственная красота, а та красота, которая, по словам Аристотеля, позиционируется как красота «умная», удовлетворяющая эстетическим требованиям не только эмоциональной сферы личности, но и ее уму, интеллекту. Правдивость художественного жанра маринистики, не кроется в зародыше оригинального авторского вдохновения, она определяется в диалектике намерения художника-мариниста объективировать нечто уже объективированного морской практикой, морской средой, морским культурным наследием.

Для цитирования в научных исследованиях

Звягин С.А. Маринистика и поморский Север в контексте философского исследования морского наследия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 125-132.

Ключевые слова

Маринистика, художественный образ, морское наследие, среда, структурно-семиотический подход, Поморский Север.

Введение

Анализируя яркие страницы морского наследия в истории России, невольно возникают ассоциации, связанные с его художественно-творческим наполнением, которое выглядят как некий особенный торжественно волнующий облик, содержащий морскую квинтэссенцию. В исследовании смыслового поля морского наследия, в его раскрытии важным является структурно-семиотический подход, который восполняет логику исследования и сам конструкт предмета морского наследия.

Сочинение философа с точки зрения познания мира и его интерпретации формулируется в его словесном изложении. Философская картина мира, отраженная в разработанном философом сценарии мироустройства, насыщена развивающимися событиями, изменениями мира, трансформации которых обусловлены деяниями субъектов всемирно-исторического процесса, теми, которые не являются противоречивыми по отношению к императивам конкретного философского учения.

Образ маринистики

Описание увиденного и известного опытно-практическому языку логики является прерогативой науки. Описание же, выраженное в формах, внутренние взаимосвязи которых обусловлены подсознанием, интуитивным восприятием и узнаванием в данном проявлении истины, является функциональным выражением искусства [Пайтген, 1993].

Образ в маринистике представлен имманентно посредством философского, психологического и эстетического воззрения художника-творца. В результате чего происходит новое видение объекта или субъекта, преображенного морской фабулой. В этом смысле мы находим актуальным замечание М.М. Бахтина о том, что: «Всякое творчество определяется своим предметом и структурой и поэтому не допускает и, в сущности, ничего не выдумывает, а лишь раскрывает то, что дано в самом предмете» [Бахтин, 1963].

Однажды возникнув, образ приобретает относительную самостоятельность, характер и играет активно действенную роль в поведении человека. Возникает мысль о том, что художественное изображение соответствует нашим наглядным образам, но, при этом, не самому их бытию, а тому, что оно является состоянием протекающих процессов. Все эти преображения образа ярко отражены в маринистике.

Обращаясь к истории морской деятельности на Севере в ракурсе философской рефлексии освоения морского пространства, на первый план выступают ассоциации, связанные с «поморским» экзистенциальным отношением к морю как к безграничному простору. Ярко это выражено в фольклористике: легендах, рассказах, сказках и песнях. Этот простор связывает конечную жизнь человека с бесконечным и вечным миром. Убедительно об этом пишет Н.М. Теребихин в монографии «Метафизика Севера» [Теребихин, 2004].

Море становится как бы одной из координат мировой космической бездны. Человеческое сознание не способно представить себе бесконечность, и ни один художник не может изобразить бесконечность, не прибегая к условной символике. Но человеческое сознание способно осознать сам факт ее существования [Урнов, 1990; Чихачев, 2008; Шхельсон, 1974].

В русской поэзии и философии такое образно-художественное понимание человека перед вечностью впервые было отражено в знаменитом «Вечернем размышлении о божием величестве…» великого помора М. В. Ломоносова.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен! [Ломоносов, 1984]

Такой высокий художественно-философский образ моря, несомненно, был основан на личных экзистенциальных переживаниях Ломоносова, который с юных лет ходил со своим отцом под парусами по волнам студеного северного моря-океана. Описание морской стихии Ломоносовым является, по сути, отображением мира морской Арктики, которое может служить ярким образом для создания живописных полотен:

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир [там же].

Познание как таковое – это всегда тайна, поэтому художник как творец и созидатель, излагая свое видение и познание этого мира через образы, в какой-то степени, становится философом. Динамику его образов мы можем ощутить только ассоциативно, т.е. представляя и воображая себе процесс или образ-идею который хотел изобразить художник [Шхельсон, 1974].

Общественный смысл маринистики

В развитии изобразительного искусства происходило и происходит медленное смещение внимания с изобразительной стороны произведения на выразительную. Однако выразительная сторона зависит от того, о каком виде живописи идет речь. В пейзажной живописи проявляется выражение индивидуального стиля и «дыхания» художника, менталитета его народа. Такая индивидуальная выраженность требует тщательной проработки изображения с целью доведения его до самоочевидности, сужения поля восприятия. В свою очередь, созданная художником «самоочевидность» изображения выявляет и социальную соучастность художника с миром, со средой, где он работает. Социальный компонент в живописи, при этом, сводится к тому, чтобы осуществить посыл к общественным смыслам, в связи с чем происходит своеобразное «отзеркаливание», отражение в произведении и личностном контексте художника его национальной самоидентичности.

В отношении своего народа, своего макросоциального окружения художник выступает посредником, который выражает ее ценностно-смысловые ориентиры, делает их более доступными для осознания, глубины проникновения в суть и передает последующим поколениям. Социум сам не может творить, а потому только благодаря посредничеству модератора-посредника, признанного остальными, может осуществлять свое социальное самовыражение.

В отношении морского наследия поморского Севера ценность маринистки заключается в том, что через образы, представленные нам художником, мы можем увидеть особенности бытия

человека в суровых климатических условиях, его борьбы и одновременно смирения, незаметную на первый взгляд, скромную красоту северных пейзажей, великолепие Севера, его созерцание, и его освоение одновременно.

Будучи концентрированным выражением ценностного отношения к реальности, художественная культура в большинстве случаев связана с утонченностью и изяществом. Маринистика как особый жанр в литературе и живописи имеет свою специфику, а значит и свой предмет познания, и свой предмет изображения. Особое место в ней занимает не чувственная красота, а та, которую Аристотель назвал «умной красотой», когда она доставляет удовольствие не только органам чувств, но и интеллекту, уму. В этом контексте, например, строительство корабля, лодки, шитье парусов или организация рангоута на корабле как процесс творческого исполнения, имеет свою загадку, свою тайну. Поэтому знания многих аспектов морской культуры и практики имеет важное значение для художественной и исполнительской формы мариниста.

Благодаря этой специфике мы видим изящество формы корабля, изящество его «архитектуры» и его возможности противостоять стихии. Этот аспект находит свое отражение в искусстве кораблестроения не меньше, чем в искусстве архитектуры. Море, корабль, небо над ними, романтика плаваний, суровая и отчаянная, порой наполненная драматизмом и трагедией морская реальность – все это отражает маринистика, как жанр искусства.

Понятие «марина» (marinus) подразумевает определенный жанр живописи, в котором главное внимание уделяется изображению морской стихии, будь то морской пейзаж, морская батальная сцена или иной сюжет, разыгрывающийся на море или морском побережье. Однако слово «маринистика» в широких кругах употребляется чаще по прямой аналогии с «маринистами», то есть художниками, пишущими картины в жанре «марина».

Истоки маринистики и ее характер

Истоки маринистики уходят в глубокую древность, ибо стихия моря на протяжении многих веков привлекала человека. Как жанр художественного изображения она несет в себе особый способ познания мира, ибо творчество есть один из способов эвристического познания.

Тема моря в изобразительном искусстве появилась сначала в декоративно-прикладном жанре, а позднее, в XVI – XVII вв., когда мир для европейцев стал шире благодаря развитию мореходства – в живописи и графике.

Отдельного культур философского исследования заслуживают морские карты, которые не только указывают путь, отмечая глубины, проливы, опасные рифы и отмели, но и отображают географические символы. На ранних европейских морских картах можно встретить изображения морских животных и мифических чудовищ, диковинных рыб, людей в необычных одеждах, волн, береговых ландшафтов. Древние морские карты раскрывают и образные представления о мореплавании, «морехождении», когда человек пытался это созерцание приблизить к реальности и практике.

Художники-маринисты стали первыми после портретистов, кто выделился по тематике произведений в отдельную группу. Можно отметить, что в западной живописи маринисты оказались в одном ряду с пейзажистами. Логика этой живописи подчеркивала не только логику европейского национального возрождения и романтизма XVI в., но и логику деятельности человека на море. Это и определило отношение данного жанра к морской культуре.

Для большинства российских любителей живописи понятие «маринист» неразрывно связано с именем Айвазовского и его знаменитым полотном «Девятый вал». Однако подобный взгляд на изображение в живописи морской стихии ограничивает понимание многообразия, которое представлено в маринистике, и мы отметим одну важную сторону этого жанра, его типологическую особенность – стремление к документально-достоверному характеру изображаемого. Здесь документализм приобретает способность художественно-эстетического воздействия. Об этом в своих исследованиях пишет В.М. Тарасова: «Именно с точки зрения событийного начала сама природа предопределяет в произведениях морской тематики непрерывные изменения, случайности, непредвиденности, коварные бури, опасные мели, невероятной силы ураганы, сражения, крушения кораблей – все то, что усиливает степень драматизма и неизменно вызывает интерес» [Тарасова, 2011].

В жанре маринистики есть свои особенности: например, в литературе читатель может представить романтику и специфику морской жизни по произведениям Д. Конрада, Д. Лондона, А. Новикова-Прибоя, В. Пикуля В. Конецкого и других писателей, но вряд ли способен понять тонкости «хорошей морской практики» (seamanship), исходящей из опыта пишущего. «Любитель может описать море и корабль, но он не в состоянии представить сознание моряка, его видение мира и, стало быть, бессилен показать то, что именуется «морской жизнью». Только профессионалу под силу определить «взаимоотношения» моряка и корабля, ибо здесь тоже требуется взгляд изнутри», – утверждает исследователь Ю.В. Ковалев [Ковалев, 1972].

Эта особенность характерна и для живописных марин. Из флота пришли в живопись Алексей Боголюбов, Александр Беггров, Василий Верещагин. Благодаря им, и, конечно, Ивану Константиновичу Айвазовскому, марины стали популярны в России. Однако достоверно изобразить любой тип корабля, лодку, наполненные ветром или обезветренные паруса, правильный курс судна относительно ветра, морскую волну и т.д. возможно только при определенном морском опыте и тщательных наблюдений. Следовательно, маринистика требует специальных знаний, каковыми являются морское образование или морская практика. Все это говорит о том, что маринистика является компонентом или частью общей морской культуры и ее наследия.

Рассматривая морское наследие в контексте развития флота, стоит отметить, что в маринистике находит выражение синтез таких, казалось бы, философских противопоставлений, как следование традиционализму и модернизации. Определить это можно по следующим признакам:

– изображению на полотнах маринистов технического развития и модернизации флота (например, по классификации кораблей: от парусных, паровых и дизельных до современных атомоходов, от рыбацкой лодки, до современного военного фрегата);

– изображению архаики флота и его истории (от изображения древних галер до изображения современных учебных парусных судов).

Обращаясь к теме северной маринистики, отметим, что документальность как одно из свойств маринистики нашла отражение в экспедиционных дневниках и описаниях путешествий. Уместно вспомнить дневники полярных исследователей: Роберта Скотта, Фритьофа Нансена, Константина Бадигина, художников Александра Борисова, Степана Писахова, Николая Пинегина, Рокуэлла Кента и др. Но документальность в маринистике - это не только изображение конкретного события или факта, но и отражение среды, с которой или в которой работал художник. В нашем исследовании наибольший интерес представляют ассоциации и внутренние мотивы, которыми руководствовались художники-маринисты, оказавшись на Севере.

Есть ли вообще северная маринистика? Вправе ли мы выделять в отдельную тему северную маринистику? Ведь художников, писавших в высоких широтах или за Полярным кругом, немного. Этот суровый мир льдов и моря отражен в произведениях северных художников А. Борисова, С. Писахова, Н. Пинегина. Если художник апеллирует к теме Арктики, то очевидно, что эта тема неразрывно связана с темой моря. В чем это выражается особенно?

Обращаясь к философскому образу Севера, Н.М. Теребихин пишет: «…Север – это метафизическое явление, существующее в “ином” плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения через себя, достигаемом в мистическом озарении» [Теребихин, 2004].

Такой прорыв наблюдается, когда художник берется за описание моря как бездны. Это ощущение жизни на пределе так ярко выразили весьма непохожие Иван Айвазовский и Александр Борисов, один, написавший «Девятый вал», другой – «Страну смерти» и вечные льды Арктики, выражавшие «дух и тайну» северных морей. Вот что пишет о своем интересе к Северу один из современных художников В. Коренков: «Что же я ищу на этом мрачном, холодном, полном водной пыли Севере? Я просто хочу понять вечность. Север, край земли, для меня и есть воплощение внутренней красоты и вечности. Мне как христианину важно показать эту мою любовь ко всему миру, это непостижимое восхищение творением и Творцом» [Рощеня, 2008].

Заключение

Рассматривая маринистику как компонент морского наследия, отметим, что не море, не корабль, а только человек выступает главным героем марин. Море, являясь универсальной категорией познания, становится той реальностью, которая порождает разнообразные варианты его воспроизведения: от спонтанных зарисовок до больших полотен морского жанра.

Связь с морем, это наиболее запоминающийся человеческий опыт и практика. Несмотря на то, что отражение многосторонней и сложной совокупности эмоций, рожденных морской, водной субстанцией, явление в живописи и литературе вполне традиционное, остается до конца не познанным то, каким образом реализуется самореализуется личность в особом типе действительности, – морской среде, одной из самых суровых сфер существования. Об этом знают лишь морские сообщества, круг моряков, профессионалов, а значит, необходимым условием возникновения подлинных маринистских произведений становится наличие в живописи или литературе людей, обладающих профессиональными знаниями о море и флоте.

Правдивость художественного жанра такого, как маринистика, не кроется в зародыше оригинального авторского вдохновения, она определяется в диалектике намерения художника-мариниста объективировать нечто уже объективированного морской практикой. Стиль маринистики формируется через столкновение вопросов, существующих только для ума, уже вооруженного определенным типом мысленных схем, и решений, связанных с морским опытом, морским наследием и средой поморского Севера.

Библиография

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 416 с.
2. Ковалев Ю.В. Герман Мелвилл и американский романтизм. Л., 1972. С. 90.
3. Ломоносов М.В. Избранное. М.: Правда, 1984. 445 с.
4. Пайтген Х.-О. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем. М.: Мир 1993. 176 с.
5. Рощеня Д. Фома. URL: http://www.foma.ru/article/index.php

6. Тарасова В.М. Новороссийская маринистика как продолжение истории мировой литературной маринистики: дис. … канд. филос. наук. Краснодар, 2011. 183 с.
7. Теребихин Н.М. Лукоморский миф и Бьярмийская сага // Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 140.
8. Урнов Д.М. Мичман Тихий и капитан Марриет, или верность «морским обстоятельствам» // Тайны моря. Сборник. Повести. М.: ВОК, 1990. С. 5-20.
9. Чихачев П.В. Одиссей // Литературно-исторический морской журнал. 2008. № 3. С. 40.
10. Шхельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974. 108 с.

Marine painter and Northern seaboard in the context of philosophical research of the marine heritage

Sergei A. Zvyagin

Researcher,
Institute of Biogeography and Genetic Resources,
Federal Research Centre for Integrated Study of the Arctic named after N.P. Laverov,
Russian Academy of Sciences,
163046, 109, Northern Dvina emb., Arkhangelsk, Russian Federation;
e-mail: zvyagin7@yandex.ru

Abstract

The article deals with the theme of the artistic and creative genre of marinistics. The image of marinistics refers us to the social component in painting and boils down to focusing the message on the meanings of social significance. A kind of “mirroring” is carried out, reflected in the work and personal context of the artist of his national identity. Marinistics as a special genre in literature and painting has its specific severity, which also indicates the presence of its own subject of knowledge of reality, anticipating the embodiment of the subject of the image. A special place in marinistics is occupied not by sensual beauty, but by that beauty, which, according to Aristotle, is positioned as “intelligent” beauty, satisfying the aesthetic requirements not only of the emotional sphere of the personality, but also of its intelligence. The truthfulness of the artistic genre of marinistics does not lie in the embryo of the original author's inspiration, it is determined in the dialectic of the intention of the marine painter to objectify something already objectified by maritime practice, the marine environment, the maritime cultural heritage. The sea, being a universal category of knowledge, becomes the reality that gives rise to various options for its reproduction: from spontaneous sketches to large canvases of the marine genre.

For citation

Zvyagin S.A. (2018) Marinistika i pomorskii Sever v kontekste filosofskogo issledovaniya morskogo naslediya [Marine painter and Northern seaboard in the context of philosophical research of the marine heritage]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 125-132.

Keywords

Marinistics, artistic image, Maritime heritage, environment, structural-semiotic approach, Northern seaboard.

References

1. Bakhtin M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
2. Chikhachev P.V. (2008) Odissei [Odyssey]. *Literaturno-istoricheskii morskoi zhurnal* [Literary-Historical Maritime Journal], 3, p. 40.
3. Kovalev Yu.V. (1972) *German Melvill i amerikanskii romantizm* [Herman Melville and American Romanticism]. Leningrad.
4. Lomonosov M.V. (1984) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Pravda Publ.
5. Peitgen H.-O. (1993) *Krasota fraktalov. Obrazy kompleksnykh dinamicheskikh sistem* [The beauty of fractals. Images of complex dynamic systems]. Moscow: Mir Publ.
6. Roshchenya D. *Foma* [Thomas]. Available at: http://www.foma.ru/article/index.php [Accessed 10/10/2018]
7. Shkhel'son V.A. (1974) *«Puteshestvie» v russkoi literature* [A Journey in Russian literature]. Rostov.
8. Tarasova V.M. (2011) *Novorossiiskaya marinistika kak prodolzhenie istorii mirovoi literaturnoi marinistiki. Doct. Dis.* [Novorossiysk Marinistics as a continuation of the history of world literary marinistics. Doct. Dis.]. Krasnodar.
9. Terebikhin N.M. (2004) Lukomorskii mif i B'yarmiiskaya saga [Lukomorsky myth and the Bjarmi saga]. In: *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk.
10. Urnov D.M. (1990) Michman Tikhii i kapitan Marriet, ili vernost' «morskim obstoyatel'stvam» [Michman Silent and Captain Marryat, or loyalty to “sea circumstances”]. In: *Tainy morya. Sbornik. Povesti* [Secrets of the Sea. Collection]. Moscow: VOK Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 130.2

Воображение и фантазия в аспекте философии А.С. Грина

Киблик Олег Николаевич

Аспирант,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Семакова, 10;
e-mail: kiblick.ol@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрена философия А.С. Грина, воплощенная в его художественном тексте, и воображение и фантазия как элементы этой философии. Отмечается, что воображение и фантазия связаны с романтической эстетикой творчества писателя. Они помогают героям вырваться из повседневности и переносят их в романтический мир чудесного, прекрасного, неведомого. В то же время воображение и фантазия тесно связаны с реальностью, диалектически сочетаются и одновременно противостоят ей. Реальность символизируют скука и мещанство, а воображение и фантазия состоят в преодолении скуки, разрушении мещанства. Воображение и фантазия связаны с эстетикой, представляют собой эстетическую способность личности. Обладание этими качествами, способность фантазировать и уноситься в воображаемые миры обозначают полноценность личности. Воображение и фантазия ассоциируются в представлении автора с позитивными элементами основных философских дихотомий – добра и зла, радости и несчастья, любви и ненависти. В художественном тексте А.С. Грина воплощается основная философская идея автора, транслируемая им читателю, о том, что жизнь невозможна без воображения и фантазии, без следования за своей мечтой.

Для цитирования в научных исследованиях

Киблик О.Н. Воображение и фантазия в аспекте философии А.С. Грина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 133-138.

Ключевые слова

Философия, литература, художественный текст, воображение, фантазия, эстетика, романтизм, Александр Грин.

Введение

Вопросы соотношения литературы и философии, воплощения в художественном тексте философских идей автора очень актуальны в современной науке, одним из векторов развития отраслей которой является междисциплинарное взаимодействие. В литературном произведении обязательно отражаются мировоззренческие постулаты мастера слова, те мысли и идеи, которые он несет в мир, ради которых осуществляет свою литературную деятельность; «посредством художественной литературы происходит осмысление людьми самых сложных вопросов бытия» [Песоцкий, 2009, 3]. Стремление исследователей разобраться в философских тенденциях прозы А.С. Грина, его художественном и философском методе сформировалось в 1960-х годах прошлого века, когда этот «забытый» на время автор снова вошел в число активно издаваемых, с интересом читаемых и изучаемых. Исследует художественный метод А.С. Грина и философию его творчества в монографической работе В.Е. Ковский [Ковский, 1969]. Рассматривает философско-эстетические и художественные принципы романтизма писателя В.И. Хрулев [Хрелев, 1971]. Интерес к философичности творчества А.С. Грина возрос на рубеже XX-XXI вв. и в начале XXI в., хотя элементы философского анализа встречаются в основном не в специальных исследованиях, а в литературоведческих трудах, посвященных творчеству писателя. Исследователями признается «вневременная, обобщенно-философская направленность» творчества А.С. Грина [Романенко, 1999, 11], создание им «философско-психологических произведений с элементами фантастики» [Усольцев, 2016, 107]; его характеризуют как «художника с ярко выраженной философской направленностью письма» [Дикова, 1996, 3]. В наибольшей степени привлекает внимание исследователей концепция, образ мечты в творчестве А.С. Грина. Его называют «рыцарем мечты» [Вихров, 1965, 32], рассматривают его творчество с позиций воплощения в нем человеческой мечты [Ковский, 1969, 73; Серикжанов, 2017, 154]. Однако исследований, направленных на выявление философского смысла таких важнейших мотивов и образов в прозе А.С. Грина, каковыми являются воображение и фантазия, в современной науке недостаточно.

Цель статьи – рассмотреть концепцию воображения и фантазии в творчестве А.С. Грина в аспекте философии писателя, как составную часть его философских воззрений. Материалом для исследования стали произведения писателя, помещенные в 6-томник его сочинений [Грин, 1980].

Воображение и фантазия в контексте эстетики романтизма

Концепция воображения и фантазии в текстах А.С. Грина связана с романтизмом его творчества. Эстетика романтизма – это «эстетика прекрасного и возвышенного» [Белый, 2011, 77]. Воображение и фантазия служат в произведениях писателя средствами создания прекрасного мира, наполненного возвышенными чувствами. Благодаря воображению, его герои могут вырваться из рутины повседневности и унестись в страну прекрасных чувств и правильных поступков. А.С. Грину свойственно романтическое воображение. Истинное отношение автора к воображению мы видим в романе «Блистающий мир»: *«…Воображение – центральная сила души»*. Во многих произведениях писателя мы наблюдаем, как с помощью воображения и фантазии ярче отражаются такие компоненты эстетики романтизма, как неведомое, чудесное, прекрасное, ужасное. Воображением наделены романтические герои А.С. Грина, среди которых особенно выделяется Грей из феерии «Алые паруса». Воображение

делает его сильнее, оно парадоксальным образом сочетается с прагматичностью Грея и является компонентом, без которого его образ не был бы столь цельным.

Воображение и фантазия как элементы диалектики

Диалектический характер мира, противоборство в его структуре различных начал (прекрасного и ужасного, обыденного и удивительного и т. п.) также связаны в произведениях А.С. Грина с воображением и фантазией. Противопоставлены реальность и фантазия, мир настоящего и воображаемый мир. Реальность связана со скукой и мещанством как ее конкретными реализациями. Воображение противостоит унылому миру и мещанскому существованию, оно становится способом вырваться из обыденности и преодолеть скуку. Герои А.С. Грина постоянно скучают: *«Скука томила его»* («Капитан Дюк»), *«…Я склонился над столом в неопределенной печальной скуке, лишенной каких бы то ни было размышлений»* («Возвращенный ад»). Воображение стимулируется скукой, желанием героев найти что-то новое, удивительное в мире, их настойчивой потребностью изменить свою жизнь. Если уж нельзя изменить окружающую действительность, то можно попытаться изменить свое в ней положение, и воображение и фантазия способствуют этому. В этом отношении показателен рассказ «Далекий путь», герой которого сначала вообразил дорогу, по которой он уходит от опостылевшей обыденной жизни, а затем просто ушел по ней.

Воображение и реальность находятся у А.С. Грина в диалектической связи, потому что они не только резко противопоставлены, но и тесно связаны. Порой они смещаются, сочетаются. Для многих героев воображение и фантазия неразделимы, между ними стирается граница. Персонаж может это осознавать: *«…Живу больше воображаемой, чем действительной жизнью»* («Наследство Пик-Мика»), а может даже не понимать, существуя в мире своих фантазий, как, например, Ассоль в повести-феерии «Алые паруса». С точки зрения философии А.С. Грина смешение реальности и воображаемого мира совсем не страшно, напротив, оно обязательно для героя, являющегося полноценной личностью. Наоборот, человек, не умеющий фантазировать и полностью живущий в реальном мире, смешон и неинтересен. Это собственно и есть мещанин, по А.С. Грину, полноценной личностью не являющийся.

Реальность и фантазия могут сначала переплестись, а затем разграничиться. Так происходит в сюжетах, где начинается фантастическое, нереальное повествование о чудесных событиях, а затем эти события получают вполне реальное объяснение. Это наблюдается в рассказах «Система мнемоники Атлея», «Обезьяна», «Создание Аспера» и др. В рассказе «Обезьяна», к примеру, живущие на необитаемом острове приматы в ежедневном ритуале повторяют одно из действий спектакля. Объяснение оказывается довольно простым: труппа театра провела на этом острове несколько дней и однажды разыграла перед обезьянами сцену из спектакля. Речь идет о силе искусства и его удивительном воздействии на восприятие человекообразных, а совсем не о чуде. Сюжеты такого типа имеют характер мистификации: автор сознательно разрушает границы между воображаемым и реальным, а затем эти границы восстанавливает.

Воображение и фантазия как компоненты эстетики

Важной частью философских воззрений А.С. Грина является также эстетика фантастического. Воображение вообще часто трактуется как эстетическая способность [Басова, 2003], как способность познания, обеспечивающая эстетическую целостность личности. Более того, в романтической литературе воображение становится «эстетической доминантой, которой

подчиняются все элементы… стиля» [Халтрин-Халтурина, 2012, 3]. Технологизации окружающей действительности, ослаблению религиозности у своих современников А.С. Грин противопоставляет мир воображения, делающий реальность более гармоничной. Произведение художественной литературы само по себе является эстетической ценностью, а А.С. Грин, помимо того, насыщает свое творчество эстетикой, тесно связанной с воображением и фантазией. Многие сюжеты, основанные на воображении и фантастике, представляют перед читателем мир прекрасных людей, умеющих понимать красоту и сильно чувствовать. Прекрасны юные героини А.С. Грина, которые во многом воображают себе любовь, придумывают свой идеал, но которые любят настолько сильно, что фантазия может претвориться в жизнь Это Ассоль («Алые паруса»), Суринэ (Пьер и Суринэ»), Дзета («“Продолжение следует”») и др. Прекрасны сами сюжеты, основанные на воображении и фантазии. Например, сюжет об убийстве льва, огненный дух которого, ставший явным в момент смерти, успевает убить своего мучителя («Львиный удар»).

Воображение и фантазия как элементы философских дихотомий

В контексте воображения и фантазии особое звучание в творчестве А.С. Грина приобретают такие философские вопросы, как добро и зло, жизнь и смерть, радость и несчастье, любовь и ненависть, настоящее и будущее, реальное и нереальное и др. Мир воображения, называемый А.С. Грином Несбывшимся, тесно связан с положительными элементами данных дихотомий – добром, жизнью, радостью, любовью. Они несут персонажу, несчастному в настоящем, добро, прекрасные перспективы, будущее, в котором он не будет несчастлив. Герой уносится своим воображением в моменты жизни, связанные для него со счастьем: *«Десятки виденных раньше, ночных, полных заманчивого уюта, окон всплыли в его воображении»* («Окно в лесу»). Воображение и фантазия помогают персонажам А.С. Грина пережить трудности, они могут смягчить горести и делают жизнь более светлой, более счастливой. При этом человек, нафантазировавший себе счастье, может действительно стать счастливым, а тот, кто не умеет фантазировать, счастливым стать не способен. Воображение – гарантия получения героем благ, обретения им любви, добрых друзей, достижения им актуальных жизненных целей. Писатель таким образом дает своеобразный посыл своим читателям: призывает их не бояться фантазировать и смело двигаться к счастью, сначала хотя бы в воображении.

Заключение

Воображение и фантазия в прозе А.С. Грина – элементы эстетики романтизма. Романтическое воображение помогает героям вырваться из повседневности; оно связано с такими романтическими явлениями, как неведомое, чудесное, прекрасное, ужасное и др. Воображение – черта сильных и прекрасных романтических героев писателя. В диалектике А.С. Грина воображение и фантазия противостоят реальности, скуке и мещанскому существованию. Воображение и реальность, с одной стороны, противопоставлены, с другой – тесно сочетаются, образуют диалектическое единство. Воображение – эстетическая способность; в художественном мире А.С. Грина оно тесно связано с эстетикой. Воображением наделены прекрасные герои, оно уносит их к чудесные страны, к мечте. Внешняя и внутренняя красота при этом сочетаются. В контексте основных философских дихотомий (добро и зло, жизнь и смерть, радость и несчастье) воображение и фантазия обычно связаны с положительными компонентами дихотомии – радостью, счастьем, любовью.

Библиография

1. Басова А.А. Воображение как эстетическая способность: автореф. дис. … канд. филос. наук. СПб.: РГПУ, 2003. 20 с.
2. Белый А.А. «Медный всадник»: романтизм через эстетику прекрасного и возвышенного // Мир романтизма. 2011. № 16. С. 77-84.
3. Вихров В.С. Рыцарь мечты // А.С. Грин. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1965. С. 3-36.
4. Грин А.С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1980. 2976 с.
5. Дикова Т.Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов: поэтика оксюморона: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996. 20 с.
6. Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина. М.: Наука, 1969. 296 с.
7. Песоцкий В.А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: автореф. дис. … докт. филос. наук. М., 2009. 48 с.
8. Романенко В.А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А.С. Грина: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тирасполь, 1999. 20 с.
9. Серикжанов А.С. Идейно-художественное содержание произведений А. Грина, своеобразие их жанра и языка // Финансовая система новой эпохи: перспективы развития. Актуальные проблемы и приоритетные инновационные направления развития современной науки: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Саратов: Академия Бизнеса, 2017. С. 153-155.
10. Усольцев В.А. Рыцарь мечты Александр Грин, или В стране, не обозначенной на картах // Эко-потенциал. 2016. № 1 (13). С. 106-126.
11. Халтрин-Халтурина Е.В. «Поэзия воображения» в Англии конца XVIII – начала XIX в. (стилевая динамика в эпоху романтизма): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2012. 38 с.
12. Хрулев В.И. Философско-эстетические и художественные принципы романтизма А.С. Грина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1971. № 1. С. 3-13.

Imagination and fantasy in the aspect of philosophy of A.S. Grin

Oleg N. Kiblik

Postgraduate,
Tyumen State University,
625003, 10, Semakova st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: kiblick.ol@yandex.ru

Abstract

The subject of consideration in the article is the philosophy of A.S. Grin, embodied in his artistic text. The goal was to analyze the imagination and fantasy as elements of this philosophy. Using the method of analyzing an artistic text, it was revealed that imagination and fantasy are associated with the romantic aesthetics of the writer's works of fiction. They help the heroes to escape from everyday life and bring them into the romantic world of the wonderful, the beautiful, the unknown. At the same time, imagination and fantasy are closely related to reality, they are dialectically combined and simultaneously oppose it. Reality is symbolized by boredom and philistinism, while imagination and fantasy consist in overcoming boredom and destroying philistinism. Imagination and fantasy are associated with aesthetics, represent the aesthetic ability of the individual. Possession of these qualities, the ability to fantasize and be carried away into imaginary worlds denote the value of the personality. Imagination and fantasy in the author’s view are associated with the positive elements of the basic philosophical dichotomies - good and evil, joy and unhappiness, love and hate. In the artistic text of A.S. Grin embodies the main philosophical idea of the author, which he broadcasts to the reader, that life is impossible without imagination and fantasy, without following his dream.

For citation

Kiblik O.N. (2018) Voobrazhenie i fantaziya v aspekte filosofii A.S. Grina [Imagination and fantasy in the aspect of philosophy of A.S. Grin]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 133-138.

Keywords

Philosophy, literature, literary text, imagination, fantasy, aesthetics, romanticism, Alexander Grin.

References

1. Basova A.A. (2003) *Voobrazhenie kak esteticheskaya sposobnost'. Doct. Dis.* [Imagination as an aesthetic ability. Doct. Dis.] St. Petersburg.
2. Belyi A.A. (2011) "Mednyi vsadnik": romantizm cherez estetiku prekrasnogo i vozvyshennogo ["The Bronze Horseman": Romanticism through the aesthetics of the beautiful and the sublime]. *Mir romantizma* [World of Romanticism], 16, pp. 77-84.
3. Dikova T.Yu. (1996) *Rasskazy Aleksandra Grina 1920-h godov: poetika oksyumorona. Doct. Dis.* [The stories of Alexander Green of the 1920s: the poetics of an oxymoron. Doct. Dis.] Ekaterinburg.
4. Grin A.S. (1980) *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works. In 6 vols.] Moscow: Pravda Publ.
5. Khaltrin-Khalturina E.V. (2012) *"Poeziya voobrazheniya" v Anglii konca XVIII – nachala XIX v. (stilevaya dinamika v epohu romantizma). Doct. Dis.* ["The Poetry of Imagination" in England at the end of the XVIII – beginning of the XIX century (style dynamics in the era of romanticism). Doct. Dis.]. Moscow.
6. Khrulyov V.I. (1971) Filosofsko-esteticheskie i hudozhestvennye principy romantizma A.S. Grina [Philosophical-aesthetic and artistic principles of romanticism A.S. Grin]. *Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki* [Scientific reports of higher education. Philological Sciences], 1, pp. 3-13.
7. Kovskii V.E. (1969) *Romanticheskii mir Aleksandra Grina* [The romantic world of Alexander Green]. Moscow: Nauka Publ.
8. Pesotskii V.A. (2009) *Khudozhestvennaya literatura kak sotsial'noe yavlenie i predmet filosofskogo analiza. Doct. Dis.* [Fiction as a social phenomenon and the subject of philosophical analysis. Doct. Dis.] Moscow.
9. Romanenko V.A. (1999) *Lingvopoeticheskaya sistema skvoznyh simvolov v tvorchestve A.S. Grina. Doct. Dis.* [Linguo-poetic system of through symbols in the works of A.S. Grin. Doct. Dis.] Tiraspol.
10. Serikzhanov A.S. (2017) Ideino-khudozhestvennoe soderzhanie proizvedenii A. Grina, svoeobrazie ih zhanra i yazyka [The ideological and artistic content of the works of A. Grin, the originality of their genre and language]. In: *Finansovaya sistema novoi epokhi: perspektivy razvitiya. Aktual'nye problemy i prioritetnye innovatsionnye napravleniya razvitiya sovremennoj nauki: Mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Financial system of a new era: prospects for development. Actual problems and priority innovative directions of development of modern science: Mat. of Intern. scientific-practical. Conf.], Saratov: Akademiya Biznesa Publ.
11. Usol'tsev V.A. (2016) Rytsar' mechty Aleksandr Grin, ili V strane, ne oboznachennoi na kartakh [Dream Knight Alexander Grin, or In a country not marked on maps]. *Eko-potentsial* [Eco-potential], 1 (13), pp. 106-126.
12. Vikhrov V.S. (1965) *Rytsar' mechty* [Knight of dreams]. In: A.S. Grin. Sobranie sochinenii. V 6 t. T. 1 [Collected works. In 6 vols. Vol. 1], Moscow: Pravda Publ.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 21. (075. 8)

Йога как комплексное социально-философское явление и ее место в системе религиозных воззрений

Поляков Вячеслав Олегович

Ассистент,
Тульский государственный университет,
300012, Российская Федерация, Тула, просп. Ленина, 92;
e-mail: yazr@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные положений учения йоги как основного элемента синкретической теории, которая описывает возможность создания и наполнения отдельного бытия сознания. Йога выступает не только как философское учение, но также и как комплексная среда, обеспечивающая реализацию религиозного мировоззрения через личностные стимулы. Автор статьи полагает, то йога может выступать не только как духовный стимул в социальном развитии личности. Йога – в переводе с санскрита означает участие, соединение, порядок, глубокое размышление, созерцание. Йога – одно из шести ортодоксальных философских учений Древней Индии, вышедших из ведической литературы. Автором и создателем этого учения считается Патанджали, живший около II. в.до н.э. – II в.н.э. Это учение было изложено в книге «Йога-сутра». В ней, короткой по форме и доступной по содержанию, заключено руководство по философии йоги. Йога – это учение и метод управления психикой и физиологией человека, задачей которого является достижение состояния освобождения от бедствий эмпирического существования «Я» с его бесчисленными перерождениями. Йога признает существование в человеке неосознаваемых сил и возможность управления ими при создании для этого определенных условий.

Для цитирования в научных исследованиях

Поляков В.О. Йога как комплексное социально-философское явление и ее место в системе религиозных воззрений // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 139-150.

Ключевые слова

Йога, религия, философия, парадигма, социальная среда.

Введение

Жизнь современного человека становится очень сложной, острой и болезненной в вопросе борьбы за существование. Вредные привычки, такие как употребление алкоголя, наркотиков, курение, разврат и другие, приводящие к нездоровому образу жизни, и направляют человечество на ложный путь развития. На человека давит огромное физическое и умственное напряжение, которое изо дня в день растет и приводит к хроническому синдрому усталости, и, как следствие, он не может сконцентрировать свое внимание на том, что делает. Человек разучился расслабляться естественным способом и прибегает к любым способам, независимо от того, разрушается его здоровье или нет. Неправильное питание, неестественный образ жизни, отсутствие гармонии в общении между людьми, загрязненность окружающей среды становятся причиной многих негативных эмоций, таких как беспокойство, страх, гнев, ненависть, жадность и зависть.

Литературный обзор

Оригинальность и самобытность восточной философии особенно к проблемам свободы привлекали внимание как зарубежных, так и российских философов, среди которых: С. Аблеев, А. Агоджанян, Н. Болдырев, П. Буланже, Л. Васильев, И. Веревкин, И. Всеволодов, Дай Шин Где, М. Ермаков, К. Жоль, В. Корнев, П. Лебедев, Ма Зин Я, В. Малявин, П. Мовчан,. Рудой, Ю. Старостина, Хон Щю Пин, А. Цветаков, Ши Цзюнь, Е. Клайв. Специфике восточного типа мышления и его отличия от западного восприятия мира посвящены работы М. Элиаде, К.Г. Юнга.

Материалы и методы

Целью статьи является философский анализ феномена свободы личности в контексте восточной философии, в частности, классической индийской йоге.

Первоочередной задачей философии, начиная с древнейших времен, было освобождение самостоятельного мышления от предубеждений. Так, в индийской философии состояние полной самодостаточности, высшего освобождения и счастья (то, что на санскрите звучит как «мокша» и «нирвана») видится на путях слияния индивидуального духа с мировым духовным началом. Оно происходит путем отказа от своего первоначального Я и получения новой идентичности в слиянии со вселенской первоосновой в едином порыве космической любви. Часть школ древнеиндийской философии признавала, что внешний мир и его изменчивость – это лишь иллюзия нашего сознания. Именно в восточной традиции речь идет не о свободе, а об единении в широком смысле этого слова. Речь идет о постепенном и последовательном «освобождении», процессе перехода от зависимого состояния от внешних факторов и собственных внутренних состояний индивида к меньшей зависимости [Савицкая, 2013, 67].

Это позволяет глубже понять саму суть философии, логику ее развития, дать представление о важнейших проблемах, которые ставились и по-разному решались в течение всего времени ее существования.

Сначала элементы философских идей возникают в конце IV тыс. к н.э. в Египте и Месопотамии, но к собственно философскому мировоззрению по определенным историческим причинам представители этих древних культур не поднялись. Философия как особая форма

общественного сознания, как определенный тип мировоззрения возникает в Древних Индии, Китае и чуть позже в Греции.

Зародыши философского мышления в Древней Индии восходят к глубокой древности. Идейные основы религиозно-этических и философских учений складывались в течение сотен лет, в так называемый ведический и послеведический периоды (с II тыс. до н.э.). В период классических философских систем (VI–V в. до н.э.) философские представления индийцев составляются на основе первобытной мифологии, традиций, присущих родоплеменному устройству и присущему в этой стране разделению населения на четыре варны: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудров. В религиозно-философских трактатах Вед – Брахманах, Упанишадах уже имеются первые философские идеи, в которых поставлен вопрос об общих основах мира. Так, одна из идеалистических школ древнеиндийской философии — веданта считала, что мир состоит из безличного мирового духовного Абсолюта — Брахмана, который творит все существующее и тождественен с Атманом — духовным началом каждой человеческой личности.

Человеческая душа вечна, но намного уступает перед мировым Духом по степени совершенства, потому что тесно связана со смертным телом. Когда человек умирает, душа отделяется от тела и попадает в своеобразный круговорот души – сансаре. Там поступки человека оцениваются по всеобщим законом необходимости (законом кармы). Затем душа переселяется в другое тело. Таких переселений может быть множество, пока человеку не удается полностью освободиться от повседневных жизненных забот. Тогда наступает освобождение (мокша), которое означает слияние души с мировым Духом.

Шестой век до нашей эры ознаменовался возникновением религиозно-этических учений джайнизма и буддизма. Джайнизм основал Вардхамана («победитель круговорота душ и кармы»). Философия джайнизма – дуализм, то есть признание двух мировых начал: одухотворенного (джива) и неодухотвореного (аджива). Аджива состоит из пяти сущностей: материи, духа, покоя, пространства и времени. Философия джайнизма говорит о наличии двух состояний времени: сроке пребывания души в данном воплощении и сроке ее существования в определенном состоянии. Человек должен следовать в своем поведении трем ценностям: правильного понимания, правильной веры и правильного поведения. Поведение же должно основываться на ряде принципов этики, среди которых видное место занимает требование не совершать насилия всему живому.

Философское учение буддизма основано в VI вв. до н.э. Гаутамой, который, пройдя все ритуалы духовного лица, стал называться Буддой (просветленным). Философия буддизма рассматривает мир как единый поток материальных и духовных элементов, которые непрерывно меняются. Человеческую жизнь Будда рассматривает как страдания, причиной которого является жажда жизни, желания. Освобождение от страдания достигается путем самосозерцания, самоуглубления, определенного образа жизни (так называемого восьмеричного пути) и достижение вечного блаженства (нирваны).

Среди других философских школ следует выделить такие как: санкхья, миманса, йога, чарвака, веданта, вайшешика, которые функционировали в VII–II ст. до н.э.

Мировоззрение санкхьи основано на представлении о том, что в мире существуют два самостоятельных начала: пракрити (абстрактное первоначало) и пуруша («Я», дух, сознание). Санкхья считает, что Вселенная возникла благодаря взаимному влиянию пуруши и пракрити.

Школы ньяя, вайшешика считали, что мир состоит из качественно разнородных частиц («ану»): воды, земли, воздуха и огня. «Ану» создают предметы, вступая в различные

комбинации согласно знаниям, направленных на благо души. Школа вайшешика наиболее тесно связана с естественно-научным представлениям тогдашнего общества.

Школа миманса в решении проблем познания стоит на позициях сенсуализма, где основой познания являются наши ощущения. Важным в ней является учение о связи языка и мышления, слова и его значения.

Философские идеи школы йога выходят из своеобразного выяснения вопроса об отношении души и тела. Сущность этого отношения – в непрерывном совершенствовании души и тела путем самоуглубления человека в свой внутренний мир, который реализуется с помощью различных поз и положений тела.

Материалистическая школа чарвака признает четыре материальных элемента, из которых состоит мир, не верит в бессмертие души, отрицает сотворение мира Богом, скептически относится к религии, видит смысл человеческого существования в счастье (понимая его как чувственное наслаждение – гедонизм).

Школа веданта углубляет учение о единстве человека с космосом (физическое тело, чувственное, ментальное, духовное и астральное). Школа исходит из идеи об иллюзорности мира, в котором живет человек: истина (Брахман) покрыта полупрозрачной дымкой Майя, вследствие чего мы находимся в плену видимостей. Реальностью является Брахман и человеческое духовное начало, которое является частью Брахмана. Таким образом отметим главные особенности древнеиндийской философии:

– формирование на базе мифологически-религиозного мировоззрения;
– созерцательный характер и слабая связь с наукой;
– своеобразие отношения к Ведам;
– описания духа как безликого явления;
– построение социальной философии на принципах этики страданий и счастья.

Швейцарский психолог, философ К.– Г. Юнг рассматривал освобождение на Востоке, прежде всего, как самоосвобождение, путем погружения в глубины бессознательного – той истинной природы, где сливается индивидуальный и всемирный дух [Юнг, 1994, 99]. Румынский философ Н. Элиаде, анализируя связь между свободой и бессмертием, которое является высшей целью его религиозно–философской концепции, писал: «В состоянии самадхийогин превосходит все оппозиции и, в процессе своего уникального опыта, «объединяет» пустоту и изобилие, жизнь и смерть, бытие и небытие. Ничто не совпадает со Всем». Состояние самадхи здесь "равнозначное реинтеграции различных модусов реальности в один-единственный-недифференцированный в полноте перед созданием Первичного Единства" [Элиаде, 2004, 167]. Тот, кто достигает конечной цели, совершает, наверное, самую заветную мечту человечества, которая беспокоила его с начала истории: преодолеть двойной субъект–объективное распределение реальности, вернуть первоначальное Единство, соединиться с Целым. М. Элиаде отмечает, что указанное единство не является регрессом к начальному неразвитого состояния. Остановка деятельности сознания не является неким возвратом к предсознательному уровню, когда сознания еще не было. Адепт, практикующий йогу, работает с сознанием и подсознанием для того, чтобы освободить сверхсознание, которое в обычном состоянии не проявлено. То новое, что возникает на уровне над сознания, по сравнению с предсознательными и бессознательными состояниями, заключается в том, что здесь как раз и возникает «знание единства и блаженства» [Элиаде, 2004, 168]. Это – «возвращение к первоначалу», но с той разницей, что человек, «раздавленный в этой жизни, не просто восстанавливает исконный порядок вещей, но обогащает его измерениями свободы и

сверхсознания» [Элиаде, 2004, 169]. М. Элиаде подчеркивает, что йогическая практика является парадоксальной. В состоянии самадхи йог не просто автоматически возвращается к начальной ситуации, но «реинтегрирует изначальную полноту после установки нового, парадоксального модуса бытия – сознания свободы, которое не существует в космосе, ни на уровне обыденной жизни, ни на уровне «мифологических божеств», и которое находится только в Высшем Существе, Ишваре» [Элиаде, 2004, 169]. Свобода завоевывается усилиями сознания самого индивида.

Достижение свободы всегда представлялось как избавление от одних элементов бытия, признаваемых второстепенными, ложными или недостойными ради других элементов, являющихся истинными или высшими. Еще со времен упанишад центральным предметом индийской философии является сознание и поиск путей ее освобождения. Учение об освобождении сознания основывается на определенной онтологии, феноменологии и гносеологии. Часть школ древнеиндийской философии признавала реальность внешнего мира и действительность причинно–следственных связей в нем. Другие школы исходили из того, что внешний мир – это лишь иллюзия нашего сознания относительно того, что изменения вокруг нас – это то, что только кажется, это – что-то вроде легкого волнения на поверхности океана, глубина которого вечно остается неизменной. В индийской философии сложились представление о том, что нет какого-то особого, конечного состояния, которое можно было бы обозначить понятием «свобода». Следует говорить о постепенном и последовательном «освобождении» – мокша, что никогда не прекращается, освобождение как процесс перехода от зависимого состояния от определенных внешних факторов и собственным внутренним состояниям индивидов к меньшей зависимости (в конечном итоге – полной независимости), а также о путях достижения такого состояния. О мокше речь идет и в таких важных текстах, как Веды, Упанишады, Дхамапада, Бхагавадгита, Мокшадхарма. Понятие «мокша» имеет исключительно глубокий и многосторонний смысл, но основной его смысл в том, что следует освободиться от бесконечного колеса перерождений. Атман (душа) не разрушается с гибелью физического тела живого существа, а перерождается, находя себе убежище в другом теле. Переход осуществляется по закону кармы. Человек при этом не является пассивным объектом внешних воздействий, марионеткой в руках неизвестных ему сил, а является творцом своей судьбы, она способна творить саму себя, и не только в очередной быстротекущей форме бытия, но и в вечности.

Конечная цель и идеал человеческой жизни, как считает индийская философия и религиозная традиция – избавление от рокового предопределения, выход из бесконечного вращения колеса сансары, последнее окончательное освобождение. Разрыв с бытием и соединение с Абсолютом тем самым означает сочетание с небытием. Абсолют и небытие становятся словно тождественными. Как отмечается в Мокшадхарме, «небытие – это нирвана, это запредельное блаженство; те же, кто здесь освобождаются, от благих и злых дел отчуждаясь, в тысячедушного бога здесь вступают» [Махабхарата, 1983, 40]. Способом достижения освобождения индийское мировоззрение также считает йогу. Отдельные ее элементы появляются уже в ранних упанишадах, но своей достаточно законченной формы она достигла в «Йога–сутрах» Патанджали и в Бхагаватгите. Между этими двумя классическими текстами йоги есть определенные различия, касающиеся средств достижения конечной цели. Если для Патанджали путь к свободе лежит через отделения друг от друга пуруши (духовный принцип) и практики (материального начала) и получения высшего успокоения в глубинах индивидуального духа, то в Бхагавадгите смерть – это сочетание индивидуального духа –

атмана – с мировым Духом – Брахманом. В «йога-Сутре» йога – это воздержание сознания от любых колебаний. «Йога есть прекращение деятельности сознания», – утверждал Патанджали [Классическая йога, 1992, 87]. Патанджали позаимствовал из санкхьи почти всю диалектику, но не считал, что метафизическое познание способно привести к полному освобождению.

В «Бхагаватгите» йога означает равновесие и бесстрастие при выполнении того, что предписывает обязанность, дхарма. Если первый источник говорит об освобождении как полноте и абсолютной бездеятельности, то второй подчеркивает необходимость действия, но при полной незаинтересованности в ее результатах. «Преданный, плоды действий покинув, совершенный мир получает» [Благо разумности и мудрости, 1998, 109]. Тот, кто обуздал чувства, сердце и разум, кто стремится к высшей свободе, отрешенный от желаний, страха и гнева – свободен навеки» [Благо разумности и мудрости, 1998, 110]. И в том, и в другом случае сознание будто затухает, становясь бесстрастной. Это, говоря метафорически, – не полностью погашеняа свеча, а абсолютно ровное пламя, которое не меняется ни от каких внешних вмешательств. Для достижения такого состояния применяется сложная, изящная система психофизического тренинга. Когда цель будет близка к осуществлению, радикально преобразованное сознание увидит свой собственный, чистый образ, в зеркале которого отразится духовная суть мира – божественный Пуруша и тем самым будет достигнут высший уровень достижения свободы. Соединение того, что в ходе ограниченных форм бытия оказалось разорванным, и достижение состояния самадхи будет означать окончательное освобождение как слияние с единой, вечной первоосновой всего сущего.

Путь освобождения индивидуального сознания – через осознание истины о том, что истинное духовное «Я» человека стоит выше тела, чувств, ума, счастья и несчастья личного эго, выше пространства, времени и физического мира. Это осознание себя как Абсолютного Духа, находящегося выше перемен, страданий, зла и смерти. Но это поверхностная или промежуточная цель, за которой скрывается другая, еще более высокая и абстрактная, а в силу этого еще менее понятная для обывателя. Освобождение сознания, считают гуру–йоги, не может считаться высшей целью, потому что индивидуальное сознание не является самостоятельным. Оно существует не для себя и не ради себя, а для Абсолютного Мирового Духа (Атман, Пуруша, Бог). Его Цель – получение опыта бытия, а затем – освобождение от власти материи и материального бытия. Методика достижения освобождения в классической йоге основана на этическом совершенствовании, аскетической практике и системе психотехнических упражнений. Йога, как подробно разработанный путь к освобождению, в некоторых случаях переводится как «ярмо», что, как известно, означает неволю, зависимость. Смерть – это не только сброс каких-то пут с себя, но и возложение на себя нового бремени, каких-либо новых обязанностей и обязательств. Смысл наложения на себя этого нового бремени, – что одновременно является целью йоги – избавиться от иллюзии по поводу мира, а также от заблуждения относительно самого себя и своего положения в мире. Освобождение понимается, главным образом, как освобождение сознания, которое является непрозрачным для человека и самого себя, не знает себя, находится в невежестве, во тьме. Задача в том, чтобы очистить сознание от всего того, что является причиной такой непрозрачности. В этом заключается основа освобождения.

Йога – это во многом психофизиологические упражнения, своеобразная психотехника. Однако, в ней присутствуют также и глубокие философские размышления, здесь довольно оригинально понимается активность человека в мире. В отличие от западной традиции, где активность направлена на преобразование мира, восточная традиция смотрит на мир, как на

такую данность, вмешательство в которую должно быть минимальным. А потому активность человека здесь – это деятельность, которая направлена, в основном, к себе самой. Собственное познание и преображение, изменение собственного отношения к миру, преображение, прежде всего, собственного духовного мира, собственного Я, становится основными задачами. Здесь происходят как бы эксперименты с собственным сознанием, исследование его границ и возможностей. В результате – индивид приобретает «освобождение», освобождение от ограничений всякого рода, превращение себя в личность, сочетающей в себе целостность и полноту. Свобода, таким образом, – это не избавление от какого-то бремени, а возможность выбора того, что добровольно принимается на собственные плечи во имя вполне определенной, значимой цели. Возможно, высшая из целей – избавление не только от страха небытия, страха смерти, но и страха вечности, вечного бытия, которое в индийской традиции понималось как большое несчастье. Освобождение сознания (духа) в практике классической индийской йоги воспринималось как главная духовная цели, смысл жизни и нравственного долга человека. Этой цели полностью была подчинена как философская доктрина, так и практика классической санкхья–йоги. В главном трактате этой философской школы, то есть в «Йога–сутре», проблема освобождения проходит красной нитью через все разделы и достигает кульминации в заключительной четвертой части древнего манускрипта мудреца Патанджали. В известном трактате средневекового философа Вьясы «Йога-бхашья» тезисы Патанджали разъясняются и комментируются. Проблема освобождения, которая решается в указанных трактатах, может быть представлена следующим образом. Субъектом освобождения в классической йоге является вовсе не личное человеческое сознание, а ее трансцендентное источник – Вселенское Сознание или Мировой Дух (Пуруша). Он освобождается от материальной зависимости и связи с личными человеческими сознаниями (индивидуальными душами), которые в материальном мире выступают орудиями получения жизненного опыта – Вселенского Сознания. Освобождение достигается путем устранения аффектов сознания, их психических следов, ведущих к формированию кармы. Они устраняются благодаря духовному знанию, йогической практике и бесстрастия.

Результаты и обсуждение

Какие же практические методы освобождения сознания предполагает классическая индийская йога? Методика достижения освобождения опирается на следующие фундаментальные основы: этическое совершенствование; аскетическую практику; систему психотехнических упражнений. Но все это считается вспомогательными средствами. В более развернутом виде они составляют классические восемь ступеней йоги. Философская система санкхья и основанная на ней философская система санкхья-йога, по-разному представляли метод освобождения сознания.

«О потомок Бгарату, ты должен понять, что Я также пребываю во всех телах и знаю их и что понимание тела и того, кто знает его, называют знаниями. Такое Мое слово» [Бхагавад-гита 13.3].

Ведические знания о здоровье как «наука жизни» основаны на философии Сангьи и Йоги. Чтобы осознать космическое единство, необходимо ознакомиться с концептуальной и философской первоосновой Аюрведы. Сангья-сутры (автор Капила) и Йога-сутры (автор Патанджали) являются двумя из шести центральных философских систем Древней Индии. Сангья образует философскую основу йоги, а йога предполагает средства достижения цели.

Сангья – это анализ материи и духа, который использует метод атеистического дуализма (двайта), аналитический процесс и помогает душе отделиться от материи. Йога – это дисциплина самоосознания, которая помогает достичь пробуждения внутреннего духовного видения, чтобы увидеть себя за пределами тела. Использование философии сангьи и йоги помогает живому существу получить освобождение от материальных страданий (мокша).

Не зная и не понимая философию здоровья, человек никогда не сможет вести здоровый образ жизни. Научить этому могут только духовные учителя (гуру) или врачи (вайдьи), которые сами живут правильно согласно канонам вед и аюрведы.

Здоровье – это не только отсутствие физических болезней, но и счастье ума и души. Личность считается здоровой, когда все три недостатка или принципы управления организмом (доши), семь тканей тела (дхату), все тринадцать видов огня сбалансированы. В дополнение, душа, разум и чувства должны быть в состоянии полного счастья [Благо разумности и мудрости, 1998, 368; Савицкая, 2013, 70; Свет дхармы, 2013, 576].

Состояние хорошего здоровья (арогйа) является основой достижения цели религии (дхармы), развития экономики (артхи), чувственного наслаждения (кама) и освобождение от материальных страданий (мокши). Болезнь разрушает как здоровье (арогйу), конечную цель жизни, так и саму жизнь.

Существует десять аспектов деятельности, которые влияют на здоровье человека, а именно: происхождение человека (какого он рода), по каким писаниям (священным книгам) он живет, какие очистительные обряды проводит, как он концентрируется (медитирует) и повторяет молитвы (мантры), какую воду пьет (пищу употребляет), какой деятельностью он занимается и какое место и время выбирает для него, как общается с другими людьми и со своими детьми [Аблеев, 2012, 258; Классическая йога, 1992, 260].

Также важны жизненные задачи, которые перед собой ставит цивилизованный человек, для того чтобы достичь высшей цели жизни:

1) стремление к жизни, что ведет к поддержанию жизненной силы и долголетия и достигается ведением здорового образа жизни;

2) материальное благополучие, используемое для правильной и долгой жизни, где средства заработаны честным и законным способом;

3) духовное совершенствование, что дает возможность познания реальности за пределами чувственного восприятия и достигается с помощью повторения молитв (мантр), поклонения Богу, йоги и медитации.

Люди находят множество причин, чтобы не следовать этим основным задачам: они слишком заняты или у них просто нет времени; проводят жизнь в погоне за деньгами, славой и комфортом, не осознают, что любое материальное достижение теряет всякий смысл, если потеряно жизненную силу; поглощены повседневной суетой, полной стрессов; не умеют восстанавливать жизненные силы с помощью отдыха и релаксации.

Хорошее питание, витамины, минеральные вещества и посещение клубов здоровья – факторы, которые поддерживают тело в полном порядке, но это не помогает больному разуму.

В термин «здоровье» включается больше чем просто отсутствие болезни. Согласно ведическим знаниям здоровым считается человек, достигший самореализации и самоосознания. Это означает, что он достигл внутренней гармонии. На санскрите термин «здоровье» звучит как «Свастха» (сва переводится как я сам, стха означает «стоящий», «определенный»), то есть человек, который утвердился сам в себе.

Единство духовного, психологического и физического состояния достигается такими видами деятельности как [Махабхарата, 1983, 664; Свет дхармы, 2013, 576]:

1) духовная – выполнение предписанных обязанностей религии, повторение молитв (мантр), поклонение Богу (Божествам), посещение храмовых служб, пожертвования, посты, совершение подношений и жертвоприношений, исполнения обрядов искупления грехов, паломничество. Она имеет успех, когда осуществляется с помощью Святых Личностей (монахов или священников);

2) психологическая – отвлечение ума от нездоровых объектов; использование силы ума и воли, направленных на осознание своей болезни. Она должна осуществляться мудрецами;

3) телесная – соблюдение определенной диеты, употребление правильных продуктов питания; прием лекарственных средств; выполнение физических упражнений йоги; массаж и очистительные процедуры. Осуществляется с помощью врачей, которые одновременно являются святыми и мудрецами.

Аюрведа является не просто медициной, а имеет свою философскую концепцию. Одно из ее положений гласит: болезнь – это отражение образа жизни и мыслей человека. Аюрведа имеет цель предотвратить болезни и улучшить здоровье людей, достичь равновесия всех энергий организма и гармонии с окружающей средой, раскрыть творческий потенциал человека и сделать его жизнь счастливой и радостной.

Заключение

Темы, рассматривающие аюрведу согласно философским системам сангьи и йоги:

1. Благоприятные и неблагоприятные стили жизни в связи с личностью и обществом.

Благоприятный стиль несет благо как личности, так и обществу; рекомендует правила, образ жизни и диету в соответствии с типом конституции и определенного сезона года; развивает качества и черты характера личности: говорить правду, не быть жестоким, любить все живое и уважать старших; анализ последствий поступка прежде его осуществления; свобода от желания обманывать, хорошая память и интеллект, контроль страсти, зависти, жадности и гнева.

Неблагоприятный стиль разрушает как личность, так и общество; осуществляется по личной прихоти без всяких правил; приводит к эгоизму, жадности, эксплуатации других существ; загрязняет окружающую среду.

2. Жизнь счастлива и несчастна в связи с личностью.

Факторы, ведущие к счастью: свобода от болезней; молодость; жизненная и физическая сила; устойчивость; сила воли; спокойный ум; совершенные органы чувств; материальные возможности для комфортной жизни; возможность достижения всех желаний.

Факторы несчастной жизни: дисбаланс функционирования тела, ума и жизни; болезни; преждевременная старость; беспокойный разум; бессилие; невозможность удовлетворения материальных желаний.

3. Что хорошо и что плохо для здоровья в связи с понятием тела человека и сезонов года.

Хорошо: правильное комбинирование и сочетание продуктов; надлежащие привычки в питании; соответствующие физические упражнения; правильное и своевременное очищение тела от метаболических отходов; соблюдение надлежащей диеты и режима во время болезни; употребление пищи надлежащего количества и качества.

Плохо: пренебрежение правилами комбинирования и сочетания продуктов; вредные привычки в питании; несвоевременное очищение тела от метаболических отходов; несоблюдение надлежащей диеты и режима во время болезни; употребление пищи ненадлежащего количества и качества.

4. Продолжительность жизни (долголетие) в связи с личностью.

Факторы, необходимые для достижения долголетия: владение иммунной системой (оджасом) хорошего качества; диета и здоровое питание; сон (диета ума); йога и медитация.

Факторы, сокращающие жизнь: плохая иммунная система (оджас); несоблюдение диеты; беспокойный сон; отсутствие физических упражнений и медитации.

Аюрведические каноны содержат в себе основные принципы медицинской науки – концепцию недостатков или принципов управления организмом (трех дош), учение о семи основных тканей тела (дхату) и обмена веществ, питания и пищеварения, анатомию и физиологию человека, описание болезней и способы их лечения, сведения о лекарственных растениях, методы сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни, способы развития интеллекта и рекомендации по улучшению личных качеств характера.

Восточная философская традиция решала задачу избавления человека от страха перед небытием. Здесь присутствует то, что, позже в западной философии было названо экзистенциальным моментом, экзистенцией. Свобода стоит как бы между небытием и вечностью. В восточной традиции преодоление заключается в преодолении притяжения бытия и достижение нирваны, осознание истины о том, что истинное духовное «Я» человека стоит выше тела, чувств, ума, счастья и несчастья личного эго, выше пространства, времени и физического мира. Это и есть полная, абсолютная свобода. Тот, кто достигает нирваны – свободы, возвращается к людям, чтобы помочь им достичь такого же полноценного состоянич, ведь никто не знает дорогу к свободе лучше, чем тот, кто уже прошел ее, кто не просто владеет знанием о том, что такое свобода, но уже является свободным (или, по крайней мере, почувствовал прикосновение высшей свободы). Йога, буддизм, а также другие индийские философские школы, выдвинули важную мысль, которая также перекликается с западным мировоззрением о том, что достижение свободы – это индивидуальное дело каждого.

Ведические знания с помощью определенных философских систем помогают развивать положительный внутренний диалог, концентрироваться на определенной цели и проводить самоанализ, развивать в себе чувство благодарности и внимательность, поддерживать в себе энтузиазм и решимость, обучаться методам йоги и медитации, раскрыть в себе способности любить и служить другим, что являются составными частями процесса самоосознания и самореализации человеческой личности, состоящей из физического, психического и духовного тела. Это вдохновляет человека вести здоровый образ жизни ради высшей цели человеческой жизни, а это, в свою очередь, сохраняет здоровье нации.

Библиография

1. Аблеев С.Р. Философия классической йоги. Освобождение сознания и горизонты человеческого духа в классических трактатах // Йога-сутра и Йога-бхашья. Донецк, 2012. 258 с.
2. Благо разумности и мудрости // Соломон Мудрый, Экклезисаст, Песнь Песней, Притчи. Мудрые беседы. М.: Реноме, 1998. 368 с.
3. Классическая йога. М.: Наука, 1992. 260 с.
4. Махабхарата. Философские тексты. Ашхабад, 1983. 664 с.
5. Пахомов С.В. (ред.) Свет дхармы: Антология традиционной индийской философии. СПб.: Амфора, 2013. 576 с.
6. Савицкая И.М. Свобода как освобождение сознания историко-философский дискурс // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Теория культуры и философия науки. 2013. № 105. Вып. 49 (1). С. 67-71.
7. Фойерштейн Г. Глубинное измерение йоги. М.: РИПОЛ классик, 2006. 432 с.
8. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 2004. 512 с.
9. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. 258 с.

Yoga as a complex socio-philosophical phenomenon and its place in the system of religious beliefs

Vyacheslav O. Polyakov

Assistant,
Tula State University,
300012, 92, Lenin av., Tula, Russian Federation;
e-mail: yazr@mail.ru

Abstract

The article deals with the main provisions of the teaching of yoga as the main element of the syncretic theory, which describes the possibility of creating and filling a separate existence of consciousness. Yoga acts not only as a philosophical doctrine, but also as a complex environment that provides the realization of religious worldview through personal incentives. The author believes that yoga can act not only as a spiritual stimulus in the social development of the individual. Yoga, translated from Sanskrit, means participation, connection, order, deep reflection, contemplation. Yoga is one of the six Orthodox philosophies of Ancient India, published in Vedic literature. The author and Creator of this doctrine is Patanjali, who lived around II. B. BC-II century ad this doctrine was set out in the book "Yoga Sutra". In it, in a short forms and accessible in content, is a guide to the philosophy of yoga. Yoga is the teaching and method of controlling the psyche and physiology of a person, whose task is to achieve a state of liberation from the disasters of the empirical existence of the Self with its countless rebirths. Yoga recognizes the existence of unconscious forces in a person and the possibility of controlling them when creating certain conditions for this.

For citation

Polyakov V.O. (2018) Ioga kak kompleksnoe sotsial'no-filosofskoe yavlenie i ee mesto v sisteme religioznykh vozzrenii [Yoga as a complex socio-philosophical phenomenon and its place in the system of religious beliefs]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 139-150.

Keywords

Yoga, religion, philosophy, paradigm, social environment.

References

1. Ableev S.R. (2012) Filosofiya klassicheskoi iogi. Osvobozhdenie soznaniya i gorizonty chelovecheskogo dukha v klassicheskikh traktatakh [The philosophy of classical yoga. Liberation of consciousness and the horizons of the human spirit in the classic treatises]. In: *Ioga-sutra i Ioga-bkhash'ya* [Yoga Sutra and Yoga Bhashya]. Donetsk.
2. (1998) Blago razumnosti i mudrosti [The blessing of rationality and wisdom]. In: *Solomon Mudryi, Ekklezisast, Pesn' Pesnei, Pritchi. Mudrye besedy* [Solomon the Wise, Ecclesiastes, Song of Songs, Proverbs. Wise conversations]. Moscow: Renome Publ.
3. Eliade M. (2004) *Ioga: bessmertie i svoboda* [Yoga: immortality and freedom]. St. Petersburg.
4. Feuerstein G. (2006) *Glubinnoe izmerenie iogi* [The depth dimension of yoga]. Moscow: RIPOL klassik Publ.
5. Jung K.G. (1994) *O psikhologii vostochnykh religii i filosofii* [On the psychology of Eastern religions and philosophies]. Moscow: Medium Publ.
6. (1992) *Klassicheskaya ioga* [Classical yoga]. Moscow: Nauka Publ.
7. (1983) *Makhabkharata. Filosofskie teksty* [Mahabharata. Philosophical texts]. Ashkhabad.

8. Pakhomov S.V. (ed.) (2013) *Svet dkharmy: Antologiya traditsionnoi indiiskoi filosofii* [The Light of Dharma: An Anthology of Traditional Indian Philosophy]. St. Petersburg: Amfora Publ.
9. Savitskaya I.M. (2013) Svoboda kak osvobozhdenie soznaniya istoriko-filosofskii diskurs [Freedom as the liberation of consciousness historical and philosophical discourse]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina. Teoriya kul'tury i filosofiya nauki* [Bulletin of the Kharkiv National University. The theory of culture and philosophy of science], 105, 49 (1), pp. 67-71.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 115

Время как бесценный ресурс человека

Антошкина Екатерина Александровна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Брянский институт управления и бизнеса,
241050, Российская Федерация, Брянск, ул. 2-я Почепская, 42;
e-mail: nastrabota11072016@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается возможность выработки синтетического целостного представления о времени на основе единства времени как бесконечного процесса становления, включающего в себя модусы прошлого, настоящего, будущего и конкретных конечных его форм проявления. В исследовании сформулирован ряд методологических подходов к анализу времени и его концепций, что может быть использовано при дальнейшем исследовании философских проблем времени.

Предметом исследования выступает концептуализация понятия времени в естественных и гуманитарных науках.

Цель исследования – выявление специфики осмысления времени в естественных и гуманитарных науках, рассмотрение складывающихся основных тенденций исследования и концепций, обоснование неразрывной связи конкретно-научных моделей времени с осознанием его в других формах, прежде всего, в философии.

Сложность категории времени как объекта познания обусловливает необходимость при его системном анализе использовать достижения различных сфер познания. Таким образом, основными эволюционными составляющими, формирующими современное осмысление времени, являются следующие: философские традиции, в рамках которых и зарождаются основные концепции времени; естественнонаучный подход с его опорой на математический аппарат и экспериментальные исследования; гуманитарные науки, в которых время разворачивается, прежде всего, как история. Системный подход к анализу времени складывается из взаимодействия его цикличного и линейного, статичного и динамичного понимания, объективного и субъективного начал, традиционных представлений о времени и того нового, что пришло с развитием гуманитарных наук, культуры. Все вместе это составляет концептуальную модель времени в современной науке.

Для цитирования в научных исследованиях

Антошкина Е.А. Время как бесценный ресурс человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 151-160.

Ключевые слова

Логика, время, фактор времени, системный подход, ресурсы, познание.

Введение

Наша жизнь невозможна без существования такого ресурса, как время. Оно вечно куда-то ускользает от нас. Времени нам постоянно не хватает, мы не можем его рационально распределить, следовательно, в самом ближайшем будущем есть вероятность возникновения упущенных возможностей, если неправильно использовать время.

В связи с наличием только двадцати четырех часов в сутках мы не можем никак повлиять на увеличение данного ресурса, мы можем только модернизировать наше потребление времени, найти оптимальные пути достижения поставленных целей.

Основная часть

Время является одной из наиболее сложных философских категорий.

Существует множество различных трактовок понятия «время». Так, с точки зрения К.В. Рыбкиной, «время представляет собой нематериальный ресурс, который имеет разное содержание, ценность, стоимость и рассматривается в философии, экономике, физике и других науках под разными углами зрения. Экономическое время профессионала, квалифицированного сотрудника имеет большую ценность (стоимость), чем непрофессионала, профессионал действует на основе полученных знаний, образования, опыта, профессиональной интуиции, при этом работодатель без учета специфики квалификации может установить одну и ту же заработную плату» [Рыбкина, 2017, 359].

Особо стоит вопрос о трактовке времени выдающимся астрономом Пулковской обсерватории Н.А. Козыревым, который высказал идею о превращении времени в энергию, то есть время способно порождаться и поглощаться объектами. Он не только высказал, но попытался обосновать свои идеи опытами, представленными в его работах.

А С.В. Лепинин утверждает, что «время не просто ресурс, а ресурс невозобновляемый. Подчиняя себе время, человек организует его в рациональную систему строго определенных последовательностей поступков и действий, способен наполнить его собственным смыслом, заставить служить себе» [Лепинин, 2017, 45]. Вместе с этим люди пытаются все ускорить, в обществе увеличивается потребность в скорости.

Возможно, в силу этого познание времени глубоко антиномично, противоречиво в своем исследовании. Антиномичность познания времени может быть выявлена на протяжении всей истории мысли. Можно выделить следующие антиномичные концепции времени:

1) статическая и динамическая;

2) субстанциальная и реляционная;

кроме этих парных концепций выделяется также триада:

3) циклическое - линейное - ветвящееся время (трактовки времени, по сути, также вытекающие из концептуальных построений; в связи с развитием синергетического подхода к данной триаде иногда добавляется также и фрактальное время).

Что содержательно означают данные концепции?

Статическая концепция предполагает одновременность существования событий прошлого, настоящего и будущего; временные отношения сводятся к отношениям «раньше» - «позже», «стрела времени» отрицается. Другая крайность - динамическая концепция: все события в мире подразделяет на прошлые (уже не существующие), настоящие (существующее) и будущие (ещё

не существующие). События постоянно меняют свое положение относительно момента настоящего времени: события будущего переходят в события настоящего и прошлого – это и есть течение времени.

Согласно взглядам субстанциальной концепции, время рассматривается как особого рода сущность, как субстанция, которая существует сама по себе, независимо от других материальных объектов, но оказывает на них существенное влияние; время – абсолютная длительность.

Другая крайность, реляционная концепция представляет время как относительное свойство бытия, зависящее от различных систем отсчета; время не является независимой онтологической сущностью. Структура времени связана с характером процессов, отражающих его природу: циклическое, линейное и ветвящееся время. Линейное направление времени виделось в образе прямой. Циклическое время воспринималось как длительность, измеряемая множеством циклов, и оно дискретно. Ветвящаяся структура времени основывается на квантовой механике, где мировая история расщепляется на различные возможные пути, и эти варианты осуществляются, не взаимодействия между собой.

Итак, время одно или же существует множество разновидностей времени? Распадается ли единое понятие времени на множество локальных, специальных времен? Ответить на эти вопросы можно, лишь выделив и рассмотрев основные тенденции в исследовании времени. Но для начала отметим, что во многом концептуальная путаница обусловлена многозначностью и многосмысленностью самого понятия времени в естественном языке – отсюда и происходит множественность интерпретаций. Следовательно, необходима дальнейшая работа над концептуальным аппаратом. Так, имеет смысл различать время как число движения и как темпоральность (или «временность как внутреннюю структуру бытия»). Понятие темпоральности, на наш взгляд, не уводит от единого времени, не разлагает его на локальные времена, но позволяет говорить о специфике осмысления конкретных временных процессов, а не о специфике их измерения (то есть не сводит время к проблеме измерения).

Как мы уже отмечали ранее, понятие времени антиномично, и это создает возможность гносеологических крайностей в его познании и интерпретации.

Во-первых, в нашем познании существует возможность преувеличенной трактовки времени вплоть до его отрыва от конкретных форм его проявления. Этот «отрыв» совершают те исследователи, которые хотели бы выделить время в так называемом «чистом» виде (время как таковое). Но такого времени не существует. Во-вторых, в нашем познании существует возможность подмены времени конкретными (и особенно конечными) формами его проявления. В эту крайность впадают ученые, преувеличивающие роль частных случаев проявления времени. В-третьих, в нашем познании содержится возможность диалектического понимания взаимосвязи времени с конкретными формами его проявления. Эта возможность в наибольшей мере продвигает наше познание к истине. Таковы три возможности, которые существуют в нашем познании.

С другой стороны, обращаясь к анализу взаимоотношения философского и конкретнонаучного знания, мы обнаруживаем сходные тенденции. Заметим, что в целом законы диалектики выступают в качестве всеобщего метода по отношению к частнонаучным методам познания. Следовательно, философский подход оказывается главным, когда объекты или процессы рассматриваются в целом, тогда как при рассмотрении их частей наиболее важным окажется частнонаучный подход, а философский перейдет на второй план. В отношениях

частных наук и философии выделяются две взаимосвязанные противоположные тенденции. Первая – стремление отделиться от философии, обосновать свою самодостаточность; она преобладает в период бурного становления науки, формирования теоретического уровня, построения собственных концептуальных схем. Вторая – сближение с философией; она характеризует развитую науку. Философские и частнонаучные законы позволяют соединить предельную общность философских положений с предельной конкретностью частнонаучных в одно целостное знание о конкретной предметной области, области той или иной науки. Правильное понимание такого единства философских и частнонаучных знаний является необходимым условием научного исследования [На пути к пониманию феномена времени…, www].

Время следует определить как всеобщее свойство действительности, которое проявляется в смене состояний всего существующего. Первая часть этого определения указывает на признак, присущий не только времени, но и всем иным атрибутам действительности. Что касается второй части определения, то она сосредоточивает внимание на отличительном признаке времени.

Время – это такой бесценный ресурс, которым не рекомендуется пользоваться легкомысленно и безграмотно. Все в мире зависит от времени, например, доверие между людьми в ходе того же сотрудничества приходит со временем, навыки и опыт также совершенствоваться со временем. В случае пренебрежительного отношения ко времени человек может заработать плохую репутацию, упустить какие-то важные моменты, например, не заметить, как вырос ребенок. Ведь какие-то вещи, которые уже потеряны, нельзя вернуть, невозможно повторить какой-то случай, так и со временем.

По мнению Т. А. Кизлик, «все совершается в пространстве и во времени. Экономное использование времени — важнейший источник улучшения жизни человека. Справедливо выражение, что вся экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [6, с. 192]. Таким образом, мы просто обязаны использовать время с пользой, наилучшим образом, так как время, действительно, – деньги.

Действительно, время вполне можно сравнить с деньгами, его можно рассматривать как важнейший ресурс, ведь, не будь времени, не будет каких-либо результатов, достижений. Однако, вероятнее всего, не каждый человек рассматривает время как ресурс. Ведь даже на практике его редко воспринимают как бесценный ресурс. Время каждому дается бесплатно, его не нужно где-то добывать, человек существует, живет во времени. Если человек хочет улучшить свою жизнь, совершенствовать себя, то ему простонеобходимо правильно распределить время. То есть время даже нельзя сравнить с какими-либо драгоценными металлами, природными ископаемыми, которые также ограничены.

Также с юридической точки зрения время рассматривается как важный фактор. В качестве примера можно привести рассуждение Г. Б. Петровой и

М.А. Лавнова: «Стадия предварительного расследования не должна быть чрезмерно растянутой во времени, т.к. это может иметь весьма негативные последствия как для потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого), так для общества и государства» [Петрова, Лавнов, 2017, 204]. В данной ситуации неправильное использование времени также может привести к плохим последствиям.

Даже деньги связаны со временем. Так, М.О. Косенюк утверждает, что «одним из важнейших свойств денежных потоков является их распределенность во времени» [Косенюк, 2017, 194]. Например, для одного и тогоже предприятия номинальная сумма прибыли в один промежуток времени будет оценена положительным итогом работы, исходя из ситуации на

данный момент, а в других временных рамках при других ситуациях будетвосприниматься как убыточная деятельность. В связи с данной ситуацией даже принята иная методология по вычислениям стоимости денежных средств. Дисконтирование является одним из таких. Его особенность заключается в том, что оно учитывает уровень инфляции, специфику региона, специфику отрасли.

В прошлом время не играло такую роль, как сейчас, люди тратили его, как хотели. Но вскоре стали замечать, что достижение успеха зависит именно от того, как они распорядятся своим временем. Каждый человек в состоянии достичь, чего он хочет, главное правильно расставить свои приоритеты и распределить в соответствии с этим время.

Люди начинают понимать, что деньги не могут появиться сами собой и что для их получения необходимо рационально использовать свое как рабочее, так и не рабочее время. Им необходимо добиваться различных успехов в тех областях, в которых это необходимо. Если мы не будем всего этого делать, то в конечном итоге потеряем деньги, которые могли бы заработать в течение того времени, которое потратили на что-то менее важное.

Так как же правильно распределять свое время?

В первую очередь, нам необходимо ценить время. Определенные жизненные ситуации вынуждают нас тратить время попросту, например, ожидание в автомобильном заторе, очереди, осуществление тех дел, которые не приносят пользу или просто не имеют смысла. Любой, кто понимает принцип ограниченности времени, однозначно расстроится, так как это упущенные возможности, человек мог провести это потраченное время с пользой.

Наше время стоит денег в любой работе, и это не поддается противоречиям. Если вы получаете заработную плату за час, то, соответственно, чем больше часов вы отработаете, тем больше получите денег. Даже если у вас сдельная заработная плата, время для вас, несомненно, тоже будет драгоценностью. Ведь если вы будете усердно трудиться, то вскоре может получить повышение и зарабатывать значительно больше, чем это было прежде.

Не стоит забывать и о том, что жизнь коротка, и мы, к сожалению, не можем прожить ее заново. Нельзя откладывать все на потом, ведь неизвестно, наступит ли это «потом». Человеку необходимо тратить время на то, что действительно этого стоит, что может принести ему пользу. Время – это один из тех ресурсов, который невозможно купить за деньги, соответственно, нельзя продлить свою жизнь.

Только задумайтесь, чтобы было, если бы мы могли прийти в магазин и обменять денежные средства на дополнительное время – годы жизни. Таким способом мы не можем приобрести многие качества, достижения, например, доверие, талант, любовь, здоровье, эмоции. За деньги мы можем приобрести только материальные вещи, которые лежат в каждом магазине на прилавках. Но достичь счастья мы не сможем с помощью одной покупки этих товаров, этого явно недостаточно.

Необходимо использовать свое время мудро, рационально, грамотно отделяя главное от второстепенного. Для этого необходимо сначала выписать все дела, которые необходимо сделать, а затем сгруппировать их по степени важности. Соответственно, пункты, относящиеся к важным и срочным, необходимо сделать в первую очередь, а затем, в случае остатка времени, осуществить остальные, но тоже по степени важности, ведь данного времени может не хватить на все, что вы запланировали.

Мы можем не только получить доход от заработной платы, но и заработать на времени.

Во-первых, это можно совершить с помощью антиквариата. Здесь снова речь идет о времени. Общеизвестно, что чем вещь старее, тем она дороже. То есть, чтобы выручить больше

денег от продажи данного товара, необходимо, чтобы прошло достаточное количество времени. В наше время есть такие категории людей, как коллекционеры, которые могут отдать большую сумму денег за вещь, принадлежащую давним временам.

Во-вторых, закономерность между временем и деньгами можно проследить на примере недвижимости. Всем известно, что дом, который только начали проектировать или строить, будет стоить дешевле, чем дом, который уже сдан. Таким образом, за мало потраченное время при строительстве, мы получим меньшую сумму. Затем, в течение первых трех-пяти лет с момента постройки цена на дом будет высокой. Так, за малый промежуток времени мы выручим большую сумму.

Если рассматривать данный пример со стороны старых построек, то в этом случае существуют постройки, которые являются культурным наследием, то есть, спустя долгое время, мы не сможем выручить за них деньги. А есть такие постройки, которые признаются ветхими, непригодными для проживания, так вот такие, спустя долгое время, не будут сами по себе чего-либо стоить. Можно сделать вывод в отношении недвижимости, что чем больше пройденного времени, тем меньше мы получаем денег.

В-третьих, если время невозможно купить, то различные механизмы, измеряющие время, - можно. Данный вид деятельности в современном обществе является достаточно прибыльным и рентабельным. Необязательно заниматься их продажей, заработать на них деньги можно и путем ремонта. Часы могут использоваться и в научных целях, при этом они способны работать как на Земле, так и в космосе.

В последнее время люди благодарны часам не только за их точность измерения показателя времени, но и за их высокотехнологичность. Ведь сейчас часы способны измерить пульс, предоставить навигатор и телефон. Но при этом спрос на классические часы, которые просто считывают время, не падает даже в условиях развития и модернизации технологий. Определенные категории людей готовы отдать большую сумму денег за часы, которые им угодят.

Но не стоит забывать о том, что заработать на времени такими способами не главное. Ведь для получения денег нам в первую очередь надо самим работать, то есть использовать свое время, которое имеем мы, а не то время, которое существует какая-либо вещь. Такой способ дохода не всегда может нам помочь. Следовательно, снова возникает проблема времени. Не каждое время является нашим. Мы должны ценить не только свое время, но и чужое. Например, когда мы куда-то опаздываем, то тратится не только наше время, но и время другого человека, который мог использовать его как-то иначе.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что между временем и деньгами прямо пропорциональная зависимость. Чем больше времени мы тратим на достижение своих целей, тем большего финансового успеха достигаем. Нам необходимо рационально использовать свое время, составлять, по возможности, распорядок дня, который будет помогать достигать поставленные цели вовремя. Если не следовать определенным принципам, то в конечном итоге мы может провести жизнь впустую.

Люди, которые зря тратят время, забывают об известной фразе, принадлежащей Бенджамину Франклину: «Время - деньги». Этот популярный политический деятель призывает нас следовать определенному распорядку дня, с помощью которого время будет распределено правильно. Ведь время имеет большую важность, чем деньги для человека, который хочет достичь финансового успеха. А Бенджамин Франклин как раз является идеальным примером по правильному использованию ограниченного ресурса.

Заключение

Время – это бесценный ресурс, который мы, как бы нам ни хотелось, никак не можем увеличить. Мы не сможем как-то прибавить время, а можем только использовать его в ограниченном количестве. Дефицит времени и невозможность вернуть его – это именно то, что делает время по-настоящему стоящим денег.

Найти время – это как найти рубль, только не на улице, а в своем кармане. Наш мир настолько интересен и разнообразен, что провести линию между ценными и ненужными вещами просто нереально. Главное правило – не отпускать время и использовать его по назначению. И тогда будет достигнута гармония для нормальной жизни на земле.

Библиография

1. Алек Маккензи Ловушка времени [Электронный ресурс]: классическое пособие по тайм-менеджменту / Маккензи Алек, Никерсон Пэт. — Электрон. текстовые данные. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 349 c. – 978-5-00057-248-1. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/39258.html
2. Бриджид Шульте Мне некогда! [Электронный ресурс] : в поисках свободного времени в эпоху всеобщего цейтнота / Шульте Бриджид. — Электрон. текстовые данные. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 359 c. — 978-5-00057-324-2. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/39280.html
3. Готлоб Фреге Логико-философские труды [Электронный ресурс] : логические исследования. Основоположения арифметики / Фреге Готлоб. — Электрон. текстовые данные. — Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2017. — 283 c. — 978-5-379-02022-4. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/65276.html
4. Жатканбаев Е.Б. Логика познания смешанной экономики [Электронный ресурс] / Е.Б. Жатканбаев. — Электрон. текстовые данные. — Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2014. — 212 c. — 978-601-04-0265-2. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/59838.html
5. Жюльен Ф. О "времени". Элементы философии "жить" [Электронный ресурс]: монография / Ф. Жюльен. — Электрон. текстовые данные. — М. : Прогресс-Традиция, 2005. — 280 c. — 5-89826-149-4. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/7177.html
6. Кизлик Т. А. Виды и анализ новых факторов производства в современных условиях. Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2016. - № 2 (136). – С. 191-195.
7. Косенюк М. О. Методы учёта фактора времени в финансовых операциях. Академическая публицистика. – 2017. - № 12. – С. 193-198.
8. Лепинин С. В. Время как ресурс: от Платона и Аристотеля к Л. Альберти и Н. Трубникову. Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. – 2017. - № 10. – С. 41-49.
9. Лора Вандеркам Книга о потерянном времени [Электронный ресурс]: у вас больше возможностей, чем вы думаете / Вандеркам Лора. — Электрон. текстовые данные. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 338 c. — 978-5-9614-5066-8. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/43550.html
10. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени [Электронный ресурс]: монография / В.И. Молчанов. — Электрон. текстовые данные. — М.: Академический Проект, 2015. – 277 c. – 978-5-8291-17528. – Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/36618.html
11. Мысли и изречения великих о самом главном. Том 2. Вселенная. Время [Электронный ресурс] /. — Электрон. текстовые данные. — М. :РИПОЛ классик, 2011. — 528 c. — 978-5-386-02711-7. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/38352.html
12. На пути к пониманию феномена времени. Конструкции времени в естествознании. Часть 3. Методология. Физика. Биология. Математика. Теория систем [Электронный ресурс] / В.В. Аристов [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 480 c. — 5-89826-297-0. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/21510.html
13. Нестик Т.А. Социальная психология времени [Электронный ресурс] / Т.А. Нестик. — Электрон. текстовые данные. — М.: Институт психологии РАН, 2014. — 496 c. — 978-5-9270-0282-5. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/51962.html
14. Петрова Г. Б., Лавнов М. А. Правовое регулирование времени производства предварительного следствия. Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. - № 5 (118). – С. 202-210.
15. Ровенко Е.В. Время в философскоми художественном мышлении: Анри Бергсон, Клод Дебюсси, ОдилонРедон [Электронный ресурс] / Е.В. Ровенко. — Электрон. текстовые данные. — М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 895 c. — 978-5-89826-467-3. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/61247.html

16. Рыбкина К. В. Рабочее время как экономический ресурс при осуществлении правосудия. Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2017. – С. 359-364.
17. СаймонМэйнуоринг Время действовать [Электронный ресурс] : как сделать мир лучше, используя силу социальных медиа / МэйнуорингСаймон. – Электрон. текстовые данные. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 384 c. — 978-5-91657-525-5. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/39167.html
18. Слово и значение во времени и пространстве. Динамические процессы [Электронный ресурс]: коллективная монография / Е.М. Маркова [и др.]. — Электрон. текстовые данные. — Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2012. — 170 c. — 978-5-9935-0251-9. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/38922.html
19. Хасанов И.А. Время. Природа, равномерность, измерение [Электронный ресурс] / И.А. Хасанов. — Электрон. текстовые данные. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 c. — 5-89826-107-9. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/27831.html
20. Хасанов Ильгиз А. Время как объективно-субъективный феномен [Электронный ресурс] / ИльгизА. Хасанов. – Электрон. текстовые данные. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 328 c. — 978-5-89826-298-1. — Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/7226.html

Time as a human resource

Ekaterina A. Antoshkina

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Humanitarian Natural Sciences,
Bryansk Institute of Management and Business,
241050, 42, 2st Pochepskaya st., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: nastrabota11072016@mail.ru

Abstract

The article substantiates the possibility of developing a synthetic holistic view of time on the basis of the unity of time as an infinite process of formation, including the modes of the past, present, future and specific final forms of its manifestation. The study formulated a number of methodological approaches to the analysis of time and its concepts, which can be used in further research on the philosophical problems of time.

The subject of research is the conceptualization of the concept of time in the natural and human sciences.

The purpose of the study is to identify the specifics of time comprehension in the natural and human sciences, to consider the emerging main research trends and concepts, to justify the inseparable connection between specific scientific models of time and its awareness in other forms, primarily in philosophy.

The complexity of the category of time as an object of knowledge necessitates the use of the achievements of various fields of knowledge in its system analysis. Thus, the main evolutionary components that form the modern understanding of time are the following: philosophical traditions, within which the basic concepts of time originate; natural science approach with its reliance on the mathematical apparatus and experimental research; the humanities, in which time unfolds, above all, as history. The systematic approach to the analysis of time is made up of the interaction of its cyclical and linear, static and dynamic understanding, objective and subjective beginnings, traditional ideas about time and the new that came with the development of the humanities and culture. Together, this constitutes the conceptual model of time in modern science.

For citation

Antoshkina E.A. (2018) Vremya kak bestsennyy resurs cheloveka [Time as a human resource]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 151-160.

Keywords

Logic, time, time factor, system approach, resources, knowledge.

References

1. Alec MacKenzie The Time Trap [Electronic resource]: A Classical Time Management Handbook / MacKenzie Alec, Nickerson Pat. - Electron. text data. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. - 349 p. - 978-5-00057-248-1. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/39258.html
2. Brigid Schulte I have no time! [Electronic resource]: in search of free time in the era of universal time pressure / Schulte Brigid. - Electron. text data. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. - 359 p. - 978-5-00057-324-2. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/39280.html
3. GottlobFrege Logic-philosophical works [Electronic resource]: logical studies. Foundations of arithmetic / FregeGottlob. - Electron. text data. - Novosibirsk: Siberian University Publishing House, 2017. - 283 p. - 978-5-379-02022-4. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/65276.html
4. Julien F. On "time." Elements of the philosophy of "live" [Electronic resource]: monograph / F. Julien. - Electron. text data. - M.: Progress-Tradition, 2005. - 280 p. - 5-89826-149-4. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/7177.html
5. Khasanov I.A. Time. Nature, uniformity, measurement [Electronic resource] / I.A. Khasanov - Electron. text data. - M.: Progress-Tradition, 2001. - 304 p. - 5-89826-107-9. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/27831.html
6. KhasanovIlgiz A. Time as an objective-subjective phenomenon [Electronic resource] / IlgizA. Khasanov - Electron. text data. - M.: Progress-Tradition, 2011. - 328 p. - 978-5-89826-298-1. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/7226.html
7. Kizlik, T. A. Kinds and analysis of new factors of production in modern conditions. Bulletin of the Altai State Agrarian University. - 2016. - № 2 (136). - p. 191-195.
8. Kosenyuk M. O. Methods of accounting time factor in financial transactions. Academic journalism. - 2017. - № 12. - P. 193-198.
9. Laura Vanderkam The Book of Lost Time [Electronic Resource]: you have more opportunities than you think / Vanderkam Lora. - Electron. text data. - M.: Alpina Publisher, 2016. - 338 p. - 978-5-9614-5066-8. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/43550.html
10. Lepinin SV Time as a resource: from Plato and Aristotle to L. Alberti and N. Trubnikov. Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience. - 2017. - № 10. - P. 41-49.
11. Molchanov V.I. The phenomenon of space and the origin of time [Electronic resource]: monograph / V.I. Molchanov. - Electron. text data. - M.: Academic Project, 2015. - 277 p. - 978-5-8291-17528. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/36618.html
12. Nestik T.A. Social psychology of time [Electronic resource] / T.A. Nestik. - Electron. text data. - M .: Institute of Psychology RAS, 2014. - 496 p. - 978-5-9270-0282-5. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/51962.html
13. Petrova G. B., Lavnov M. A. Legal regulation of the time of the preliminary investigation. Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2017. - № 5 (118). - P. 202-210.
14. Rovenko E.V. Time in philosophical and artistic thinking: Henri Bergson, Claude Debussy, Odilon Redon [Electronic resource] / E.V. Rovenko. - Electron. text data. - M.: Progress-Tradition, 2016. - 895 p. - 978-5-89826-467-3. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/61247.html
15. Rybkina KV Working time as an economic resource in the implementation of justice. Fundamental and applied research: current issues, achievements and innovations. - 2017. - P. 359-364.
16. Simon Manufacturing Time to act [Electronic resource]: how to make the world a better place using the power of social media / Simon Engineering. - Electron. text data. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. - 384 p. - 978-5-91657-525-5. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/39167.html
17. Thoughts and sayings of the great about the most important thing. Volume 2. The Universe. Time [Electronic resource]. - Electron. text data. - M.: RI-POL classic, 2011. - 528 p. - 978-5-386-02711-7. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/38352.html
18. Towards an understanding of the phenomenon of time. Constructions of time in natural science. Part 3. Methodology. Physics. Biology. Maths. System theory [Electronic resource] / V.V. Aristov [et al.]. - Electron. textual data. - M .: Progress-Tradition, 2009. - 480 p. - 5-89826-297-0. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/21510.html

19. Word and meaning in time and space. Dynamic Processes [Electronic resource]: collective monograph / E.M. Markov [and others]. - Electron. text data. - Volgograd: Volgograd State Social and Pedagogical University, “Peremena”, 2012. - 170 p. - 978-5-9935-0251-9. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/38922.html
20. Zhatkanbaev E.E. The logic of knowledge of a mixed economy [Electronic resource] / Е.Б. Zhatkanbaev. - Electron. text data. - Al-Mata: Kazakh National University. Al-Farabi, 2014. - 212 p. - 978-601-04-0265-2. - Access mode: http://www.iprbookshop.ru/59838.html

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 331.526

Вторичная занятость студенческой молодежи в контексте социально-философского знания

Михайловская Светлана Александровна

Старший преподаватель кафедры социологии,
Забайкальский государственный университет,
672000, Российская Федерация, Чита, ул. Бабушкина, 129,
e-mail: alecru77@mail.ru

Аннотация

В статье представлен социально-философский анализ вторичной занятости студенческой молодежи. Показаны идеи, касаемые данной темы, видных философов, таких как К. Ясперс, Э. Фромм, М. Вебер, С. Л. Рубинштейн, Дж. Ролз, В. В. Парцвания. Вторичная занятость рассмотрена через понятия: «свобода», «свободное время», «чувство собственного достоинства», «социальный характер», «социальное действие» и т.д., также выделены основные характеристики вторичной занятости студенческой молодежи. Социально-философское осмысление вторичной занятости студенческой молодежи позволяет констатировать, что вторичная занятость является целостным явлением, при этом структура данного феномена сложна и разнообразна.

Сделанный социально-философский анализ данного явления демонстрирует, что на сегодняшний момент есть большое количество объяснений вторичной занятости студенческой молодежи. Все они раскрывают определенные аспекты данного явления: удовлетворение основных потребностей; обеспечение средствами к существованию; формирование в обществе определенной позиции; обретение финансовой независимости; улучшение жизни.

Вторичная занятость студенческой молодежи предстает перед нами как деятельность активного субъекта (студенческой молодежи), как средство развития творческого потенциала студентов и как способ получения свободы от принуждений. Все это позволило раскрыть сущность, содержание вторичной занятости студенческой молодежи и определить будущих профессионалов в новом качестве.

Для цитирования в научных исследованиях

Михайловская С.А. Вторичная занятость студенческой молодежи в контексте социально-философского знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 161-168.

Ключевые слова

Студенты, студенческая молодежь, занятость, вторичная занятость.

Введение

Отечественная экономика находится сейчас на этапе рыночного реформирования, постоянно растет количество студентов, которые обучаются в учебных заведениях на очных отделениях, при этом им приходится совмещать получение образования и работу в самых разных областях жизни. На данный момент работать приходится нескольким миллионам российских студентов, гораздо большее число обучающихся находится в состоянии поиска работы. Все эти данные свидетельствуют о том, что трудовая деятельность для студентов приобрела сегодня в социуме массовый характер. Вовлеченность в работу очень сильно влияет на студентов: они узнают новую информацию о разных профессиях, значении профессионального развития, о том, зачем вообще нужно работать и как это делать, получая не только материальную выгоду, но и саморазвиваясь.

Основаня часть

Изучение вторичной занятости студенческой молодежи в контексте социально-философского знания обусловлено, во-первых, массовым совмещением работы и учебы студентов дневной формы образования. Этот процесс носит глобальный характер и отмечается в абсолютном большинстве развитых стран мира [Апокин, 2008, 98-110].

Во-вторых, философия дает основания для целостного, системного рассмотрения вторичной занятости студенческой молодежи, выделения ее сущности и характеристик. Социально-философский анализ также позволяет объяснить мотивационный аспект вторичной занятости студентов, их трудовые ориентации, связанные с этим уровень притязаний и становление качественно новых будущих профессионалов.

Вторичная занятость студенческой молодежи понимается нами как оплачиваемая дополнительная трудовая деятельность в свободное от обучения в вузе время.

Социально-философский анализ вторичной занятости студенческой молодежи требует рассмотрения идей некоторых видных философов.

Рассматривая размышления Карла Ясперса [Ясперс, 1991, 123] о труде, вторичную занятость студенческой молодежи можно рассматривать двояким образом:

1) как процесс, направленный на удовлетворение потребностей студентов, требующий затраты физических сил; потребности тесно пересекаются с мотивами вторичной занятости студентов и в первую тройку таковых ученые [Онькова, 2017, 192-197], [Рябова, 2017, 3466-3470], [Щербакова, 2015, 209-212] относят: желание иметь собственный заработок; стремление получить необходимый опыт; стремление обеспечить себе средства к существованию;

2) как целесообразная и планомерная деятельность, т.е. цель вторичной занятости на прямую связана с указанными выше мотивами, а план может варьироваться в трех направлениях:

– вторичная занятость заканчивается после окончания студентами учебного заведения, в виду того, что первичная занятость (обучение) прошла свое время назначения и становится актуальным устройство на другую работу, более престижную или соответствующую квалификации;

– вторичная занятость продолжается после окончания учебного заведения, но уже в другой форме, если студент устраивается на работу по специальности и продолжает работать там, где работал во время обучения;

– вторичная занятость выступает фактором профессионального становления студентов: профиль специальности, получаемой в учебном заведении, совпал с профилем трудовой занятости и это, в дальнейшем, после завершения обучения, сказывается на профессионализме.

Вторичная занятость студенческой молодежи в русле идей о труде Э. Фромма [Фромм, 2005, 142-143] представляется как мотивация для появления и развития социального характера у населения, появляющаяся благодаря влиянию социума. Отсюда следует, что в процессе совмещения работы и учебы у студентов формируются определенное социальное поведение, социальный статус и мышление, причем все это обусловлено местом в структуре общества.

В рамках теории социального действия М. Вебера вторичная занятость – это «социальное действие», представленное как действие, которое можно связать по своему смыслу с поведением другого субъекта, при этом оно зависит от него» [Социальное действие по…, www].

Исследователь М. Вебер разделяет социальное действие на четыре базовых вида:

– целерациональное – для того, чтобы получить результат человек использует конкретное, зачастую предсказуемое, поведение и поступки окружающих людей;

– ценностно-рациональное – понимание поведения, действия как собственно ценностно-значимого, основополагающими являются нормы морали, религиозные мировоззрения;

– аффективное – особенно эмоциональное, чувственное;

– традиционное – в основе лежат ритуалы, важное значение отводиться привычке, акценты делаются на нормах, одобренных обществом.

Согласно этой классификации вторичная занятость – это целерациональное (имеет цель и для каждого работающего студента она своя; для большинства вторичнозанятых студентов цель определяется как «желание иметь собственный заработок» [Онькова, 2017, 192-197], [Рябова, 2017, 3466-3470], [Щербакова, 2015, 209-212]) и ценностно-рациональное (осуществляется в рамках морали) действие.

Любое социальное действие имеет фиксированную структуру, которая, в свою очередь, должна состоять из определенных компонентов:

– актор;

– потребность актора, играющую роль непосредственного мотива действия;

– стратегию действия (подразумевается выбор и постановка цели, проработка путей и средств, которые помогут ее достигнуть);

– индивид или целая социальная группа, на которых планируется воздействовать;

– итоговый результат (прогнозируется достижение успеха или претерпевание неудачи) [Социальное действие по…, www].

Под определением «социальный актор» подразумевается субъект социального действия. Современные исследователи указывают, что в качестве социальных акторов выступают люди, которые выполняют различные роли, в том числе социальные.

В нашем исследовании студенческая молодежь является социальным субъектом (социальным актором), у которого существует потребность во вторичной занятости, выступающая мотивом к определенным социальным действиям, которые направлены на индивида или группу индивидов, связанные с этим цель, средства ее достижения и конечный результат. Социальный субъект вторичной занятости студенческой молодежи действует в ситуации совмещения обучения и трудовой деятельности, но его возможности ограничены учебным заведением и рабочим местом (действие не свободного характера). Действия социального субъекта в данном контексте являются планом (действие свободного характера).

Пристальное внимание категория субъекта привлекла к себе со стороны советского психолога и философа С.Л. Рубинштейна [Категория субъекта…, www]. Приведем характеристики субъекта с общефилософской позиции, опираясь на исследования ученого.

Во-первых, категорию субъекта всегда можно соотнести с категорией объекта. Именно поэтому в процессе вторичной занятости студенческая молодежь – субъект, объектом выступают индивиды, на которых направлена деятельность субъекта при данной деятельности.

Во-вторых, познающий субъект – социален, он понимает бытие, с которым он знакомится, в общественно-исторически сложившихся формах. Таким образом, субъект вторичной занятости студенческой молодежи может перейти в объект и наоборот.

В-третьих, для общественного субъекта возможно, а зачастую и характерно, существование и реализация одновременно в деятельности и в бытии определенного индивида. Т.е. субъект вторичной занятости действует как в деятельности отдельно взятого работающего студента, так и в его жизни.

В-четвертых, при изучении проблемы отношения «Я» и другой человек, исследователь С.Л. Рубинштейн ставит акцент на то, что «Я» подразумевает под собой определенную деятельность и, в то же время, «произвольная, управляемая, сознательно регулируемая деятельность вынужденно предполагает действующее лицо, субъекта этой деятельности – «Я» данного индивида». Данный постулат играет роль одной из базовых характеристик не только субъекта вторичной занятости студенческой молодежи, но занятости вообще.

В-пятых, субъект – сознательно действующее лицо, самосознание которого – это «осознание самого себя как существа, знакомящегося с миром и воздействующего на него, как субъекта, действующего лица в процессе его деятельности – практической и теоретической, субъекта деятельности осознания в том числе». Таким образом, субъект вторичной занятости студенческой молодежи осуществляет индивидуальную деятельность, оставаясь в этой ситуации сознательно действующим лицом.

В-шестых, любой выбранный субъект определяется через свое отношение к окружающим. Субъектность вторичной занятости студенческой молодежи находится в системе отношений с другими людьми – это является активностью, пристрастностью.

В-седьмых, каждое «Я», сочетая в себе и единичное, и всеобщее, является коллективным субъектом. Субъектность вторичной занятости студенческой молодежи является единой целостностью общения, деятельности, самосознания и бытия.

Восьмая характеристика субъекта акцентирует внимание на том, что субъект деятельности формируется самостоятельно и автономно создается в этой деятельности, распредмечивание которой приводит к выявлению и определению и самого субъекта. Субъектность вторичной занятости студенческой молодежи по своей природе – постоянно изменяющееся и развивающееся начало, появляющееся и пропадающее, но при этом не функционирующее вне самого взаимодействия (межличностного, социального, деятельностного).

Девятая характеристика субъекта: в узнавании, отзеркаливании действительности, постоянно есть активный субъект, который сам создает и поддерживает объект и связи, в рамках которых он может пребывать. Субъект вторичной занятости студенческой молодежи – «пристрастный» субъект, изменяющий объект.

Таким образом, процесс совмещения студентами обучения и работы, в социально-философском контексте, представляет систему субъект-объектных отношений.

С позиции социально-философского анализа представляется важным рассмотреть термин «Протестантская трудовая этика», который был введен в научный оборот М. Вебером. Понятие

означает религиозно обоснованную доктрину о добродетельности труда, о необходимости работать добросовестно и усердно. Экономический успех протестантских обществ объяснялся тем, что трудовая этика распространялась не только на основную массу населения, но и на элитные группы, включая предпринимательский класс. В этих обществах достижение материального достатка рассматривалось в качестве критерия усердности и добросовестности трудовой деятельности. С этих позиций, студенческая молодежь вызывает интерес у исследователей как поколение, высокий уровень образования которого, а также активная жизненная позиция в скором времени помогут занять место основной интеллектуальной и производительной общественной силы [Лясников, www]. Также осуществляя вторичную занятость часть студентов делают это в статусе самозанятых в сегменте предпринимательской деятельности. Т.е. трудовая этика распространяется на студенческую молодежь как представителей интеллектуального класса и предпринимателей посредством вторичной занятости.

Вторичная занятость студентов через призму понятия «первичное благо», выдвинутое Дж. Ролзом [Ролз, 1995, 68], характеризуется чувством собственного достоинства, включающее два аспекта:

1) человек чувствует себя значимым, он верит в свои силы и точно знает, что его планы на жизнь, мечты о будущем заслуживают того, чтобы исполнится – студенты, которые работают, которые желают работать во время обучения, по разным причинам, имеют программу по улучшению своей жизни (улучшение материального благополучия, профессиональная идентификация, независимое финансовое состояние);

2) человек верит в свои силы, он понимает, что только он может выполнить то, чего ему хочется, и данная уверенность составляет серьезную часть его самоуважения – также мотивы вторичной занятости студенческой молодежи делают возможным данный процесс; каждый работающий и желающий работать студент уверен в успешности совмещения обучения и трудовой деятельности.

Исходя из определения данный вид занятости осуществляется в свободное от первичной занятости (обучения) время. Социально-философское обоснование понятия «свободное время» описано В. В. Парцвания [Парцвания, 2001, 262-273]. Исследователь трактует данное понятие как временной промежуток, в который человек не работает, не находится в состоянии принуждения. Отметим, что понятие свободного времени не может функционировать без исследования термина свободы вообще. Касаемо вторичной занятости студенческой молодежи, то она осуществляется в свободное от учебы время (свободное от принуждений) свободным человеком. Автор считает, что необходимо разделить понятия «труд» и «работа», потому что к труду имеет отношение свободное время, а к работе – рабочее. Только труд относится к свободе, работа же находится во власти необходимости. Таким образом, обучение студенческой молодежи – это свобода, а вторичная занятость – необходимость.

Свобода – одна из основных категорий социальной философии, характеризующих сущность человека и его бытия. Применительно к определению вторичной занятости студенческой молодежи, интересны рассуждения о том, что такое свобода Э. Фромма. По мнению философа, свобода оказывает двоякое действие: человек обретает независимость от всего того, что раньше имело над ним власть, но в то же время отделяется от мира его окружающего, в связи с чем возникает непреодолимое чувство собственной беспомощности. Ученый различает два вида свободы: «свобода от», отстраняет человека от общества, порождая в индивидууме чувство ненужности, одиночества, трусости; «свобода для», носит созидательный характер, помогает человеку в становлении и развитии его внутреннего мира [Кавтарадзе, 2016, 1003-1005]. Таким

образом, исходя из этого, вторичная занятость студенческой молодежи способствует обретению независимости в экономическом плане от родителей и от мизерных на сегодняшний день стипендий. Параллельно с этим предлагая свои услуги на рынке студенческая молодежь сталкивается с проблемами, связанными с незнанием юридических основ этой сферы, навыков коммуникации в коллективе и т.д. Также, обучаясь, студентам присуща «свобода от», испытывая потребность по разным причинам во вторичной трудовой занятости, им присущи чувства «ненужности» и «одиночества». Устраиваясь на работу, появляется «свобода для», позволяющая студенческой молодежи развивать себя творчески и свой внутренний мир. Исходя из представлений о свободе Э. Фромма, вторичная занятость студенческой молодежи представляется как «свобода для», способствующая формированию их внутреннего «Я» и развитию творческого потенциала.

Таким образом, данной статье раскрываются социально-философские идеи, которые необходимы для целостного, системного, структурного и сущностного анализа вторичной занятости студенческой молодежи. На основе анализа концепций К. Ясперса, Э. Фромма, М. Вебера, С. Л. Рубинштейна, Дж. Ролза, В. В. Парцвания, вторичная занятость рассмотрена через понятия: «свобода», «свободное время», «чувство собственного достоинства», «социальный характер», «социальное действие» и т.д., также выделены основные характеристики вторичной занятости студенческой молодежи. Социально-философское осмысление вторичной занятости студенческой молодежи позволяет констатировать, что вторичная занятость является целостным явлением, при этом структура данного феномена сложна и разнообразна. Это явление может изучаться следующим образом:

– процесс, направленный на удовлетворение основных потребностей студентов, к которым относятся: желание иметь собственный заработок; стремление получить необходимый опыт; стремление обеспечить себе средства к существованию; деятельность, имеющая такие планы, после окончания учебного заведения, как: устройство по специальности или более престижную работу, вторичная занятость утрачивает свое назначение; совмещение двух видов и более трудовой деятельности; вторичная занятость переходит в форму основной трудовой занятости (К. Ясперс);

– процесс формирования определенной позиции студентов в обществе, связанный с развитием социального характера; способ обретения студенческой молодежью финансовой независимости (свободы) от родителей и стипендий; деятельность, мотивация которой связана с потреблением материальных благ и услуг, и тем, что ценно в обществе на современном этапе (Г. Зиммель);

– социальное действие, затрагивающее других людей и обусловленное их поведением; процесс, в ходе которого на студенческую молодежь распространяется добродетель труда как на представителей интеллектуальной элиты и класса предпринимателей (самозанятые студенты) (М. Вебер);

– деятельность субъекта (студенческой молодежи), направленная на объект (индивиды); деятельность, сознательно регулируемая сознательно действующим активным субъектом; деятельность субъекта, возникающая в процессе обучения, самосознания, бытия и взаимодействия (С. Л. Рубинштейн);

– источник программы студенческой молодежи по улучшению их жизни и уверенности в своих силах на совмещение обучения и работы (Дж. Ролз);

– деятельность, осуществляемая в свободное от учебы время (свободное от принуждений), свободным человеком (свободным от принуждений) (В. В. Парцвания).

Заключение

Сделанный социально-философский анализ данного явления демонстрирует, что на сегодняшний момент есть большое количество объяснений вторичной занятости студенческой молодежи. Все они раскрывают определенные аспекты данного явления. В широком значении вторичную занятость студенческой молодежи с позиции социально-философского осмысления можно определить как деятельность активного субъекта (студенческой молодежи), направленную на улучшение жизни и бытия студентов. Вторичная занятость студенческой молодежи в рамках социально-философского знания трактуется, с одной стороны, как средство развития и реализации творческого потенциала студентов в процессе совмещения обучения и работы, с другой стороны, как способ получения экономической независимости (свободы) от родителей и стипендий через совмещение обучения и работы.

Проведенный социально-философский анализ вторичной занятости студенческой молодежи позволил раскрыть сущность и содержание вторичной занятости студентов, их уровень притязаний и способы становления качественно новых будущих профессионалов.

Библиография

1. Апокин А.Ю. Анализ студенческой занятости в контексте российского рынка труда // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 98-110.
2. Кавтарадзе О. Трансформация смыслов свободы: от античности до современности // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Том 6. № 5. С. 1003-1005.
3. Категория субъекта. URL: https://knigi.link/pedagogicheskaya-psihologiya-uchebniki/kategoriya-subyekta-19224.html.
4. Лясников Н. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ljasnikov/_DuhKult_2_2_1.php.
5. Онькова А.В. Феномен вторичной занятости современной российской студенческой молодежи // Научный альманах. 2017. №7-2. С. 192-197.
6. Парцвания В.В. Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник философских статей. Санкт-Петербург: Издательство «Петрополис», 2001. С.262-273.
7. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та,1995. С. 68
8. Рябова М.А. Вторичная занятость студента как социальное явление в условиях перехода к рыночной экономике // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3466–3470.
9. Социальное действие по М. Веберу [Электронный ресурс]. URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnoe-deystvie-po-veberu.html. (дата обращения: 24.11.2017).
10. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2005. С. 142–143.
11. Щербакова Е.В. Исследование мотивов вторичной занятости студентов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. №3. С. 209-212.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 123.

Secondary employment of students in the context of social and philosophical knowledge

Svetlana A. Mikhailovskaya

Senior lecturer, Department of sociology,
Trans-Baikal State University,
672000, 129, Babushkina st., Chita, Russian Federation;
e-mail: alecru77@mail.ru

Abstract

The article presents a socio-philosophical analysis of secondary employment of students. Shown are ideas related to this topic by prominent philosophers such as K. Jaspers, E. Fromm, M. Weber, S. L. Rubinstein, J. Rawls, V. V. Partsvania. Secondary employment is considered through the concepts: «freedom», «free time», «self-esteem», «social character», «social action», etc., also highlights the main characteristics of secondary employment of students. Socio-philosophical understanding of secondary employment of students makes it possible to state that secondary employment is a holistic phenomenon, while the structure of this phenomenon is complex and diverse.

The socio-philosophical analysis of this phenomenon shows that at the moment there are a large number of explanations for the secondary employment of students. All of them reveal certain aspects of this phenomenon: the satisfaction of basic needs; livelihood security; the formation of a certain position in society; gaining financial independence; life improvement.

Secondary employment of student youth is presented to us as the activity of an active subject (student youth), as a means of developing the creative potential of students, and as a way of obtaining freedom from coercion. All this allowed to reveal the essence, content of secondary employment of students and identify future professionals in a new capacity.

For citation

Mikhaylovskaya S.A. (2018) Vtorichnaya zanyatost' studencheskoy molodezhi v kontekste sotsial'no-filosofskogo znaniya [Secondary employment of students in the context of social and philosophical knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 161-168.

Keyword

Students, student youth, employment, secondary employment.

References

1. Apokin A.Yu. Analysis of student employment in the context of the Russian labor market // Questions of economy. 2008. No. 6. P. 98-110.
2. Category of the subject. URL: https://knigi.link/pedagogicheskaya-psihologiya-uchebniki/kategoriya-subyekta-19224.html.
3. Fromm E. Healthy society. M., 2005. pp. 142–143.
4. Jaspers K. Meaning and purpose of history. M., 1991. S. 123.
5. Kavtaradze O. Transformation of the meanings of freedom: from antiquity to modernity // The Bulletin of medical Internet conferences. 2016. Vol. 6. No. 5. P. 1003-1005.
6. Lyasnikov N. Socio-economic conditions of the formation of the spiritual culture of students. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ljasnikov/_DuhKult_2_2_1.php.
7. Onkova A.V. The phenomenon of secondary employment of modern Russian students // Scientific almanac. 2017. №7-2. Pp. 192-197.
8. Partsva V.V. Philosophy of Labor // The alienation of man in the perspective of globalization of the world. Collection of philosophical articles. St. Petersburg: Petropolis Publishing House, 2001. C.262-273.
9. Rolls J. Theory of Justice. Novosibirsk: Publishing house Novosib.un-that, 1995. Pp. 68
10. Ryabova M.A. Secondary employment of a student as a social phenomenon in the conditions of transition to a market economy // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2017. V. 39. P. 3466–3470.
11. Shcherbakova E.V. Study of the motives of secondary employment of students // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2015. № 3. Pp. 209-212.
12. Social action by M. Weber [Electronic resource]. URL: http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnoe-deystvie-po-veberu.html. (the date of the appeal: November 24, 2017).

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

UDC 321

Social geography with geopolitics fundamentals: Modern trend of development in conditions of global state and corporate confrontation

Sergei A. Sabanin

PhD in Geography, Associate Professor,
Social Geography and Management of Natural Resources Department,
Tyumen State University,
625003, 6, Volodarskogo st., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: sabanin_century@mail.ru

Abstract

The content of this scientific article interprets issues of synergy strategy in the study of social geography of dispersive systems, first of all, territorial social –economics systems (TSES). Main rules and principles of synergy approach, developed by Russian and foreign geographers, politicians, philosophers and economists. At present a methodologic approach of modern foreign economists to problems of building of MEM and forecasting of the "future" of TSES deserves attention of social geography. According to such approach economic and other quantitative values of TSES may be "divided" into subsets of fast and slow variables. Such division is available in earlier attempts to dynamically analyze economy. One of the weightiest conclusions is that in proposed subdivisions of subsystems into fast and slow subsystems one can achieve predictability of their behavior, which in other way must be acknowledged as unpredictable and/or random. Moreover, synergetic method shows that variables influencing variables of decade may become an instrument of global strategic policy. Majority of such variables are referred to slow, and, consequently, may be considered as parameters of world order in evolution of TSES of different taxonomic layer. The latter automatically means that these variables influence taking of strategic decisions and are important instrument of methodology of social geography and geopolitics, oriented towards modeling of "future" of complex TSES of various taxominic layer –in time, space and/or Universe.

For citation

Sabanin S.A. (2018) Obshchestvennaya geografiya s osnovami geopolitiki: Sovremennyy trend razvitiya v usloviyakh global'nogo gosudarstvennogo i korporativnogo protivostoyaniya [Social geography with geopolitics fundamentals: Modern trend of development in conditions of global state and corporate confrontation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 169-175.

Keywords

Social geography, territorial social-economics system (TSES), dispersive system, synergy, bifurcation point, simulation of human civilization future.

Introduction

Modelling of an object of research and relative theoretic composition of "polymer" models is based on the category "future". In our opinion and in the opinion of Professor of Berlin University Werner Ebeling [Boulding, 1969], when development of inter-civilization is in global crisis, utilizing of category "future" in geographic and/or geopolitical, historic, philosophic, economics studies, objective essence, must be relevant to objective scientific notation and realistic scientific-methodological approaches during models development of territorial social – economic system (TSES).

In case when dynamic model TSES consist of a single or several system building elements which are supposed to induce changing of an object, it will very simple to forecast its "future" state. In case when a single object of research is under the influence of multiple factors – distribution in time and space, forecasting of the "future" of the object becomes a more complicated task. In this, however, if object of simulating itself is a complex system, forecasting of the "future" will be a very difficult task. At the modern stage of history of development of international human civilization, at the time of changing of the world with growing speed, modeling of the "future" of the complicated territorial social – economics systems become an important administrative, scientific, corporation business and state policy task.

Main Part

From the point of view of social geography and geopolitics simulating of "future" TSES – this will be creation and development of universal theory in the system of geographic knowledge with focus on methodology of synergy with taking into account of: 1. An analysis of quantitative and qualitative changes of the object in the past; 2. Defining of trends of its development in the present; 3. Building of alternative model of possible changes of the object under study in the future; 4. Objectives and tasks of creation of such kind of future, which human society desires and deserves.

Mikhail Dmitrievich Sharygin a famous Russian geographer, Doctor of Science, Professor of Perm State University considers enrichment of its scientific methods and methodology as an important development path of modern social geography and, first of all, by creative concept of building of mathematical economics models (MEM) and synergetic approach, reflecting all realities of modern world, idea of survival and self-preservation of human civilization [Sharygin, 2007].

Many scientists of the countries of the world and Russia did scientific research of problems of creation of the «future» of human civilization, among them Hermann Haken – Germanic physicist, Ilya Prigogine – Belgian thinker, Roger Penrose – American mathematician and many others.

Many schools of thought are known which practiced future studies on the basis of scientific methods. The most famous of them is a school of constructivism. The founders of this school are Berkeley, Vico and Heraclitus. Berkeley believes that only a content of consciousness is available for a self, that is why it can only state his being; Vico states that rational knowledge does not involve what exists in real world, but it is limited to world of experience which is created by a man; Heraclitus declares that a man creates his surroundings and by doing so he changes himself. Hence there is a well-known formula, "esse est percipi" or «To be means to be perceived».

Fundamentally in the differences of presentation of "future" of human civilization for many scientific schools there exists an infinite circle of mutual determination of the type: "self-non self" and/or "subject-non self". However, in progressive schools "future" is always appreciated as a consequence of taken decisions and timely actions.

Philosophy of synergy states that human social activity has natural limitations in the form of individual evolution paths of TSES or structural attractors, which are defined by internal properties of dynamic systems themselves, surrounding worlds and/or Universe. In synergetic relation "self – non self" that self of perception constructs surrounding and social world with certain attitudes. It is not by change that Hermann Haken Professor of the University of Stuttgart names such synergetic view as a "constructionistic realism" [Haken, 1991].

In traditional world science linearity and closed nature of all real systems are the basic tenets of research. Until present this was convenient and therefore adopted in the established methodology of scientific research. Scientist researcher was reasoning that, if TSES under consideration can be analyzed from the point of view of natural development of historic events, it means that this TSES is "true", if not, this TSES is random. Actually evolutionary processes occur "by method of trial and errors», wherein only a few from described plenty of attempts to change the status of one or other target object have a positive result, by means of what evolution does happen. Therefore, in "our world" evolution of non-linear complicated territorial social – economics systems and natural systems is essentially random. For a long time, scientists did not pay attention to this fact and disregarded many small fluctuations, naming them randomness. Most regrettably, dissipative systems in geographic space open non-linear structures.

Role of chaos in evolution of non-linear and complicated TSES is re-evaluated by synergetic model of the modern social geography, because synthesis of geographic knowledge shows a diversity of random and hidden potential of small fluctuations and/or randomness. Therefore, it is correct to say, that chaos is not always a vice, but in all cases small and occasional is an unessential factor of development of TSES [Sabanin, 2009]. When and which of randomness, fluctuation and/or chaos on macro-, meso-, micro-, plane will have a chance to revolutionize and determine a direction of evolution of system building structures, natural or social pattern? A synergetic model of social geography and geopolics is able to give a specific and constructive answer to the question mentioned above.

First of all, special condition of open non – linear environment is required-this is unstable status of fluctuation in time of geographic stratum and/or Universe. It shall mean sensitivity of non –linear environment to small fluctuations by aids of positive non – linear reaction. In unstable status there exists something evidencing the relation of micro- and macro scales. In such conditions small disturbances define macro model of being and type of macro economy, and minor and random have a direct exit to surrounding macro world.

World view, which is based in classic science envisage that all processes in closed systems go in time to the most probable status even after when Sir Roger Penrose a Professor of the University of Oxford calls for necessity to remember that "the second law of thermodynamics is not an equality, but inequality", when there exists a quantity-related value called "entropy" of an isolated system, which serves as a measure of random or/and randomness of the given system and constantly rises relating to its values of preceding point of time [Penrose, 2013]. One of such key categories in synergetic is a "bifurcation point" or "path dependence", fixing the moment of entering into unstable state relatively to fluctuations.

Forecasting of TSES on the basis of principles of synergetic may be and must be done taking onto account development of mathematical economic modelling. By the provision of world experience on modelling of complex TSES of different nature in the world concepts of hierarchy of simplified models including hierarchy of eight levels for dynamic TSES of American economist Kenneth Boulding [Boulding, 1969]. Model of Maltus may be referred to such MEM models as well [Maltus, 2012].

MEM of dissipative systems, describing non-linear processes, is an important path of development of methods and methodologic base of modern social geography in the study of problems of evolution of TSES. A drastic difference of dissipative systems from conservative systems is that in the first systems exit to attractors is possible, meaning that many points in phase stratum of dynamic system which TSES evolution path is striving to. If the path has gone quite close to attractor, then, with the time, it cannot leave attractor's "field" and will approach to it closer and closer, in other words there will be observed effect of "attraction" to attractor. Attractor is an extremum path in geographic stratum and/or Universe which evolution of dissipative TSES is striving to.

Mathematical apparatus of modelling of dissipative systems has an essential difference from methods of building of conservative systems. Mathematic models which describe qualitative characters of TSES "convey" dissipative systems' behavior at variable parameters. A change of any of parameters of TSES may result in critical and/or bifurcation statuses, defining its future, quantitative and qualitative changes of its structure. Hence, forecasting of definite qualitative status of dissipative territorial social-economics system today may be done by way of variant modelling of values of its structural parameters. Objective of qualitative research of transformations and "future" of TSES is in description of scenario of possible bifurcations.

It should be noted that social geography now approaching the question of reasonable scientific forecasting in which there exists a lot of factors limiting in quantity and quality the processes and results of mathematical economics modelling, including solution of issues of regional nature management. One of the reasons of limitation of modeling is related to possibility in principle of modern electronic calculating machines. For example, if path system fills some field of phase space that it is impossible to forecast such path on electronic calculating machines as per path because calculating machines have digit capacity. All formulas are converted into digits, for example, system of partial differential equations by means of digitalization is derived into system of equations in ordinary derivatives and after that will be calculation. But in writing of system of ordinary derivatives it is supposed that some part of coordinates is contiguous, meaning that one part is discrete and the other part remains contiguous. Contiguous coordinates are not available in calculating machines, all of them are discrete. There exists finite collection of point there exists in each point of time, where a system can get in meaning that, there cannot be a non-periodic movement. Only distributions can be modeled, but not each path of moving of TSES separately.

In geographic research system building elements shall be principles of forming of complex evolution unity from parts and building of various kinds of TSES structures from simple elements. In non-linear world super position principle is prone to dislocate: a sum of quotient solutions is not a solution of formula. And here, «an integral shall not make a sum of its constituting parts». Quantitatively, it is neither less, no more than its constituents, but qualitatively –it is another in comparison with parts that are includes in it.

Within the frame of theoretical and practical research by V.V. Leontiev [Leontief, 1997], G. Fridman [Fridman, 2010], V.B. Zang [Zang, 1999], and others – because of synergetic method it was proved that arrangement of configuration of evolutional structure of TSES is informative. The time in such structure is "released". It means that different time periods of evolutional structure of TSES are given in convergent form –are extended and withheld at the same time. Information about evolution of "the past" and "the future" of such structure can be derived by analyzing synchronous section of dynamic TSES at present moment of time.

Some fragments and/or space domains of TSES structure show quality of the "past" of evolution of structure as a whole and others fragments and/or geographic fields show character of it "future"

development. Figuratively speaking, a complex structure of TSES may be assumed as “space pattern” of various discrete, secreted evolution stages of development of such structure.

Synergetic method of analysis and modeling of dynamic TSES provides new possibilities in long term geographic forecast, which is in building of MEM of one or another solution, including administrative and/or management solution, with subsequent exit to analysis of synchronous section of obtained TSES structure. Thus, we get a possibility of definite and/or apriori verification of feasibility of taking of a solution or of a group of solutions.

At present a methodologic approach of modern foreign economists to problems of building of MEM and forecasting of the “future” of TSES deserves attention of social geography. According to such approach economic and other quantitative values of TSES may be “divided” into subsets of fast and slow variables. Such division is available in earlier attempts to dynamically analyze economy. The same attempts did Alfred Marshall in 19th century [Marshall, 1993] and Paul Anthony Samuelson in 20th century [Samuelson, 2002]. However, did not suppose precise solution of raised questions, and synergetic paradigm shows the way how system building methods are working in dynamic analysis of the most important questions of development of countries and regions of the world.

Conclusion

One of the weightiest conclusions is that in proposed subdivisions of subsystems into fast and slow subsystems one can achieve predictability of their behavior, which in other way must be acknowledged as unpredictable and/or random. Moreover, synergetic method shows that variables influencing variables of decade may become an instrument of global strategic policy. Majority of such variables are referred to slow, and, consequently, may be considered as parameters of world order in evolution of TSES of different taxonomic layer. The latter automatically means that these variables influence taking of strategic decisions and are important instrument of methodology of social geography and geopolitics, oriented towards modeling of “future” of complex TSES of various taxominic layer –in time, space and/or Universe.

References

1. Boulding K. (1969) *Obshchaya teoriya system* [The general theory of systems]. Moscow: Nauka Publ.
2. Ebeling W. (2004) *Samoorganizatsiya – global'nye strategii oformleniya budushchego* [Self-organization: Global strategies for the design of the future]. Moscow: Nauka Publ.
3. Friedman G. (2010) *Sleduyushchie 100 let: Prognoz sobytii XXI veka* [Next 100 years: Forecast of events of the XXI century]. Moscow: Eksmo Publ.
4. Haken G. (1991) *Informatsiya i samoorganizatsiya. Makroskopicheskii podkhod k slozhnym yavleniyam* [Information and self-organization. Macroscopic approach to complex phenomena]. Moscow: Mir Publ.
5. Leont'ev V.V. (1997) *Mezhotraslevaya ekonomika* [Inter-sectoral economy]. Moscow.
6. Malthus T.R. (2014) *Opyt o zakone narodonaseleniya* [Experience about the law of population]. Moscow: Direkt-Media Publ.
7. Marshall A. (1993) *Printsipy ekonomicheskoi nauki* [Principles of economics]. Moscow.
8. Penrose R. (2013) *Tsikly vremeni* [Cycles of time]. Moscow.
9. Sabanin S. (2009) Sinergeticheskaya paradigma kategorii budushchego v strategii razvitiya slozhnykh obshchestvennykh sistem [Synergetic paradigm of the category of the future in the development strategy of complex social systems]. *Vestnik Tyumenskogo Universiteta* [Bulletin of the Tyumen University], 3, pp. 77-83.
10. Samuelson P. (2002) *Osnovaniya ekonomicheskogo analiza* [Foundations of economic analysis]. SPb., 2002. 604 s.
11. Sharygin M.D. (2007) Sovremennye problemy territorial'noi organizatsii rossiiskogo obshchestva [Modern problems of the territorial organization of the Russian society]. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Russian Geographical Society], 139, 1, pp. 30-36.
12. Zang V.B. (1999) *Sinergeticheskaya ekonomika* [Synergetic economy]. Moscow: Mir Publ.

Общественная география с основами геополитики: Современный тренд развития в условиях глобального государственного и корпоративного противостояния

Сабанин Сергей Анатольевич

Кандидат географических наук,
доцент кафедры социально-экономической географии и природопользования,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: sabanin_century@mail.ru

Аннотация

Материал научной статьи интерпретирует вопросы синергетической стратегии в исследованиях общественной географии диссипативных систем, прежде всего, территориальных социально-экономических систем (ТСЭС). Раскрываются основные закономерности и принципы синергетического подхода, разработанные российскими и зарубежными географами, политиками, философами и экономистами. Один из самых важных выводов исследования заключается в том, что при делении подсистем на быстрые и медленные можно добиться предсказуемости их поведения, которое иначе должно быть признано непредсказуемым и/или случайным. Более того, синергетический метод показывает, что некоторые переменные могут стать инструментом для глобальной стратегической политики. Большинство таких переменных относятся к медленным. Эти переменные влияют на принятие стратегических решений и являются важным инструментом методологии социальной географии и геополитики, ориентированным на моделирование «будущего» во времени и пространстве.

Для цитирования в научных исследованиях

Сабанин С.А. Общественная география с основами геополитики: Современный тренд развития в условиях глобального государственного и корпоративного противостояния // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 169-175.

Ключевые слова

Общественная география, территориальная социально-экономическая система (ТСЭС), диссипативная система, синергетика, точка бифуркации, моделирование «будущего» человеческой цивилизации.

Библиография

1. Боулдинг К. Общая теория систем. М.: Наука, 1969. 520 с.
2. Занг В.Б. Синергетическая экономика. М.: Мир, 1999. 335 с.
3. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. М., 1997. 480 с.
4. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. М.: Директ-Медиа, 2014. 204 с.
5. Маршал А. Принципы экономической науки. М., 1993. 312 с.
6. Пенроуз Р. Циклы времени. М., 2013. 336 с.
7. Сабанин С. Синергетическая парадигма категории будущего в стратегии развития сложных общественных систем // Вестник Тюменского Университета. 2009. №3. С. 77-83.

8. Самуэльсон П. Основания экономического анализа. СПб., 2002. 604 с.
9. Фридман Дж. Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. 336 с.
10. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. М.: Мир, 1991. 240 с.
11. Шарыгин М.Д. Современные проблемы территориальной организации российского общества // Известия русского географического общества. 2007. Том 139. № 1. С. 30-36.
12. Эбелинг В. Самоорганизация – глобальные стратегии оформления будущего. М.: Наука, 2004. С. 453-461.

УДК 01

Индустриальное общество и формирование контекста новоевропейского капитализма: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье осуществляется социально-философский анализ формирования контекста генезиса капитализма в эпоху Нового времени. Автор обращается к детерминантам социального развития, определяя технику как одну из таковых. Определяется сущность индустриального общества. Рассматриваются философские и научные основания трансформации европейских государств от средневековых к нововременным. Установлены взаимосвязи между развитием социума, эпистемологией, наукой и техникой. Обращается внимание на изменение мировоззрения, затронувшее и этические установки населения. В заключение задается вектор будущих социально-философских исследований, направленных на изучение становления и последующего функционирования нововременных политических и правовых институтов, что, по мнению автора, представляет актуальность за счет длительности, неравномерности и сложности процессов становления в европейских странах индустриального типа общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н. Индустриальное общество и формирование контекста новоевропейского капитализма: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 176-184.

Ключевые слова

Индустриальное общество, Новое время, социальный контекст, капитализм, техника, эпистемология.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Современная философия актуализирует не только новые направления, но и не допускает игнорирования своих «вечных вопросов», одним из которых является проблема человека и общества. Она определяет существование человека, набор свойств, которыми не только обладает индивид, находясь в конкретном обществе, но и сами параметры, составляющие «контекст» того или иного социума.

Одним из философских концептов постижения развития общества является идея о том, что социальное развитие детерминируется техникой. К примеру, в концепции общественно-экономических формаций К. Маркса утверждается, что смена стадий развития общества объясняется революционным скачком в системе отношений по поводу собственности. Такие отношения содержатся в каждой из формаций, структурными элементами которой являются базис и надстройка. Базис также имеет определенную структуру, в которую входят производственные отношения и производительные силы – люди, занятые в процессе всевозможных (в частности – материальных) благ и услуг и технические средства, используемые в процессе такого производства [Тёкеи, 1975]. Это является лишь одним из подтверждений вывода о том, что технические средства оказывают существенное влияние на социальное развитие.

Основная часть

Одним из уровней социального развития выступает индустриальное общество, где, на наш взгляд, в процесс перехода на качественно новую стадию наиболее ярко отразилась не только детерминация техническим прогрессом, но и комплексом других факторов. Мы связываем начало формирования предпосылок общества индустриального типа с соответствующим преодолением феодальных обществ собственной локализации «в деревнях Европы», когда население передвигается в города, ставших центрами жизни в эпоху Нового Времени [Самарская, 2011]. Соглашаемся с С.Б. Лугвиным, что «важным импульсом, активизировавших процессы социально-политической трансформации, стало европейское Возрождение, которое отказалось от прежних мистических представлений о месте человека в мире и стало рассматривать его исключительно в земном, реальном измерении» [Лугвин, 2012, 132]. Само «индустриальное общество», вне сомнения, находится в синкретизме с такими социально-экономическими явлениями как промышленные революции и появлением машин на производстве, разделением труда, резкой поляризацией доходов [Нуреев, 2012]. Наиболее универсальным, на наш взгляд, является определение «индустриального общества» В.Н. Гончаровым, под которым понимается «общество, основанное на развитии крупного промышленного производства, формирующее соответствующие модели рынка, науки и культуры. Для индустриального общества характерна ориентация людей на постоянно возрастающие объемы производства, потребления, знания» [Гончаров, 2015, 151-152].

Многовекторная эволюция ряда государств привела способствовала генезису альтернативных способов постижения вопроса о социальном развитии, представив в «интеллектуальном меню» концепции «постиндустриального» общества. Их суть несколько обобщенно можно свести к тому, что трансформация социального постигается через техническое переоснащение общества [Ноеу, 2015]. Исследователь Г.Ш. Ишмаев считает, что «за последние десятилетия заметно увеличилось число публикаций, предсказывающих приход

нового социально-экономического порядка. Большая часть таких прогнозов основывается на возрастающей значимости информационных технологий и Интернета… Технологический детерминизм, то есть убеждение, что технология играет основополагающую роль в эволюции общества, до сих пор остается ключевым методологическим принципом многих западных социальных теорий» [Ишмаев, 2007, 21]. Мы видим, что в концепции постиндустриального общества утверждается, что формируются новые основания управления экономикой в частности и всем обществом в целом. Так, если в индустриальном обществе таким основанием экономической сферы является тяжелая промышленность и заводы, то в постиндустриальном обществе – это прогресс в области информационных технологий [Пирютко, 2013, 22].

Вместе с этим необходимо обратить внимание на следующий факт. В приведенных концепциях утверждается, что «индустриальное общество» (капитализм как общественно-экономическая формация в концепции К. Маркса или в приведенных авторских и даже многочисленных концепциях постиндустриального общества) представляет собой определенный этап в развитии социума как такового. Здесь нам необходимо указать, что основным производственным ресурсов в индустриальном обществе является полученная различными путями энергия. Тип производственной деятельности в рамках индустриального общества охватывает изготовление, предполагающее наличие обрабатывающей промышленности, само по себе означающее, что основной ценностью становится промышленное производство. Отсюда следует, что базовые технологии носят капиталоемкий характер. То есть, получение прибыли в индустриальном обществе задает необходимость капиталовложений, направленных на формирование в первую очередь промышленности и, как следствие, создание заводских мощностей по производству какой-либо продукции.

С другой стороны, отмечаем, что указанное в начале работы развитие техники и технологий становится принципиально важным для формирования общества как такового вообще (обращаясь к истории развития техники и философии техники), а индустриальное общество – лишь частное его проявление [Pedersen, 2009]. Здесь следует сделать оговорку о существующих смысловых основаниях понятия «техника». Дело в том, что не только феномен техники, но и само понятие имеют весьма давнее происхождение, уходя корнями к древнегреческому «*techne*». К слову, уже тогда отчетливо видны различия в его трактовках. На заре античной философии под ним понимается «определенное умение», «мастерство», а также «искусство» во всем его видовом многообразии. В классический период Аристотель дефинирует *«techne»* как «определенный вид знания». Этот выдающийся античный философ «в трактате «Никомахова этика» отличал *techne* от других видов знания, в частности, от *empeireia* (опытного знания) и *episteme* (знания теоретического). *Techne* выступает как область знания, непосредственно вовлеченная в человеческую деятельность. Речь идет о таком знании, которое ранее не существовало и не может существовать само по себе, которое возникает в результате человеческой деятельности, рождается в процессе труда человека и служит достижению его прагматических целей» [Черников, 2014, 141]. Мы видим, что знание становится одним из оснований жизнедеятельности людей и тем неотъемлемым атрибутом, что на протяжении истории сопровождает человечество. В особенности философия как особая область интеллектуального взаимодействия мыслителей различных эпох, принадлежащих к различным направлениям и школам, во все времена имела прямое воздействие на осмысление и развитие фундаментальных особенностей человеческого общежития, оставаясь ведущей детерминантой в развитии социума.

В рассуждениях М.В. Черникова и Л.С. Перевозчиковой мы находим, что «техническое знание выступает как промежуточное между опытным и теоретическим видами знания. Его

специфика заключается в направленности на такие задачи, как производство, проектирование, конструирование. Техническое знание выступает как инструкция, алгоритм, средство для осуществления конкретных целей человека» [Черников, 2014, 141]. Здесь логично усмотреть специфическое понимание технического знания как особой его разновидности, используемого на практике для совершения того или иного действия. Такой вид знания сопровождает человечество с начала его возникновения в качестве умений выжить и получить определенные результаты практической деятельности. Кроме этого, развивая исходные приведенные концепции, обнаруживаем, что оно характерно и для всех марксовых общественно-экономических формаций, и для нашего видения индустриального общества, а также и для концепций, описывающих современный «постиндустриальный» социум.

Особенностью нового вида знания, которое на систематическом уровне и п(р)оявляется в индустриальную эпоху является то, что оно перестает быть в корне практически ориентированным. Оно становится теоретическим. Само «теоретическое знание» происходит от греческого «episteme», приводящее в итоге к формированию эпистемологии как собственно раздела философии и научного миропостижения. Таким образом, аристотелевское разделение знания на теоретическое и практическое в определенный момент приводит к появлению новой области познания, совершенно не связанной с использованием прикладного знания. Одновременно с этим необходимо отметить, что понятие «techne» повлекло за собой не только формирование понимания определенного вида прикладного знания. Но также благодаря нему происходит настоящий прорыв в массовом появлении техники в эпоху Нового времени, совпадающем с начальным этапом появления обществ индустриального типа в европейских государствах.

Сделаем несколько замечаний. В первую очередь, эпоха новоевропейской философии актуализирует проблему метода научного исследования, позволяющего получить истинное знание. Причем такое знание, которое люди смогли бы применять на практике. Таким образом, мы указываем на тесную связь эпистемологии с индустриальным обществом. Кроме того, через эпистемологию происходит связь индустриального общества и научного миропонимания. Сама наука, которую мыслители Нового Времени «приводили в порядок» через преодоление разрыва схоластических построений и реальности, видится мощной производительной силой, социальным институтом, радикально повлиявшим на развитие техники как одно из оснований индустриального общества [Глозман, 2005].

Если раскрывать наши утверждения более конкретно, то для начала необходимо напомнить, что важнейшим фактором появления новоевропейского мышления и философии можно считать переход от феодализма с ручным трудом как основным способом производства к капитализму, в основании которого лежит машинный, фабричный способ производства. Таким образом, для сформированности нового типа производства необходимо развитие знаний о законах и принципах устройства нового мира. Отсюда – необходимость исследования природы, а значит прямое указание на развитие естественных наук, являющихся практико-ориентированными, и результаты исследований которых непосредственно можно внедрить в процессы производства. Следствием становится феномен научной революции, позволяющий сформировать новый порядок познания мира. В результате научная революция приводит к необходимости организации в философии определенного мировоззрения, осмысления проблем истинного познания и создания и/или развития необходимых для этого методов. Проблема истинного познания заключается в появлении необходимости инвестировать в производство орудий труда и машинных механизмов надежных знаний, которые бы соответствовали действительности.

Напротив, ложное знание, помещаемое хотя бы на этапе проектирования в указанные объекты, приведет к отклонениям в их функционировании либо к полному несоответствию, требуемому в производственном процессе и нереализованности соответствующих функций. Запрос на методы познания заключается не в чем ином, как во вспомогательных средствах, направляющих познавательные возможности человека, при помощи которых он сможет получать истинное знание.

Вполне логичным является и то, что развитие технической стороны общества требует определенного интеллектуального основания для создания и обслуживания созданных технических средств. С другой стороны, очевидным представляется возможность влияния технических средств для развития собственно познавательного и научного потенциала. Из этого мы обнаруживаем взаимное влияние научной и технической сторон общественного бытия. Научная или, говоря шире – эпистемологическая, сфера оказывается под влиянием технического прогресса и наоборот, оказывает на него аналогичное влияние. Для объяснения этого тезиса необходимо отметить формы влияния науки на развитие техники и провести аналогичное действие в отношении влияния техники на развитие эпистемологии.

Укажем, что становление данной проблемы происходит в эпоху Нового времени и генезисом механистической картины мира. Главным образом, это связываем с именами Г. Галилея и его попытками дать описание движению небесных тел и И. Ньютона, сформулировавшего законы классической механики. В основе этой научной картины мира лежит математическое знание, поскольку понимание природы и наблюдаемых в ней закономерностей возможно выразить с помощью математического аппарата. В своей статье И.А. Алексеев пишет, что «схема математизации научного знания – это сведение к интерпретации математических теорий через понятия содержательной теории, или выявляя закономерности, фиксируя и описывая отношения реальности, осуществляется построение с помощью математических методов, содержательной теории. Классическим примером может служить механика. Закономерности механики и математики структурно тождественны, что позволяет записывать их с помощью математических функций» [Алексеев, 2008, 3]. Понятно, что развитие математики началось задолго до формирования эпохи Нового времени еще в Древнем Египте, тем не менее, необходимость в математических знаниях для описания природных явлений стала актуальной только в новоевропейской культуре. Так или иначе, математизация механики была бы несостоятельной без предложенного в эту эпоху аппарата математического анализа, а также в случае игнорирования логического определения основных понятий физики. В конечном счете, математизация знаний в эпоху Нового времени привела к формированию некоторых технических новинок. Мы видим, что развитие эпистемологии в лице математизации новоевропейской науки способствует общетехническому развитию индустриального общества. Развитие технической стороны социума влечет за собой последующее развитие социально-гуманитарных наук, оказавших влияние и на эпистемологию.

Теоретическое знание составило то «ядро», вокруг которого появляется новый социальный контекст: наблюдается экономический рост, наука приводит к появлению передовых для своего времени технологий, способствуя также оформлению новых отраслей хозяйства, что позитивно сказывается на занятости и усложняет не только социальные связи, но и предлагает качественно иную стратификацию.

Продолжая постижение индустриального общества, отметим, что характер производственных отношений указывает на их проявление в реальном секторе европейских экономик с ярко выраженным преобладанием сфер материального производства [Красникова,

2018]. Далее отмечаем, что индустриализация европейских обществ в период нововременной философии наука стала ориентироваться на практическую пользу. Она стала основанием для производительной силы общества, поскольку инженерная деятельность позволила целенаправленно внедрять результаты научных открытий в производство. В результате начиная с эпохи Нового времени и вплоть до современности формируется огромное количество изобретений, существенно позволивших облегчить человеческое существование.

Наука и эпистемология как основание научного познания становятся не просто основанием для поиска решения конкретных производственных задач или коммерческих расчетов – прежде всего прибыли, которую может дать внедрение в него технологических достижений. Наука и ее основания оказываются фактором, который мощнейшим образом влияет на все сферы общественной жизни, во многом определяя ее развитие. Одной из особенностей современного статуса науки является изменение ее образа. Это касается не столько критики предшествующей науки, сколько того, что научное знание становится открытым, опытно проверяемым и доступным любому человеку. Отныне оно не является результатом прозрений того или иного мага, оно становится результатом исследований и экспериментов обученных людей [Заверкин, 2011, 302]. Эксперимент становится основанием познания объективно существующих законов мироздания. Раз данные науки становятся общедоступными, соответственно, наука социализируется. Это приводит к тому, что появляются академии, лаборатории, научные центры как социальные институты.

Подобный контекст не мог отразиться и на формирующемся «капиталистическом» мышлении. Деньги и обретение богатства становятся движущей силой новоевропейского человека. Как известно, уже первые буржуа отличаются предприимчивостью и творческим подходом к деятельности, а поступки и реальные действия почти окончательно нивелируют былое значение, которое придавалось ранее происхождению и статусу индивида. Таким образом, изменение коснулось и прежних этических представлений людей, переориентировав их на рационально организованную и более системную и упорядоченную деятельность, а также подчинив их духу зарождающегося капитализма, приобретшего с XVII в. необратимый характер. Одним из таких примеров подобных рационально устроенных организаций выступает «мануфактурное производство, первоначально нацеленное на обеспечение потребностей армии и престижное потребление верхов, очень скоро переориентировалось на изготовление дешевых и доступных для всех товаров, что, по мнению М. Вебера, обеспечило поворот к промышленному капитализму. Развитие мануфактурного производства сопровождалось разорением мелких производителей и широким распространением свободного наемного труда» [Лугвин, 2012, 132].

Такая позиция понимания рационального, основанная на категориях «полезность» и «целесообразность», выглядит созвучной идее античного «techne» в значении искусственному преобразованию действительности, а синтез с идеями протестантизма («истинный христианин должен целиком посвящать себя своей профессии, быть трудолюбивым и рачительным хозяином, отвергать плотские утехи и роскошь» [Лугвин, 2012, 132]) только упрочняет европейскую традицию рациональности [Лазаревич, 2014]. Эта рациональность, по мнению А.А. Лазаревич «исходит из необходимости как можно более точного постижения и воспроизведения естественной упорядоченности существующего бытия, т. е. разумно устроенного мира» [Лазаревич, www].

Индустриальное общество становится ответом на вызов того времени, которое оказалось связанным с «исчерпанием ресурсов экстенсивной аграрной экономики и потребностью

перехода к хозяйству интенсивного типа» [Лугвин, 2012, 131], утверждая качественно новый тип человеческой цивилизации. «Рост» и «прогресс» – вот ключевые мифологемы идеологии индустриализации. В.Н. Гончаров отмечает, что «существенную роль в социальной организации индустриального общества играет понятие (и метафора) «машины». Следствием реализации представлений о машине оказывается экстенсивное развитие производства, а также «механизация» общественных связей, отношений человека с природой» [Гончаров, 2015, 152]. Сформировавшаяся индустриальная цивилизация сделала «индустриализм» в качестве особой формы поведения на долгие годы, став общим маркером «западных обществ, имеющих различные смыслы и содержание. В период своего становления и развития индустриальный тип общества представляет собой арену классовой борьбы и капитализации отношений». Очевидно, что «борьба» приводит к потере целостности, поэтому логично проявить некоторый скепсис к временной длительности индустриального общества» [Касумов, 2011, 6]. Однако Т.К. Касумов развеивает возникшие сомнения, аргументируя, что сохранение целостности общества «обеспечивается неким технологическим универсумом и развивающимся противостоянием классовых сил» [Касумов, 2011, 6].

Подведем итоги работы. Итак, эпистемология, к которой мы обращались в процессе настоящего исследования, выступает инструментом, раскрывающим «индустриальное общество» как, своего рода, новый уровень социальной реальности, ориентированный на синкретизм богатства, познания и роста промышленности с использованием машин. Однако социально-философские осмысления этой реальности сталкиваются с впервые открывшейся сложностью такого социума. Особенно актуальным нам представляется изучение особенностей оформления и последующего функционирования политических и правовых институтов, обеспечивающих управление обществом и поддержания социального порядка. Поэтому длительные трансформации средневековой Европы в государства индустриального типа призывают к детальному изучению политических и правовых институтов в каждой из стран ввиду неравномерности перехода к промышленному капитализму, как в пространстве, так и во времени, что, безусловно, определяет целую панораму будущих исследований.

Библиография

1. Алексеев И.А. Проблема математизации научного знания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 3-8.
2. Глозман А.Б. Техника и наука в их историческом взаимодействии // Философия и общество. – 2005. – № 4 (41). – С. 142-157.
3. Гончаров В.Н. Современные концепции общества: философский анализ // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 16. – С. 151-155.
4. Заверкин А.Н. Взаимосвязь науки и производства // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2011. – № 4. – С. 301-306.
5. Ишмаев Г.Ш. Концепции постиндустриального общества: опыт систематизации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 17. – С. 21-29.
6. Касумов Т.К. К вопросу о типологии обществ // Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 5-13.
7. Красникова Е.В. Основные этапы (стадии) в истории развития капитализма Вопросы политической экономии. – 2018. – № 1. – С. 111-123.
8. Лазаревич А.А. Трансформация идеала рациональности в современной культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/mmk_mamardashvili/08.pdf (дата обращения: 20.11.2018).
9. Лазаревич А.А. Феномен рациональности в культуре индустриального и постиндустриального общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 9 (180). – С. 27-36.

10. Лугвин С.Б. Европейская бюрократия: контекст становления // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2012. – № 4. – С. 131-144.
11. Нуреев Р.М. Становление индустриального общества и поиски богатства народов // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 180-197.
12. Пирютко Ю.А. Концепции постиндустриального и информационного общества: критическое осмысление // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №3. Том 6. – С. 22 – 32.
13. Самарская Е.А. О трансформациях масс в поздних индустриальных обществах // Философский журнал. – 2011. – № 2 (7). – С. 78-90.
14. Тёкеи Ф. К теории общественных формаций: Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. — М.: Прогресс, 1975. — 272 с.
15. Черников М.В., Перевозчикова Л.С. Техника как детерминирующий фактор развития техногенной цивилизации // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2014. – Т. 10. – № 4. – С. 141-148.
16. Hoey B.A. Postindustrial Societies International // Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). – 2015. – pp. 663-669 https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12217-2
17. Pedersen A., Hendricks V. F. A companion to the philosophy of technology. – Blackwell Publishing Ltd., 2009. – 575p.

Industrial society and modern European capitalism context formation: socio-philosophical analysis

Nikita N. Ravochkin

PhD in Philosophy,
Associate professor of Humanities and Legal Disciplines Department,
Kemerovo State Agricultural Institute,
650056, 5, Markovtseva st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract

This article carries out a socio-philosophical analysis of the formation of the context of the genesis of capitalism in the era of the New Age. The author addresses the determinants of social development, identifying technology as one of those. The essence of an industrial society is determined. The philosophical and scientific foundations of the transformation of European states from medieval to modern are considered. The relationship between the development of society, epistemology, science and technology. Attention is paid to the change in worldview that has affected the ethical attitudes of the population. In conclusion, the vector of future social and philosophical studies is set, aimed at studying the formation and subsequent functioning of modern political and legal institutions, which, according to the author, is relevant due to the duration, unevenness and complexity of the development processes of industrialized society in European countries.

For citation

Ravochkin N.N. (2018) Industrial'noye obshchestvo i formirovaniye konteksta novoyevropeyskogo kapitalizma: sotsial'no-filosofskiy analiz [Industrial society and modern European capitalism context formation: socio-philosophical analysis].*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 176-184.

Keywords

Industrial society, New time, social context, capitalism, technology, epistemology.

References

1. Alekseev I.A. Scientific knowledge mathematization problem // Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences. 2008. – № 1. – pp. 3-8.
2. Chernikov M.V., Perevozchikova L.S. About the technology and its socio-economic meaning // Bulletin of Voronezh state technical University. – 2014. – Vol. 10. – № 4. – pp. 141 – 148.
3. Glozman A.B. Technique and science in their historical interaction // Philosophy and society. – 2005. – № 4 (41). – pp. 142 – 157.
4. Goncharov V.N. Modern concepts of society: philosophical analysis // Culture. Spirituality. Society. – 2015. – № 16. – pp. 151-155.
5. Hoey B.A. Postindustrial Societies International // Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). – 2015. – pp. 663-669 https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12217-2
6. Ishmaev G.Sh. Concepts of post-industrial society: systematization experience // Chelyabinsk State University Bulletin. – 2007. – № 17. – pp. 21 – 29.
7. Kasumov T.K. On the societies typology issue // Bulletin of the Moscow State Open University. Moscow. Series: Socio-political sciences and humanities. – 2011. – № 1. – pp. 5-13.
8. Krasnikova E.V. Main stages (phases) in the history of capitalism // Questions of political economy. – 2018. – № 1. pp. 111-123.
9. Lazarevich A.A. Rationality ideal transformation in modern culture [Electronic source]. – Access mode: http://www.intelros.ru/pdf/mmk_mamardashvili/08.pdf (access date: 20.11.2018).
10. Lazarevich A.A. The phenomenon of rationality in the culture of industrial and post-industrial society // Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2014. – № 9 (180). – pp. 27-36.
11. Lugvin S.B. European Bureaucracy: the Formation Context // The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research. – 2012. – № 4. – pp. 131-144.
12. Nureev R.M. The formation of an industrial society and the search for the wealth of nations // Terra Economicus. – 2012. Vol. 10. – № 1. – pp. 180-197.
13. Pedersen A., Hendricks V. F. A companion to the philosophy of technology. – Blackwell Publishing Ltd., 2009. – 575p.
14. Pirutko Yu.A. The post-industrial and information society concepts under the critical revision // Leningrad State University Bulletin. – 2013. – №3. – Vol. 6. – pp. 22 – 32.
15. Samarskaya E.A. On Certain Aspects of the Transformation of Masses in Late Industrial Societies // The Philosophy Journal. – 2011. – № 2 (7). – pp. 78-90.
16. Tokei F. On the social formations theory: Problems of analyzing social forms in K. Marx`s theoretical heritage. — Moscow: Progress, 1975. — 272 p.
17. Zaverkin A.N. Interaction of science and production // Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University. – 2011. – № 4. – pp. 301 – 306.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 111.85: 111.81

Воображаемое в эстетике Мартина Хайдеггера

Темерева Елена Валерьевна

Соискатель,
заведующая методическим кабинетом,
кафедра «Философия и социальные коммуникации»,
Омский государственный технический университет,
644050, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 11;
e-mail: temri@mail.ru

Аннотация

В рамках предпринятой нами экспликации концептуальных дилемм в понимании природы нормы вкуса как таковой в статье рассматривается такое противостояние, как «перцепция-имагинация». Специфика последнего полюса, утверждающего ирреальность источника и основания эстетических переживаний, рассматривается нами здесь на примере творческого наследия М. Хайдеггера (в соотношении его идей со схожими мыслями Ж.-П. Сартра и, отчасти, И. Канта). Доводя до логического предела тезис последнего «природа прекрасна, если она *походит на искусство*», немецкий экзистенциалист создает онтологическую модель, в рамках которой природный объект для подлинной причастности к бытию (что аналогично обнаружению сути обозначенного объекта) нуждается в преображающем воздействии на него художественного творчества. Это оценивается нами в качестве ярчайшего примера абсолютизации конститутивной роли воображения в области нашего эстетического опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Темерева Е.В. Воображаемое в эстетике Мартина Хайдеггера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 185-191.

Ключевые слова

Основание нормы вкуса, дилемма «перцепция-имагинация», воображение как основа эстетических переживаний, истина как «несокрытое», достоверность в искусстве.

Введение

Критический анализ такого понятия, как норма вкуса, открывает множество концептуальных противостояний в понимании природы этого феномена[1]. Особым вниманием в современной эстетике пользуется вопрос о характере различных форм эстетических переживаний, которые непосредственно лежат в основаниях нашей нормы вкуса. Одно из наиболее популярных решений этого вопроса можно встретить в различных концепциях перцептуализма, согласно базовым принципам которого всякое эстетическое переживание, как таковое, может быть дано нам лишь в непосредственном чувственном восприятии. По мнению сторонников перцептуализма[2], эстетическое переживание всегда основывается на реальных свойствах объектов нашего эстетического опыта. Однако такое решение не является единственным. Различные эстетические концепции, подчеркивающие ирреальный и, прежде всего, имагинативный характер наших эстетических переживаний[3], являются концептуальными «антиподами» перцептуализма. В противоположность перцептуализму, сторонники имагинативной природы эстетических переживаний полагают, что «реальное никогда не бывает прекрасно» [Сартр, 2001, 316] (равно как и безобразно). В своей эстетической концепции Ж.-П. Сартр, в частности, пытаясь прояснить базовые принципы этой, на первый взгляд, парадоксальной эстетической концепции, рассматривает такие «составляющие» эстетического объекта (например, картины) «реальность» которых очевидна: «оставленные кистью следы, пастозность полотна, его шероховатость, нанесенный поверх красок лак и т. д. *Но все это как раз не является объектом эстетических оценок*» [Там же, 310]. Исходя из этого, французский экзистенциалист делает вывод, что любое наше эстетическое переживание не может иметь своим источником перцепцию. Реальное, как таковое, не является объектом эстетических оценок. Но тогда не уйти от вопроса: почему же тот или иной реальный объект все же вызывает эстетическое переживание[4]? Ведь вполне очевидно, что «картина представляет собой материальную вещь, в которой проявляется ирреальное, т. е. изображенный на ней (картине) объект. … художник, согласно французскому мыслителю, не реализует (на холсте ли, в звукосочетаниях ли) свой «ментальный образ», а создает «материальный аналог» при рассмотрении которого каждый может схватить этот образ» [Темерева, 2018, 142]. Согласно Ж.-П.Сартру, эстетическое переживание возникнет только и если только некоторая вполне

[1] В проблемном поле современной эстетики можно обнаружить как минимум три разные плоскости эстетического опыта, различные толкования которых образуют основные антиномии в понимании природы эстетического переживания и основанной на них нормы вкуса: объективное/субъективное, публичное/приватное, перцептивное/имагинативное [Темерева, 2018].

[2] В частности, наиболее характеристичные примеры перцептуального понимания природы эстетического переживания можно обнаружить в концепциях таких исследователей, как М. Бердсли [Бердсли, 1997] и Д. Фишер [Фишер, 1997].

[3] Нашей целью вовсе не является построение всеобъемлющей классификации классических и современных эстетических концепций. Большинство эстетических концепций трудно уложить в «прокрустово ложе» той или иной однозначной классификации. Вполне возможны ситуации, когда часть эстетического наследия какого-либо мыслителя может быть использована в качестве иллюстрации одной конкретной составляющей возможной классификации, а часть – другой.

[4] Более того, сам Ж.-П. Сартр признает, что нас может ввести в заблуждение «то реальное чувственное наслаждение, которое доставляют реальные краски холста. Например, некоторые оттенки красного цвета у Матисса могут вызвать чувственное наслаждение у того, кто смотрит на них» [Сартр, 2001, 310].

конкретная краска будет расположена на созданном художником эстетическом объекте, как составная часть некоторой совокупности ирреального, именно тогда она будет прекрасна.

Искусство как «раскрытие» «истинного лика бытия»

Из вышерассмотренного следует, что картина суть аналог, с помощью которой манифестируется совокупность объектов, которые являются ирреальными, поскольку не существуют нигде в мире, но выражаются (проявляются) на картине и заполняют ее. Такое понимание подводит нас к теоретическому ядру рассматриваемой эстетической концепции – имагинации, или воображению. Именно в сфере воображаемого «отношения цвета и формы приобретают свой подлинный смысл» [Сартр, 2001, 311], открывая себя для эстетического переживания, поскольку «*эстетический объект конституируется* и схватывается образным сознанием, которое полагает его как ирреальный» [Там же, 312]. Возвращаясь к словам Ж.-П. Сартра о «красном цвете у Матисса», приведем следующую его констатацию: «мы, несмотря ни на что, схватываем … как часть совокупности ирреального, и именно в этой совокупности он оказывается прекрасен» [Там же, 311].

Сходные рассуждения и даже в еще более радикальной форме можно обнаружить и у другого видного представителя экзистенциализма – выдающегося немецкого философа XX века Мартина Хайдеггера. Чтобы реконструировать и корректно проинтерпретировать его эстетическую концепцию в историко-философском контексте, ее необходимо поместить в контекст классической немецкой эстетики, в частности, следует напомнить о знаменитом тезисе И. Канта (исследования которого, как мы показали в статье [Темерева, 2015], стали важнейшей вехой в развитии эстетики как философской науки): «Природа прекрасна, если она в то же время походит на искусство, *а искусство может быть названо прекрасным только в том случае, если мы сознаем, что оно искусство и тем не менее кажется нам природой*» [Кант, 1966, 322]. В своей эстетической концепции М. Хайдеггер доводит до логического завершения именно этот знаменитый тезис классической эстетики – «природа прекрасна, если она *походит на искусство*». Однако при каких же именно условиях то или иное «произведение искусства» может «показаться» нам «природным объектом»? И если сам И. Кант дает на него следующий ответ: это возможно в условиях, когда указанное произведение «точно соответствует правилам, согласно которым это произведение только и может стать тем, чем оно должно быть» [Там же, 322], то М. Хайдеггер предложил принципиально новый взгляд на эту проблему. Для него любой природный объект остается таковым (т.е. собственно природным), этот объект (если не бояться парадоксов!) в полной мере еще не существует в бытии, т.к. для причастности к последнему (иначе говоря, для обнаружения своей сути) он должен быть преображен художественным творением. Последнее, таким образом, представляет собою процесс раскрытия «истинного лика бытия», иначе говоря, с помощью искусства (и одновременно «в нем»!) вещи и явления природы обретают свое подлинное существование. В докладе «Вещь», сделанном в Баварской академии изящных искусств 6 мая 1950 года «некоронованный король философии» (как называла своего учителя немецко-американский политический философ Ханна Арендт) поясняет это со свойственной ему парадоксальностью: «Чего еще ждет наш беспомощный страх, когда потрясающее уже стряслось? Потрясающее – в том, что все, что есть, вытряхнуто из своего былого существа» [Хайдеггер, 1993, 316-317], и далее: «Вещественность вещи, однако, и не заключается в ее представленной предметности, и не поддается определению через предметность предмета вообще» [Там же, 317]. Отсюда можно сделать важный для нас вывод о

том, что даже такую, казалось бы, самоочевидность, как «вещественность вещи», М. Хайдеггер связывает с ее выражением в искусстве. Чтобы пояснить эти рассуждения М. Хайдеггера, обратимся к его работе «Исток художественного творения» (1936 г.). В частности, в этой работе М. Хайдеггер, рассматривая общеизвестную ситуацию неоднократно рисовавшихся Винсентом Ван Гогом ботинок, пишет: «Только через посредство творения и только в творении дельность (это понятие предложено немецким философом в качестве «промежуточного» между *вещью* – например, теми же ботинками, и *творением* – например, их изображением на картине – Е. Т.) изделия выявилась, и выявилась особо, как таковая. Что же совершается здесь? Что творится в творении? Картина Ван Гога есть раскрытие, растворение того, что (именно на это слово падает логическое ударение этой фразы – Е. Т.) поистине есть это изделие, крестьянские башмаки» [Хайдеггер, 2008, 123]. «Исток художественного творения» стал важной вехой в развитии не только эстетических идей М. Хайдеггера, но и онтологических, поскольку именно здесь мы обнаруживаем принципиально важный тезис немецкого экзистенциалиста: путем художественного творчества «сущее вступает в несокрытость своего бытия» [Там же, 123]. Указывая, что «несокрытое» в его применении к бытию в античности называли «Алетеей», М. Хайдеггер подытоживает свои рассуждения таким образом: в художественном творчестве, «если в нем совершается раскрытие, растворение сущего для бытия его тем-то и таким-то сущим, творится совершение истины» [Там же, 123] в значении Алетеи (или Истины).

Истина как «Алетея»

Далее рассмотрим принципиально для нас важный тезис М. Хайдеггера о том, что эстетическое переживание является областью, в которой Истина нам себя открывает. Для этого обратимся к статье «О сущности истины»[5], которую немецкий экзистенциалист начинает с парадоксального утверждения о том, что «для вопроса об истине безразлично, идет ли речь в том или ином случае об – истине практического, жизненного опыта или экономического расчета; это может быть истина технического порядка, или истина, относящаяся к сфере художественного творчества» [Хайдеггер, О сущности истины, 1991, 8]. М. Хайдеггер критически оценивает классическую теорию истины: «Быть истинным, и истина означают здесь согласованность, а именно согласованность двоякого рода: с одной стороны, совпадение вещи с тем, что о ней мыслилось раньше, и с другой стороны, совпадение мыслимого в высказывании с вещью. Этот двойственный характер согласования отражает традиционное определение сущности истины: veritas est adaequatio rei et intellectus. Это может означать: Истина есть приравнение вещи к познанию» [Там же, 10-11]. Однако в рамках классической теории истины проблема «достоверности искусства» «становится плоской», т.е. сводится исключительно к тому, насколько достоверно, например, тот или иной пейзаж отражает тот или иной участок леса. Или, например, насколько достоверно известная оркестровая интермедия Н. А. Римского-Корсакова «Полет Шмеля» отражает звуки, издаваемые «настоящим» насекомым в полете.

Таким образом, проблема достоверного в искусстве рассматривается М. Хайдеггером предельно широко: «Высвобождение открывает завесу над до сих пор непостижимой сущностью свободы. Открытость поведения как внутренняя возможность для правильности

[5] По словам историка философии А. В. Койре, эта статья занимает в философском творчестве М. Хайдеггера место первостепенной важности [Койре, 1999].

имеет основу в свободе. Сущность истины есть свобода» [Там же, 15]. В этом отношении «Истина» для М. Хайдеггера будет «несокрытием бытия», а «не-Истина», соответственно, понимается как его «сокрытость»: «Сокрытость сущего в целом, т.е. подлинная не-истина, древнее, чем всякое откровение того или иного сущего. Она древнее также и самого допущения бытия, которое, раскрывая, уже скрывает и относится к скрытости» [Там же, 21]. Причем эта «не-Истина» имманентна «наличному» состоянию любого человека: «наличное бытие человека, поскольку оно наделено экзистенцией, сохраняет первейшую и самую конечную не-раскрытость, подлинную не-истину» [Там же, 21].

Эти рассуждения М. Хайдеггера дополняют и завершают тезисы его работы «Исток художественного творения». К этому лишь добавим, что речь здесь идет о той разновидности истины, которая «относится к сфере художественного творчества». И более того, именно эта разновидность истины знаменует собой максимальное преодоление «сокрытости бытия». Ведь, как мы показали, в контексте позиции М. Хайдеггера, художественный образ есть не знак, и даже не символ реальности, и уж тем более не вымышленная реальность, а особая манифестация бытия, до сих пор пребываемого сокрытым. Наиболее лаконично такое понимание художественного образа сформулировал его ученик Х.-Г. Гадамер, который во введении к работе «Исток художественного творения» указывает: «Художественное творение … (есть - Е. Т.) раскрытие, разверзание мира» [Гадамер, 1991, 109], «художественное творение ничего не подразумевает, оно не указывает на какое-то значение, подобно знаку, оно воздвигает само себя в своем бытии, принуждая созерцателя пребывать при нем» [Там же, 109]. Иначе говоря, искусство приобщает изображаемое к бытию как таковому (если речь о пейзаже, как и в нашем прошлом примере, то к истинному бытию «приобщается» нарисованный художником околок леса).

Согласно замыслу М. Хайдеггера, именно художественное творчество способно помочь человеку пережить экзистенциальный шок от «встречи с истиной бытия. Например, в одном из данных «на закате жизни» интервью (в 1969 году, за 7 лет до смерти), на вопрос: «А искусство, кажется ли оно Вам важным?» [Хайдеггер, Беседа с Хайдеггером, 1991, 158] он лаконично ответил: «Вспомните слова Ницще, которые я уже цитировал: "Нам остается искусство, чтобы не погибнуть перед истиной"» [Там же, 158]. В этом же интервью прозвучали не менее важные для нашей темы слова: на вопрос «Часто удивляются тому резкому перелому, который произошел в Вашем творчестве. Говорят даже о Хайдеггере I и Хайдеггере II. Внезапно происходит изменение стиля. Кажется, Вы покидаете бесплодную почву метафизического исследования и начинаете вопрошать поэтов: Гельдерлина, Мерике, Геббеля, Рильке, и особенно Тракля» [Там же, 154] он ответил «Я писал об этом: философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же» [Там же, 154].

Заключение

Эстетическое наследие М. Хайдеггера, таким образом, служит ярким образчиком философских концепций, рассматривающих воображаемое в качестве подлинного и единственного основания для наших эстетических переживаний. И природные объекты, и «рукотворные» вещи (как, например, вышерассмотренные «крестьянские башмаки») в качестве элементов сущего «вступают в несокрытость своего бытия» только благодаря художественному творчеству и деятельному движению нашего воображения. Именно оно открывает нам прекрасное в объектах природы, показывая нам их сходство с произведениями искусства.

Предложенное М. Хайдеггером радикальное толкование знаменитого тезиса классической немецкой эстетики «природа прекрасна, если она походит на искусство» служит наиболее яркой иллюстрацией имагинативного характера наших эстетических переживаний и конститутивной роли воображения в области нашего эстетического опыта.

Библиография

1. Бердсли М. Эстетическая точка зрения // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 155-180.
2. Гадамер Г.Г. Введение к работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения» 1967 // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 99-115.
3. Кант И. Критика суждения вкуса // Иммануил Кант. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 161-527.
4. Койре А. Философская эволюция Мартина Хайдеггера // Логос. 1999. № 10. С. 113-136.
5. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. 319 с.
6. Темерева Е.В. Роль И. Канта в становлении эстетики как философской науки // Россия и мировые тенденции развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 15-16 мая 2015 г.). Омск: Омский государственный технический университет, 2015. С. 160-167.
7. Темерева Е.В. Три дилеммы эстетики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия познание. 2018. № 4. С. 140-143.
8. Фишер Дж. Оценивание без наслаждения // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология. Екатеринбург: Деловая книга, 1997. С. 181-190.
9. Хайдеггер М. Беседа с Хайдеггером // Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 146-158.
10. Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316-326.
11. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. С. 76-237.
12. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 8-27.

Imagined in Martin Heidegger's aesthetics

Elena V. Temereva

PhD Applicant,
Head of the methodical office,
Department of Philosophy and Social Communication,
Omsk State Technical University,
644050, 11, Mira av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: temri@mail.ru

Abstract

In the framework of the explication of conceptual dilemmas undertaken by us in understanding the nature of the norm of taste as such, the article deals with such opposition as “perception and imagination”. The specificity of the last pole, which affirms the unreality of the source and basis of aesthetic experiences, is considered here by the example of M. Heidegger’s creative heritage (in the correlation of his ideas with similar thoughts of J.-P. Sartre and, partly, of I. Kant). Bringing to the logical limit Kant’s thesis that the nature is beautiful if it is similar to art, the German existentialist creates an ontological model in which the natural object for genuine involvement in being, which is similar to finding the essence of the designated object, needs a transforming effect of artistic

creativity. We evaluate this as the clearest example of the absolutization of the constitutive role of imagination in our aesthetic experience. The aesthetic heritage of M. Heidegger serves as a vivid example of philosophical concepts that regard the imaginary as the true and only basis for our aesthetic experiences. Both natural objects and “hand-made” things as elements of the reality “enter into the uncoveredness of their being” only due to artistic creativity and the active movement of our imagination. It is this that reveals to us the beautiful in the objects of nature, showing us their similarity with the works of art.

For citation

Temereva E.V. (2018) Voobrazhaemoe v estetike Martina Khaideggera [Imagined in Martin Heidegger's aesthetics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 185-191.

Keywords

The basis of the norm of taste, dilemma «perception-imagination», imagination as the basis of aesthetic experiences, truth as «uncovered» truth as «uncovered», authenticity in art.

References

1. Beardsley M. (1997) Esteticheskaya tochka zreniya [Aesthetic point of view]. In: Amerikanskaya filosofiya iskusstva: osnovnyye kontseptsii vtoroi poloviny XX veka – antiessentsializm. pertseptualizm. institutsionalizm. Antologiya [American philosophy of art: the basic concepts of the second half of the XX century – anti-essentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology]. Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ.
2. Fisher J. (1997) Otsenivaniye bez naslazhdeniya [Evaluation without pleasure]. In: Amerikanskaya filosofiya iskusstva: osnovnyye kontseptsii vtoroi poloviny XX veka – antiessentsializm. pertseptualizm. institutsionalizm. Antologiya [American philosophy of art: the basic concepts of the second half of the XX century – anti-essentialism, perceptualism, institutionalism. Anthology]. Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ.
3. Gadamer H.-G. (1991) Vvedenie k rabote M. Khaideggera «Istok khudozhestvennogo tvoreniya» 1967 [Introduction to the work of M. Heidegger "Source of artistic creation" 1967]. In: Aktualnost’ prekrasnogo [Actuality of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo Publ.
4. Heidegger M. (1991) Beseda s Khaydeggerom [Conversation with Heidegger]. In: Razgovor na proselochnoi doroge [Conversation on a Country Road]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
5. Heidegger M. (2008) Istok khudozhestvennogo tvoreniya [Source of artistic creation]. In: Istok khudozhestvennogo tvoreniya [Source of artistic creation] Moscow: Academic project Publ.
6. Heidegger M. (1991) O sushchnosti istiny [On the Essence of Truth]. In: Razgovor na proselochnoi doroge [Conversation on a Country Road]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
7. Heidegger M. (1993) Veshch [Thing]. In: Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ.
8. Kant I. (1966) Kritika suzhdeniya vkusa [Criticism of the judgment of taste]. In: Sochineniya: v 6 t. [Works: In 6 vols.]. Moscow: Mysl Publ. Vol. 5.
9. Koyre A. (1999) Filosofskaya evolyutsiya Martina Khaydeggera [Philosophical evolution of Martin Heidegger]. Logos, 10, pp. 113-136.
10. Sartre J.-P. (2001) Voobrazhaemoe. Fenomenologicheskaya psikhologiya vospriyatiya [Imaginary: Phenomenological psychology of perception]. St. Petersburg: Nauka Publ.
11. Temereva E. (2015) Rol' I. Kanta v stanovlenii estetiki kak filosofskoi nauki [The role of Kant in the development of aesthetics as a philosophical science]. In: Rossiya i mirovye tendentsii razvitiya. Materialy Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk. 15-16 maya 2015 g.) [Russia and world development trends. Materials of the All-Russian scientific-practical conference (Omsk, May 15-16, 2015)]. Omsk: Omsk State Technical University.
12. Temereva E. (2018) Tri dilemmy estetiki [Three dilemmas of aesthetics]. Sovremennaya nauka: aktual’nye problemy teorii i praktiki. Seriya poznanie [Modern science: actual problems of theory and practice. A series of knowledge], 4, pp. 140-143.

УДК 1:37

Аксиологический аспект поддержания интереса к отечественному туризму в современных реалиях

Балаева Ольга Евгеньевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Российский государственный университет физической культуры и спорта, молодежи и туризма,
105122, Российская Федерация, Москва, Сиреневый бульвар, 4;
e-mail: olga-balaeva@ mail.ru

Аннотация

Научная статья посвящена анализу основных ценностей, которыми руководствуется современный россиянин, формируя свой выбор в пользу путешествий по родной стране. В первую очередь, по полуострову Крым. В данной статье автор систематизировал результаты опроса, который был проведен весной 2018 года среди сотрудников туристических фирм, принявших участие в профильных выставках этого периода («MITT 2018», «Интурмаркет 2018»), а также посетителей «Интурмаркет 2018» – потенциальных туристов данных турфирм. Предметом данного исследования выступают ценностные установки, влияющие на формирование интереса к туризму в России. Цель данного исследования – определить наиболее характерный набор ценностных установок, который влияет на формирование стойкого интереса у россиян к путешествиям по своей стране в целом и полуострову Крым в частности. Методы исследования носят интегрированный характер. С одной стороны, используются такие характерные общенаучные методы познания, как обобщение, классификация, анализ и синтез. С другой стороны, важное место для получения достоверной аксиологической информации занимает традиционный социологический метод опроса. Его дополняет контент-анализ, который позволяет проанализировать фирмы и организации, работающие по интересующему нас направлению. Результат исследования подтвердил, что большинство опрошенных туристов не ставят на лидирующие позиции при выборе места отдыха в своей стране духовно- нравственные ценности, также они не рассматривают в прямой связи наличие у себя патриотических чувств и гражданской ответственности с возникновением желания отдохнуть в Крыму.

Для цитирования в научных исследованиях

Балаева О.Е. Аксиологический аспект поддержания интереса к отечественному туризму в современных реалиях // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 192-198.

Ключевые слова

Мораль, нравственность, профессиональная этика, прикладная этика, этические ценности.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Развитие внутреннего туризма выступает не только важным направлением успешного функционирования современной экономики любого государства, но и предполагает формирование у его граждан определенных морально-ценностных установок (патриотизм, гражданская ответственность), которые должны положительно влиять на комфортное существование человека в окружающем его социокультурном пространстве [Добреньков, Кравченко, 2017]. Таким образом, интерес к путешествиям по родной стране создает предпосылки для возникновения у личности важных ценностных ориентиров, которые, в свою очередь, реализуются в активной жизненной позиции, в умении успешно сочетать общественные и личностные субъективные предпочтения.

На основе вышесказанного автором формируется основная цель его аксиологического исследования – определить характерные ценностные установки российских туристов, которые играют наибольшую роль в формировании их интереса к регионам, изначально предполагающим высокий патриотический статус. Например, к республике Крым.

Основная часть

Для реализации данной цели автором изучается достаточно большой массив респондентов – сотрудников туристических фирм и туристов. Прикладные возможности интеграции методов современной этики с социологической исследовательской моделью позволяют ранжировать опрошенных по их предпочтениям с учетом их «привязанности» к внутреннему отечественному туризму [Биржаков, 2015; Горелов, 2007]. К этому можно добавить дополнительные возможности изучения мнения респондентов в рамках выставочного пространства, когда есть реальная возможность распознать своих потенциальных респондентов в зависимости от проявления их интереса к деятельности конкретных туристических фирм, специализирующихся на внутреннем туризме (рис. 1).

Рисунок 1 – Результаты ответа на вопрос Бывали ли Вы в Крыму?

В ходе исследования выяснилось, что около 70% опрошенных уже успели побывать в Крыму. Еще четверть респондентов указало в анкете стойкое желание там побывать в

ближайшее время, то есть среди тех, кто ни разу не были на полуострове, в три раза преобладают туристы, которые предпочитают это исправить.

Данные, полученные от респондентов-сотрудников туристических фирм, показывают, что преобладающая часть их постоянных клиентов выбирает Крым для проведения своего отдыха (85%). При этом большинство из них делает это очень часто, данное направление пользуется популярностью у 46% их туристов (рис. 2).

Рисунок 2 – Результаты ответа на вопрос Как часто Ваши постоянные клиенты выбирают для отдыха Крым?

Наиболее интересующий автора вопрос в контексте аксиологической проблематики его исследования звучал следующим образом: «Какие чувства Вы испытывали, пребывая в Крыму?». Вариантами ответов выступали: 1. Интеллектуальное удовольствие; 2. Чувство гордости за страну; 3. Заряд энергией и силой; 4. Физический и духовный отдых (рис. 3).

Рисунок 3 – Результаты отета на вопрос Какие чуства Вы испытывали, пребывая в Крыму?

Полученные данные позволяют нам сделать вывод о том, что чувство гордости за страну – не самое последнее чувство, которое испытывают отдыхающие, посещая Крым (22% респондентов выбрали именно этот вариант ответа).

С другой стороны, не стоит идеализировать и ситуацию, предполагая, что данные чувства являются приоритетными у туристов, выбирающих для своего отдыха Крым. Большее предпочтение было отдано таким вариантам ответов как: «заряд энергией и силами» 25% и «физический и духовный отдых» 32%. Поэтому можно сделать вывод, что для основного количества опрошенных традиционные ценностные установки продолжают играть ведущую роль. Им интересен Крым, в первую очередь, как оптимальное место для комфортного отдыха. Патриотические и гражданские ценностные установки усиливают их желание отдохнуть в данном регионе в последние годы, но не служат первопричиной этого выбора.

Для уточнения полученной информации респондентам-туристам был задан еще один вопрос: «Повлияло ли на Ваш выбор Крыма, как места отдыха, присоединение его к России?». (рис. 4)

Рисунок 4 – Результаты ответа на вопрос Повлияло ли на Ваш выбор Крыма, как места отдыха, присоединение его к России?

Как видно из диаграммы, преобладающая часть опрошенных туристов (64%) признает, что присоединение Крыма к России, становление его субъектом их родной страны, повлияло на их выбор. Поэтому можно утверждать, что такие ценности, как патриотизм, гражданственность, чувство принадлежности к своей стране имеют в жизни немалого количества россиян большое значение. Это касается всех сфер жизнедеятельности, в том числе распространяется на туристическую сферу, предпочтения в отдыхе.

Заключительный вопрос также был связан с выбором респондентами-туристами из предложенных вариантов наиболее приемлемых для себя аксиологических установок, которые в конечном счете и формируют их личные предпочтения при организации своего отдыха (рис. 5).

Полученные ответы показали, что первоочередное значение для половины опрошенных (50%) продолжают играть комфортные условия на отдыхе с учетом предпочтений всех членов семьи. Таким образом, эта часть респондентов указывает, что независимо от духовно-культурной составляющей окружающих реалий, для них остаются в приоритете личные и семейные ценности.

Хотя культурные интересы, желание познакомиться с историей своего родного государства и его национальными традициями (44%), с его памятными местами и достопримечательностями (39%) также играют важную роль. Эти ценности продолжают ассоциироваться с привлекательным для себя образом места для отдыха. К этому присовокупляется и тот факт, что сегодня уже у большей части соотечественников современный Крым четко ассоциируется именно с русской культурой. Поэтому поездка для них в этот регион – это возможность нового знакомства с Россией, а не с чем-либо далеким и чужим.

Рисунок 5 – Результаты ответов на вопрос Какие ценностные установки в первую очередь сыграли роль при выборе как места отдыха Крымского региона?

С другой стороны, автор видит, что комфортность, интерес к посещению природных и архитектурных достопримечательностей доминируют у туристов над причинами, связанными с патриотизмом и гражданской ответственностью. У большинства из них нечетко сформирована непосредственная связь между патриотическими, гражданскими чувствами и возникновением желания поехать на отдых в Крым. Постоянно слыша в отечественных СМИ пропагандистскую риторику, которая не выступает в противоречие с собственной мировоззренческой позицией, тем не менее, респонденты не руководствуются этими аксиологическими установками, как решающими при выборе своих туристических предпочтений.

Заключение

Проведенное автором исследование показало, что на развитие туризма в современных условиях влияют различные социально-культурные факторы: материальное положение, уровень образования, представление о комфорте, жизненные установки и ценности. При этом не стоит идеализировать ситуацию, выдавая желаемое за действительное положение дел.

Как показали результаты опроса, большинство туристов, признавая, как важные для себя ценности – патриотизм, гражданскую ответственность; при непосредственной организации отдыха для себя и своей семьи, продолжают руководствоваться традиционными установками, которые напрямую не связаны с духовно-нравственной плоскостью.

Поэтому недавнее присоединение Крыма к России влияет на их выбор, но не является доминирующим, основополагающим фактором. Это лишь для них дополнительный стимул в рассмотрении данного места в контексте своего отдыха.

Библиография

1. Биржаков М.Б. Проблемы регионального планирования туризма. Туризм в малых городах. Туристские фирмы // Невский Фонд. 2015. № 19. С. 41.
2. Горелов А.А. Этика. М.: Флинта, 2007. С. 415.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 годы.
4. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: Инфра, 2017. С. 76.
5. Кравченко А.И. Методология и методы социологических исследований. Люберцы: Юрайт, 2016. С. 828.
6. Михеева Н.А. Туризм как предмет социологии. Сб.: IV. Очередной Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». 2012. С. 6469-6473.
7. Постановление Совета министров Республики Крым «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017-2020 годы».
8. Путрик Ю.С. Современные тенденции развития туризма в России как фактор формирования патриотического сознания молодежи // Научные труды Московского государственного университета. 2015. №3. С. 69-76.
9. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)».
10. Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Value aspect of maintaining the interest to national tourism in today's reality

Ol'ga E. Balaeva

PhD in Philosophy,
Associate Professor of Philosophy and Sociology Department,
Russian State University of Physical Culture and Sport, Youth and Tourism,
105122, 4, Sirenevyi av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olga balaeva@ mail.ru

Abstract

The scientific article is devoted to the analysis of the basic values that guide the modern Russian, shaping his choice in favor of traveling around his native country; first of all, in Crimea. In this article, the author systematized the results of the survey, which was conducted in the spring of 2018 among employees of travel companies who participated in specialized exhibitions of this period, potential tourists from these travel agencies. The subject of this study is the value attitudes that influence the formation of interest in tourism in Russia. The purpose of this study is to determine the most characteristic set of value systems that influences the formation of a strong interest among Russians in traveling throughout their country in general and the Crimea peninsula in particular. On the one hand, such characteristic general scientific methods of cognition, as generalization, classification, analysis and synthesis, are used. On the other hand, the traditional sociological method of questioning occupies an important place for obtaining reliable axiological information. It is complemented by content analysis, which allows you to analyze companies and organizations working in the direction of interest to us. The result of the study confirmed that the majority of the surveyed tourists do not put spiritual and moral values in the leading position when choosing a place of rest in their country, nor do they consider in a direct relationship the patriotic feelings and civic responsibility with the appearance of a desire to rest in the Crimea.

For citation

Balaeva O.E. (2018) Aksiologicheskii aspekt podderzhaniya interesa k otechestvennomu turizmu v sovremennykh realiyakh [Value aspect of maintaining the interest to national tourism in today's reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 192-198.

Keywords

Morality, ethics, professional ethics, applied ethics, ethical values.

References

1. Birzhakov M.B. (2015) Problemy regional'nogo planirovaniya turizma. Turizm v malykh gorodakh. Turistskie firmy [Problems of regional tourism planning. Tourism in small towns. Tourist firms]. *Nevskii Fond* [Nevsky Foundation], 19, p. 41.
2. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. (2017) *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methods of sociological research]. Moscow: Infra Publ.
3. *Federal'naya tselevaya programma «Razvitie vnutrennego i v"ezdnogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011-2018 gody)»* [Federal target program "Development of domestic and inbound tourism in the Russian Federation (2011-2018)"].
4. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O prinyatii v Rossiiskuyu Federatsiyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossiiskoi federatsii novykh sub"ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya»* [Federal constitutional law "On the admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the formation within the Russian Federation of new subjects - the Republic of Crimea and the city of federal importance Sevastopol"].
5. Gorelov A.A. (2007) *Etika* [Ethics]. Moscow: Flinta Publ.
6. *Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii «Razvitie kul'tury i turizma» na 2013-2020 gody* [The state program of the Russian Federation "Development of culture and tourism" for 2013-2020].
7. Kravchenko A.I. (2016) *Metodologiya i metody sotsiologicheskikh issledovanii* [Methodology and methods of sociological research]. Lyubertsy: Yurait Publ.
8. Mikheeva N.A. (2012) Turizm kak predmet sotsiologii. [Tourism as a subject of sociology]. In: *Sb.: IV. Ocherednoi Vserossiiskii sotsiologicheskii kongress «Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie»* [Collected papers of All-Russian sociological congress "Sociology and society: global challenges and regional development"].
9. *Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym na 2017-2020 gody»* [Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea "On approval of the State program for the development of resorts and tourism in the Republic of Crimea for 2017-2020"].
10. Putrik Yu.S. (2015) Sovremennye tendentsii razvitiya turizma v Rossii kak faktor formirovaniya patrioticheskogo soznaniya molodezhi [Modern trends in the development of tourism in Russia as a factor in the formation of the patriotic consciousness of young people]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific works of Moscow State University], 3, pp. 69-76.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 271

Хлыстовские секты лютеранского генезиса: движение скакунов в Западной Ингерманландии

Володин Валерий Юрьевич

Переводчик,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: alpril@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой истории религий и теологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48;
e-mail: alpril@mail.ru

Аннотация

В статье подробно анализируются религиозные практики сектантского движения скакунов, сформировавшегося в контексте лютеранской народной культуры Северо-Запада России. Авторы доказывают, что данное явление следует трактовать как разновидность сектантства хлыстовского паттерна. Его уникальность обусловлена тем, что общины скакунов формировались вне православной ритуалосферы. Будучи продуктом лютеранской народной культуры, скакуны разделяли отдельные протестантские установки, такие как Sola Scriptura, доводя их до крайностей. Выраженный экстатический характер культа, использование технологий изменения сознания, претензии на особое откровение Духа и отвержение авторитета официальной церкви, при видимом сохранении принадлежности к ней – все эти характеристики позволяют рассматривать движение скакунов как сектантство хлыстовского паттерана. Таким образом, последнее обретает внеконфессиональный характер и не должно рассматриваться как принципиально пара-православная субкультура. В статье анализируются материалы следственных дел второй половины XIX века, позволяющие реконструировать основные ритуальные практики скакунов, их интерпретацию основных положений лютеранской теологии, общее отношение к традициям лютеранской церкви. Кроме того, статья вводит в научный оборот шведские исследования и источники XIX века, отличающиеся высокой степенью надежности, но не знакомые отечественным исследователям. Сравнительный анализ источников позволяет поставить под сомнение массовые обвинения скакунов в ритуализированном разврате, хотя экстатический характер их богослужений в отдельных случаях мог провоцировать невоздержанность. Авторы обосновывают положение о том, что современные харизматические тенденции в российском лютеранстве обусловлены влиянием субкультур подобного типа.

Для цитирования в научных исследованиях

Володин В.Ю., Прилуцкий А.М. Хлыстовские секты лютеранского генезиса: движение скакунов в Западной Ингерманландии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 199-208.

Ключевые слова

Скакуны, лютеранская народная культура, хлыстовство, псевдоправославные субкультуры, лютеранство в России.

Введение

На пути изучения истории отечественного мистического сектантства исследователь неизбежно сталкивается с проблемой источников – достоверных материалов, позволяющих корректно реконструировать вероучение, этику и обрядовые практики адептов неортодоксальных религиозных обществ харизматического паттерна явно недостаточно; само «мистическое сектантство» предстает перед исследователями как неупорядоченный и не поддающийся структурированию конгломерат, противящийся обобщениям. Дополнительные сложности привносит и традиционно используемая исследователями терминология: во-первых, сам термин «мистическое сектантство» как часть бинарной схемы «мистическое сектантство» / «рациональное сектантство», вошедший в употребление уже в XIX веке в силу выраженной интердискурсивности способствует неоправданным упрощениям и ненужным коннотациям. Однако поскольку более корректная терминология отсутствует, его употребление носит вынужденный характер.

Основная часть

В современном религиоведческом и теологическом дискурсах термин «хлыстовство» используется в двух основных значениях – для обозначения сектантских общин, сформировавших более-менее устойчивую эзотерическую конфессиональную субкультуру, включающую харизматические практики и методы изменения сознания, и – в широком значении – для обозначения особого экстатического типа религиозности, делающей акцент на персональный опыт мистических переживаний «пребывания в духе». Именно такое понимание хлыстовства стоит за наблюдением Павла Флоренского «в тех же общинах или компаниях, где переживание Духа объявлялось нормою, неизбежно возникало хлыстовство, разумея это наименование в широком смысле всякого лже-духовного энтузиазма и лже-мистического, душевного (не духовного) волнения совокупности радеющих людей» [Флоренский, 1990].

Интерес к изучению специфики отечественного мистического сектантства, в том числе сект хлыстовского паттерна, привел к появлению серьезных исследований, среди которых следует прежде всего упомянуть монографию А.А. Панченко «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» [Панченко, 2002], А. Эткинда «Хлыст. Секты, литература, революция» [Эткинд, 2013], диссертации Корикова Д.Г. «Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв.» [Кориков, 2011], Оленич Т.С. «Трансформация русского религиозного сектантства» [Оленич, 2005], Бермана А.Г. «Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв.» [Берман, 2006] и др. Анализируя генезис хлыстовста, А.А. Панченко обосновал тезис об автохтонном

характере данного религиозного движения, укорененного в историко-культурный контекст русской православной традиции: «христовщина зародилась на русской почве и исходит из традиционных религиозных практик русских крестьян и горожан XVII в.» [Панченко, 2002]. Не ставя под сомнение это положение, мы должны констатировать, что независимо от генезиса, сектантство хлыстовского паттерна оказывается своего рода надконфессиональным феноменом, могущем формировать собственную коммуникативную среду на основаниях различных конфессиональных культур.

Примером такого «неправославного хлыстовства» является сектантское движение скакунов, сформировавшееся в контексте народной лютеранской культуры финского населения Ингерманландии в середине XIX века.

Среди источников, позволяющих реконструировать вероучение и обрядовые практики скакунов, наиболее информативным является трактат профессора Императорского Александровского университета в Финляндии Маттиаса Акиандера (1802-1871) «Исторические сведения о религиозные движения в Финляндии в старые и новые времена», изданный на шведском языке в Хельсинки (Helsingfors) в 1860 [Akiander, 1860]. Поскольку издание Акиандера сегодня представляет библиографическую редкость, и при том, что на русский язык его трактат не переведен и фактически малодоступен отечественным исследователям, мы сочли целесообразным привести в данной статье сравнительно большие выдержки из «Исторических сведений…», способствуя тем самым частичному ведению его в научный оборот.

Также представляют интерес материалы следственных дел, связанных с полицейским преследованием сектантов в 90-е гг. XIX в., содержащиеся в фондах РГИА, отдельные заметки, опубликованные в шведских газетах Финляндии. Кроме того, авторам удалось собрать свидетельства коренных жителей Ленинградской области, которые в 50-60 гг. XX века посещали собрания скакунов или так или иначе сталкивались с различными проявлениями их присутствия в религиозной семиосфере Северо-Западного региона России.

Сообщения о секте «скакунов» встречаются также в различных изданиях середины – второй половины XIX столетия, таких, как работа полковника Жуковского «Военно-статистическое обозрение Санкт-Петербургской губернии» СПб, 1851 (С. 251 и далее)[1], а также в губернской периодике.[2]

Значительно меньше о них пишут в наше время. Некоторым исключением являются несколько страниц, посвященных данному движению в статье А.Ю. Чистякова «Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX-XX вв.» [Чистяков, 2004].

На основании имеющихся источников точно датировать появление прыгунов на Северо-Западе, прежде всего на территории Ингерманландии, невозможно. Первая фиксация существования данного движения датируется 1830 г. – в это время во главе движения находились житель поселка Молосковицы Иоганн Рикконен и Иосиф Муратта из Губаниц. Оба духовных лидера пользовались известностью за пределами Ингерманландии, однако проповедуемые ими взгляды породили «значительное неустройство и смятение», что отчасти было вызвано нескрываемыми симпатиями к практике самооскопления – попытками ввести

[1] Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба // Т. 3, ч. 1: Санктпетербургская губерния. СПб, 1851.

[2] См., например, Гдовско-Ямбургский листок. 1873 от 19 января, № 3, С. 23.

среди скакунов учение и практику скопцов [Akiander, 1860]. Среди прочих лидеров скакунов первой половины XIX века М. Акиандер упоминает троих жителей волости Кивинеб (Кивинаппа) – Эрика Мелто, Маттса Ронту и Йохана Ронту, Миккеля Алппала из поселка Ропша, Маттса Абрахамссона из Губаниц и др. Социальный состав упомянутых проповедников отличался демократичностью – в своем большинстве это мелкие ремесленники, подмастерья, большинство – крестьяне. Вероятнее всего таким же был социальный состав последователей движения. Отмеченное М. Акиандером тяготение наставников скакунов к скопчеству, судя по всему, не было распространено повсеместно. Из материалов судебного следствия, проводимого судебным следователем Санкт-Петербургского окружного суда в 1893 году, следовало, что медицинское освидетельствование подозреваемых не выявило среди них скопцов, более того, наставники скакунов отрицательно отзывались о самооскоплении, рассматривая его как недопустимый «отказ от органа, созданного Богом»[3].

Широко распространены были скакуны и среди лютеран Эстонии. Анализируя увлечение эстонцев мистическими сектами и проповедниками, Экспедиция 3 отделения Е.И.В. Канцелярии, в донесении министру внутренних дел предположила, что эстонские лютеране «будучи вообще тупы и недовольны своим положением, ожидают каких-либо необыкновенных событий»[4]. Этим наблюдением тогда пытались объяснить сравнительно высокую численность сектанства в крае. Скакунов в Эстонии в то время действительно было много, секта считалась «по численности и значению» второй после гернгутеров.[5] В справке, подготовленной Генеральной консисторией Евангелическо-лютеранской церкви по запросу Министерства Внутренних Дел, появление скакунов на северо-западе датируется началом XIX века и связывается с прибытием из Финляндии лиц, которые «стали распространять учения, что спасение души зависит исключительно от прилежного чтения Библии, частого принятия Св. Даров, частых молитв и воздержании от водки, пива и табака». По данным Консистории, развитие сектантского учения происходило постепенно экстатические практики и своеобразное понимание «духовной любви» развилось позднее, а на первоначальном этапе учение секты ограничивалось нормами пиетистской этики[6].

Расцвет движения приходится на 70 –гг. XIX века, после чего наблюдается определенный спад, обусловленный противодействием духовенства евангелическо-лютеранской церкви и полицейским репрессиям – в частности, в конце 90-гг. XIX века были арестованы проповедники из числа скакунов в пос. Колтуши, в результате чего духовные собрания там более не проводились, количество последователей движения в целом сократилось и на рубеже веков насчитывало около двух тысяч [Luther, 2000].

Следует отметить, что инициаторами преследования скакунов обыкновенно выступали пасторы официальной евангелическо-лютеранской церкви, роль полиции и местных властей обыкновенно была вторичной. Анонимный лютеранский пастор жаловался на страницах шведской газеты на значительное распространение скакунов в западной Ингерманландии и на безучастность местных властей, которые не проявляют должного рвения к преследованию скакунов, сосредоточившись на борьбе с более опасной сектой скопцов (kastraternas fraktion)[7].

[3]РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

[4]РГИА, фонд 821, опись 5, дело 966

[5]Лютеранские секты в Эстляндской губернии. Ревель: Типография Эстляндского губернского правления, С.9.

[6]РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

[7] Åbo Underättelser 24.05.1889 s. 1.

Сопоставление скакунов со скопцами, равно как симпатии к скопчеству со стороны лидеров скакунов, можно рассматривать как косвенный аргумент в пользу того, что движение скакунов в действительности является сектой хлыстовского паттерна, возникшей в контексте лютеранской народной традиции, и формировавшей собственную семиосферу и ритуалосферу по аналогии с российским хлыстовством. В связи с этим можно поставить под сомнение предположение М. Акиандера о том, что в основе практик прыгунов лежит «искаженное учение гернгутеров» [Akiander, 1860]. Не отвергая возможность влияния идей гернгутеров на хлыстовство (известно, что сочинения Г. Юнга-Штилинга были популярны среди образованных последователей хлыстовства), мы склонны рассматривать данное движение, причем как его квази-православный, так и квази-лютеранский изводы в целом как оригинальный феномен, сформировавшийся в рамках местной религиозной культуры, хотя и под влиянием экстатических зарубежных протестантских обществ.

Вообще, можно встретить суждения о том, что целый ряд раскольнических движений среди лютеран Эстонии и Ингерманландии, в том числе движение скакунов, возникло под влиянием типически схожих течений в русском раскольничестве. Так, А.А. Панченко пишет: «Возможно, появление ингерманландских hyppyseuralaiset было непосредственно связано с деятельностью кружка Татариновой: первые сообщения об этом движении локализуют его не в сельской местности, а в самой столице – среди мастеровых, обитавших в Коломне» [Панченко, 2002]. Даже в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона предполагается как минимум два источника этого движения: «О происхождении этой секты существуют два различные мнения: одни утверждают, что секта С. занесена к нам из Финляндии нарочно приезжавшими с этой целью учителями; по мнению других, эта секта является отголоском и результатом известного учения Татариновой и ее сподвижника, тайного советника Попова»[8]. Впрочем, упомянутый выше полковник Жуковский в своем труде о военно-статистическом обозрении Санкт-Петербургской губернии настаивает на «финском» происхождении секты[9].

Любопытно, что подобно российскому хлыстовству, адептов прыгунов обвиняли в том, что они устраивали «ужасные оргии», В донесении Евангелическо-лютеранской генеральной консистории на имя министра внутренних дел А.Е.Тимашева от 18 октября 1869г. прямо утверждается, что наставники скакунов «привели приверженцев своих к самым грязным плотским связям», на основании чего обряды скакунов были признаны вредными – «… так и у скакунов развратное совокупление – кроме безнравственности этих действий не может не иметь вредных для участвующих лиц последствий»[10]. В 1893 году лютеранская Генеральная консистория повторила обвинения скакунов в «плотских бесчинствах»[11]. Подозрения скакунов в разврате прочно укоренилось в обществе и продолжали воспроизводиться в дискурсах лютеранских субкультур 60-гг. прошлого века. Респондент Л. (62 года, образование среднее, выросла в лютеранской семье ингерманландских финнов, в настоящее время живет в Финляндии) рассказывает, что в подростковом возрасте родители, воцерковленные лютеране, запрещали ей посещать собрания скакунов, мотивируя запрет слухами об оргиях.

[8] Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, Т. XXX, С. 166-167.
[9] Военно-статистическое обозрение Российской Империи.
[10] РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989
[11] РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

Однако достаточно одиозные утверждения о том, что адепты секты «через веру» приобретали из числа женщин-адептов «духовных сестер» (что являлось своего рода эвфемизмом для обозначения полигамных сексуальных отношений), практиковали особые обряды, во время которых «мужчины и женщины, подавив всякое чувство стыдливости, *in puris naturalibus,* перепрыгивают через друг друга» [Akiander, 1860], или «выскакивали на улицу без одежды, стояли на крышах в ожидании того, что спустится облако, на котором они поднимутся живыми на небо»[12] не представляются достоверными. Более правдоподобными представляются сведения, содержащиеся в делопроизводстве судебного следователя 1 участка Санкт-Петербургского окружного суда. По данным этого делопроизводства «свальный грех» в общинах скакунов обнаружен не был – «после скачек ближайшие сектанты расходятся, а те, которые пришли из отдаленных мест, ложатся спать, но мужчины отдельно от женщин и тут свального греха не бывает». Как на своего рода доказательство судебный следователь ссылается на пример тридцатилетней крестьянки Анны, которая по освидетельствовании оказалась девственницей, хотя и принадлежала к секте скакунов 8 лет[13].

В свете сказанного, воспроизводимое в источниках учение скакунов, согласно которому верующую (т.е. принадлежащую секте) «сестру» никто не может склонить к блудному сожительству, но неверующие женщины в свою очередь могут легко соблазнить «героев веры» (так скакуны именовали сами себя) представляется нелогичным и, вероятно, вымышленным, его интерпретация, предложенная М. Акиандером – «вера в то, что неверие женщины магически воздействует на веру мужчины» [Akiander, 1860], в любом случае не выдерживает критики. Вообще следует достаточно критически относиться в обвинениях мистического сектантства в «сексуальном навете», особенно если последнее не подтверждается надежными источниками.

В соответствии с общими тенденциями экстатического сектантства хлыстовского паттерна, формально утверждая высший авторитет Библии, наставники скакунов развивали учение о внешнем и внутреннем откровении, противопоставляющее Писание духовному опыту и знанию харизматических лидеров, претендовавших на внутреннее откровение. Использовались также и классические приемы обвинения духовенства традиционных конфессий в намеренном искажении библейского учения. Таким образом, формально не отвергнув лютеранского теологического принципа Sola Scriptura, лидеры скакунов интерпретировали его в контексте собственной эксклюзивной герменевтики. Столь же двойственным было и отношение к трудам Мартина Лютера. В целом отвергая их вероучительный авторитет, наставники скакунов полагали, что часть трудов Лютера написаны последним в состоянии духовного пробуждения (oli hengessä), но другие трактаты Лютера написаны тогда, когда последний возвращался к плотской жизни, следовательно, они не богоугодны. Вероятно, последнее представляет собой особый герменевтический механизм апологетики, призванный дискредитировать авторитет Лютера, к которому апеллировало лютеранское духовенство в полемике с наставниками скакунов.

С учением о внутреннем откровении, доступном «пробужденным», т.е. последователям движения, связано отвержение таинств и официальных церковных институтов духовенства, критическое отношение к которому особо скакунами не скрывалось.

О священниках говорят, что они – книжники и неразумные, от которых сокрыта небесная премудрость. Они не признают, что священники в силу своего служения являются слугами

[12] Лютеранские секты в Эстляндской губернии.

[13] РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

Христа; нет, они – лишь наемники властей, проповедующие ради хлеба насущного, не будучи побуждаемы к сему Духом. “Leivän edestä koiraki haukkuu”,[14] – вот обычное выражение, характеризующее деятельность священников. Как священники, так и прочие люди, не пришедшие к пробуждению – это живые мертвецы, и к ним относятся слова Спасителя: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов (то есть, творить мертвые дела» (Мф. 8:22). Следовательно, священники не могут своими кровавыми руками совершать таинства, поэтому, если священник приходит к пробуждению, он вынужден отказаться от своего служения.

О пренебрежительном отношении скакунов к официальному лютеранскому духовенству свидетельствуют и другие источники.[15]

Не менее показательным является критическое отношение к книжной богословской традиции, тоже сближающее скакунов и российских хлыстов. Мельников-Печерский приводит хлыстовскую легенду о том, как наставник первых хлыстов – легендарный Данила Филиппович «учил, что надо молиться духом, и что при таком только молении в человека может вселиться Дух Божий. Хлысты рассказывают, что их учитель, в доказательство ненужности и старых, и новых книг, собрал те и другие в один куль, положил в него для груза камней и бросил в Волгу... По наставлению святого духа, говорят они, Данила Филиппович утопил и книжное писание, не велев людям иметь книжное учение, и заповедал во всем руководствоваться единственно его словами и теми вдохновенными речами, что скажут на радениях пророки, пребывая в «духе» [Мельников, 1909]. Данное свидетельство Мельникова-Печерского почти дословно совпадает с описанием практик и учения скакунов: «Поскольку подчеркивается, что молитва, песни и проповеди не дают питания вере нигде, кроме как на собраниях, в которых проповедник вдохновлен Духом, посещение этих собраний делается непременной обязанностью каждого приверженца секты. …Простым людям и женщинам не надобно читать никаких книг, ибо сие не идет им на пользу, поскольку они не понимают письменного слова и, следовательно, не знают, что в книге истинно, и не могут отличить истинного от ложного. Им следует довольствоваться наставлением и знанием, которое они черпают на собраниях» [Akiander, 1860].

Описание обрядовых практик скакунов, содержащиеся в архивных материалах, лишены внутренних противоречий и могут быть признаны вполне достоверными. Собрания скакунов носили достаточно свободный характер, четкого чинопоследования не было, спонтанные молитвы перемежались пением духовных песнопений по лютеранским церковным молитвенникам. Никаких особых облачений для проповедников или предписанной одежды для молящихся не предполагалось. Постепенно молящиеся «впадали в экзальтированное состояние, галлюционировали, видели Иисуса Христа, старались Его удержать, многие «ликовали» в порыве радости, что Господь прощает им грехи, раздавались рукоплескания и начиналось топанье ногами и хлопанье в ладоши». Источники описывают экстатическую молитву скакунов как «ревение и скакание», «скакание и голосование»[16], «припадки эпилепсии»[17], «взвизгивания»[18], что позволяет предположить, что ритмичные, экстатические телодвижения

[14] «Собаки, лающие ради хлеба».

[15] Лютеранские секты в Эстляндской губернии.

[16] РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

[17] Лютеранские секты в Эстляндской губернии. С.12.

[18] РГИА, фонд 821, опись 5, дело 1033

сопровождались харизматической глоссолалией. Вхождение молящихся в экстатическое состояние интерпретировалось самими скакунами как «нахождение (на человека) Св. Духа»[19] или «вдохновение Святым Духом»[20], а пророческая способность, вдохновение, проповеднический дар понимались как видимое освящение Св. Духом.[21]

Современные тенденции к харизматическим практикам, столь непопулярные среди «классического лютеранства», но четко фиксируемые в проповедническом дискурсе Церкви Ингрии[22] оказываются в значительной степени созвучными учению скакунов. Полагаем, что эти совпадения не носят случайный характер. Если официальные церковные институты Северо-Запада, находящиеся под управлением Генеральной консистории, не пережили периода гонений 30-гг. XX века, то собрания скакунов, хорошо законспирированные, продолжались (вероятно, с перерывами) до70-х гг. Поэтому влияние харизматической ритуалосферы скакунов, на праксис современной Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии на территории России представляется вполне возможным и вероятным. В свете сказанного свойственное, хотя и по понятным причинам широко не декларируемое ингрийским лютеранством пренебрежение книжной традицией, сотрудничество с харизматическими целителями, вера в «спасение через отказ от водки, пива и табаку» etc, представляется своего рода реликтом скакунской традиции, унаследованной современной Церковью Ингрии из сельской народной культуры лютеранской Ингерманландии, сохранившей элементы субкультуры скакунов. Вероятно и различные движения финского лютеранского пробуждения, не порывающие радикально с официальной церковью, но более чем критически относящиеся к ее установлениям, намного ближе в своем генезисе к скакунам, чем это может показаться на первый взгляд.

Заключение

Если наше предположение окажется верным, и дальнейшие исследования подтвердят амбивалентный характер пиетистских движений в финском лютеранстве и мистико-экстатического сектантства хлыстовского паттерна, то вопросы специфики народной лютеранской культуры Северо-Запада и отчасти стилистики современного лютеранства получат новую трактовку.

Библиография

1. Архивные материалы. Российский государственный исторический архив.
2. Берман А.Г. Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX – первой половине XX вв.: дис. … канд. истор. наук. Чебоксары, 2006. 259 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального. СПб, 1851. Т. 3. Ч. 1. 109 с.
4. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.
5. Корикод Д.Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … канд. истор. наук. Челябинск, 2011. 226 с.

[19]РГИА, фонд 821, опись 5, дело 989

[20]Лютеранские секты в Эстляндской губернии. С.12.

[21]Там же

[22]Полное название «Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России» - действующая в России, хотя и ориентированная на различные финские общества «церковного пробуждения» лютеранская церковь, насчитывающая, по нашим оценкам, в настоящее время порядка 10-12 тысяч приверженцев.

6. Лютеранские секты в Эстляндской губернии. Ревель: Типография Эстляндского губернского правления, 1893. 64 с.
7. Мельников П.И. Тайные секты // Полное собрание сочинений. СПб, 1909. Т.VI. 380 с.
8. Оленич Т.С. Трансформация русского религиозного сектантства: дис. … докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 332 с.
9. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. 541 с.
10. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т.1(1). 496 с.
11. Чистяков А.Ю. Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX-XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 2. Вып. 3-4. С. 109-119.
12. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература, революция. М., 2013. 644 с.
13. Akiander M. Historiska upplysningar om religiösa rörelserna i Finland i äldre och nyare tider. Del IV. Helsingfors, 1860. 490 p.
14. Luther G. Herdaminne för Ingermanland. II, Svenska Litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 2000. 620 p.

Khlysts Sects of the Lutheran Genesis: Jumpers Movement in Western Ingermanland

Valerii Yu. Volodin

Translator,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

Aleksandr M. Prilutskii

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of the History of Religions and Theology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

Abstract

The article gives a detailed analysis of the religious practices within the Jumpers sectarian movement which was formed in the context of Lutheran folk culture in the North-Western part of the Russian Empire in the 19th century. The authors prove that this phenomenon should be interpreted as a kind of sectarianism of the Khlysts pattern. As a product of the Lutheran folk culture the Jumpers shared some Protestant views, such as Sola Scriptura, driving them to the extreme. The expressed ecstatic character of the cult, the use of mind-changing techniques, the claims of having a special revelation of the Spirit and the denial of the official church authority combined with the membership in the visible church make it possible to view the Jumpers movement as sectarianism of the Khlysts pattern. The article analyses the materials of the criminal cases in the second half of the 19th century, which enable to reconstruct the Jumpers' main ritual practices, their interpretation of the main points of the Lutheran theology and their general attitudes to the Lutheran church traditions. The article also brings some Swedish-language studies and sources of the 19th century into the scientific fold. The comparative analyses of the sources calls into question the wide-spread

accusations of ritualized debauchery made against the Jumpers, although the ecstatic character of their religious gatherings could in some cases provoke excesses. The authors state that the modern charismatic trends in the Russian Lutheranism are due to the impact of such subcultures.

For citation

Volodin V.Yu., Prilutskii A.M. (2018) Khlystovskie sekty lyuteranskogo genezisa: dvizhenie skakunov v Zapadnoi Ingermanlandii [Khlysts Sects of the Lutheran Genesis: Jumpers Movement in Western Ingermanland]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 199-208.

Keywords

Jumpers, Skakuny, Hyppyseuralaiset, Lutheran folk culture, Khlysts movement, quasi-Orthodox subculture.

References

1. Akiander M. (1860) Historiska upplysningar om religiösa rörelserna i Finland i äldre och nyare tider. Del IV. Helsingfors.
2. Archival Materials. Russian State Historical Archive. F.821.
3. Berman A.G. (2006) Misticheskoe sektantstvo v Srednem Povolzh'e v XIX - pervoi polovine XX vv. Doct. Dis. [Mystical sectarianism in the Middle Volga region in XIX – first half of XX century. Thesis for the degree of ‘kandidat nauk. Doct. Dis.] Cheboksary.
4. Chistyakov A.Yu (2004) Lyuteranskaya tserkov' i formirovanie etnicheskoi kul'tury ingermanlandskikh finnov v XIX-XX vv. [Lutheran Church and the formation of ethnic culture of the Ingrian Finns in the XIX-XX centuries]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [SPBSU Herald], 3-4, pp. 109-119.
5. Etkind A (2013) Khlyst. Sekty, literatura, revolyutsiya [Khlyst. Sects, literature and revolution]. Moscow.
6. Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the MIA.
7. Florenskii P. (1990) Stolp i utverzhdenie istiny [The pillar and ground of the truth]. Moscow. Vol. 1.
8. Korikov D.G. (2011) Gosudarstvo, tserkov' i sektantstvo v Rossii vo vtoroi polovine XIX - nachale XX vv. Doct. Dis. [State, Church and sectarianism in Russia in second half XIX – early XX centuries. Doct. Dis.] Chelyabinsk.
9. (1893) Lyuteranskie sekty v Estlyandskoi gubernii [The Lutheran sects in the province of Estonia]. Revel.
10. Luther G. (2000) Herdaminne för Ingermanland. II, Svenska Litteratursällskapet i Finland. Helsingfors.
11. Mel'nikov P.I. (1909) Tainye sekty [Secret sects]. In: Polnoe sobranie sochinenii [Complete collected works]. St. Petersburg. Vol. 6.
12. Olenich T.S (2005) Transformatsiya russkogo religioznogo sektantstva. Doct. Dis. [The transformation of Russian religious sectarianism. Thesis for the degree of doctor of science. Doct. Dis.] Rostov-on-Don.
13. Panchenko A.A. (2002) Khristovshhina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt [Khlystyism end eunuchs. Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow.
14. (1851) Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi Imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba [Military Statistical Review of the Russian Empire, published by Emperor order at the 1st desk of the Department of Joint Staff]. St. Petersburg. Vol. 3. Part 1.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 378.4

Отношение к научно-исследовательской деятельности аспирантов и будущих аспирантов медицинского вуза

Кондратьева Екатерина Вадимовна

Преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: ekaterina_kondrateva_2012@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна

Преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Люкшина Дарья Сергеевна

Старший преподаватель,
кафедра общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Кадыров Руслан Васитович

Завкафедрой общепсихологических дисциплин,
Тихоокеанский государственный медицинский университет,
690950, Российская Федерация, Владивосток, просп. Острякова, 2;
e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Аннотация

В статье приводятся данные исследования отношения аспирантов и молодых ученых к научно-исследовательской деятельности на основе трехкомпонентной теории И.Н. Тетенса, В.Н. Мясищева. Выборку исследования представили 36 аспирантов и 42 молодых ученых Тихоокеанского государственного медицинского университета. Использованы метод анкетирования, проективная методика «Цветовые метафоры» И.Л. Соломина, «Мониторинг трудовых мотивов» Ф. Герцберга в адаптации Ю.Л. Старенченко, метод свободного ассоциативного эксперимента, Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик, «Способ оценки личности «12 архетипов плюс» Р.В. Кадырова, Т.В. Капустиной. На основе полученных данных, был сделан вывод

о необходимости психологического сопровождения обучающихся в аспирантуре и молодых ученых. А также оказание психологической поддержки аспирантам последнего года обучения и в период, предшествующий защите диссертации.

Для цитирования в научных исследованиях

Кондратьева Е.В., Капустина Т.В., Люкшина Д.С., Кадыров Р.В. Отношение к научно-исследовательской деятельности аспирантов и будущих аспирантов медицинского вуза // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 209-217.

Ключевые слова

Отношение, мотивация, личностные характеристики, научно-исследовательская деятельность, аспиранты, молодые ученые, психологическая поддержка.

Введение

В современном обществе большое внимание уделяется научной деятельности. Поддержка отечественной науки является важнейшим стратегическим приоритетом развития России. Вопросы, затрагивающие специфику процесса подготовки научных и научно-педагогических кадров в системе послевузовского профессионального образования, приобретают все большую актуальность [Предложения профессоров РАН к проекту стратегии научно-технологического развития РФ, 2016]. На сегодняшний день существует неутешительная статистика, свидетельствующая о снижении роли аспирантуры как основного инструмента при подготовке научно-педагогических кадров для высшей школы. Важно отметить все более заметную тенденцию «массовизации» аспирантуры. Если в 90-е годы прошлого века в России на каждые 100 человек, осуществляющих научные исследования и разработки, приходилось 5 человек, повышающих научную квалификацию в аспирантуре, то на сегодняшний день на 100 исследователей приходится уже более 35 аспирантов [Водождокова, 2010]. При подобных масштабах подготовки высококвалифицированных специалистов существующая потребность вузов в обновлении кадров должна полностью удовлетворяться. Однако это не так. По данным Минобрнауки РФ, в настоящее время доля выпускников аспирантуры, пополняющих сообщество российских научных и научно-педагогических кадров, не превышает 10%. Существенный численный рост обучающихся в аспирантуре закономерно приводит к обострению проблемы качества подготовки специалистов, имеющих высшую научную квалификацию. Аспирантура все более начинает выступать в качестве инструмента для получения дополнительного образования, или в роли «спасательного круга», дающего дополнительное время для размышления о дальнейшем развитии собственной карьеры. И здесь большую роль играет отношение молодых ученых к научно-исследовательской деятельности. Таким образом, цель работы – исследование и описание отношения к научно-исследовательской деятельности у молодых ученых медицинского вуза.

Материалы и методы

Выборку представили 36 аспирантов в возрасте 24-35 лет разных годов обучения, по различным медицинским направлениям, 42 студента и молодых ученых в возрасте 22-28 лет, собирающихся поступать в аспирантуру. Основой исследования послужила концепция И.Н. Тетенса и В.Н. Мясищева о 3 компонентах категории отношения (когнитивный,

эмоциональный, мотивационный) [Мясищев, 1998; Люкшина, Петрова, 2016]. Для диагностики компонентов были использованы метод анкетирования, проективная методика «Цветовые метафоры» И.Л. Соломина [Соломин, 2006], «Мониторинг трудовых мотивов» Ф. Герцберга в адаптации Ю.Л. Старенченко [Старенченко, 2008], метод свободного ассоциативного эксперимента. Для диагностики индивидуально-личностных характеристик, играющих важную роль в научно-исследовательской деятельности [Макарова, Налетова, Бессонова, 2013] – Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик [Собчик, 2005] и «Способ оценки личности «12 архетипов плюс» Кадырова Р.В., Капустиной Т.В. [Капустина, 2018]. Для статистической обработки использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена, при уровне значимости менее 0,05.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе были проанализированы различия, полученные по методикам, описывающим компоненты отношения к научно-исследовательской деятельности у аспирантов и молодых ученых, собирающихся поступать в аспирантуру.

В когнитивном компоненте по результатам анкетирования у 21 аспиранта доминирует мнение – научно-исследовательская деятельность и обучение в аспирантуре необходимо для получения ученой степени, являющейся значимой предпосылкой профессионального и карьерного роста. Для молодых ученых, научно-исследовательская деятельность важна и интересна (24 из 42), в связи с чем, они планируют поступать в аспирантуру. Обучение в аспирантуре способствует профессиональному и личностному развитию (17 из 42), необходимое врачу, чтобы стать «настоящим профессионалом». Аспиранты обладают прагматичным взглядом, для них важен конечный результат, научно-исследовательская деятельность является «инструментом», необходимым для получения ученой степени. Для молодых ученых важен процесс обучения, способный, дать возможность реализовать научно-исследовательский потенциал.

В мотивационном компоненте трудовая мотивация была рассмотрена как основа научно-исследовательского потенциала [Люкшина, Капустина, Бартковская, 2018]. Статистический анализ с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни показал значимые различия по мотиву «Зависимость от группы» (Таблица 1). Данный мотив больше характерен для аспирантов, что, вероятно, связано со спецификой их профессиональной деятельности. При выполнении труда человек неизбежно учитывает социальную оценку своей деятельности, что особенно остро наблюдается в профессии врача, связанной с каждодневным социальным взаимодействием. Медицинскому работнику необходимо отдавать себе отчет в том, что пациенты, их родственники, коллеги всегда чего-то ожидают от него, а иногда даже требуют. При подобном подходе работа будет выполняться эффективно, когда поведение работника не вступает в противоречие с существующими социальными ожиданиями. Умение подстроиться под требования социума косвенно свидетельствует о высоком профессиональном уровне аспирантов, при этом обучение в аспирантуре позволит повысить собственный профессиональный статус. По результатам методики «Цветовые метафоры» у молодых ученых, «научно-исследовательская деятельность», «кандидатская диссертация», «научное исследование» попадают в одну группу и занимают позицию актуальных потребностей, которую они планируют удовлетворить в будущем. Для аспирантов данные понятия попадают в нейтральную позицию (4 место) и не связаны ни с каким периодом жизни. Для них актуальные потребности: семья, здоровье, материальное благополучие, профессия.

В эмоциональном компоненте у молодых ученых, по результатам ассоциативного эксперимента на стимулы «научно-исследовательская деятельность» и «аспирантура» превалируют эмоции, имеющие субъективно положительную окраску – интерес/заинтересованность, радость/восторг, воодушевление/драйв. Они идеализируют обучение в аспирантуре, что объясняется отсутствием достаточного опыта в научно-исследовательской сфере. Для аспирантов эмоциональные проявления не выделены, так как ассоциации имели нейтральный характер: лаборатория, наука, знания, экзамены, кандидат наук, диссертация, научные статьи и т.д. Вероятно, аспиранты ориентируются на собственный практический опыт, полученный в процессе обучения в аспирантуре.

На втором этапе были выявлены личностные черты, характеризующие каждую группу, и сопоставлены с ведущими мотивами (Таблицы 1, 2).

Таблица 1 - Значимые различия в группах по исследуемым параметрам

Шкалы	Значение медианы ЭГ №1 / ЭГ №2	Значения суммы критерия Манна-Уитни, U	Значения верхних критических точек, Z	Уровень достоверности
I (мотив зависимости от группы)	21/14	55,0	2,91	0,003
Архетип Сирота	6/12	36,0	3,42	0,000
Архетип Искатель	8/0	93,0	-1,25	0,050
Архетип Шут	6/12	80,0	-1,75	0,042
Аггравация	1/4	50,0	-2,63	0,009
Ригидность	6/3	23,0	3,77	0,000
Интроверсия	7/3	28,0	3,55	0,000
Сензитивность	5/3	52,0	2,54	0,012
Тревожность	5/3	49,0	2,69	0,008
Лабильность	7/3	27,0	3,57	0,000
Конфликтность	12/6	47,0	3,21	0,001
Индивидуализм	11/5	35,0	3,63	0,000
Коммуникативность	11/6	38,0	-3,49	0,000
Зависимость	11/5	29,0	3,87	0,000
Конформность	11/5	34,0	3,68	0,000

У молодых ученых в структуре личности преобладают архетипы Искателя и Шута, стремление к аггравации и коммуникативности. Их характеризуют: любознательность, стремление добраться до самой сути, прагматичность, гибкость, черты, позволяющие успешно приспосабливаться к стремительно меняющимся обстоятельствам. Наблюдается выраженная склонность к исследовательской работе, вероятно, являющаяся мотивом, побуждающим реализовывать свой потенциал посредством обучения в аспирантуре. Будущие аспиранты открыты для нового опыта, увлечены занятиями, готовы к лишениям, ради выполнения значимых для них дел и задач, отличаются развитыми волевыми и лидерскими качествами, что, окажет помощь при обучении в системе профессионального послевузовского образования. Для аспирантов в структуре архетипов личности преобладает Сирота и черты: ригидность, интроверсия, сензитивность, тревожность, лабильность, конфликтность, индивидуализм, зависимость, конформность. Их отличает высокий уровень тревожности, ранимость и впечатлительность, преобладание преимущественно плохого настроения. Наблюдается склонность к мрачным размышлениям и беспокойству, чувствительность по отношению к оценке своих действий, замкнутость. Вероятно, результаты связаны со спецификой

осуществления научно-исследовательской деятельности, требующей от личности значимых эмоциональных затрат, в связи с чем необходимо оказание психологической поддержки обучающимся в аспирантуре, особенно на последних годах обучения и в период, предшествующий защите диссертации. Вместе с тем у аспирантов наблюдается ответственность, исполнительность и ценное для личности врача качество - альтруизм, которому сопутствуют доброта, высокий уровень эмпатии, способность проявлять заботу о пациентах. Выраженное упорство, в ситуациях, относящихся к достижению цели и упрямство, демонстрируемое в процессе отстаивания собственной точки зрения, способны явиться крепкой базой необходимой для успешного осуществления научной работы.

Затронув тему профессиональной деятельности, представляется целесообразным перейти к описанию взаимосвязи ведущих черт личности и трудовых мотивов аспирантов. Одним из трудовых мотивов, является материальное благополучие, которое преобладает при тревожности и зависимости, и, наоборот не проявляется при ригидности и конфликтности. Вероятно, они стремятся к достижению материального благополучия, опасаясь, при этом осуждения социума, что связано с чрезмерной зависимостью от общественного мнения, мнительностью, боязливостью: «А что скажут люди?». Подобная тенденция находит свое продолжение в трудовом мотиве «зависимость от группы», преобладающем при личностных чертах – сензитивность, зависимость. Чрезмерная впечатлительность и чувствительность к давлению со стороны окружающей среды способны создавать затруднения при осуществлении профессиональной деятельности, однако их умеренная выраженность помогает лучше находить общий язык с окружающими.

Таблица 2 - Взаимосвязь ведущих черт личности и трудовых мотивов у аспирантов

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности (p-level)
Ригидность / A (материальное благополучие)	–0,62	0,017
Ригидность / C (ответственность и самостоятельность)	0,57	0,035
Интроверсия / C (ответственность и самостоятельность)	–0,51	0,050
Сензитивность / I (зависимость от группы)	0,58	0,029
Тревожность / A (материальное благополучие)	0,62	0,019
Тревожность / C (ответственность и самостоятельность)	–0,59	0,024
Лабильность / F (достижение успехов)	–0,53	0,049
Конфликтность / A (материальное благополучие)	–0,66	0,010
Конфликтность / C (ответственность и самостоятельность)	0,59	0,026
Зависимость / A (материальное благополучие)	0,60	0,025
Зависимость / C (ответственность и самостоятельность)	–0,68	0,007
Зависимость / I (зависимость от группы)	0,60	0,024

Мотив «ответственность, самостоятельность» преобладает при ригидности и конфликтности и выходит на второй план при интроверсии, сензитивности и зависимости. Несмотря на высокую значимость общественного мнения, в сфере профессиональной деятельности аспиранты стремятся нести ответственность за собственные поступки, проявлять самостоятельность в принятии решений, проявляя при этом излишнюю категоричность: должно быть так, а не иначе.

Обратимся к взаимосвязи ведущих черт личности и трудовых мотивов у молодых ученых (таблица 3).

Таблица 3 - Взаимосвязь ведущих черт личности и трудовых мотивов у молодых ученых

Коррелируемые показатели	Значение коэффициента корреляции Спирмена, R	Уровень достоверности (p-level)
Аггравация / B (признание)	0,53	0,033
Коммуникативность / B (признание)	0,50	0,033
Коммуникативность / E (карьерный рост)	0,64	0,004
Коммуникативность / H (саморазвитие)	0,66	0,003
Искатель / A (материальное благополучие)	–0,51	0,038
Искатель / F (достижение успехов)	0,56	0,016
Шут / B (признание)	0,48	0,042

У будущих аспирантов более широкий спектр трудовых мотивов: «признание», «карьерный рост», «саморазвитие», «достижение успехов». Мотив «признание» преобладает при личностных характеристиках: аггравация, коммуникативность, архетип Шута. Вероятно, роль признания преувеличена. Данное утверждение может свидетельствовать о рассмотрении обучения в системе послевузовского образования, получения ученой степени, как средства достижения цели для подтверждения собственной значимости, состоятельности среди коллег и социума в целом. Вероятно, о демонстративности, поиске самоутверждения и признания свидетельствуют трудовые мотивы «карьерный рост» и «саморазвитие», которые преобладают при коммуникативности. «Достижение успехов» в трудовой деятельности обладает высоким уровнем значимости, преобладающее при доминировании архетипа Искателя. Вероятно, получение желаемого достигается благодаря настойчивости и упорству, энтузиазму, экспансивности и динамичности общения. Трудовые мотивы находятся в тесной связи, дополняют друг друга: достижение успехов обеспечивает признание и карьерный рост, саморазвитие.

Заключение

По результатам исследования аспирантам, необходимо оказание психологической поддержки, ввиду выявленного высокого уровня тревожности и сензитивности. Осуществление научно-исследовательской работы, написание и в особенности защита диссертации сопряжены для личности со значимыми эмоциональными затратами. Без должной психологической подготовки сложно справиться с большим потоком информации, существующими препятствиями, встречающимися на пути молодого ученого, окрыленного идеей, но не знакомого с трудностями, возникающими на научном поприще.

Библиография

1. Водождокова З.Н. Мотивация и ценности в системе воспроизводства научных и научно-педагогических кадров // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. №2. С. 23-29.
2. Капустина Т.В. Создание и апробация методики «Способ оценки личности – 12 архетипов плюс» для диагностики индивидуально-личностных характеристик // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 6. № 1А. С. 64-75.
3. Люкшина Д.С., Капустина Т.В., Бартковская Н.С. Мотивация к трудовой деятельности как основа научно-исследовательского потенциала // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2018. № 3 (22). С. 29-33.
4. Люкшина Д.С., Петрова Ю.И. Отношение студентов медицинского вуза к профессиональной деятельности // Тихоокеанский медицинский журнал. 2016. № 3. С. 96-98.

5. Макарова Л.Н., Налетова И.В., Бессонова А.А. Социальный портрет современного аспиранта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (117). С. 91-95.
6. Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 368 с.
7. Предложения профессоров РАН к проекту стратегии научно-технологического развития РФ (15.10.2016). URL: http://www.slaviza.ru/2234-predlozheniya-professorov-ran.html
8. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. СПб.: Речь, 2005. 624 с.
9. Соломин И.Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006. 280 с.
10. Старенченко Ю.Л. Мониторинг трудовых мотивов: методическое руководство. СПб: ИМАТОН, 2008. 80 с.

The relation to the scientific research activity of postgraduates and future postgraduates of a medical university

Ekaterina V. Kondrat'eva

Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: ekaterina_kondrateva_2012@mail.ru

Tat'yana V. Kapustina

Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Darya S. Lyukshina

Senior Lecturer,
Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: danyasergeevna@gmail.com

Ruslan V. Kadyrov

Head of the Department of General psychological disciplines,
Pacific State Medical University,
690950, 2, Ostryakova av., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Abstract

The article presents the research data on the attitude of postgraduates and young scientists to research activities on the basis of the three-component theory. A sample of the study was presented

by 36 postgraduates and 42 young scientists from Pacific State Medical University. The authors used the method of questioning, the projective technique “Color metaphors”, “Monitoring of Labor Motives”, the method of free associative experiment, individual-typological questionnaire, and the method of assessing the personality of 12 archetypes. On the basis of the data obtained, it was concluded that there is a need for psychological support for postgraduate students and young scientists, as well as providing psychological support to graduate students of the last year of study and in the period preceding the thesis defense. The authors of the study note that graduate students need a psychological support, due to the identified high level of anxiety and sensitivity. The implementation of research work, writing and in particular the defense of the thesis are associated for the person with significant emotional costs. Without proper psychological preparation, it is difficult to cope with a large flow of information, existing obstacles encountered in the way of a young scientist, inspired by the idea, but not familiar with the difficulties encountered in the scientific field.

For citation

Kondrat'eva E.V., Kapustina T.V., Lyukshina D.S., Kadyrov R.V. (2018) Otnoshenie k nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nosti aspirantov i budushchikh aspirantov meditsinskogo vuza [The relation to the scientific research activity of postgraduates and future postgraduates of a medical university]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 209-217.

Keywords

Attitude, motivation, personal characteristics, research activities, graduate students, young scientists, psychological support.

References

1. Kapustina T.V. (2018) Sozdanie i aprobatsiya metodiki «Sposob otsenki lichnosti – 12 arkhetipov plyus» dlya diagnostiki individual'no-lichnostnykh kharakteristik [Creation and approbation of the method "Method of personality assessment – 12 archetypes plus" for the diagnosis of individual and personal characteristic]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 6, 1A, pp. 64-75.
2. Lyukshina D.S., Kapustina T.V., Bartkovskaya N.S. (2018) Motivatsiya k trudovoi deyatel'nosti kak osnova nauchno-issledovatel'skogo potentsiala [Motivation to work as a basis for research potential]. Ro*ssiuskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy* [Russian science and education today: problems and prospects], 3 (22), pp. 29-33.
3. Lyukshina D.S., Petrova Yu.I. (2016) Otnoshenie studentov mediеьiinskogo vuza k professional'noш deиatel'nosti [The ratio of students of medical schools to the professional activity] *Tikhookeanskii meditsinskii zhurnal* [Pacific Medical Journal], 3, pp. 96-98.
4. Makarova L.N., Naletova I.V., Bessonova A.A. (2013) Sotsial'nyi portret sovremennogo aspiranta [Social portrait of a modern graduate student]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities.], 1 (117), pp. 91-95.
5. Myasishchev V.N. (1998) *Psikhologiya otnoshenii: izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychology of relationships: selected psychological works]. Moscow: Institute of practical psychology; Voronezh: MODEK Publ.
6. *Predlozheniya professorov RAN k proektu strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya RF* (15.10.2016) [Proposals of professors of the Russian Academy of Sciences to the draft strategy for the scientific and technological development of the Russian Federation]. Available at: http://www.slaviza.ru/2234-predlozheniya-professorov-ran.html [Accessed 10/10/2018]
7. Sobchik L.N. (2005) *Psikhologiya individual`nosti* [Psychology of individuality]. St. Petersburg: Rech` Publ.
8. Solomin I.L. (2006) *Sovremennye metody psikhologicheskoi ekspress-diagnostiki i professional'nogo konsul'tirovaniya* [Modern methods of psychological rapid diagnosis and professional counseling]. St. Petersburg: Rech` Publ.
9. Starenchenko Yu.L. (2008) *Monitoring trudovykh motivov: metodicheskoe rukovodstvo* [Labor motivation monitoring: a methodical manual]. St. Petersburg: IMATON Publ.

10. Vodozhdokova Z.N. (2010) Motivatsiya i tsennosti v sisteme vosproizvodstva nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov [Motivation and values in the system of reproduction of scientific and scientific-pedagogical personnel]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], 2, pp. 23-29.

УДК 174

Парадигмальные основы этики бизнеса

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье представлена экспозиция парадигматически различных понятий и подходов, применяемых в развитии академических и стратегических программ этики бизнеса. Выявлена систематика определений предмета этики бизнеса, выходящих за рамки понятия корпоративной социальной ответственности, дано обобщенное описание области этических проблем, выделяемых в рамках междисциплинарного проекта исследования регулятивных оснований деловой активности. Определены концептуальные векторы разработки и контекстуальной адаптации специальных методологических матриц этической рефлексии и аргументации, которые могут быть использованы для моральной экспертизы и реформирования деловых отношений. Раскрывается содержание и определяется значение основных философско-этических парадигм, на основе которых разрабатываются альтернативные стратегии выявления и решения этических проблем в деловой сфере: эксплицируются принципы утилитаристского консеквенциализма, Кантианской деонтологической этики, морально-правовой теории, а также этики добродетели. Основное расхождение в определении условий и способов привнесения этических регулятивов в область деловых отношений концептуализировано как расхождение позиций моралистов, исходящих из принципа интернализации моральных норм, и институционалистов, ориентированных на обеспечение условий развития этической культуры за счет организации институционального рамочного порядка социально-экономических отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Парадигмальные основы этики бизнеса. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 218-228.

Ключевые слова

Этика бизнеса, социальная ответственность, этические парадигмы, утилитаризм, деонтология, этика добродетели, рациональность, моральность, институционализм.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Этика бизнеса – это специализированная форма прикладной этики, предметно ориентированная на выявление и решение актуальных этических проблем, идентифицируемых на уровне индивидуального, корпоративного и системного измерения деловой активности. Разработка конкурентных подходов к этическим проблемам бизнеса осуществляется исходя из комплексного представления этических парадигм и понимания релевантных условий применения различных моральных стандартов для оценки и регулирования предпринимательской деятельности и отношений между различными участниками делового оборота, а также отношений между агентами бизнеса и теми социальными субъектами, на которых бизнес оказывает воздействие. Методологический базис развития программ этики бизнеса оформился вследствие интеграции философско-этических концепций, социальных теорий и стратегий менеджмента в оригинальный проект междисциплинарных исследований регулятивных основ деловой активности. Однако, как часть прикладной этики, эта дисциплина имеет не только теоретические основания, но и практическую ориентированность.

В настоящей статье в систематически обобщенном виде представлены результаты анализа нормативных этических моделей, координация которых с правовыми становлениями и социальными нормами является основой для задания параметров порядка взаимоотношений между различными субъектами в деловой сфере жизни общества. Основные задачи состоят в том, чтобы выявить концептуальное ядро существующих трактовок предмета этики бизнеса, представить интегративное описание различных философских парадигм морального суждения, применяемых в рамках этической экспертизы деловых отношений, а также реконструировать методологический профиль альтернативных программ привнесения этики в бизнес.

Определение предмета этики бизнеса и границ ее проблематики

Этика бизнеса направлена на применение практически ориентированных стратегий моральной экспертизы к взаимоотношениям и деятельности людей, задействованных в сфере бизнеса, и использование релевантных этических соображений в подходе к оценке и проектированию политики экономических организаций. Как дисциплина, которая обосновывает значимость этических аспектов развития культуры деловых отношений в целостном социальном контексте, этика бизнеса включает в себя обобщенное исследование моральных стандартов в том виде, как они используются или должны использоваться применительно к взаимоотношениям между различными субъектами деловой активности и к отношениям между институтами бизнеса, с одной стороны, и социальными группами и обществом в целом, с другой. Такие исследования необходимы не только для определения условий социальной адаптации бизнес проектов, но и для систематической разработки практических программ, обеспечивающих согласование правовых и этических компонентов в рамках общей регулятивной системы деловых отношений. В идеале такая система, включающая моральные, правовые, экономические и социальные ограничения, должна регулировать условия взаимодействия между людьми, работающими в рамках организаций или участвующими в экономическом обмене, и задавать нормативные рамки решения проблем в отношениях между теми субъектами, чьи интересы связаны с бизнесом, и представителями социальных групп, на которых деловые операции оказывают то или иное воздействие.

Развитие программ этики бизнеса подразумевает критическое рассмотрение бизнеса как деятельности в терминах его социальной значимости, правового статуса и соответствия моральным стандартам, включенным в регулятивный базис комплексных взаимоотношений между социальными субъектами, вовлеченными в процессы производства распределения и потребления материальных и духовных благ, обеспечиваемых в той или иной мере функционированием систем бизнеса [Cowton, 2008, 11-29].

На данный момент особенно актуальной является необходимость разработки синтетической концепции этики бизнеса, в которой требования легальности, т.е. соответствия деловых отношений морально-правовым установлениям, оптимально сочетались бы с императивами позитивной моральной значимости – соответствия стратегии и тактики ведения дел определенным моральным стандартам. В ряде исследований и проектов развития этики бизнеса такая комбинация представляется естественной и необходимой для того, чтобы дать комплексное выражение общей идеи социальной ответственности бизнеса. Несмотря на возражения социальных теоретиков и экономистов (например, М. Фридмена), преимущественно сторонников либертарианства, в академических исследованиях по проблемам взаимоотношений бизнеса и общества последовательно развивается интегральное представление, что помимо деловых обязательств и правовых ограничений деловая активность индивидов и организаций должна выстраиваться с интенцией на признание социальных и моральных обязательств, которые выходят за пределы узко понятой рациональности, имеющей в виду обеспечение интересов собственников или акционеров в плане максимизации прибыли. Для целой группы социальных теоретиков общезначимой является ориентация на обоснование и развитие положения, что деловое предприятие является не только субъектом хозяйственной практики, но и активным участником социальных процессов. В середине XX века различные бизнес-структуры, в первую очередь корпорации, испытавшие воздействие острой критики в свой адрес со стороны общественных движений и объединений гражданского общества, внесли существенные коррективы в либеральную идеологию успеха и деловых достижений и признали значимость проблем социальной ответственности бизнеса.

Дискурс этики бизнеса и концепция корпоративной социальной ответственности

Концепция социальной ответственности корпоративного бизнеса подразумевает способность корпорации так организовать свою деловую активность, чтобы соизмерять принцип максимизации прибыли с принципом полезности обществу и компенсировать негативные последствия рационального экономического поведения, принимая ответственность не только через санкции со стороны государства, но и посредством положительных – социально ориентированных проектов, которые расширяют или даже превосходят пределы экономической рациональности. Между тем, в ряде современных работ по этике бизнеса демонстрируется необходимость проводить различие между этикой бизнеса как академической дисциплиной, с одной стороны, и проектами построения взаимоотношений между институтами бизнеса и обществом в соответствии с концепцией корпоративной социальной ответственности, с другой. Так, например, Ричард ДеДжордж настаивает на том, что этика бизнеса имеет дело с набором субстанциально значимых этических вопросов и имеет специфический методологический профиль, который отличает ее от других дисциплин, развивающихся в русле проекта

корпоративной социальной ответственности. В порядке раскрытия и обоснования этой позиции ДеДжордж указывает на два значимых обстоятельства [DeGeorge, 2008]:

Во-первых, этика бизнеса изначально ориентирована на решение проблемы соотношения рациональной мотивации, с одной стороны, и этической оценки, и регуляции деловой активности, с другой. В исходных вариантах концепции этики бизнеса речь шла не столько об интеграции этических ориентаций в систему принципов рационального экономического поведения, сколько о создании той регулятивной этической матрицы, которая с учетом реалистических диспозиций задавала бы масштаб оценки всякого рода деловых отношений, особенно корпоративной деловой активности. Но этика бизнеса как академическая дисциплина, в отличие от концепций социальной ответственности, развивается на основе переработки и имплементации идей общей философской этики.

Во-вторых, в рамках концепции социальной ответственности бизнеса не закреплено признание автономного значения этических принципов, т.е. нивелируется априорный масштаб этических оценок, определяющий уровень экспертизы и критики: принципы этической ответственности, наряду с принципами экономической и правовой ответственности, носят функциональный статус и используются в апологетических целях – как высшая мера оправдания правовых установлений и источник дополнительных правовых ограничений, которым подвергается бизнес. Если социальная ответственность могла быть определена корпорациями таким образом, чтобы представить свою деятельность в позитивном свете, а именно - как заботу об общественном благе, то этика бизнеса, развивавшаяся на основе адаптации философско-этических теорий, изначально закладывала представление об априорно значимых стандартах, содержание которых составляют моральные нормы и ценности, определение которых не зависит от прагматических интенций, определяющих деятельность корпораций. В этом смысле, «подходы, разрабатываемые на основе общей этики и применяемые в области этики бизнеса, отличаются несоизмеримо большим потенциалом критического отношения к бизнесу, чем подходы, опирающиеся на понятие социальной ответственности» [DeGeorge,2008].

Структура проблемного поля этики бизнеса

Развитие этики бизнеса как прикладной дисциплины отмечено появлением различных исследовательских проектов и практических программ, интегрировавших парадигмально различные подходы к специфическим моральным проблемам, которые появляются на различных уровнях деловой активности и воздействуют на качество взаимоотношений, возникающих в условиях деловой среды.

Среди наиболее распространенных вопросов этики бизнеса типологически можно выделить следующие:

– вопросы этики поведения на рабочем месте (основание моральных прав и обязанностей внутри структуры взаимоотношений работника и работодателя, проблема дискриминации на работе, конфликты интересов и др.);

– вопросы этики потребителя и этики рекламы;

– вопросы этики рынка, относимые к некоторым моральным аспектам конкурентного и антиконкурентного поведения (в особенности, вопросы справедливости, полезности и прав);

– вопросы развития этической культуры внутри корпораций, или же вопросы институционализации этики внутри организаций и культивирования этичного поведения;

– вопросы моральной верификации деятельности корпораций и обоснования социальной ответственности бизнеса, так же, как и вопросы вклада бизнеса в общий проект устойчивого развития;

Основой для структурирования поля основных проблем этики бизнеса может служить классификация, предложенная Мануэлем Дж. Веласкесом [Velasquez, 2012, 15], который различает проблемы системного, корпоративного и индивидуального порядка:

Проблемы системного уровня – этические вопросы относительно экономических, политических, правовых и других институтов, в рамках которых осуществляется деловая активность. К этой области относятся, например, вопросы о моральном качестве отношений в рамках капиталистической системы или о моральном статусе законов, регулятивных установлений, производственных структур и социальных практик, обеспечивающих функционирование бизнеса.

Проблемы корпоративного уровня – этические вопросы, которые ставятся относительно деятельности той или иной организации. К этой области относятся проблемы морального статуса деловых операций, корпоративной политики, бизнес-практики или организационной структуры какой-либо компании, рассматриваемые в комплексе.

Проблемы индивидуального уровня – вопросы относительно морального статуса конкретного индивида или группы индивидов, их поведения и решений. К этой области относятся вопросы относительно моральности решений, действий или характера индивида.

Все эти сложные этические проблемы не могут быть решены на базе морального сознания, сводимого только лишь к «морали здравого смысла». Наиболее эффективный путь развития этики бизнеса проходит интеграцию философских оснований морального сознания и практических рекомендаций по поиску подходящего решения этических дилемм и улучшения этической ситуации в бизнесе.

Философско-этические теории и парадигмы морального суждения – концептуальный базис развития программ этики бизнеса

Наиболее значимые этические теории, приоритетно служащие фундаментом для изучения моральных аспектов деловых отношений и применяемые в области этики бизнеса, типологически различаются по отнесенности к традициям утилитарной этики, деонтологии, этики добродетели и другим философско-этическим направлениям. Теории эти образуют концептуальное ядро альтернативных парадигм этического мышления и формируют методологическую основу для рационального обсуждения этических проблем, возникающих в сфере бизнеса. Так, соображения, в которых приоритет отдается максимизации полезности, т.е. соотношению издержек и выгод в плане удовлетворения интересов различных групп и обеспечению социального благополучия, или альтернативные им соображения, основанные на утверждении априорного значения моральных императивов, признании моральных прав личности и придании определенного значения принципу справедливости, равно как и соображения, фокусированные на характере субъекта и его моральных качествах, представляют формы развертывания конкурентных стратегий этического мышления и соответствуют альтернативным образцам моральной аргументации, заданным в той или иной этической парадигме.

Многие программы этики бизнеса и модели принятия морально ответственных решений изначально формируются в рамках парадигмы утилитаризма. Утилитаризм является типичной телеологически-консеквенциалистской этической теорией, в разработку которой значительный

вклад внесли И. Бентам и Дж.Ст. Милль [Mill, 1998, 45-112]. Утилитаристская этическая теория относится к категории консеквенциализма, поскольку основывается на общем представлении, что определение того, какое действие является морально правильным, зависит всецело от тех последствий, которые это действие может иметь или уже имеет для группы индивидов, включая самого деятеля, или общества в целом. Утилитаризм индуцирует систему моральных оценок и задает метод отбора решений, исходя из придания нормативного статуса общему соображению, что основой для выбора и оценки того или иного курса деятельности или стратегии поведения является учет и соотнесение приносимых ими издержек и выгод, т.е. определение меры их полезности для каждого члена сообщества [Brandt, 1992, 111-136]. Базовый принцип утилитаризма, актуализируемый в ситуации морального выбора, формулируется следующим образом: «Действие с этической точки зрения является правильным, если и только если совокупная мера полезности, достигаемой с помощью этого действия, превосходит совокупную меру полезности, которая могла бы быть достигнута в случае любого альтернативного действия» [Velasquez, 2012, 78]. Таким образом, утилитаризм является консеквенциалистской этической теорией, которая предусматривает выбор именно такого действия или способа действий, которые максимизируют полезность (т.е. приносит «наибольшее счастье для наибольшего количества индивидов», как гласит популярная формулировка принципа утилитарной этики).

Среди альтернативных – неконсеквенциалистских теорий актуальное значение для развития программ этики бизнеса приобретают теории, которые разработаны в парадигме деонтологических подходов, утверждающих приоритетность моральной ответственности, этического долга, нравственной автономии, моральных прав и обязанностей субъектов общения. Деонтологический подход в оригинальном виде был представлен в этических работах Иммануила Канта, посвященных исследованию метафизики нравов и критике практического разума. Кантианская этика подчеркивает значение априорного долженствования и выдвигает на первый план универсальные и априорно значимые принципы действия – требования практического разума, выводимые безотносительно к последствиям действия. Фундаментальный принцип эксплицируется в форме требования, которое имеет статус категорического императива: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [Kant, 1999,73]. Требование это вытекает из природы практического разума и является обязательным для всех разумных существ, обладающих автономией воли и способных к нравственному самоопределению. Для формирования программ этики бизнеса, ориентированных на выстраивание отношений между членами делового сообщества, особенное значение имеет и другая формулировка категорического императива: «Поступай так, чтобы бы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Kant, 1999, 392]. Таким образом, в этике Канта на первое место ставится не только принцип автономии воли, но и принцип уважения к личности в его априорном значении. Как поясняет Н. Боуи, «отношение к человечеству в лице отдельного человека как к цели, а не только как к средству, в контексте деловых отношений индуцирует два требования. Во-первых, оно требует, чтобы участники деловых отношений не превращались в объект использования, т.е. чтобы их не подвергали принуждению и не обманывали. Во-вторых, это означает, что организации, занимающиеся бизнесом, и практики ведения дел должны быть устроены таким образом, чтобы они могли содействовать развитию разумных и нравственных качеств человека. Выполнение этих требований изменило бы природу деловой активности» [Bowie, 1999, 8].

Деонтологическая парадигма обеспечивает концептуальные ресурсы для развития этически основательной теории моральных прав человека. Собственно, представление о том, что каждый человек обладает определенными моральными правами, которые коррелируют с соответствующими обязанностями, развивается на основе раскрытия импликаций априорно значимого принципа уважения к личности, который вытекает из ключевых положений деонтологической этики. Собственно, концепт морального права занимает основную позицию в системе понятий, которые используются, например, для разработки этической теории трудовых отношений в рамках формальных организаций, теории, представляющей важный раздел этики бизнеса. Пролиферация специфических моральных прав, которые в последнее время всё чаще становятся предметом актуальных требований, выдвигаемых работниками предприятий и коммерческих организаций, свидетельствует о том, что в системе трудовых отношений обнаруживается множество проблем, которые выпадают из области позитивно-правового регулирования, будучи, однако, объектом серьезной гуманитарно-этической озабоченности [Dusca, 2007, 171-186]. Характер и содержание требований относительно признания моральных прав в этой области соответствуют определенной концепции отношений между работником и работодателем. Так, по замечанию Р. Даска, «наиболее современная и эффективная модель трудовых отношений, обсуждаемая в рамках проектов этики бизнеса, это модель, предполагающая выстраивание деловых отношений на базе теории стэйкхолдеров» [Dusca, 1999, 262]. Стэйкхолдеры – это социальные субъекты, т.е. индивиды, группы, сообщества и организации, интересы которых в той или иной мере затрагиваются деловой активностью предприятий и корпораций и которые также способны оказывать определенное воздействие на условия ведения дел и развитие бизнеса, если рассматривать эти явления в целостном социальном контексте. Теория стэйкхолдеров вводит в порядок деловых отношений регулятивные детерминанты, определяемые на основе развития положения, что в любом случае «бизнес будет затрагивать некоторые интересы различных групп стэйкхолдеров, будь то акционеры или наемные работники компании, члены локального сообщества, где расположено предприятие, а также покупатели и клиенты, представляющие различные слои потребителей, или же другие предприятия, с которыми компания сотрудничает или конкурирует, а также финансовые организации и правительственные структуры. Если интересы этих групп заслуживают признания, то различные стэйкхолдеры могут предъявлять требования к бизнесу относительно признания и обеспечения их моральных прав» [Dusca, 1999, 262].

Помимо утилитаристских подходов и деонтологических теорий, определяющих альтернативные системы моральных суждений, для общего проекта развития этической культуры деловых отношений вполне релевантными оказались и другие подходы, получившие теоретическое обоснование в рамках парадигм, сформировавшихся на основе концепций субъектно-ориентированной этики. В этом плане наиболее значительной и традиционной концептуально-этической формацией является этика добродетели [Hooft, 2006, 56-61]. В категориально-тематическом фокусе этики добродетели «определяются не столько принципы или последствия действия, и даже не само действие, сколько субъект, лицо, которое совершает действие, выступая в свете определенных обстоятельств и других совершаемых им действий» [Solomon, 1999b, 30]. Парадигма этического мышления, выделяющая человека в качестве референта этических суждений, т.е. приоритетно фокусированная на определении того, каким должен быть человек, в противовес интенции на определение того, как человек должен поступать, предполагает «тщательное изучение нравственных характеристик личности, включая определение того, есть ли у человека пороки и какими добродетелями он обладает»

[Velasquez, 2012, 128]. Р. Соломон утверждает, что при формировании программ этики бизнеса именно этика добродетели может приобрести парадигмальный статус: «Теоретики этики бизнеса проявляют особенный интерес к вопросу о том, какие качества субъектов деловых отношений позволяют рынку, системе свободного предпринимательства работать с предельной эффективностью, и какие черты позволяют деловым отношениям гармонически встраиваться в контекст более широкой социальной среды» [Solomon, 1999b, 33]. В концептуальной модели, предложенной Р. Соломоном, определяются несколько базовых параметров, по которым можно идентифицировать добродетели, релевантные социально-практическому контексту, в котором проявляется характер субъекта деловых отношений: (1) ориентация на общность (преследование не только индивидуальных целей, но и систематический учет интересов, разделяемых членами сообщества); (2) стремление к совершенству, включая высокое качество осуществления деловых проектов; (3) принадлежность к сообществу (мы определяем наш характер в общении с другими членами сообщества); (4) принципиальность (все добродетели оптимально сходятся в форме целостного характера); (5) способность к компетентному суждению (релевантность благоразумия контексту бизнеса); (6) холизм (установка на снятие оппозиции стэйкхолдеров – стокхолдеров) [Solomon, 1999a, 69-114].

Концептуально разноплановые философские парадигмы морального суждения, выбора и оценки отображаются различными моделями аргументации, которые могут применяться для разрешения этически проблемных ситуаций, возникающих в сфере бизнеса. И хотя базовые парадигмы, такие как утилитаризм, деонтология, этика добродетели и другие концепции (например, этика заботы) являются основой для формирования альтернативных, подчас несовместимых подходов к распознанию и решению этических проблем, теории эти должны различаться и применяться с учетом специфики и уровня деловой активности. Так, например, деонтологический подход, традиционно применяемый в области проблем моральных прав и обязанностей, может при определенных условиях согласовываться с принципами этики добродетели, когда рассматриваются проблемные ситуации, возникающие на интерсубъективном уровне деловой активности; а применение утилитарного подхода может быть вполне релевантным системному и организационному контекстам, хотя даже в этом случае утилитарные соображения должны быть основательно уравновешены соображениями, принимающими в расчет принципы распределительной справедливости, которые также могут получать совершенно различное истолкование.

Альтернативы Морализма и Институционализма

Среди всех альтернативных точек зрения на пути привнесения этики в бизнес наиболее известны взгляды моралистов и институционалистов, которые соответствуют соперничающим интерналистским и экстерналистским концепциям в этике бизнеса.

Моралисты выступают за интерналистскую трактовку морали, акцентируют значение мотивационной детерминанты индивидуального и корпоративного поведения и уделяют особое внимание внутренним основаниям принятия этически значимых решений. Согласно позиции моралистов, этика может быть привнесена в сферу деловых отношений через интериоризацию моральных норм и ценностей рациональным субъектом. Моралисты полагают, что должным образом интериоризованные моральные стандарты должны быть включены в структуру индивидуальной мотивации, – это наиболее эффективный и вполне естественный путь внедрения моральных ограничений в систему регулятивов, определяющих допустимый и приемлемый формат рационального поведения и взаимоотношений в деловой сфере.

Институционалисты исходят из противоречия между моральным сознанием и внутренней логикой предпринимательства, диктуемой условиями конкурентного поведения, и предлагают экстерналистский подход к определению регулятивного фундамента социально-экономических взаимодействий: моральные основания информационно-экономического общества следует искать не в усвоенных нормах, воздействующих на мотивы деятельности, а в институциональных механизмах регулирования и контроля, которые закрепляют внешние ограничения и задают базовые «правила игры», т.е. определяют «рамочный порядок» делового общения и экономической деятельности в целом [Homann, 1992, 14]. В этом случае предпринимательская этика и этика деловых отношений определяются относительно более фундаментальной дисциплины – экономической этики. Согласно позиции К.Хомана, экономическая этика направлена на цель организовать институты рамочного порядка таким образом, чтобы «мораль стала возможна» [Homann, 1992, 49]. К. Хоман определяет рамочный порядок как системное место морали в экономике, что верно только применительно к условиям рыночной экономики с высоким потенциалом специализации и обмена формами и продуктами деятельности [Homann, 1992, 49-55]. Институциональный рамочный порядок должен задавать базовые параметры ситуаций рыночного поведения, и в идеале такие ситуации должны допускать описание на основе известной «дилеммы заключенного». Моральные стандарты выделяются безотносительно к комплексам мотивации предпринимательской деятельности, поскольку моральное качество деловых отношений обеспечивается «правилами игры», соблюдение которых оказывается выгодным каждому из агентов экономического поведения. Привнесение этики в бизнес – это проблема обеспечения условий такой корреляции системного социального порядка с институциональной средой делового общения и взаимодействия, при которой принципы социальной ответственности и соответствия моральным стандартам будут сочетаться с принципами рационального экономического поведения.

Заключение

Этика бизнеса как форма прикладной этики развивается на основе интеграции альтернативных парадигм, сложившихся в русле различных традиций философской этики, при этом определенное воздействие на формирование дискурса этики бизнеса оказывают принципы социальных теорий и идеи политико-экономических школ.

Несмотря на то, что развитие и внедрение программ этики бизнеса рассматривается как закономерный ответ деловой среды на общественные запросы, выражающие требование социальной ответственности деловых кругов, следует признать, что основные проблемы этики бизнеса имеют фундаментальное содержание, которое не исчерпывается вопросами социальной легитимации индивидуального и корпоративного предпринимательства. В качестве особенностей академически разработанных концепций и программ этики бизнеса выделяются, прежде всего, априорный масштаб этических оценок, акцентуация систематической критики морального качества деловых отношений и комплексные подходы к этическим проблемам деловой культуры, которые выходят за рамки проблем корпоративной социальной ответственности и требуют философски основательной этической экспертизы.

Если институты бизнеса являются частью социальной системы, вовлекают в орбиту своего влияния различные социальные группы и воздействуют на развитие общества в целом, то вполне оправданной является экспертиза деловых отношений на предмет их соответствия актуальным социальным ожиданиям и культурно значимым категориям общественного и

индивидуального сознания – категориям аксиологического, нормативного, телеологического порядка, в которых определяется не только план сущего, но и план должного – полагаемого в основу моральных ограничений.

Актуализация моральных норм и ограничений в общем плане развития деловых отношений означает, что они приобретают статус регулятивных оснований, которые встраиваются в сами условия возможности деловой активности как на уровне комплексов мотивации (мотивы действий), так и на уровне общезначимых правил и ограничений, которые могут индуцироваться посредством организации институциональной инфраструктуры («рамочного порядка») деловых отношений.

В методологическом плане до сих пор актуальной является необходимость разработки системного подхода, который позволил бы комбинировать альтернативные стратегии этического мышления в рамках целенаправленного поиска решений как стандартных, так и новых проблем, возникающих на уровне индивидуального, институционально-корпоративного и социально-системного измерений деловой активности.

Программы этики бизнеса развиваются не только как программы регулирования деловых отношений и реформирования деловой среды, но и как программы улучшения социального климата в целом, являясь важным средством реализации как реконструкционных, так и инновационных общественных проектов.

Библиография

1. Bowie N.E. A Kantian approach to business ethics // A Companion to Business Ethics. Oxford and Malden: Blackwell Publishers Ltd., 1999. 464 p.
2. Brandt R.B. Morality, Utilitarianism, and Rights. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 393 p.
3. Cowton C.J. On Setting the Agenda for Business Ethics Research // Trends in Business and economic ethics. Springer, 2008. 152 p.
4. DeGeorge R.T. A History of Business Ethics. Markkula center for applied ethics. Santa Clara University Press, 2008. URL: https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/business-ethics/resources/a-history-of-business-ethics/
5. Dusca R. Employee rights // A Companion to Business Ethics. Oxford and Malden: Blackwell Publishers Ltd., 1999. 464 p.
6. Dusca R. Contemporary reflections on business ethics. Dordrecht: Springer, 2007. 268 p.
7. Homann K., Blome-Drees F. Wirtschafts- und Unternehmensethik. Göttingen, 1992. 207 p.
8. van Hooft S. Understanding virtue ethics. Durham: Acumen Publishing Limited, 2006. 192 p.
9. Kant I. Critique of practical reason // Practical Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 668 p.
10. Mill J.S. Utilitarianism. Oxford and New York: Oxford University Press, 1998. 168 p.
11. Solomon R.C. A Better Way to Think About Business. New York, Oxford: Oxford University Press, 1999a. 145 p.
12. Solomon R.C. Business ethics and virtue // A Companion to Business Ethics. Oxford and Malden: Blackwell Publishers Ltd., 1999b. 464 p.
13. Velasquez M.G. Business ethics: concepts and cases. New York: Pearson Education Limited, 2012. 496 p.

Paradigmatic foundations of Business Ethics

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This paper provides a systemic exposition of paradigmatically basic concepts and diverse theoretical approaches employed for the development of business ethics programs of academic and strategic types. It reveals the conceptual core of the relevant definitions of the subject matter of business ethics that go beyond the concept of corporate social responsibility, and provides a general description of the area of ethical issues identified and discussed within the framework of the interdisciplinary study of the regulatory foundations of business activity. The paper exposes alternative conceptual dispositions to the development of philosophically grounded methodological frameworks of ethical reflection and reasoning, which might be used for the moral examination and improvement of specific business activities and relationships. It considers the value of the traditional philosophical paradigms which determine the development of the alternative concepts of business ethics: the principles of utilitarianism, or ethical consequentialism, Kantian deontological ethics, moral rights theory, and virtue ethics are explicated and evaluated in terms of how they contribute to the development of business ethics programs. The divergent views of the ways in which ethical regulators can be introduced into the field of business relations are conceptualized in terms of the controversy between moralists arguing for the internalization of morality and institutionalists claiming that the best way of bringing ethics into business is to arrange the regulatory framework for social relations and economic activities.

For citation

Galukhin A.V. (2018) Paradigmal'nye osnovy etiki biznesa [Paradigmatic foundations of Business Ethics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 218-228.

Keywords

Business ethics, social responsibility, ethical paradigms, utilitarianism, deontology, virtue ethics, rationality, morality, institutionalism.

References

1. Bowie N.E. (1999) A Kantian approach to business ethics In: *A Companion to Business Ethics.* Oxford and Malden: Blackwell Publishers Ltd.
2. Brandt R.B. (1992) *Morality, Utilitarianism, and Rights.* Cambridge: Cambridge University Press.
3. Cowton C.J. (2008) On Setting the Agenda for Business Ethics Research In: *Trends in Business and economic ethics*. Springer.
4. DeGeorge R.T. (2008) *A History Of Business Ethics*. Markkula center for applied ethics. Santa Clara University Press. Available at: https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/business-ethics/resources/a-history-of-business-ethics/ [Accessed October 1, 2018].
5. Dusca R. (1999) Employee rights. In: *A Companion to Business Ethics*. Blackwell Publishers Ltd.
6. Dusca R. (2007) *Contemporary reflections on business ethics.* Dordrecht: Springer.
7. Homann K., Blome-Drees F. (1992) *Wirtschafts- und Unternehmensethik*. Göttingen.
8. van Hooft S. (2006) *Understanding virtue ethics.* Durham: Acumen Publishing Limited.
9. Kant I. (1999) Critique of practical reason. In: *Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Mill J.S. (1998) *Utilitarianism.* Oxford and New York: Oxford University Press.
11. Solomon R.C. (1999a) *A Better Way to Think About Business.* New York, Oxford: Oxford University Press.
12. Solomon R.C. (1999b) Business ethics and virtue. In: *A Companion to Business Ethics*. Blackwell Publishers Ltd.
13. Velasquez M.G . (2012) *Business ethics: concepts and cases.* New York: Pearson Education Limited.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.013

Экзистенциальный смысл образования взрослых в контексте вызовов современности

Беляева Людмила Александровна

Профессор, доктор философских наук,
профессор кафедры философии, социологии, культурологии,
Уральский государственный педагогический университет,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26;
e-mail: labelyaeva278@mail.ru

Ниязбаева Наталья Николаевна

Доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Костанайский государственный университет,
110000, Республика Казахстан, Костанай, ул. Байтурсынова, 49;
e-mail: niyaz_nn@mail.ru

Аннотация

Проблема повышения пенсионного возраста как вызов современности акцентирует внимание на вопросе качества жизни человека, сохранения жизненной наполненности и содержательности в зрелом возрасте. В статье рассматривается вопрос о значимости образования как экзистенциальной возможности самоосуществления человека, возможности продолжения активной социальной жизни в зрелом возрасте. Обучение в разных формах как интеллектуальная нагрузка позволяет человеку быть увлеченным, сосредоточенным на новых интересах, обеспечивает занятость человека, субъективное переживание удовлетворенности своей жизнью. Человек осознает, что в зрелом пенсионном возрасте он получает больше возможностей наполнить свою жизнь интересами вне профессии и обязательного труда. Различные виды и формы образования за пределами обязательной профессиональной деятельности рождают новые пласты устойчивых интересов пожилого человека и расширяют границы мира. Увлеченность, мотивация включения в новое сообщество и расширение контактов, перспективы изменения жизненной событийности рождают новые взгляды и потребности. Человек именно во «взрослом» возрасте, будучи личностно зрелым и ответственным, способен переживать процесс своего образования как акт смыслопорождения и актуализации глубинных экзистенциальных ценностей жизни и осуществлении.

Для цитирования в научных исследованиях

Беляева Л.А., Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальный смысл образования взрослых в контексте вызовов современности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 229-234.

Ключевые слова

Образование, образование взрослых, экзистенциальный смысл образования, занятость, информальное образование, неформальное образование, формальное образование.

Введение

Ускорение темпов глобализации, иммиграционные потоки, расширение пространства и возможностей для обновления профессиональных навыков, изменение условий и содержания работы, связанные с темпом научно-технического прогресса, есть вызовы современной действительности, требующие от человека действий, решений, скорости, мобильности. Причем, активность и решительность требуются не только от молодых людей. Вызовы современной жизни все чаще являются вызовами для людей взрослых, людей зрелого возраста и, даже предпенсионного и пенсионного возрастов. Повышение возрастных границ пенсионных социальных гарантий – еще один социально-экономический жизненный вызов, встреча с которым актуализирует необходимость сохранения активности и здоровья.

Образование как экзистенциальный выбор

Период наступления пенсионного возраста как некий социальный рубеж, говорящий о завершении «официальной» активной трудовой деятельности, для человека – период жизни, актуализирующий его экзистенциальный выбор в социальной жизни *быть* или *не быть, или-или*. Быть востребованным для себя и своего окружения, самоутвержденным в результатах своего труда, исполненным в достижении целей – выбор сильного, уверенного, позитивного человека, для которого возможностью преодолеть вызов современной социальности становится образование.

Образование как глубинный экзистенциальный акт – это возможность и выбор: осуществить себя, наполнить свою жизнь смыслом и порядком, либо обречь себя на растерянность и бессмысленность бытия.

Образование как фундаментальная антропологическая структурная составляющая бытия человека есть ресурсная возможность продлить полноту жизни, причем, сделать ее даже более насыщенной и качественной. Сегодня образование является тем жизненным ресурсом, который не зависит от возраста, локации субъекта и даже материального состояния.

Образование взрослых

В нашей статье речь будет идти о возрасте взрослых людей, мужчинах и женщинах 55-65 лет. Это возраст предпенсионный и пенсионный, по нашей оценке, позволяющий уже глубже осознавать свои образовательные потребности, увлечения и интересы, рефлексивно оценивать жизненные события прошлого и планируемого будущего. Выбор качества жизни в пользу *интеллектуальной нагрузки* в этом возрасте – выбор активного, независимого человека, готового к продолжению активной социальной жизни.

Образование во «взрослом» периоде жизни – выбор сильного человека, нашедшего возможность сочетать бытовые, семейные условия жизни и неугасающее стремление к самоосуществлению личностному и профессиональному. На наш взгляд, именно сила как «мужество быть» (С.Мади) качественно определяет личностный потенциал взрослого учащегося. Сила как возможность преодолеть шаблоны и стереотипы социальности; как образ активной жизни; преодоление лености и пассивности.

Образование взрослого человека – процесс смыслозначимый, глубинный, сознательный и осознаваемый. Осмысление образования – это вовлеченность субъекта в процесс образовательной деятельности, внутренняя экзистенциальная причастность к образованию как экзистенциальной возможности осуществить себя в жизни.

Глубокая рефлексивная позиция, адекватная социальной жизни человека, преодоление ограниченности жизни, осмысление того, что еще можно сделать, какие ресурсы не использованы – экзистенциальный потенциал человека, реализующийся в процессе образования. Человек именно в зрелом возрасте, будучи личностно зрелым и ответственным, способен переживать процесс своего образования как акт смыслопорождения в собственной жизни и осуществлении.

Взрослый обучающийся иначе подходит к организации процесса своего учения. Например, взрослый человек проявляет более активно инициативу в учении, занимает позицию лидера во взаимодействии с педагогом, более критично подготавливаясь к встрече с ним. У взрослого обучающегося наиболее выраженная позиция, собственное мнение, с которым педагог не может не считаться и, порой, позиция взрослого обучающегося более яркая, нежели у его педагога. Опыт жизни взрослого учащегося подчеркивается опорой на практическое применение знаний, взрослый чаще задает вопросы «как?», «в чем причина?» и приходит за практикой. Взрослый обучающийся – критик; сомневающийся, если информация не соотносится с его жизненным опытом. Взрослый обучающийся чаще задает вопросы. И он уже знает на них ответы. Зрелый человек ищет погружения, возможность рефлексии и проживания нового опыта.

Образование в течение всей жизни. Формы образования

Образование во всех своих формах является продолжением активности человека, несмотря на прекращение трудовой деятельности в силу наступления определенного возраста. Образование в современном мире уже перестало быть лишь требованием «устройства» профессиональной жизни. Если образование взрослых рассматривать как проблему психосоциального благополучия людей и продолжения активной полноценной жизни, то актуально обращаться к Концепции образования в течение всей жизни (Life Long Learning), когда мы говорим об образовании как системе, охватывающей весь жизненный цикл человека, и состоящей из всех видов формального, неформального и информального обучения.

Формальное образование взрослого человека есть образование обязательное, плановое, зарегистрированное, сопровождающееся выдачей соответствующего документа. В этом случае образование представляется как закономерность, жизненная необходимость и некое социальное обязательство для обеспечения уровня жизни. Для взрослого человека в профессии формальный вид образования связан, как правило, с повышением квалификации, которое во многих структурах является обязательным.

Если степень включенности человека в формальное образование ограничивается долженствованием и вынужденностью, когда человек «в образовании» находится лишь в рамках установленных требований и сроков, ограничено его свободное и спонтанное самопроявление. Человек, вынужденный сесть за парту, ограничен в проявлении своей уверенности, решительности и автономности.

Выход в плоскость свободного проявления, профессионального и личностного развития, инициативы и мобильности, экзистенциального выбора качества своей жизни и профессии позволяют неформальное и информальное образование. Способы и траектории неформального и информального образования взрослый человек выстраивает самостоятельно, в соответствии со своими желаемыми позициями и потребностями. В этом случае субъект осознанно делает выбор направленности, содержательности и глубины своего образования.

Неформальное обучение для решения личностных и профессиональных задач осуществляется в разнообразных формах, варьируется и по времени, и месту проведения.

Например, стажировки, научные семинары, участие в конференциях, круглых столах, открытые публичные лекции, профессиональные тренинговые программы, семинары-вебинары, on-line лекции и консультации, научные командировки.

Информальное образование не связано с трудовыми обязательствами либо повышением профессиональной квалификации, всегда добровольно и выходит за рамки узкопрофессиональных интересов. Частные занятия, дополнительное образование (музыкальный курс либо художественный; спортивные центры и клубы, школы и др.), мастер-классы, психологические тренинги, занятия с репетитором по иностранному языку или языковые курсы, встречи с авторами книг, бизнес-встречи, арт-мероприятия и пр. Иными словами, информальное образование включает деятельность, направленную на самообразование и, следовательно, уже не связанную с работой. Информальное обучение может быть связано с тематическими путешествиями, открывающими человеку мир и новые грани жизни.

Спонтанный интерес, увлеченность, мотивация включения в новое сообщество и расширения контактов, перспективы изменения жизненной ситуации рождают новые пласты устойчивых интересов и расширения границ своего мира в зрелом возрасте. Человек осознает, что именно в зрелом пенсионном возрасте он получает больше возможностей наполнить свою жизнь интересами вне профессии и обязательного труда.

Интеллектуальная нагрузка позволяет соблюдать и психогигиену, т.е. контроль свои эмоций, реакций на жизненные ситуации. Чрезмерная эмоциональность, тревожность, восприимчивость к событиям внешнего мира, часто проявляющиеся у человека пожилого возраста, уступают место постоянной занятости, сосредоточенности, осознания востребованности и увлеченности.

Свободный выбор форм и видов неформального и информального образования определяет субъектность взрослого человека. Лишь субъектность как способность быть автором своего образования позволяет воплотить в жизнь автономные, независимые решения.

Заключение

Таким образом, проблемы образования как возможности самоосуществления человека во взрослом возрасте, актуализируют вопросы экзистенциального глубинного переживания собственной жизни, ее значимости, свободы и ответственности, преодоления отчуждения и одиночества, «заброшенности». Именно образование во всех своих формах и видах есть экзистенциальная составляющая жизни, позволяющая человеку преодолеть вызовы социальной действительности, быть при этом экзистенциально исполненным, активным, счастливым.

Библиография

1. Беляева Л.А., Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальный смысл образования взрослых // Сб. научных трудов V Международной научно-практической конференции «Образование взрослых в условиях современности: проблемы и перспективы». Екатеринбург, 2017. С. 12-15.
2. Исаев А.А. Философия образования как герменевтический фактор в педагогике высшей школы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 98-106.
3. Казакова Т.В. Философский анализ генезиса самоосуществления человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 51-54.
4. Котлярова В.В. Экзистенциальные ценности как эксплицирующий принцип социального бытия человека // Аналитика культурологии. 2009. Выпуск 2(14). С. 14-17.

5. Котлярова И.О., Прохазка М.И. Информальное образование в системе непрерывного образования научно-педагогических работников // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 16-22.
6. Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальные ценности образования. М.: Перо, 2014. 124 с.
7. Павлова О.В. Информальное образование как социокультурная потребность взрослых // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №1. С. 78-87.
8. Савелова Е.В. Экзистенциальная аналитика мифа и образования как универсальных культурных форм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 80-83.
9. Сапогова Е.Е. Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости // Психология социального развития: Человек в современном мире. Минск, 2007. С. 99-111.

Existential meaning of adult education in the context of the challenges of modernity

Lyudmila A. Belyaeva

Professor, Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy, Sociology, Cultural Studies,
Ural State Pedagogical University,
620017, 26, Kosmonavtov av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: labelyaeva278@mail.ru

Natal'ya N. Niyazbaeva

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
Kostanay State University,
110000, 49, Baitursynova st., Kostanay, Republic of Kazakhstan;
e-mail: niyaz_nn@mail.ru

Abstract

The problem of raising the retirement age as a challenge to our time focuses on the issue of the quality of human life, the preservation of vital fullness and pithiness in adulthood. The article deals with the issue of the importance of education as an existential possibility of a person's self-realization, the possibility of continuing an active social life in adulthood. Learning in various forms as an intellectual load allows a person to be passionate, focused on new interests, and ensures the employment of a person, the subjective experience of satisfaction with their life. A person realizes that in a mature retirement age they get more opportunities to fill their life with interests outside the profession and compulsory labor. Different types and forms of education outside the compulsory professional activity give rise to new layers of sustainable interests of the elderly person and expand the boundaries of the world. Passion, motivation for inclusion in a new community and expansion of contacts, prospects for changes in life events give rise to new views and needs. A person precisely in the "adult" age, being personally mature and responsible, is able to experience the process of his education as an act of sense-generation and actualization of the deep existential values of life and fulfillment.

For citation

Belyaeva L.A., Niyazbaeva N.N. (2018) Ekzistentsial'nyi smysl obrazovaniya vzroslykh v kontekste vyzovov sovremennosti [Existential meaning of adult education in the context of the challenges of modernity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 229-234.

Keywords

Education, adult education, the existential meaning of education, employment, informal education, non-formal education, formal education.

References

1. Belyaeva L.A., Niyazbaeva N.N. (2017) Ekzistentsial'nyi smysl obrazovaniya vzroslykh [Existential meaning of adult education]. In: *Sb. nauchnykh trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obrazovanie vzroslykh v usloviyakh sovremennosti: problemy i perspektivy»* [Scientific papers of the V International Scientific and Practical Conference "Adult Education in the Context of Modernity: Problems and Prospects"]. Ekaterinburg.
2. Isaev A.A. (2017) Filosofiya obrazovaniya kak germenevticheskii faktor v pedagogike vysshei shkoly [Philosophy of education as a hermeneutic factor in higher school pedagogy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6, 6A, pp. 98-106.
3. Kazakova T.V. (2009) Filosofskii analiz genezisa samoosushchestvleniya cheloveka [Philosophical analysis of the genesis of human self-fulfillment]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Matters of theory and practice], 1, pp. 51-54.
4. Kotlyarova V.V. (2009) Ekzistentsial'nye tsennosti kak eksplitsiruyushchii printsip sotsial'nogo bytiya cheloveka [Existential values as an explicatory principle of the social being of a person]. *Analitika kul'turologii* [Analytics in cultural studies], 2(14), pp. 14-17.
5. Kotlyarova I.O., Prokhazka M.I. (2016) Informal'noe obrazovanie v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [nformal education in the system of continuous education for scientific and pedagogical workers]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [SUSU. Herald. Series: Education. Pedagogy], 4, pp. 16-22.
6. Niyazbaeva N.N. (2014) *Ekzistentsial'nye tsennosti obrazovaniya* [Existential values of education]. Moscow: Pero Publ.
7. Pavlova O.V. (2013) Informal'noe obrazovanie kak sotsiokul'turnaya potrebnost' vzroslykh [Informal education as a sociocultural need of adults]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Herald of Leningrad State University], 1, pp. 78-87.
8. Sapogova E.E. (2007) Ekzistentsial'nye ozhidaniya kak faktor razvitiya vo vzroslosti i starosti [Existential expectations as a factor of development in adulthood and old age]. In: *Psikhologiya sotsial'nogo razvitiya: Chelovek v sovremennom mire* [Psychology of social development: People in the modern world]. Minsk.
9. Savelova E.V. (2010) Ekzistentsial'naya analitika mifa i obrazovaniya kak universal'nykh kul'turnykh form [Existential analytics of myth and education as universal cultural forms]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humanitarian and socio-economic sciences], 3 (52), pp. 80-83.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 37.013

Экзистенциально-антропологические аспекты образования: ценности и самоосуществление человека

Ниязбаева Наталья Николаевна

Доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Костанайский государственный университет,
110000, Республика Казахстан, Костанай, ул. Байтурсынова, 49;
e-mail: niyaz_nn@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения экзистенциально-антропологических аспектов образования. Рассматриваются два ключевых феномена экзистенциальной антропологии: ценности и самоосуществление человека. Экзистенциальные ценности как сущность и условия полноценного бытия человека фундаментальны, их выбор определяет значимость, осмысленность и качество жизни. Решение, осознанный выбор и принятие ценностей как экзистенциальный жизненный акт есть решение свободного, самостоятельного человека, стремящегося к полноценному существованию. Подчеркивается, что проживание базовых жизненных феноменов: любви, свободы, ответственности, совести, событийности с другим человеком, творчества и своей уникальности есть способ полного выражения и самоосуществления, которое разворачивается постепенно, наполняясь экзистенциально-ценностным содержанием. Экзистенциальность ценностей подчеркивается их дихотомичностью. Человеческое бытие противоречиво, экзистенциальные противоречия побуждают человека быть свободным либо ограниченным, ответственным либо обязанным, творческим либо шаблонным. Дихотомичность экзистенциальных феноменов актуализирует идею человека решающего и решительного, способного осуществить себя в жизни. Образование как структурная составляющая бытия есть возможность решать неизбежные противоречия, выраженные полярными экзистенциальными данностями жизни, что определяет способ жизни человека. Образование создает фундамент, на котором основываются приоритеты и ценности человека, его стремление к самоосуществлению и исполненности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ниязбаева Н.Н. Экзистенциально-антропологические аспекты образования: ценности и самоосуществление человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 235-240.

Ключевые слова

Экзистенциальная антропология, ценности, самоосуществление, выбор, образование, смысл, дихотомии, экзистенциальные ценности образования.

Введение

Актуальность обращения к экзистенциально-антропологическим проблемам в образовании очевидна настолько, насколько актуальны смысложизненные вопросы: свободы и ответственности, совести и любви, выбора и принятия решений, временности жизни, преодоления отчуждения и жизненных кризисов, глубинные переживания смыслов, жизненной исполненности и самоосуществления человека.

Антропологическая значимость экзистенциализма

Экзистенциальный антропоцентризм актуализирует идеи о человеке *существующем*, значит, осуществляющем поиск смысла, делающем выбор, самоопределяющемся в своем отношении к действительности, обладающем активной субъектной сущностью (Н.Аббаньяно, Д.Бьюдженталь, Р.Мэй, К.Ясперс). Антропологическая значимость экзистенциализма в образовании выражена обращенностью к выбору фундаментальных жизненных ценностей как основы принятия решений, так как быть человеком означает «быть решающим» (К. Ясперс).

Экзистенциальный выбор себя, своего осуществления происходит тогда, когда человеку в бытии важно его бытие (М.Хайдеггер). Самоосуществление – это важнейшее свободное решение человека, сильного и уверенного, который владеет собой и может действительно свободно располагать собой. Осуществленный в своей жизни человек – это человек, осознающий свои потребности и возможности, живущий выбранными ценностями, ориентирующийся на смысл, умеющий быть ответственным за свой выбор и жизненный путь. Как *быть* таким? – фундаментальная человеческая проблема-вызов.

Самоосуществление как переживание экзистенциальных ценностей

Именно в аспекте самоосуществления человек выступает как актуально бесконечное существо, реализующее себя в своей «актуальной потенциальности», способности к трансцендированию, к росту, развитию, совершенствованию, осмыслению жизни и пути к себе.

Самоосуществление человека разворачивается постепенно, при условии переживания в глубинах экзистенции базовых жизненных ценностей: любви, свободы, ответственности, совести, событийности с другим человеком, творчества и своей уникальности. Экзистенциальные ценности как доминантная составляющая экзистенции человека направлены на достижение совершенного бытия, наполненного значимостью и смыслом. Связь базовых ценностей между собой взаимозависимая, дополняющая и усиливающая. Ценности, переживаемые человеком в стремлении к пониманию себя, образуют ценностный потенциал личности.

Дихотомичность экзистенциальных ценностей

Но человек, по своей природной сути, постоянно живет в дихотомиях, пребывает в неравновесном состоянии, которое неустранимо [Фромм, 2010]. Дихотомичность истории человечества связана с разумом человека, который и побуждает его к созданию собственного мира, своему развитию. Человек должен выбирать, двигаться вперед, отдавать себе отчет о смысле своего существования, – пишет Э.Фромм в книге «Человек для самого себя». Экзистенциальные дихотомии – это противоречия, укорененные в самом существовании человека, которые человек не может устранить, и на которые он реагирует в соответствии со своими убеждениями и образом жизни [Хорошок, 2010].

Дихотомичность экзистенциальных ценностей раскрывается через экзистенциальные противоречия, которые экзистенциалисты называют одним из способов бытия. В основе противоречивости человеческого бытия лежит противоречие между сущностью и существованием. Именно экзистенциальные противоречия побуждают человека совершенствоваться, становиться хозяином природы и самого себя [там же].

Базовые экзистенциальные противоречия в образовании заключаются в конфронтации субъекта образования с фундаментальными данностями, образующими дихотомии, например, «свобода – принуждение», «осуществление – отчуждение»; «ответственность – долженствование» и др. С одной стороны, необходимость обновления ценностных приоритетов теории и практики образования, связанных с идеями абсолютной уникальности человеческого бытия, личности как «открытой возможности» (Э.Фромм), способной к самоактуализации (А.Маслоу), стремящейся к самоосуществлению (Ж.-П.Сартр). С другой – нарастание источников отчуждения и деструктивности личности в условиях современного образовательного процесса, ориентированного на механическое запоминание и воспроизведение, шаблонность мышления, директивность воспитания.

Экзистенциалисты подчеркивают, что существование человека настолько противоречиво, что его можно описывать только с помощью противоположных категорий, и здесь также обозначена проблема экзистенциального выбора. Экзистенциальный выбор приобретает особую значимость, когда субъект вынужден действовать и понимать ситуации, имеющие фундаментальное значение для каждого человека.

Экзистенциальный выбор представлен как необходимый выбор в контексте напряженных экзистенциальных данностей между жизнеопределяющими возможностями, «помеченными» человеком как ценности и имеющими для него статус альтернатив [Корсакова, 2012]. Преодоление противоречия – фундаментальная проблема-вызов человека в процессе его самоосуществления. Экзистенциальный выбор – смысловая доминанта жизни человека, когда человек выбирает, *переживая* одиночество или пустоту, востребованность либо бесполезность, болезненность либо желание.

Именно экзистенциальные ценности: свобода, совесть, духовность, ответственность, уникальность, осмысленность жизни, обретение ценностей, общение, творчество, любовь, смысл, являясь доминантой сознания и сознательной внутренней позицией личности, направлены на достижение совершенного бытия, влияющие на внутреннее развитие личности через наполнение жизни значимостью, смыслом и полноценным ее проживанием.

Экзистенциальная исполненность человека

Самоосуществление человека развертывается путем осознания и осмысления жизненных событий и проявленности себя в них. В философии экзистенциальной антропологии проявленность человека, осмысленность жизни и удовлетворенность ею отождествляем с понятием исполненность.

Экзистенциальная исполненность – субъективное переживание благополучия и довольства своей жизнью. Экзистенциальная исполненность переживается как удовлетворенность процессом и результатом своей жизни в определенный ее период, отражает внутреннее согласие человека с жизненными событиями, качеством проживаемой жизни, позитивным отношением к происходящим событиям.

Рассмотрение содержательного наполнения экзистенциальной исполненности человека может пересекаться в смысловом поле феноменов свершенности, основательности, жизненного мира, счастья, субъективного благополучия, самости, оживленности, жизненного пути, смысла,

осмысленности, преодоления, автономности, вызова, цели, целостности, завершенности, гармонии, аутентичности, причастности, вовлеченности, открытости, самоутверждения, самоактуализации.

Образование как экзистенциальная возможность, выбор которой всегда есть, дает шанс либо реализовать себя, осуществить, наполнить свою жизнь смыслом и порядком, так и обречь себя на растерянность и бессмысленность бытия. Образование, наполненное конструктивными целями и задачами, раскрывает потенциал человека, инициирует его стремление к действию и активности.

Осмысленная деятельность человека в процессе его образовательной бытийности опирается на рефлексию – акт осмысленности, глубокого осознания, обращение к собственному опыту, погружения в процесс самооценивания своих возможностей. Практика преподавания и учения в этом случае основана на рефлексивных и феноменологических методах обучения, когда и преподаватель, и обучающийся находят точки соприкосновения в момент осмысления информации, принятия и согласования позиций посредством диалога, размышлений, рассуждений, анализа, описания, обоснования отношения, выражения субъективного мнения.

Экзистенциальный выбор

Человек всегда находится перед выбором: осуществить себя, сделать свою жизнь достойной, позитивной, наполненной ценностями и смыслами либо выбрать путь отчужденности, абсурдности и бессмысленности всего человеческого существования. Противопоставление жизни и *не*-жизни, самоосуществления и отчуждения, утверждения и разрушения, смыслов и бессмысленности – ключевые позиции в построении структуры экзистенциальной антропологии образования.

Заключение

Таким образом, экзистенциальная задача человека в процессе образования – реализовать конструктивные возможности, предоставленные ему в жизни. Жизненный мир несет в себе уникальную человеческую историю, способную развертываться в нескольких направлениях соответственно различным возможностям. Эти возможности определяются характером взаимодействий, осмыслением образовательных позиций, выбором образовательной траектории, внутренними потенциалами развития. Экзистенциальные возможности образования создают фундамент, на котором основываются ожидания, приоритеты и ценности человека, его стремление к самореализации и самоосуществлению.

Библиография

1. Беляева Л.А. Философское образование школьников в контексте современной философии образования // Педагогическое образование в России. 2014. №3. С. 144-148
2. Беляева Л.А., Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальный смысл образования взрослых // Сб. научных трудов V Международной научно-практической конференции «Образование взрослых в условиях современности: проблемы и перспективы». Екатеринбург, 2017. С. 12-15.
3. Казакова Т.В. Философский анализ генезиса самоосуществления человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 51-54.
4. Корсакова И.А. Проблема противоречивости человеческого бытия в философских исследованиях. URL: https://sibac.info/conf/social/x/27049

5. Котлярова В.В. Экзистенциальные ценности как эксплицирующий принцип социального бытия человека // Аналитика культурологи. 2009. Выпуск 2 (14). С. 14-17.
6. Мерсиянова А.П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник ТГУ: педагогика и психология. 2010. № 335. С. 153-156.
7. Ниязбаева Н.Н. Рефлексивно-феноменологическая практика преподавания в вузе: работа с эссе, метафорами, афоризмами, пословицами // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. №8. С. 113-118
8. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2010. 350 с.
9. Хорошок Т.А. Образование в свете «алетейи» // Философия М. Хайдеггера и современность (к 120-летию со дня рождения философа): Материалы Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. 345 с.

Existential-anthropological aspects of education: values and self-realization of a person

Natal'ya N. Niyazbaeva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy,
Kostanay State University,
110000, 49, Baitursynova st., Kostanay, Republic of Kazakhstan;
e-mail: niyaz_nn@mail.ru

Abstract

The article discusses the main provisions of the existential-anthropological aspects of education. Two key phenomena of existential anthropology are considered: values and human self-fulfillment. Existential values as the essence and conditions of the full-fledged being of a person are fundamental; their choice determines the significance, meaningfulness and quality of life. The decision, the deliberate choice and acceptance of values as an existential life act is the decision of a free, independent person striving for a full existence. It is emphasized that living basic life phenomena: love, freedom, responsibility, conscience, co-being with another person, creativity and their uniqueness is a way of full expression and self-realization, which unfolds gradually, being filled with existential-value content. The existentiality of values is underlined by their dichotomy. Human being is contradictory, existential contradictions induce a person to be free or limited, responsible or obligated, creative or stereotyped. The dichotomy of existential phenomena actualizes the idea of a decisive and decisive person who is able to fulfill himself in life. Education as a structural component of being is the ability to solve the inevitable contradictions expressed by the polar existential givens of life, which determines the way of human life. Education creates the foundation on which a person's priorities and values, his striving for self-fulfillment and fulfillment are based.

For citation

Niyazbaeva N.N. (2018) Ekzistentsial'no-antropologicheskie aspekty obrazovaniya: tsennosti i samoosushchestvlenie cheloveka [Existential-anthropological aspects of education: values and self-realization of a person]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 235-240.

Keywords

Existential anthropology, values, self-realization, choice, education, meaning, dichotomies, existential values of education.

References

1. Belyaeva L.A., Niyazbaeva N.N. (2017) Ekzistentsial'nyi smysl obrazovaniya vzroslykh [Existential sense of adult education]. In: *Sb. nauchnykh trudov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obrazovanie vzroslykh v usloviyakh sovremennosti: problemy i perspektivy»* [Scientific papers of the V International Scientific and Practical Conference
"Adult Education in the Context of Modernity: Problems and Prospects"]. Ekaterinburg.
2. Belyaeva L.A. (2014) Filosofskoe obrazovanie shkol'nikov v kontekste sovremennoi filosofii obrazovaniya [Philosophical education of schoolchildren in the context of the modern philosophy of education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 3, pp. 144-148
3. Fromm E. (2010) *Chelovek dlya samogo sebya* [Man for himself]. Moscow.
4. Kazakova T.V. (2009) Filosofskii analiz genezisa samoosushchestvleniya cheloveka [Philosophical analysis of the genesis of human self-fulfillment]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 1, pp. 51-54.
5. Khoroshok T.A. (2010) Obrazovanie v svete «aleteii» [Education in the light of "aletey"]. In: *Filosofiya M. Khaideggera i sovremennost' (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya filosofa): Materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Philosophy of M. Heidegger today (to the 120th anniversary of the philosopher's birth]. Krasnodar.
6. Korsakova I.A. *Problema protivorechivosti chelovecheskogo bytiya v filosofskikh issledovaniyakh* [The problem of the contradiction of human existence in philosophical studies]. Available at: https://sibac.info/conf/social/x/27049 [Accessed 10/10/2018]
7. Kotlyarova V.V. (2009) Ekzistentsial'nye tsennosti kak eksplitsiruyushchii printsip sotsial'nogo bytiya cheloveka [Existential Values as an Explicit Principle of Human Social Being]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of culturology], 2(14), pp. 14-17.
8. Mersiyanova A.P. (2010) Osnovnye priznaki ekzistentsial'nogo vybora [The main features of existential choice]. *Vestnik TGU: pedagogika i psikhologiya* [TSU Bulletin: pedagogy and psychology], 335, pp. 153-156.
9. Niyazbaeva N.N. (2015) Refleksivno-fenomenologicheskaya praktika prepodavaniya v vuze: rabota s esse, metaforami, aforizmami, poslovitsami [Reflective-phenomenological practice of teaching in high school: work with essays, metaphors, aphorisms, proverbs]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 8, pp. 113-118

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9

Кризис субъективности: эффект нулевого «Я»

Пырьянова Ольга Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: pyryanova@mail.ru

Замощанский Иван Игоревич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Конашкова Алена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен нового типа субъективности – нулевого «Я». Автономность человеческого существования ставится под вопрос, поскольку потоки либидинозной энергии, которые могли бы создать нашу уникальность, подчинены нормализации властными структурами. Создается иллюзия, что субъект обречен на стирание собственной уникальности, на существование в системе маркеров и управления как нулевое «Я». Человеческая субъективность стремится ускользнуть от любого порядка, создавая новые структуры не подчинения, изменяя символические рычаги власти. Дискурс Власти провоцирует «» Я человека на проявления, которые сразу становятся управляемой структурой. Преодолеть данный процесс субъективность способна лишь через обращение к символическому. Интерпретация, жизнь в понятиях, позволяет не только изменить мир, но, создавая новые смыслы, индивид уклоняется от обесценивания собственного существования. Стадия зеркала, описанная Ж. Лаканом, не только объясняет формирование целостного представления у ребенка о самом себе, но и может пониматься как потребность взрослого в Другом находить себя. Именно Другой провоцирует субъекта на проявления собственной идентичности. Фактически индивид обречен на говорение о самом себе, одновременно подчиняясь и сопротивляясь Власти.

Для цитирования в научных исследованиях

Пырьянова О.А., Замощанский И.И., Конашкова А.М. Кризис субъективности: эффект нулевого «Я» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 241-248.

Ключевые слова
Психоанализ, субъективность, Я, Другой, дискурс.

Введение

Генезис субъективности, как его видит классический психоанализ, неизбежно влечет за собой тему кризиса субъективности. Развитие сексуальности, соразмерное развитию индивида, – критический процесс, переносящий либидинозную энергию из сферы саморегуляции личности в сферу социального управления ею. В этом отношении у З. Фрейда не найти однозначного ответа на вопрос об авторстве жизни. Можем ли мы утверждать, что потоки либидинозной энергии, продуцируемые Оно, создают уникальность человека, которую он сам реализует в социуме? Для Фрейда ситуация воспитания связана с диктатом Сверх-Я в форме родительских требований, с подавлением желаний и добровольным отказом от любви матери как от эдипальной зависимости.

Если же субъективность не является плодом и результатом собственных либидинозных потоков индивида, мы можем говорить о появлении в философии субъекта нового типа, свойства которого и сущностные характеристики маркируются извне некоторой системой управления. В данном случае привязка к дисциплинарной власти не носит обязательного характера, поскольку индивид еще до его социальной зрелости маркирован социальной ситуацией управления, которая обращает его, как такового, в нулевое Я.

Чем больший простор субъективность оставляет для воли внешнего социального управления, тем меньше автономных сущностных характеристик способен взрастить в себе индивид.

Тотальность Дискурса Власти и подчинение индивидуума ее квазидискурсам не фатальна – от любой техники Власти индивидуальность может ускользнуть, иначе социальные парадигмы замерли бы в своем развитии, а люди, витальные существа, превратились бы в колоду карт в саду Власти, условность которой была способна дезавуировать даже маленькая девочка Алиса.

Управляющий Дискурс

Понятийные основания Дискурса не выносят индивидуальности приговора подчинения [Фуко, 1993, 51]. Человек может сопротивляться деиндивидуализации в квазидискурсе Власти: такое сопротивление предполагает *отказ от соблюдения требований власти*, точнее, ее основного требования, которым является смерть индивида в дискурсе. Действительно, подчинение гиперреальному объекту, коллективному Эго возможно лишь при условии самоубийства индивидуальности: человек должен сознательно лишить себя «живых токов коммуникации»[1], омертветь, перестать творить понятия и вступать в информационный обмен лишь формально, так, как предписывает форма Дискурса власти.

Дискурс изначален, он – форма социальности, которая необходима человеку для самовыражения. В таком изначальном виде дискурс не является структурой подавления

[1] Метафора М.К. Мамардашвили.

человеческого Я. Лишь в дискурсе нам дан Другой, лишь в дискурсе мы сталкиваемся с собой как с Другим, что и конституирует субъективность [Лакан, 2000, 210].

Отказ от смерти в дискурсе может быть задан человеком в разных формах: в форме творчества понятий и присваивания имен вещам, о чем пишет М. Фуко, в отказе от речевых стилистических практик, как дискурс де Сада, в достижении однообразия и «нулевой степени стиля», о чем пишет Ж. Батай, но это всегда протест против смерти, стремление к жизни в дискурсе.

Существуют дискурсы, которым принципиально не суждено стать принадлежностью Власти, стать коллективными, дискурсы, настолько индивидуализированные, что ни одна инстанция Власти не способна их мифологизировать, завлечь в сети коллективного бессознательного. Такова ирония – она всегда пребудет с иронизирующим субъектом, и никто в мире не сможет дважды иронически отнестись к одному и тому же объекту. Другой уровень ускользания – поэзия. Поэтическое сопротивляется мифу. Об этом пишет Р. Барт: поэзия создает не тексты, не структуры, четко транслирующие связь означаемого с означаемым, а смыслы, не подлежащие мифологизации, не сводимые к уровню знака, деиндивидуализирующего бытие поэтического произведения [Барт, 2017, 259]. Литература способна извлекать смысл из бытия, ясность смысла дается в образе, который свободен в своем проявлении. Попытка использовать чужой образ подобна желанию оглянуться назад, загнать схваченную реальность в некоторый фрейм [Барт, 1994, 283]. Поэзия никогда не оглядывается назад – поэтический образ жив в новизне. Ни одна поэтическая фраза не может быть повторена – при таком повторении она перестанет быть поэтической. Цитируя поэзию, мы не повторяем фразы, но наслаждаемся формой, стилем, образом, метафорой. После Есенина ни один поэт не назовет мать «моя старушка», это его, личное, человеческое, слишком человеческое, чтобы быть повторенным.

Субъективность, порожденная психоанализом

Формирование субъективности в психоанализе Ж. Лакана связано с определенной стадией личностного развития, которую сам автор называет «стадией зеркала» [Лакан, 1997, 8].

Этот шаг первичен для субъективности в процессе обозначения внешнего мира, в его знаковой идеализации (идеализации в форме знака): «Эту форму, если мы хотим заставить ее войти в знакомый регистр, стоило бы, впрочем, назвать идеальным я, в том смысле, что она будет еще и источником вторичных идентификаций, чьи функции либидинозной нормализации мы распознаем под этим термином. Но важным пунктом здесь является то, что эта форма задолго до социальной определенности располагает инстанцию эго на линии вымысла, никогда не подлежащей изменению для отдельного индивида, – или, скорее, которая лишь асимптотически способна воссоединиться со становлением субъекта, каким бы ни был успех диалектического синтеза, посредством которого он должен растворить в качестве я свое несоответствие своей собственной реальности» [Лакан, 1997, 9]. Так начинается оформление ментального пространства субъективности, в последующей жизни ответственного за рационализацию либидинозных потоков, их инвестирование в социальные формы и их легитимацию в языке (допустимую природой конкретного языка).

Лакан использует для описания данного процесса термин гештальт, который позволяет предвосхитить возможности человеческой субъективности через внешнее. Благодаря гештальту ментальное Я, с одной стороны, поймано в стремлении к своему постоянству, с другой стороны, становится очевидным будущее отчуждающее предназначение [Лакан, 1997, 9]. Гештальт –

формальная данность, но данность интерпретируемая (если, конечно, этот гештальт носит завершенный характер) – пространство приобретает миметический характер, заметим, становится социальным пространством, пространством первичной социальной ситуации контакта с Другим.

Это первичное социальное пространство представляет собой некую, неожиданную, но, безусловно, принимаемую гетерогенность. Видимый, зримый мир – бытие, воспринимающее индивида. Его ожидания требуют ответа в форме зеркала – Другого. Отсутствие зеркала, Другого – символ недостаточности, нехватки, порождающий незавершенные гештальты, в поисках которых пройдет дальнейшая жизнь человека. Его субъективность оказывается плененной этим отсутствием позитивной энергетики, переводящей либидинозную активность вовне. Отдавать, искать незавершенный гештальт – вот к чему стремится субъективность, лишенная зеркала. Такая своего рода одержимость нарциссизмом, фиксация на нарциссической интенции и нарциссическом инвестировании является, по Лакану, закономерным процессом (диалектикой объекта [Лакан, 1998, 218], как этот процесс называет Лакан, ссылаясь на идею Фрейда).

Опережение, или избыток Другого, формирует репрессивные тенденции в отношении субъекта, а субъективность оказывается вовлеченной в это символическое поле репрессии внешнего образа. Тенденция эта носит абсолютный и универсальный характер.

Так, стадии зеркала – противоречивый процесс формирования субъективности, когда Эго избирает путь формирования: «стадия зеркала есть драма, внутренний посыл которой стремительно развивается от недостаточности к опережению – и которая для субъекта, пойманного на наживку пространственной идентификации, измышляет фантазмы, постепенно переходящие от раздробленного образа тела к форме, каковую мы назовем ортопедической, его целостности, – и к, наконец, водруженным на себя доспехам некой отчуждающей идентичности, которая отметит своей жесткой структурой все его умственное развитие» [Лакан, 1997, 10]. Пространственная идентификация, о которой пишет Ж. Лакан, есть не что иное, как оформление социального пространства субъекта в процессе которого происходит освоение принципов социальной репрезентации субъективности. Вместе с тем, этот процесс носит спонтанный характер, реализует потребности индивида на инфантильной стадии первичных потребностей. Для ребенка Другой – объект любви и желания, стадия зеркала интимна, и социальное в человеке формируется через интимность.

На стадии зеркала субъективность обретает смысл, это закономерно связывает ее формирование с языком – так возникает понимание Я, затем оформляемое в языке [Лакан, 1998, 219-220]. Язык определяет не только характер взаимодействия с Другим, но и сущность самого субъекта. [Cordon, 2012, 282]. Язык закрепляет первичное отношение к Другому и начинает с ним работать – в этом наиболее четко проявляется инструментальная функция языка – субъект начинает задумываться об отнесенности к истине и лжи (стоящими за ними реальности и видимости). Смысл субъективности встраивается в социальный контекст – конструируется в определенном фрейме. Одновременно, субъективность получает признание через проговаривание. Опыт социальной жизни – постижение структуры текста, где субъективность выполняет функцию знака – «Я». Этот знак может быть явным (в английском языке) и скрытым, потаенным (в русском), но он всегда есть подструктура социального отношения, реален в отношении к социальной ситуации.

Социальная ситуации простраивания знаков с возрастом (с усложнением процедуры использования имен и расширением комплекса коннотативных и денотативных структур)

становится все менее последовательной – переход субъекта от желания к неудовольствию и бунту рождает противоречия в приятии Другого. Другой перестает выполнять роль зеркала – он становится фреймом. Но фреймом становится социальный Другой – носитель системы социальных условностей, инициатор, аватар и восприемник ролей и статусов. Желание, на которое первоначально была направлена либидинозная энергия Я, остается вне этого фрейма. Так, субъективность обретает смысл через переход от желания и удовольствия к фрустрации [Лакан, 1995, 20]. Так, переход к речевой объективации, освоению называния Я заставляет субъективность заново интерпретировать уже сложившийся в первичной нарциссической объективации образ, что, с одной стороны, лишает Эго обретенного инфантильного статуса, с другой стороны, требует переосмысления самой процедуры – частичного отказа от визуальной интерпретации и перехода к знаковой, формальной, культурной стадии обозначения Эго, не являющейся спонтанной, реализующейся в проектируемых субъектом текстах. Сама сложность данной задачи для субъекта рождает фрустрацию.

С речью связано функционирование Эго в форме знака, в форме отчужденной структуры, задающей поле социальности. Ж. Лакан пишет: «На самом деле *Эго,* силу которого наши нынешние теоретики измеряют его способностью выдержать фрустрацию, есть фрустрация по самой своей сути. Это не фрустрация желания субъекта, а фрустрация, вызванная самим объектом, в котором ею желание отчуждено; и чем больше оформляется этот объект, тем более углубляется отчуждение субъекта от его наслаждения. Перед нами, таким образом, фрустрация во второй степени, причем такая, что даже если субъекту и удастся включить ее форму в свой дискурс, воссоздав тот инертный образ, в котором субъект, отраженный в зеркале, находит себе объект, он все равно не сможет этим удовлетвориться, ибо даже при абсолютном сходстве он сумеет отразить в этом образе лишь желание другого. Это значит, что адекватного ответа на этот дискурс не существует: всякое слово, которое примет его обознание за чистую монету, субъект сочтет за презрение.

Агрессивность, которую испытывает при этом субъект, не имеет ничего общего с животной агрессивностью фрустрированного желания. Отсылка к таковому, которой обычно и удовлетворяются, маскирует другую агрессивность, для всех и каждого гораздо менее приятную: агрессивность раба, отвечающего на фрустрацию от своей работы желанием смерти.

Понятно теперь, как эта агрессивность может отреагировать на любое вмешательство, которое, обнаруживая воображаемые намерения дискурса, демонтирует объект, созданный субъектом для служения им» [Лакан, 1995, 20-21]. Так, Эго попадает под власть интерпретаций Другого – знаковая система изначально сложнее интерпретаций, которые по отношению к целому языка всегда будут вторичными. Однако признание вторичности собственных интерпретаций Другого – всегда крайне болезненный удар по нарциссическому Эго, которое себя объективирует, начиная со стадии зеркала как первичное и доминирующее над реальностью в тотальности собственного желания.

Субъективность попадает в ситуацию нормативного именования, которому она вынуждена подчиниться [Лакан, 1998, 208]. Языковые отношения преобразуют ситуацию господства воображаемого образа на стадии зеркала в символическое, культурное отношение, создающее историю субъективности как связь прошлого и будущего: «Все человеческие существа участвуют в символическом универсуме. Они гораздо более включены в него и переживают его влияние, нежели сами конституируют его. Они в гораздо большей степени являются его носителями, нежели действующими факторами. Именно вследствие влияния символов, символического построения истории человека происходят изменения, в которых субъект бывает

готов признать своими меняющиеся, раздробленные, изломанные, порою даже не сложившиеся и регрессивные образы» [Лакан, 1998, 209]. Эти рассуждения можно, конечно, трактовать как профессиональный пафос психоаналитика – воля к власти. Доля истины в этом моменте присутствует: «Искусство аналитика должно, напротив, состоять в том, чтобы постепенно лишать субъекта всякой уверенности, пока не рассеются последние призраки ее. И именно с членением дискурса связаны этапы их исчезновения» [Лакан, 1995, 22].

Заключение

Дискурс, воплощая желание индивида, соблазняет Власть. Власть использует желание, чтобы овладеть Дискурсом и превратить его в силу тотальности и диктата, узурпирующую индивидуума и творящую гиперреальный образ коллективного Эго. «Власть не является нисходящей или исключительно формой репрессии, но возникает из микро-взаимосвязей и это действительно производит, конституирует наши подлинные идентичности» [Richard, 2013, 158]. В этой практике Власть опирается не на сознание, но на бессознательное индивида, поскольку лишь дискурс Власти, укорененный в бессознательном, претендует на вечность. М. Фуко объясняет, как Дискурс власти в форме инстанции контроля поглощает субъективность, становясь у предела сексуальности, у предела языка, у границы субъективности. Может ли человек противостоять такому авторитарному господству дискурса Власти? Его противостояние – жизнь в дискурсе, отказ от включенности в дискурс власти в качестве мертвого элемента. Такая жизнь обретается человеком в творчестве понятий, в иронии, в поэзии.

Но дискурс – структура. Он конституирован, и эта его конституция используется Властью как система господства над человеком.

Власть пластична, она приспосабливается к существующим в обществе реалиям, практикам проговаривания и объективации отношений. Если власть перестанет быть таким хамелеоном, она выйдет из-под контроля собственного раздутого нарциссического Эго, которое, собственно, и обеспечивает вечное инвестирование в управляющий социумом контроль. Регулирующие механизмы имплантируются властью в тела индивидов, стирая границы. Играя с конструктами искусственного и естественного, власть создает определенный порядок конституирования субъекта [Alberts, 2013, 557].

Мир символических интерпретаций дезавуирует притязания субъекта на завершенность первичного нарциссического образа, выстраиваемого Эго. Субъект становится единицей символического обмена во внешней знаковой системе – но лишь так субъективность проявляет себя в качестве культурной, социальной. Лишь в поле речи субъективность может быть поименована, интерпретирована – вне такого социального поля внешних знаков субъективность обречена на переход от первичного нарциссизма к примитивному каннибализму – поскольку ни один зеркальный образ не может существовать достаточно долго как статичный. Но если форма объективации в дискурсе не выработана, либидинозные потоки могут быть инвестированы лишь в крайней структуре, структуре пограничного деструктивного психоза. Так, речь, фрустрирующая и подавляющая, становится защитой субъективности от каннибаллического кризиса нарциссического Эго. Субъективность обречена функционировать в пределах социальности как знак, лишь так она интегрируема в культуру.

Кризис субъективности выражается в деавтономизации сущностных характеристик человека. Предопределяемые социальным управлением субъективные качества личности нивелируются, обращая субъективность в нулевое Я.

Библиография

1. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. М.: Академический проект, 2017. 351 с.
2. Барт Р. Литература и значение // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. 616 с.
3. Лакан Ж. Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. СПб.: Алетейя, 2000. 340 с.
4. Лакан Ж. Семинары, Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. 432 с.
5. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М., 1997. 184 с.
6. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
7. Фуко М. Жизнь и наука // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 43-53.
8. Alberts P. Foucault, Nature, and the Environment // A Companion to Foucault. Chichester, 2013. 626 p.
9. Cordon L.A. Freud's World. Santa Barbara, 2012. 467 p.
10. Richard A. Lynch Reading The History of Sexuality // A Companion to Foucault. Chichester, 2013. 626 p.

Subjectivity crisis: the effect of zero self

Ol'ga A. Pyr'yanova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pyryanova@mail.ru

Ivan I. Zamoshchanskii

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Alena M. Konashkova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Abstract

The psychological and philosophical research presented in this article deals with the phenomenon of a new type of subjectivity – the zero self. The autonomy of human existence is called into question, since the flows of libidinal energy, which could create our uniqueness, are subject to normalization by the authorities. The illusion is created that the subject is doomed to erase his own uniqueness, to exist in the system of markers and management as a zero self. The Discourse of Power provokes the human self to manifestations that immediately become a controlled structure. The subjectivity can overcome this process only through the appeal to the symbolic. Interpretation, life in concepts, allows not only to change the world, but, creating new meanings, an individual shuns the devaluation of his own existence. The stage of the mirror, described by J. Lacan, not only

explains the formation of a child's holistic view of itself, but can also be understood as an adult's need for the Other to find itself. It is the Other that provokes the subject to manifest its own identity. In fact, the individual is doomed to talk about himself, at the same time obeying and resisting the Power, conclude the authors.

For citation

Pyr'yanova O.A., Zamoshchanskii I.I., Konashkova A.M. (2018) Krizis sub"ektivnosti: effekt nulevogo «Ya» [Subjectivity crisis: the effect of zero self]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 241-248.

Keywords

Psychoanalysis, subjectivity, self, Other, discourse.

References

1. Alberts P. (2013) Foucault, Nature, and the Environment. In: *A Companion to Foucault*. Chichester.
2. Barthes R. (1994) Literatura i znacheniie [Literature and Meaning]. In: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [The selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow.
3. Barthes R. (2017) Mif segodnya [Myth Today]. In: *Mifologii* [Mythologies]. Moscow.
4. Cordon L.A. (2012) *Freud's World.* Santa Barbara.
5. Foucault M. (1993) Zhizn i nauka [Life and science]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Questions], 5, pp. 43-53.
6. Lacan J. (1995) *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize* [The Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis]. Moscow.
7. Lacan J. (2000) Psihoz i Drugoi [Psychosis and Other]. In: *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 14. Status inogo* [Metaphysical research. Issue 14. Status of other]. St. Petersburg.
8. Lacan J. (1998) *Seminari, Kniga 1: Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza (1953/54)* [The Seminar of Jacques Lacan: Book 1, Freud's Papers on Technique, 1953-1954]. Moscow.
9. Lacan J. (1997) Stadiya zerkala i ee rol v formirovanii funktsii ya [The Mirror Stage as Formative of the I Function]. In: *Instantsiya bukvy, ili sud'ba razuma posle Freida* [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason since Freud]. Moscow.
10. Richard A. (2013) Lynch Reading The History of Sexuality, Volume 1. In: *A Companion to Foucault.* Chichester.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 159.9

Классический психоанализ как парадигма социального действия

Пырьянова Ольга Анатольевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: pyryanova@mail.ru

Замощанский Иван Игоревич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Конашкова Алена Михайловна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Уральский федеральный университет,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, просп. Ленина, 51,
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Аннотация

Проблема социального управления оформляется в нововременной парадигме: рождается идея автономного субъекта, конструирующего реальность. Данный субъект пытается покорить не только природный мир, но и подчинить общественные структуры, направляя свои действия на таких же субъектов, как и он. Социальное действие, имеющее в своей основе человеческую экзистенцию, становится диктатом для бессознательных влечений индивида. Оно – это то, что не всегда поддается рациональному управлению человеческого Эго. Оно выстраивает индивидуальность субъекта, при этом стараясь избежать диктата в виде рационализации и рефлексии, которые неизбежно приводят к возникновению властного дискурса. Выражая свою субъективность, человек вынужден подчиниться структурам социального управления, возникает конфликт, поскольку эти структуры имеют принципиально иную природу. Классический психоанализ интерпретирует возможность воплощения желаний Оно через рационализацию, исходящую от Я, встраивая уникальность в социально одобряемый порядок, Сверх-Я. Сверх-Я создает социально одобряемые образцы реализации желаний бессознательного, которые означаются Я. Именно Я позволяет примирить Оно и Сверх-Я, согласуя символическое и реальное, выстраивая человеческую субъективность, которая обладает гибкостью и подвижностью в структурах социальности.

Для цитирования в научных исследованиях

Пырьянова О.А., Замощанский И.И., Конашкова А.М. Классический психоанализ как парадигма социального действия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 249-257.

Ключевые слова
Классический психоанализ, З. Фрейд, социальное управление, Я, Оно, Сверх-Я.

Введение

Социальное управление в традиционном обществе не избежало дискурсивного оформления. Собственно, любой приказ – форма дискурса. Основой социальной позиции человека, гражданина полиса является его собственная экзистенция. Об этом пишет М.К. Мамардашвили: «Постараться узнать то, что ты сказал – это и есть познать себя» [Мамардашвили, 1996, 74]. В античности философия возникает как форма самопознания субъекта, как форма воссоздания себя в практике диалогического философствования. Это лишь первый шаг на пути к пониманию субъектом себя как носителя достоинства личности. Значимыми моментами данного процесса являются:

– рефлексия над собой и Другим, в которой формируется представление индивида о субъективности;
– возникновение философии школы как системообразующего основания значимости образования для развития личности и осознания человеком долга перед полисом;
– вера античного сознания в ценность философского способа миропостижения.

Отсутствие социальной политики в отношении индивида в обществе традиционного типа обусловлено действенностью иных регулятивов человеческого поведения – вера, традиции и предубеждения были доминантами индивидуального и общественного сознания, они определяли комплекс идей, руководивших умами правителей, обывателей и даже философов (несмотря на тот очевидный факт, что быть философом – значит, уклоняться от доминантных структур, типологически определяющих самосознание эпохи).

Проблема социального управления не актуализировалась в Средние века, поскольку такое представление стало бы очередной уловкой лукавого – подлинной субъектностью обладает лишь Бог, Он есмь единственная субъективность. Все иное – объект его Промысла. Социальное управление от лица Власти не выработало особых потребностей в методах, поскольку сам принцип управления социумом был уже предзадан, противное было бы покушением на Волю. Методы социального управления были апелляцией к этой Воле, к Истине, в лучшем смысле, они были экзегезой «вечного возвращения того же самого» [Ницше, 2015, 48].

Эпоха Нового времени не только возвращается к проблеме метода в науке, методология становится общим способом осознания и объяснения бытия. Новое время формирует человека буржуазной эпохи, личность, которая будет субъектом капиталистических производственных отношений, наемным работником и которая разовьет эти отношения до современного их состояния. Человек Нового времени наследует активность преобразовательного отношения к миру человека эпохи Возрождения, но он более сложен, противоречив. Новое время ориентировало человека на поиск опытных, экспериментальных критериев совершенствования культуры. «Плодоносный опыт» (опыт экспериментальной работы) создает культуру промышленной революции, инновационную по духу [Бэкон, 2015, 189].

Если для традиции, как начала, предопределяющего сознание индивида, ключевым моментом было наследование форм коллективного опыта, то для инновации, доминирующей в сознании эпохи Нового времени – осмысление, преобразование этого опыта. Идея tabula rasa Дж. Локка, его критика теории врожденных идей – основания социальной политики, меняющей

отношение к индивиду [Локк, 1988]. Именно в эпоху Нового времени начинается осмысление феномена человеческой субъективности, исчезает единый доминантный центр понимания человеческой сущности и человеческих поступков – традиционный тип структурирования бытия и сознания сменяется полипарадигмальным. Заметим, что Новое время – лишь начало этого процесса дробления социального пространства, социальная гетерогенность только начинает генерировать себя.

Историко-философским началом осмысления человеческой субъективности становится классическое рассуждение Декарта о том, что я как мыслящая субстанция существует [Декарт, 2001, 22]. Субъект эпохи Нового времени – открытая структура, преобразующая и продуцирующая смысл. Декарт впервые открыл близость человеческой субъективности познанию. Для Декарта субъект познания мыслит, оформляется в языке, язык не просто один из признаков человеческой природы, родовой сущности, как позднее это понятие выразит К. Маркс, – так было для Д. Юма, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Гольбаха и Гельвеция. Идеология просветительства обнаруживает свою неполноту, поскольку чтобы мыслить, нужны более фундаментальные познавательные усилия – *быть субъектом*, иными словами, рождать смысл.

Именно в нововременной парадигме рождается идея метода социального управления: человек автономен, но эта автономность не стала залогом его самодостаточности. Человек несовершенен, изначально не ощущает полноту бытия. Из этого источника произрастает его потребность в познании своего внутреннего мира, но эта недостаточность, кроме всего, питает Власть, как систему управления, соблазняет Власть отыскать некое пространство в человеке, тайную лакуну, опираясь на которую можно было бы править человечеством на принципах безраздельного господства.

Классический психоанализ: первичная социализация субъекта

Создавая концепцию психоанализа, Фрейд отказался от основополагающего принципа своего естественнонаучного мировоззрения – принципа единства материального и духовного, телесного и психического. В круг его интересов попала, прежде всего, психика человека, его душевные переживания.

Ключевые моменты, от которых отталкивается З. Фрейд, следующие:

– Индивид, человек – не просто познающее существо. Индивид – существо вожделеющее, по сути своей.
– Анатомия человека – его судьба. Иными словами, индивиды изначально не гомогенны, это мужчины и женщины (что хуже, чем мужчины, но неизбежно и реально).
– Человек – не тотальность, а структура, причем достаточно противоречивая.
– Человек растет и развивается. Статистические показатели нельзя признать единственно пригодными для познания человеческой сущности. Как в свое время посмеялся герой популярного отечественного фильма над своей начальницей: «она считает, что дети появляются на свет согласно штатному расписанию с должностью и окладом», так до Фрейда полагалось, что сексуальность возникает, откуда ни возьмись, когда наступает время заключать брак.
– Сексуальность человека изменчива, и от этих изменений зависит не только развитие личности, но и социальное благополучие, поведение, формы социальной репрезентации человека.
– Речь связана с сексуальностью индивида – это находит подтверждение в разработанной Фрейдом практике психоанализа.

З. Фрейд кардинально изменил представления о личности человека. «Фрейд утверждает, что сексуальность – сущность человека, а именно, нашего бытия. Но он также говорит, что то, что он подразумевает под сексуальностью, радикально отличается от общепринятого понимания. Его цель, таким образом, – это не просто показать, что сексуальность в нашей жизни занимает гораздо большее место, чем мы предполагали; но изменить наше понимание сексуальности. Он желает достичь изменения парадигмы, концептуального пересмотра» [Lear, 2005, 55]. Пуританская культура воспитания ребенка отрицала всякое проявление у него сексуальных стремлений, считая необходимым подавлять все такие моменты в поведении как отклонения, проявления дурного нрава, до брака, заключаемого уже взрослыми людьми.

Основная идея – в сексуальности, как проявлении человеческой физиологии, нет ничего, относящегося к нравственности или морали. Сексуальность человека не нравственна, не безнравственна, она естественна, и поэтому не может появиться невесть откуда, когда он принимает сознательное решение вступить в брак. Поскольку сексуальность – естественное проявление здорового организма, она и проявляет себя на всех этапах его роста, развития, взросления, изменяясь от возраста к возрасту. Нормальное развитие сексуальности начинается с рождения ребенка, когда он тянется к материнской груди. Это проявление чувственности и становится основой для формирования сексуальности человека. Эти первичные стадии развития сексуальности Фрейд называет инфантильной сексуальностью. Развитие сексуальности – индивидуальный онтогенетический процесс, который переживается каждой личностью. В его основе лежит закономерность соответствия ситуации развития ребенка, т. е. методов воспитания ребенка уровню его сексуальной зрелости. Нарушения возникают, когда на ребенка смотрят и обращаются с ним, как с объектом, чья сексуальность соответствует сексуальности воспитателя. Это насилие. Насколько глубоким являлось такое несоответствие, настолько глубоки и психологические[1] (либо даже – психопатологические[2]) нарушения в развитии личности. Однако родитель, как правило, не может до конца осознать этой разницы в различии сексуальной зрелости (именно потому, что сексуальность – естественное проявление человеческого организма), потому ребенок, зависящий от родителя, так или иначе, переживает состояния депривации (отсутствия душевного тепла), фрустрирующего воздействия культуры взрослого мира.

Ребенок находится практически в полной зависимости от родителей, которая закрепляется его душевной привязанностью к ним – он их любит. Как же человек с раннего возраста справляется с травмами? Ведь если бы у личности на уровне психики не существовало механизмов защиты от травматического воздействия негативных ситуаций, человек не перенес бы ни одной из негативных жизненных ситуаций.

Этот закономерный вывод привел З. Фрейда к пониманию того, что сама личность человека до сих пор понималась и психологами, и философами превратно, такое понимание не соответствует реальности, подлинному человеческому Я.

Важнейшую роль в жизни человека играет «Оно», или бессознательное. Понятие бессознательного появилось еще в традиционной ассоциативной школе в психологии, которая рассматривала его как нечто пассивное, «непостижимое», недеятельное, не оказывающее воздействия на психический душевный мир человека. Фрейд, напротив, выдвигает принцип

[1] Неврозы.
[2] Психозы.

активности бессознательных процессов. Фрейд определяет Оно как темную, недоступную часть нашей личности, которая противоположна Я по своим стремлениям, поскольку в Оно сосредоточены все «бурлящие вожделения», наполненные энергией, но не обладающие структурой [Фрейд, Введение в психоанализ, 2015, 345].

Фрейд показал, что рациональное не всегда определяет действия личности, напротив, рациональное существует скорее вопреки желаниям и истинным стремлениям личности. Концепция бессознательного усложнила структуру человеческой субъективности: проблематизация данной темы с необходимостью приводила к выводу о том, что всякое социальное управление изначально чуждо человеку. Собственно, сам отец-основатель был вынужден прибегнуть в качестве предпосылки, объясняющей появление социальности, к мифу о каннибалической трапезе.

Бессознательное – тот уровень личности, который ею не осознается, это царство естества, естественных инстинктов, не подчиняющихся требованиям морали. Бессознательное для личности является сферой разрешения, поощрения активности. В нем царствуют два противоборствующих инстинкта – Эрос и Танатос, Любовь, наслаждение, и Смерть, разрушение. Цель бессознательного – стремление к удовольствиям. Бессознательное – источник либидо, сексуальной энергии человека, энергии в широком смысле слова, это желание человека жить, воля к жизни и активность в широком смысле. З. Фрейд отмечал, что либидо является силой подобной голоду. В которой сосредоточено влечение [Фрейд, Введение в психоанализ, 2015, 199]. Сфера бессознательного – источник жизненной силы человека. Однако реально жизненная сила у каждого проявляется по-разному. Человек в состоянии невроза часто демонстрирует нежелание наслаждаться жизнью, а в крайних формах психоза стремится к саморазрушению. Почему так происходит?

Очевидно, считал З. Фрейд, социальная жизнь выстраивается по другим принципам, которые невротизируют человека. Социальные представления – характерная черта культуры традиционных обществ с глубокой древности, ярко выразившаяся и сохранившаяся в нарративах эпохи первобытности.

Сверх-Я: принцип реальности и социальное действие

Взаимосвязь возникновения культуры человеческого общества, ее стремительного развития и появления первых негативных регулятивов поведения личности З. Фрейд связывал с функцией Сверх-Я. В работе «Тотем и табу» З.Фрейд пишет: «Почти повсюду, где имеется тотем, существует закон, что члены одного и того же тотема не должны вступать друг с другом в половые отношения, следовательно, не могут также вступать между собой в брак» [Фрейд, Тотем и табу, 2013, 199]. Культура первобытности включала в себя множество постоянных и временных табу. Что понимается под табу? З.Фрейд отмечает, что запреты в первую очередь касаются стремлений к удовольствию, общения, свободы перемещения, кроме того, чаще всего эти запреты не понятны с рациональной точки зрения, запреты есть некоторая форма тайного церемониала. Человек, преступивший запрет, приобретает признаки запретного. «Эта сила свойственна всем лицам, представляющим сбой нечто исключительное» [Фрейд, Тотем и табу, 2013, 217].

Постепенно система табу в обществе испытывает определенную эволюцию, освобождаясь от демонического оттенка, становясь обычной системой предписаний практического и хозяйственного порядка. Интересно, что из сложной структуры, описывающей социальные и

родовые связи первобытного социума, табу становится всего лишь содержательным элементом хозяйственной практики, постепенно утрачивая этический смысл.

Социальные представления меняются вместе с динамично меняющимся социумом. Как мифологическую, обычно в литературе, характеризуют гипотезу З.Фрейда о происхождении человеческого рода и культуры – ритуал убийства отца-основателя рода сыновьями, тотемическая трапеза каннибалического поедания предка, коллективное чувство вины, закрепляющее единство рода. Для З. Фрейда эта гипотеза помогла обосновать психологический феномен чувства вины, возникающего у человека. Итак, Сверх-Я – сфера требований общества к человеку. Однако это и структура личности в том числе, так же значимая для человека. Человек сталкивается с первыми требованиями общества к нему в лице его родителей. Они олицетворяют для него Сверх-Я. Ребенок стремится к наслаждениям, а родители ему запрещают их, это обязательный момент воспитания, поскольку общество признает наслаждение лишь в форме, принятой обществом. Без наслаждений, т.е. без реализации либидо человек не может существовать. Жизненная энергия либидо необходима ему, в том числе и для всякой созидательной деятельности.

Человек учится с детства лавировать в этой ситуации, приспосабливает требования Сверх-Я к нуждам и потребностям Оно. Эту функцию личности выполняет Я, или Эго, которое можно интерпретировать как принцип реальности, рассудок и осмотрительность [Фрейд, Я и Оно, 2015, 347]. Я проявляется в человеке на уровне тела. Задача Я – справиться с негативной, угрожающей для психики ситуацией. Часть негативных переживаний Я вытесняет – переносит в сферу бессознательного, наделенную, как выше было сказано, моральной индифферентностью. Так осуществляется счастливая особенность человека забывать прошлое, особенно плохое. Такое вытеснение не может быть окончательным – иначе человек превратился бы в животное. Воспоминания копятся в подсознательном.

Интерпретация Я, принципа реальности, в учении Фрейда также заслуживает особого внимания. Это, скорее, практическая, прикладная идея, корнями уходящая в здравый смысл, а не в философские ее прообразы, как принято считать. Фрейд пишет: «Я является лишь частью Оно, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у Оно, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у Оно. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний Оно. Я сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя Оно вместо объекта, желая направить либидо Оно на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни Я принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, Я должно проводить в жизнь намерения Оно, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом» [Фрейд, Введение в психоанализ, 2015, 347]. Таким образом, Я зависит от Оно не только энергетически, но и в отношении к объектам желания. Я – своего рода союзник Оно в противостоянии внешнему миру как угрозе полного подавления желаний. Эта гипотеза противостояния репрессии, как трактовали первые последователи учения З.Фрейда, раскалывает единое бытие на две противоположные подструктуры – социальную, политическую, тотально властвующую над индивидом и интимную, эротическую, описывающую тайные желания. Либидо вытесняет гнозис.

Далее, посмотрим на проблему под иным углом, вместе с тем, не отдаляясь от этой изначальной психоаналитической концепции. В социально-философском аспекте фрейдову структуру личности можно интерпретировать следующим образом.

Сверх-Я – культура, социальное целое, интерпретируемое индивидом бытие. Интерпретация этого бытия и задает пространство экспликации человеческой субъективности. Репрезентации Сверх-Я связаны с тем, как субъект его интерпретирует, истолковывает и, в конечном счете, проживает их: они могут быть поименованы в терминах М. Фуко как жизнь, труд, язык, в терминах М.К. Мамардашвили – опыт, традиция, топология пространства, в терминах самого З. Фрейда – родитель, психоаналитик, объект либидинозной активности. Язык именования условен, это языковая игра (термин Л. Витгенштейна). Но связь Сверх-Я и Я сохраняется в любой системе именований.

Сверх-Я в работах З. Фрейда символизирует сферу культуры, именно эта сфера определяет нормативность общества, следовательно, воспитание закладывает основы процессов управления человеком, создает субъективную основу управляемой культурой экзистенции. З. Фрейд в работе «Недовольство культурой» пишет: «Замена власти индивида на власть общества явилась решающим по своему значению шагом культуры. Сущность его в том, что члены общества ограничивают себя в своих возможностях удовлетворения влечений, тогда как индивид не признает каких бы то ни было ограничений. Следующим культурным требованием является требование справедливости, т. е. гарантия того, что раз установленный правопорядок не будет нарушен в пользу отдельного индивида» [Фрейд, Недовольство культурой, 2013, 69]. Закон, справедливость и правопорядок есть первые формы дискурсивного оформления власти общества над индивидом. Они конституируются на индивидуальном уровне как Сверх-Я.

Мифологическое истолкование происхождения культуры у З. Фрейда является источником психоаналитической концепции социального управления – источником отношений власти в обществе является некое событие, исторические истоки которого отнесены к началу времен. Но, парадоксальным образом, невзирая на отсутствие документальных свидетельств (кроме самых ненадежных), это событие вписано в порядок истории, создает дискурсивный порядок управления. Это событие является, само по себе, воображаемой (поскольку в его документальности явно следует усомниться) травмой, и, как таковое, конституирует определенный порядок переживания, вытеснения травмы, символически переносимый на системы управления человеческим сообществом. «Индивидуальная свобода не является культурным благом. Она была максимальной до всякой культуры, не имея в то время, впрочем, особой ценности, так как индивид не был в состоянии ее защитить. Свобода ограничивается вместе с развитием культуры, а справедливость требует, чтобы ни от одного из этих ограничений нельзя было уклониться. То, что заявляет о себе в человеческом обществе как стремление к свободе, может быть бунтом против имеющейся несправедливости и таким образом благоприятствовать дальнейшему развитию культуры, уживаться с культурой. Но это же стремление может проистекать из остатков первоначальной, неукрощенной культурой личности и становиться основанием вражды к культуре. Стремление к свободе, таким образом, направлено либо против определенных форм и притязаний культуры, либо против культуры вообще» [Фрейд, Недовольство культурой, 2013, 72]. Так, стремление к свободе, органически присущее человеку, противоречит его желанию получить защиту и заботу, которые он отверг когда-то, в эпоху древней предыстории человеческого рода.

Заключение

Субъективность, как ее впервые описывает З. Фрейд, – открытая структура, предполагающая смещение смыслов от Оно к Я и от Сверх-Я к Оно (посредством согласования с Я, принципом реальности). Субъективность интерпретируется З. Фрейдом как полиморфная структура, в пределах которой систематизация социальных знаков становится проблемой – такая систематизация происходит в целях выживания в социуме, но она всегда дискредитируется, подрывается субъективностью.

По сути, Я становится знаком, подструктурой Сверх-Я, но подструктурой активной, инвестирующей либидинальные потоки, кодирующей их в социально адаптированных, усвоенной культурой, социумом форме, упорядочивающей энергию Оно, именующей ее и означающей ее. Но Я именно так и создается, творится самим человеком, субъектом через репрезентацию его собственной субъективности, включаясь в разнообразные дискурсивные практики, совмещая символическое и реальное. Психоаналитический дискурс, инициированный З. Фрейдом, включается в структуры социальности, становясь поводом и способом социального управления.

Библиография

1. Бэкон Ф. Новый Органон. М.: Реабилитация, 2015. 352 с.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии. М., Наука, 2001. 399 с.
3. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 1. 636 с.
4. Мамардашвили М.К. Необходимость себя // Введение в философию. М., 1996. С. 7-154.
5. Ницше Ф. Ecce Homo. Антихрист. СПб: Азбука-классика, 2015. 224 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. СПб: Азбука-классика, 2015. 120 с.
7. Фрейд З. Недовольство культурой. Харьков: Фолио, 2013. 224 с.
8. Фрейд З. Тотем и табу. СПб: Азбука-классика, 2013. 256 с.
9. Фрейд З. Я и Оно. СПб: Азбука-классика, 2015. 288 с.
10. Lear J. Freud. New York, London, 2005. 296 p.

Classical psychoanalysis as a social action paradigm

Ol’ga A. Pyr’yanova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: pyryanova@mail.ru

Ivan I. Zamoshchanskii

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ivanz.79@mail.ru

Alena M. Konashkova

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Ural Federal University,
620000, 51, Lenina av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a_konashkova@mail.ru

Abstract

The problem of social management is shaped in a modern paradigm: the idea of an autonomous subject constructing reality is born. This subject is trying to conquer not only the natural world, but also to subordinate social structures, directing its actions to the same subjects as he. Social action, which is basically human existence, becomes a dictate for the unconscious drives of the individual. Id is not always amenable to the rational management of the human Ego. Id builds the individuality of the subject, while trying to avoid dictatorship in the form of rationalization and reflection, which inevitably lead to the emergence of power discourse. Expressing his subjectivity, a person is forced to submit to the structures of social management, a conflict arises, since these structures have a fundamentally different nature. Classical psychoanalysis interprets the possibility of the realization Id's desires through rationalization emanating from the Ego, embedding uniqueness in a socially approved order, Super-Ego. The Super-Ego creates socially approved patterns of the realization of the unconscious desires, which are signified by Ego. It is Ego that allows human being to reconcile Id and the Super-Ego by harmonizing the symbolic and the real, building human subjectivity, which has flexibility and mobility in the structures of sociality.

For citation

Pyr'yanova O.A., Zamoshchanskii I.I., Konashkova A.M. (2018) Klassicheskii psikhoanaliz kak paradigma sotsial'nogo deistviya [Classical psychoanalysis as a social action paradigm]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 249-257.

Keywords

Classical psychoanalysis, S. Freud, social management, Ego, Id, Super-Ego.

References

1. Bacon F. (2015) *Novyi Organon* [The New Organon]. Moscow.
2. Descartes R. (2001) *Razmyshleniya o pervoi filosofii* [Meditations On First Philosophy]. Moscow.
3. Freud S. (2015) *Nedovolstvo kulturoi* [Civilization and its discontents]. Kharkov.
4. Freud S. (2013) *Totem i tabu* [Totem and Taboo]. St. Petersburg.
5. Freud S. (2015) *Ya i ono* [The Ego and the Id]. St. Petersburg.
6. Freud S. (2015) *Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii* [A General Introduction to Psychoanalysis]. St. Petersburg.
7. Lear J. (2005) *Freud.* New York, London.
8. Locke J. (1988) Opyt o chelovechecskom razumenii [An Essay Concerning Human Understanding]. In: *Sochineniya: V 3 t.* [Writings: 3 books]. Moscow. Book 1.
9. Mamardashvili M.K. (1996) Neobkhodimost sebya [Necessity of yourself. Introduction to Philosophy]. In: *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to philosophy]. Moscow.
10. Nietzsche F. (2015) *Ecce Homo. Antikhrist* [Ecce Homo. Antichrist]. St. Petersburg.

УДК 261.6

Исторические основы византийского богослужения

Гапанюк Антон Евгеньевич

Преподаватель кафедры философии и теологии,
Московский православный институт святого Иоанна Богослова,
127473, Российская Федерация, Москва, переулок Чернышевского, 11а;
e-mail: antony_e@pisem.net

Аннотация

В настоящее время подробно изучается литургика Восточной Церкви. Это происходит как на Востоке – в России, так и на Западе представителями папской Римской школы восточной литургиологии. Подробно изучена литургия. Но меньше внимания уделено таинствам и истории Литургии Преждеосвященных Даров (и службам постового периода). Следует говорить о том, что исторические основания западного и восточного богослужения очень важны. Основания – то, что лежит в основе явления. А в основе богослужения апостолов лежит ранняя практика (часто еврейская). В основе всех богослужений лежат их ранние варианты. Важно не только видеть в богослужении однообразные евангельские символические элементы, но также его исторический фундамент и основу. Без этого литургика перестает быть интересной, и разные люди, любящие разные формы культуры в богослужении, не могут полюбить службу. Появляется необходимость дать некое описание исторических данных, которые бы помогли в понимании православного богослужения, когда активно распространяется историческое толкование служб. В статье дается попытка дать обзор истории таинств, суточных служб византийского обряда и Литургии Преждеосвященных Даров.

Для цитирования в научных исследованиях

Гапанюк А.Е. Исторические основы византийского богослужения // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 258-268.

Ключевые слова

Литургика, суточные службы, литургия преждеосвященных Даров, таинства, требы.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

Введение

Следует говорить о том, что исторические основания западного и восточного богослужения очень важны. Основания – то, что лежит в основе явления. А в основе богослужения апостолов лежит ранняя практика (часто еврейская). В основе всех богослужений лежат их ранние варианты. Важно не только видеть в богослужении однообразные евангельские символические элементы, но также его исторический фундамент и основу. Об этом писал литургист Ю. Рубан в одной из своих работ. Без этого литургика перестает быть интересной, и разные люди, любящие разные формы культуры в богослужении, не могут полюбить службу.

В то же время большинство работ по литургике до XX века отражают именно символическое понимание богослужения ранними авторами. [Дмитревский, 1992; Румовский-Краснопевков, 1891; Симеон Солунский, 2009]. И именно эти работы распространены в настоящее время наиболее широко. В связи с этим появляется необходимость дать некое описание исторических данных, которые бы помогли в понимании православного богослужения, когда активно распространяется историческое толкование служб. В настоящее время уже существуют компилятивные аналоги авторов – М. Кунцлер, П. Малков, Х. Уайбру [Кунцлер, 2001; Малков, 2011; Уайбру, 2012].

Литургическая терминология

В современной литургике уместно использовать западную литургическую терминологию («навечерие», «вигилия», «триденствие», «литургический год» или «церковный год»). Это важно для того, чтобы не создавать новых терминов [Duchesne, 1903] без особой необходимости [Apel, 1990; Dix, 2015], подобно тому, как музыканты ввели термины «лауды», «комплеторий», хотя у них были и восточные аналоги («повечерие»). С основной западной литургической терминологией можно столкнуться и в православной литургике. При этом и византийское богослужение богато своей терминологией: тропарь («трофей», реликвия или победная песнь в честь мученика) и его подвид – тропари со стихами «стихиры» (тропари на «Господи воззвах»), «полный» кондак (произведение для исполнения в домах – «икосы», написанное на свитке «контакионе» с аркой сверху – кукулионом), антифон – попеременно исполняемое песнопение (иногда относят и к кафизмам). Тропари имели разные названия: ипакои (древнейшие тропари, чтобы к ним прислушиваться), троичны, богородичны и прочие. Седальны – песнопения, которые служили для сидения на них и размышления над чтением. На кафизмах (в отличие от «кафизмата» – седальнов), вероятно, не сидели. Популяризируются новые восточные литургические выражения – «синапта», «перисси». Были особые термины, как «входное», «киноник», «библейские песни» (в дониконовской практике «пророческие песни»), «катавасии» и «экзапостиларии», «диптихи».

Вся эортология и гимнография православной Церкви стала складываться после Константина Великого (тогда же появились базилики, входы, процессионные свечи, облачения, каждение и прочие ритуальные моменты). Можно говорить о трех эпохах богослужения: апостольской, Константиновской и современной (с IX века).

Однако на Западе были свои термины, которые также распространяются в православном богослужении: «Префация», «респонсорий», «коллекта».

Много важных понятий встречается в тестах редко совершаемых богослужений, например, «Литургии преждеосвященных Даров». Эта служба исторически значима, и на ней можно особо остановиться.

Литургия преждеосвященных Даров

Уже в период после апостолов (которые еще посещали синагоги и 3 и 6 час в храме) оглашенные постились 40 дней до крещения. Часть верующих могла взять на себя часть их подвига. Согласно «Дидахе», возникает практика читать «Отче наш» три раза в день. По Тертуллиану, это могло быть связано с тем, что христиане причащались три раза в день перед приемом пищи. При этом апостолами среда и пятница («стационарные дни») вводятся в противовес двухразового в неделю поста фарисеев. Еще почитались суббота и воскресенье. Согласно законам А. Баумштарка, важные периоды года сохраняют архаичное богослужение (как Великий Пост – литургию Василия Великого). В постные дни совершались процессии (со «стациями») и причастие. Но позднее Соборы запретили совершение евхаристии (связанной с торжеством и агапой) в пост. На Западе Григорий Двоеслов, наоборот, ввел полную литургию в пост, отсюда, возможно, его имя закрепилось за литургией Преждеосвященных Даров (хотя ранее ее приписывали Василию Великому). Литургия Преждеосвященных Даров представляет собой причастие в вечернее время, так как пост заключался, как у католиков, в не-ядении до вечера. У студитов эта литургия включала в себя почти полную вечерню. В иерусалимской практике данная литургия представляла во многом «изобразительны». В наши дни это некий синтез, который включает также молитвы (ектению) о готовящихся ко «просвещению». Возглас «Свет Христов» сопровождал внос первого света диаконом. Паремии поста читали в Византии также на «тритоекти». Оглашение совершали во время поста, а крестили в Великую Субботу [Воробьев, www]. По сути, литургия преждеосвященных Даров – это не литургия, подобно Литургии Иакова, Марка, Григория Богослова, Мессе. Но в литургии преждеосвященных к вечерне добавлены отдельные песнопения «Ныне силы», «Отче наш», так как Святые Дары по правилам хранятся на жертвеннике и нужен их внос на престол.

В связи с изучением Литургии Преждеосвященных Даров возникают богословские вопросы – кто ее автор, осуществляется ли Пресуществление вина от соприкосновения с ним Тела Христова, а также вопросы причастия под одним видом, где священник слегка «напояет» Тело Кровью Христовой, «хлебопоклоннической ереси».

Литургия Преждеосвященных Даров имеет много византийских [Беляев, 1893] особенностей – только епископ стоит в центре до вечернего входа, поется «Да исправится», молитва Ефрема Сирина (у Сиро-яковитов больше его песнопений, как «Ефремов стих» литургии), завеса закрывается наполовину, обычное окончание литургии. Ранее ее совершали вместе с вечерней и в среды и пятницы всего года, а также весь Великий Пост (как студиты [Желтов , Правдолюбов, www]). Но по нынешнему уставу ее можно служить в среды и пятницы, полиелейные праздники (и каждый день поста поэтому служили полиелей в Киево-Печерском монастыре и совершали эту литургию). Но не сохранились многие практики, подобно этой, а также поклонению Копию в Великую Пятницу, изображения на «воздухах» положения во гроб (отсюда – Плащаница), хождения по городу для чтения страстных Евангелий (как в Иерусалиме в Великую Пятницу).

В отдельные воскресенья Великого поста, а также в особые дни по разным частным обстоятельствам сложились несколько видоизмененные службы (например – освящение колива, чин «Торжества православия», Поклонение Кресту, чтение Великого Канона, «Суббота Акафиста»).

В пост служат в наши дни не в красных, а в черных облачениях (как на отпевании императора Петра), совершается аллилуйная служба. Особое место уделяется в пост 17 кафизме,

размышлению, покаянию, совершению панихид («паннухисов»). В Великий Четверг совершается соборование всех верующих с одним помазанием (хотя это есть и в дониконовской практике, но, возможно, это было введено как замена исповеди во время гонений турок на греков, так как священников, имеющих грамоту дающую право принимать исповедь, стало мало).

Впрочем, литургия преждеосвященных Даров, вероятно, также была в отличие от домашнего самопричащения мирян и монахов введена, распространена монофизитами и только потом утвердилась в православии (в Иерусалиме, Константинополе и, возможно, в Александрии).

Таинства византийского обряда

Следует также сказать вообще о восточной литургике (которую можно разделить на «рубрицистику» [Красовицкая, 2007], «сравнительную литургику», литургическое богословие – богословские проблемы в самом богослужении или отражение богословия в богослужениях). Православие всегда делало акцент на Священном Писании и Предании. Но вводятся особые термины. Распространилось выражение «Литургическое Предание», но его корректность порой вызывает вопросы (иногда, возможно, лучше использовать выражение литургическое «наследие»).

В наши дни можно увидеть многообразие литургической традиции – это и реконструкции «апостольского» богослужения у «баптистов», ранние формы культа у Древних Восточных Церквей, Римо-Католиков. С Запада распространяются основные понятия: «таинство» (мистерия – sacramentum, что отражено в неопубликованных «лекциях по исторической литургике» В. Алымова), «литургия» (на Западе – синоним слова «богослужение»). Хотя в терминологии не всегда следует делать акцент на понятия протестантов и католиков.

В хрестоматийных учебниках до распространения исторического изучения богослужения в наше время использовалось византийское символическое толкование богослужения (и хрестоматийные обобщения как «виды молитв» – прошение, хваление, благодарение...) и рубрицистика – правила, как служить службу по стандартным литургическим книгам.

И на Востоке, и на Западе можно сгруппировать богослужения по следующей схеме: литургия (так как совершается в определенное время суток, но содержит в себе таинство, хотя таинства обычно относятся к требам), суточные службы, требы [Нефедов, 2002]. На Западе также популярны «практики благочестия».

История изучения литургики, восходящая во многом к периоду полемики протестантов и католиков Ж. Гоару, была продолжена русскими литургистами – школами изучения литургики в России до революции (М.Скабаланович, Школа Дмитриевского [Дмитриевский, 1903; Успенский, 2004] и другие). На Западе «литургическое движение» много содействовало обновлению богослужения. При этом после революции результаты исследований русских литургистов не исчезли, а были развиты в эмиграции [Керн, 2001; Красовицкая, 2007]. Также немецкий ученый А. Баумштарк основал школу «сравнительной» литургики, которая была продолжена Римской школой Восточной литургиологии до наших дней [Арранц, 2003; Матеос, 2010; Тафт, 2000].

Современная архитектура храма, облачения, иерархия служителей – их формы утвердились в период после императора Константина. Система таинств (в среднем от 3 до 15 или 7 как у католиков) сложилась примерно чуть позднее.

Таинство крещения отмечали как таинство «Царства», вхождение в Церковь. Православные любят говорить, что крещение Иоанново и христианское различны. Крещение Иоанново было

крещением покаяния. Еще Евнух и его крещение, описанные в Деяниях (Деян. 8:26-39), а также крещение семей и многих людей совершалось во имя Троицы. Но, видимо, уже ранний чин предполагал возникновение оглашения (как в Дидахе). Дидахе сравнивают с катехизисами – суммой Священного Предания или сокращением для мирян системы богословских наук (для детей во многом сокращенный катехизис – «Закон Божий»). Вероятно, существовали степени оглашенных, наподобие степени «Иже ко просвещению». Вся литургия оглашенных и служба «тритоекти» [Диаковский, 1908] была связана с их наставлением. Крещение могли и могут совершать и миряне, через погружение или обливание (окропление). При этом важно понятие «тайносвершительной формулы» (главной формулы или действия, через которую совершается таинство и которая восходит ко Христу и апостолам), и «установительных слов» (слов, которые впервые упоминают момент появления того или иного богослужения).

Вторым крещением считали покаяние. В нем не было четкой «тайносвершительной формулы», но молитва «Господи Боже наш, Иже Петрови и блуднице». Покаяние в древней Церкви представляло отлучение от причастия, с этим связаны понятия «метанойя», «епитимия» (ее два типа, отлучение от причастия или добрые дела в виде поклонов, молитв, милостыни). Исповедь при апостолах, вероятно, представляла отлучение от общины (как в 1 Кор. 5:5). Публичная исповедь с отлучением от причастия была известна до шестого века. Существовали степени кающихся: плачущие, слушающие, припадающие, купностоящие.

Тайная исповедь распространилась у кельтов. Кельтская литургия вообще включала в себя синкретичные элементы и была адаптируемой к любым условиям. Кельты распространили тайную исповедь. У греков практиковали исповедь у монахов-не священников. Эта практика вошла в студийскую традицию. Но исповедовать стали иеромонахи. Студийский обряд был подобен современному, но во многих практиках менее строгий (хотя он предписывал до 300 поклонов в день, но имел мягкие правила поста, короткие службы). Особенностями устава было пение кафизм, повечерие в форме 12 псалмов [Диаковский, 1909] и «мефимона», отсутствие выхода клириков на полиелей, только будничное окончание утрени с чтением славословия (кроме Великой Субботы и некоторых списков студийских текстов).

В то же время на Востоке распространился и Номоканон Иоанна Постника, который ограничил публичное покаяние. Но публичная исповедь в течение 40 дней поста существовала, вероятно, при Каролингах. Исповедь при патриархе Никоне и до него включала «епитимии», дополнительное молитвенное правило, которое вычитывали миряне (как у старообрядцев). Покаянные «епитимии» включали псалмы, поклоны, пост. Уставы поста также были различны (на Востоке они были заменены воздержанием от скоромного, тогда как по восточным монашеским уставам, как и у католиков, должны включать неядение до вечера, по аналогии с иудеями). У старообрядцев известно и «скитское» покаяние – чтение молитвы, которая заменяет исповедь. Запрет больших епитимий был введен в восемнадцатом веке (тогда пытались отменить и посты).

Древневосточные церкви [Saint Basil Liturgy, www] (не копты [Liturgy of saint Dionysius, www]) и старокатолики включают покаяние в чин литургии и не практикуют частную исповедь. Во многих традициях – у армян, ассирийцев отменено и монашество. Монашеский постриг – изначально путь покаяния.

Семья также не принималась монахами. Хотя законный брак, как договор, был распространен в Ветхом Завете. При этом с именованием брака таинством связана идея установления всех таинств Христом и в Новом Завете. Брак в Кане (Ин. 2: 1-11) трудно считать установлением таинства брака, так как брак практиковался иудеями всегда, как и многоженство. Брак в ранней Церкви (см. статья «Брак» в Православной энциклопедии [Православная

энциклопедия, 2003]) и у католиков совершался как евхаристия с причащением молодоженов. Так, удостоверялось что их брак – христианский, а обмен приданым (кольцами), надевание венков, как на героев – светские традиции. Сохранение данного понимания брака наблюдается в католицизме. Другие чины католических таинств отличаются от православных большей простотой (иерей в каппе может присутствовать только на крещении, миропомазании, браке и священстве).

Семья, согласно христианству, это малая церковь. И близкие идеи видны в архитектуре храма. «Брак земли и неба», собственно, интересен в архитектуре. Брак Христа и Церкви есть образ христианского брака. Западная и древневосточная церковная архитектура (включающая по сути возвышенный престол и иногда завесу) отражают это в меньшей степени, чем православная, коптская, эфиопская, включающие иконостас.

Велико для древних Церквей и значение 7 таинств. Одна из древних Церквей – Армянская Церковь не сохранила соборование. Послание Иакова (Иак. 5:14) – основа таинства соборования. Таинство в православной Церкви совершается одним или более иереями. А у католиков обычно совершалось одним иереем, как напутствие перед смертью.

В византийском обряде были свои особенности в совершении таинств в разные периоды (армянский обряд отражает византийское богослужение достудийского периода). Древнерусские таинства студийского периода имели свои особенности [Одинцов, 1881; Пентковский, 2001, 2002; 2003]. Были отличия и у разных таинств. Особенности крещения: первое пение «Елицы во Христа» совершалось – без хождения вокруг купели, перед обходом со вторым «Елицы» было одеяние в белое и пострижение волос. На великом входе литургии крещенный нес свечу. Особенности священства: на рукоположении не ходили вокруг престола. Особенности венчания: первые две молитвы, апостол и Евангелие до XV века не читались, до испивания «общей чаши» совершали причастие, с XVI века добавили паремию, с XVI века после обручения постригали волосы. Особенности соборования: вначале совершались вечерня, утреня и литургия, а перед ней соборование (по иерусалимскому «обряду»), помазывали после литургии. Был еще чин соборования, близкий к современному (но там великие ектении были добавлены перед каждым чтением из «Апостола»). По студийскому уставу были особенности литургического года – в Великий Пяток не было чтения Апостолов и паремий, а литургию Пасхи клир пел в алтаре. В древнем Иерусалимском уставе также были свои особенности – на Пасху христосовались при закрытых Царских Вратах, вечерня Пятидесятницы включала ектению с 26 прошениями, в Великий Четверток 12 раз возносили «Панагию». В первый Пяток первой седмицы поста совершали обряд прощения, как и в Прощеное воскресенье.

Редко видимым для мирян было таинство священства. Во времена апостолов была своя иерархия клира: пророки, апостолы, учители. Глоссолалия практиковалась довольно широко. Позднее утверждается система современной иерархии и чин рукоположения. Он включает возглас диакона (который ошибочно считали «тайносвершительной формулой»): «Божественная Благодать», обращение к народу – «Повелите», которое отражало то, что народ совершал выборы клира, и ответ народа – «аксиос». Появилось и обхождение вокруг престола. Возложение рук существовало издревле как форма передачи благодати (и в миропомазании). Малые чины клира хорошо сохранялись на Западе до Второго Ватиканского собора [Dobszay, 2003]. Привратники, аколуфы, копиаты, диакониссы – имели важное значение в разные периоды истории Церкви. Но позднее поставления редко совершались, как и освящение храмов, мироварение, молебны.

Но главным было евхаристическое служение клира. Это связано с тем, что община собирается вокруг евхаристии. Хотя изначально могли быть собрания и на агапы в синагоги.

Мученичество играло важную роль в становлении иерархии (чтецов, дпиров, анагностов), диаконисс. Уже в конце этого периода появляются ранние суточные службы.

Суточные службы

История литургии вообще очень интересна, и с ней связано развитие суточных служб. Ранняя литургия известна по описанию, например, Иустина Философа. Литургия могла включать – внос свечи диаконом, чтения, молитвы, Канон, причастие. Особые литургии были у всех древних Поместных церквей. Они также имели свои Символы веры (на Западе – три). В наши дни иногда используются литургии Востока: Литургии Иакова и Марка, Григория Богослова. Свои литургии были и у древнего Запада: Галльская, Амвросианская, Мозарабская, Римская [Cabrol, www].

Византийская литургия окончательно формируется в VIII веке. Ее дополняют шествия по городу – литании, которые включали три антифона, великую ектению, чтения, сугубую ектению. Начинать литургию мог возглас «Благословенно начало и Царство» (это обнаружил литургист Н.Успенский) Отсюда возникает и структура современной литургии.

Складываются типы литургий византийского обряда. Также появляется историческое и символическое понимание епископского богослужения. Но развиваются и суточные службы (мало изменяемые с VI века). Можно проследить и историю Типикона (суточных служб).

Складываются богослужебные книги певчих – Октоих, Минея, Ирмологий, Цветная Триодь (начиная с воскресенья-недели «цветной» – вербной).

Также возникают книги для служителей Востока и Запада – Часослов (Бревиарий [Литургия Часов, 1994; Batiffol, 1912]), Служебник (Миссал), Требник (Ритуале, ранние памятники Западного богослужения можно посмотреть также – http://sacrificium-laudis.blogspot.com, http://www.naorcc.org/reference-library, и литургических библиотеках).

Но Византийцы имели особые суточные службы, которые ныне не практикуются – Паннухис, Тритоэкти, Чин двунадесяти псалмов. При этом великопостное расписание служб современных православных храмов сохраняет почти все суточные службы, тогда как в течение всего года служится вечерня, утреня (и в России – первый час). Греки на Афоне совершают бдения на всю ночь и читают все часы днем. Монашеские западные и восточные уставы имели свои особенности по сравнению с соборными уставами приходских церквей. Суточные службы в Византии и в Европе различались в разные периоды (но после устава святого Бенедикта и Студийского устава они мало менялись). Суточные и евхаристические богослужения являются также особенностью высоких церквей у протестантов. При этом традиционные высокоцерковные протестанты «оксфордского движения» восстановили у себя многое, что было утрачено ранними церквями [Dearmer, 2011; Fortescue, O'Connell, Reid, 2009; Purchas, 1858; King, 1957; Rock, Frere, Hart, 1905].

Но и на Востоке такое возможно. Многие канонические правила (носить иподиаконам малую фелонь, а не орарь, поставлять малых клириков, веять диакону на каноне рипидой, петь библейские песни утрени и тропари на блаженнах, совершать повечерие и полунощницу) и особенности богослужения выпали из практики РПЦ МП, но могут быть восстановлены, это можно было бы назвать («Канонический приход»). При этом на приходах служится всенощное бдение, которое не обязательно даже в монастырях. И оно сильно урезается. Структура современного бдения и прочих суточных богослужений при этом не сильно меняется.

Суточные богослужения поста (включали много чтений псалмов) и после-постового периода (на светлой Седмице фактически отменяли псалтирь) значительно отличались от

прочего времени года. Но цикл основных праздников все же мало менял структуру богослужения (Пасха – вне их). Были особые дни года вне поста на Востоке (малые посты, Успение, Крестовоздвижение, Пятидесятница, Преображение, Рождество, Богоявление [Смирнов, 1900]) и Западе (день всех душ, пепельные дни, Роратные мессы, Рождество, Богоявление, Сретение, Рогации, день Тела Христова, дни св. Власия Севатийского, св. Иоанна Богослова, св. Иоанна Предтечи), в которые богослужение отличалось. О возрождении богослужения по Типикону, древних литургий [Собрание древних литургий, 2007], практик поста и покаяния можно услышать в наши дни [К вопросу об устройстве общин ИПЦ, www].

Заключение

В настоящее время подробно изучается литургика Восточной Церкви. Это происходит как на Востоке – в России, так и на Западе представителями папской Римской школы восточной литургиологии. Подробно изучена литургия. Но меньше внимания уделено таинствам и истории Литургии Преждеосвященных Даров (и службам постового периода). В статье дается попытка дать обзор истории таинств, суточных служб византийского обряда и Литургии Преждеосвященных Даров.

Библиография

1. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. Таинства Византийской Традиции. М., 2003. 680 с.
2. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана. М., 2003. 680 с.
3. Беляев Д.Ф. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX-X в. // Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Т. II. 308 с.
4. Воробьев В. Введение в литургическое предание Православной Церкви. URL: https://predanie.ru/vorobev-vladimir-protoierey/book/73501-vvedenie-v-liturgicheskoe-predanie-pravoslavnoy-cerkvi/
5. Диаковский Е.П. Из истории богослужения. «Чин-Тритекти». Киев, 1908. 42 с.
6. Диаковский Е.П. Последование ночных часов: («Чин 12ти псалмов») // ТКДА. 1909.Т. 2. No 7/8. С. 546-595.
7. Дмитриевский А.А. Митра: Историко-археологический очерк // Руководство для сельских пастырей. 1903. № 11. С. 281-299.
8. Дмитревский И. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Божественную литургию. Оропос Аттикис, 1992. 356 с.
9. Желтов М.С., Правдолюбов Сергий, прот. Богослужение Русской Церкви X–XX вв. URL: http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/1132/
10. К вопросу об устройстве общин ИПЦ: приход, катехизация, служение мирян, практика причащения, духовничество, исповедь. URL: http://www.ostrova.org/diy/tips/obshina/
11. Керн К. Евхаристия. М., 2001. 336 с.
12. Керн К. Литургика (Гимнография и Эортология). Париж, 1964. 157 с.
13. Красовицкая М. Литургика. М., 2007. 304 с.
14. Кунцлер М. Литургия церкви. М., 2001. 304 с.
15. Литургия Часов. Четырехнедельная псалтирь, основные праздники. М.: Паолине, 1994. 576 с.
16. Малков П. Введение в Литургическое Предание. Таинства Православной Церкви. М., 2011. 352 с.
17. Матеос Х. Служение слова в византийской литургии: исторический очерк. Омск: Голованов, 2010. 349 с.
18. Нефедов Г. Таинства и обряды Православной церкви. М.: Паломник, 2002. 316 с.
19. Одинцов Н.Ф. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. СПб., 1881. 300 с.
20. Пентковский А.М. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 70-78.
21. Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 5. С. 69-80.
22. Пентковский А.М. Антиохийская литургическая традиция в IV–V столетиях // Журнал Московской Патриархии. 2002. №7. С. 73-87.

23. Пентковский А.М. Покаянная дисциплина христианской Церкви в конце I тысячелетия // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 10. С. 63-70.
24. Пентковский А.М. Иерусалимский устав в Константинополе в Палеологовский период // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 5. С. 77-96.
25. Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. 752 с.
26. Румовский-Краснопевков В. Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1891. 502 с.
27. Симеон Солунский. Премудрость нашего спасения. М.: Идеал, 2009. 640 с.
28. Собрание древних литургий. Анафора евхаристическая молитва. М.: Даръ, 2007. 1024 с.
29. Смирнов С.И. Водокрещи. Сергиев Посад, 1900. 20 с.
30. Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб.: Алетейя, 2000. 160 с.
31. Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда. М., 2012. 226 с.
32. Успенский Н.Д. Собрание трудов. Том 1. Православная вечерня: историко-литургический очерк. Чин всенощного бдения на Православном Востоке и в Русской Церкви. М., 2004. 480 с.
33. Apel W. Gregorian Chant (MIDLAND BOOK), 1960. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 529 p.
34. Batiffol P. History of the Roman breviary. London, New York: Longmans, Green, 1912. 372 p.
35. Cabrol F. Mass of the western rites. URL: http://www.ewtn.com/library/liturgy/mass.txt
36. Dearmer P. The Parson's Handbook, 12th Edition: Containing Practical Directions for Parsons and Others as to the Management of the Parish Church and Its Services as Set Forth in the Book of Common Prayer. Eugene: Wipf & Stock, 2011. 560 p.
37. Dix G. The Shape of the Liturgy. Edinburgh: T&T Clark, 2015. 816 p.
38. Dobszay L. The Bugnini Liturgy and the Reform of the Reform. Richmond: Church Music Association of America, 2003. 218 p.
39. Duchesne L. Christian worship: its origin and evolution: a study of the Latin liturgy up to the time of Charlemagne. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1903. 557 p.
40. Fortescue A., O'Connell J.B., Reid A. The Ceremonies of the Roman Rite Described. London: Burns & Oates, 2009. 504 p.
41. King A. Liturgies of the Primatial Sees. London: Longmans, Green & Co, 1957. 656 p.
42. Liturgy of saint Dionysius, bishop of the Athenians. URL: http://www.voskrese.info/spl/dionysius-lit.html
43. Purchas J. Directorium Anglicanum: being a Manual of Directions for the right Celebration of the Holy Communion, for the Saying of Matins and Evensong, and for the Performance of the other Rites and Ceremonies of the Church. London: Joseph Masters, 1858. 317 p.
44. Rock D., Frere, W.H.. Hart G.W. The church of our fathers as seen in St. Osmund's rite for the cathedral of Salisbury: with dissertations on the belief and ritual in England before and after the coming of the Normans. London: J. Murray, 1905. 500 p.
45. Saint Basil Liturgy. URL: http://www.copticchurch.net/topics/liturgy/liturgy_of_st_basil.pdf

Historical foundations of Byzantine worship

Anton E. Gapanyuk

Lecturer at the Department of Philosophy and Theology,
Moscow Orthodox Institute of Saint Ioann Bogoslov,
127473, 11a, Chernyshevskogo lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: antony_e@pisem.net

Abstract

The liturgics of the Eastern Church are currently being studied in detail. This is happening in the East, in Russia, and in the West by representatives of the papal Roman school of Eastern studies of liturgy. The liturgy has been studied in detail. But less attention is paid to the sacraments and the history of the Liturgy of the Pre-Hallowed Gifts (and services of the fasting period). It should be said that the historical foundations of the western and eastern divine services are very important.

The grounds underlie the phenomenon. And at the heart of the worship of the apostles lies the early practice (often Jewish). At the heart of all worship are their early options. It is important not only to see monastic Gospel symbolic elements in worship, but also its historical foundation and foundation. Without this, the liturgy ceases to be interesting, and different people who love different forms of culture in worship cannot love service. There is a need to give some description of historical data that would help in the understanding of Orthodox worship, when the historical interpretation of services is actively disseminated. The article attempts to provide an overview of the history of the sacraments, the daily services of the Byzantine rite and the Liturgy of the Presanctified Gifts.

For citation

Gapanyuk A.E. (2018) Istoricheskie osnovy vizantiiskogo bogosluzheniya [Historical foundations of Byzantine worship]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 258-268.

Keywords

Liturgics, Daily Services, Liturgy of Presanctified Gifts, Sacraments, «Trebas».

References

1. Apel W. (1990) *Gregorian Chant (MIDLAND BOOK), 1960*. Bloomington: Indiana University Press.
2. Arranz M. (2003) *Izbrannye sochineniya po liturgike. Tainstva Vizantiiskoi Traditsii* [Selected works on liturgics. Mysteries of the Byzantine Tradition]. Moscow.
3. Arranz M. (2003) *Izbrannye sochineniya po liturgike. Evkhologii Konstantinopolya v nachale XI veka i Pesennoe posledovanie po trebniku mitropolita Kipriana* [Selected Works on Liturgics. Euchologion of Constantinople at the beginning of the XI century and the Song of the follow-up of the bureau of Metropolitan Cyprian]. Moscow.
4. Batiffol P. (1912) *History of the Roman breviary*. London, New York: Longmans, Green.
5. Belyaev D.F. (1893) Ezhednevnye i voskresnye priemy vizantiiskikh tsarei i prazdnichnye vykhody ikh v khram sv. Sofii v IX-X v. [Daily and Sunday receptions of the Byzantine kings and their festive exits to the temple of Sts. Sofia in the IX-X century]. In: *Byzantina. Ocherki, materialy i zametki po vizantiiskim drevnostyam* [Byzantina. Essays, materials and notes on Byzantine antiquities]. St. Petersburg. Vol. II.
6. Cabrol F. *Mass of the western rites*. Available at: http://www.ewtn.com/library/liturgy/mass.txt [Accessed 08/08/2018]
7. Dearmer P. (2011) *The Parson's Handbook, 12th Edition: Containing Practical Directions for Parsons and Others as to the Management of the Parish Church and Its Services as Set Forth in the Book of Common Prayer*. Eugene: Wipf & Stock.
8. Diakovskii E.P. (1908) *Iz istorii bogosluzheniya. «Chin-Tritekti»* [From the history of worship. Chin-Tritekti]. Kiev.
9. Diakovskii E.P. (1909) Posledovanie nochnykh chasov: («Chin 12ti psalmov») [Following the night hours]. *TKDA*, 2, 7/8, pp. 546-595.
10. Dix G. (2015) *The Shape of the Liturgy*. Edinburgh: T&T Clark.
11. Dmitrievskii A.A. (1903) Mitra: Istoriko-arkheologicheskii ocherk [Mithra: Historical and archaeological essay]. *Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyrei* [Guide for rural shepherds], 11, pp. 281-299.
12. Dmitrevskii I. (1992) *Istoricheskoe, dogmaticheskoe i tainstvennoe iz"yasnenie na Bozhestvennuyu liturgiyu* [Historical, dogmatic and mysterious explanation of the Divine Liturgy]. Oropos Attikis.
13. Dobszay L. (2003) *The Bugnini Liturgy and the Reform of the Reform*. Richmond: Church Music Association of America.
14. Duchesne L. (1903) *Christian worship: its origin and evolution: a study of the Latin liturgy up to the time of Charlemagne*. London: Society for Promoting Christian Knowledge.
15. Fortescue A., O'Connell J.B., Reid A. (2009) *The Ceremonies of the Roman Rite Described*. London: Burns & Oates.
16. Kern K. (2001) *Evkharistiya* [Eucharist]. Moscow.
17. Kern K. (1964) *Liturgika (Gimnografiya i Eortologiya)* [Liturgics (Hymnography and Eortology)]. Paris.
18. King A. (1957) *Liturgies of the Primatial Sees*. London: Longmans, Green & Co.
19. Krasovitskaya M. (2007) *Liturgika* [Liturgics]. Moscow.
20. Kunzler M. (2001) *Liturgiya tserkvi* [Liturgy of the Church]. Moscow.
21. *K voprosu ob ustroistve obshchin IPTs: prikhod, katekhizatsiya, sluzhenie miryan, praktika prichashcheniya, dukhovnichestvo, ispoved'* [On the issue of the organization of CPI communities: parish, catechesis, lay

service, communion practice, clergy, confession]. Available at: http://www.ostrova.org/diy/tips/obshina/ [Accessed 08/08/2018]
22. (1994) *Liturgiya Chasov. Chetyrekhnedel'naya psaltir', osnovnye prazdniki* [Liturgy of hours. Four-week psalter, major holidays]. Moscow: Paoline Publ.
23. *Liturgy of saint Dionysius, bishop of the Athenians*. Available at: http://www.voskrese.info/spl/dionysius-lit.html [Accessed 08/08/2018]
24. Malkov P. (2011) *Vvedenie v Liturgicheskoe Predanie. Tainstva Pravoslavnoi Tserkvi* [Introduction to the Liturgical Tradition. Sacraments of the Orthodox Church]. Moscow.
25. Mateos Kh. (2010) *Sluzhenie slova v vizantiiskoi liturgii: istoricheskii ocherk* [The worship of the word in the Byzantine liturgy: a historical sketch]. Omsk: Golovanov Publ.
26. Nefedov G. (2002) *Tainstva i obryady Pravoslavnoi tserkvi* [The Sacraments and Rites of the Orthodox Church]. Moscow: Palomnik Publ.
27. Odintsov N.F. (1881) *Poryadok obshchestvennogo i chastnogo bogosluzheniya v drevnei Rossii do XVI veka* [The order of public and private worship in ancient Russia until the XVI century]. St. Petersburg.
28. Pentkovskii A.M. (2001) Konstantinopol'skii i ierusalimskii bogosluzhebnye ustavy [Constantinople and Jerusalem liturgical charters]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 4, pp. 70-78.
29. Pentkovskii A.M. (2001) Studiiskii ustav i ustavy studiiskoi traditsii [Studio statutes and charters of the studio tradition]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 5, pp. 69-80.
30. Pentkovskii A.M. (2002) Antiokhiiskaya liturgicheskaya traditsiya v IV–V stoletiyakh [The Antioch liturgical tradition in the IV – V centuries]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 7, pp. 73-87.
31. Pentkovskii A.M. (2002) Pokayannaya distsiplina khristianskoi Tserkvi v kontse I tysyacheletiya [The penitential discipline of the Christian Church at the end of the first millennium]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 10, pp. 63-70.
32. Pentkovskii A.M. (2003) Ierusalimskii ustav v Konstantinopole v Paleologovskii period [The Jerusalem Charter in Constantinople in the Palaeologovsk period]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 5, pp. 77-96.
33. (2003) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow. Vol. VI.
34. Purchas J. (1858) *Directorium Anglicanum: being a Manual of Directions for the right Celebration of the Holy Communion, for the Saying of Matins and Evensong, and for the Performance of the other Rites and Ceremonies of the Church.* London: Joseph Masters, 1858. 317 p.
35. Rock D., Frere, W.H.. Hart G.W. (1905) *The church of our fathers as seen in St. Osmund's rite for the cathedral of Salisbury: with dissertations on the belief and ritual in England before and after the coming of the Normans.* London: J. Murray, 1905. 500 p.
36. Rumovskii-Krasnopevkov V. (1891) *Novaya Skrizhal', ili Ob"yasnenie o tserkvi, o liturgii i o vsekh sluzhbakh i utvaryakh tserkovnykh* [The New Tablet, or Explanation about the church, about the liturgy and about all the services and utensils of the church]. Moscow.
37. *Saint Basil Liturgy*. Available at: http://www.copticchurch.net/topics/liturgy/liturgy_of_st_basil.pdf [Accessed 08/08/2018]
38. Simeon of Thessalonica (2009) *Premudrost' nashego spaseniya* [The wisdom of our salvation]. Moscow: Ideal Publ.
39. (2007) *Sobranie drevnikh liturgii. Anafora evkharisticheskaya molitva* [Collection of ancient liturgies. Anaphora, eucharistic prayer]. Moscow: Dar Publ.
40. Smirnov S.I. (1900) *Vodokreshchi* [Water baptism]. Sergiev Posad.
41. Taft R.F. (2000) *Vizantiiskii tserkovnyi obryad. Kratkii ocherk* [Byzantine church rite. Short essay]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
42. Uspenskii N.D. (2004) *Sobranie trudov. Tom 1. Pravoslavnaya vechernya: istoriko-liturgicheskii ocherk. Chin vsenoshchnogo bdeniya na Pravoslavnom Vostoke i v Russkoi Tserkvi* [Collected Works. Volume 1. Orthodox vespers: a historical liturgical essay. The rite of an all-night vigil in the Orthodox East and in the Russian Church]. Moscow.
43. Vorob'ev V. *Vvedenie v liturgicheskoe predanie Pravoslavnoi Tserkvi* [Introduction to the liturgical tradition of the Orthodox Church]. Available at: https://predanie.ru/vorobev-vladimir-protoierey/book/73501-vvedenie-v-liturgicheskoe-predanie-pravoslavnoy-cerkvi/ [Accessed 08/08/2018]
44. Wybrew H. (2012) *Pravoslavnaya liturgiya. Razvitie evkharisticheskogo bogosluzheniya vizantiiskogo obryada* [Orthodox liturgy. The development of the Eucharistic worship of the Byzantine rite]. Moscow.
45. Zheltov M.S., Pravdolyubov Sergii, prot. *Bogosluzhenie Russkoi Tserkvi X–XX vv*. [Divine service of the Russian Church of the 10th – 20th centuries]. Available at: http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/1132/ [Accessed 08/08/2018]

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 26

Опыт успехов и неудач реформ католической Церкви: на примере поздней литургии

Гапанюк Антон Евгеньевич

Преподаватель кафедры философии и теологии,
Московский православный институт святого Иоанна Богослова,
127473, Российская Федерация, Москва, переулок Чернышевского, 11а;
e-mail: antony_e@pisem.net

Аннотация

Статья рассматривает проблемы поздних католических литургических текстов. Они появились после Второго Ватиканского собора. Статья выделяет основные проблемы. Также дается некоторое рассмотрение связанных с этим вопросов. Статья обсуждает древние истоки католической мессы, возникшей после Второго Ватиканского Собора. Реформа началась под влиянием Солесмского движения и была фактически основана на документах Ordines Romani. Были учтены и близкие к ним практики французских галликанистов. Многие формы в современном богослужении имеют параллели в Брагском и других ранних западных чинах. В статье делается вывод, что новая месса основана в значительной части на древних источниках, а не на англиканских текстах, как считали некоторые консерваторы. Но разные группы людей по-разному относятся к новой литургии, и по-своему ее воспринимают. Поэтому вводится типология групп, по-разному относящихся к новой мессе. Также отмечаются литургисты и их группы, с различными взглядами на новую литургию.

Для цитирования в научных исследованиях

Гапанюк А.Е. Опыт успехов и неудач реформ католической Церкви: на примере поздней литургии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 269-278.

Ключевые слова

Месса, Солесмское аббатство, OrdinesRomani, Галликанский обряд, Брагский обряд, II Ватиканский собор.

Введение

В XX веке Западная Церковь (Римско-католическая) провела реформу богослужения, которая стала основой современных католических литургических текстов. При этом реформа вызвала недовольство части католических верующих. Это стало истоком раскола лефевристов (которых мы будем также называть «католические раскольники») и близких к ним групп. Но многие верующие приняли новое богослужение, хотя некоторые католики его критикуют. Но даже у православных монастырь Новый Скит (основан в 1966, США) применил часть реформ католиков в богослужении. Если проанализировать данные форумов в Интернет, то мы увидим, что недовольство католических прихожан сводилось к двум направлениям: 1/ упрощение утвари и ритуала, а также религиозной дисциплины (сокращение предпричастного и прочих постов, замена их другими благочестивыми традициями, отмена исповеди перед причастием) 2/ изменение текста, сохранявшегося до этого веками. Это, судя по тем же форумам, приводило к десакрализации мессы. В связи с этим католические раскольники даже отрицали совершение на новой мессе пресуществления Даров. Другие богослужения были изменены более радикально, и относительно их встает еще и вопрос их «действенности». Так, согласно католическому учению, таинство, по сути, совершается благодаря правильности его «формулы», главной части. О правильном сохранении этой формулы в новых чинах таинств и идут дискуссии. Литургия часов и ее чтение каждый день – это каноническая обязанность каждого священнослужителя, и если новые тексты не признаны, то молящийся по ним клирик не исполняет обязанность, то есть грешит. Однако, относительно благословений и прочих служб, подобных им, критики практически не заметно. Мало обсуждаются вопросы удаления иподиаконов и малых чинов на Втором Ватиканском соборе [Пентковский, 2001]. Таким образом, мы видим главную проблему современных литургических католических текстов – их одобрение или неодобрение верующими католиками. То есть это – рождаемые разным восприятием новой мессы течения в католицизме.

Основная часть

Многие не видят особой разницы между новой и старой мессой потому, что на русском языке нет описания и сравнения старого и нового богослужения. Среди прочих проблем стоит отметить: 1/ Некоторую неисторичность новосоставленных текстов в литургии 2/ Плохое понимание текстов католиками (в частности, проблема плохих переводов) 3/ Отношение к новым текстам других традиционных конфессий. Но нужно сказать, что у реформ Второго Ватиканского собора был важный консервативный источник [Фиденко, 2014]. Это – литургическое движение, которое начато аббатом Проспером Геранже в монастыре Солесм. Выступая против галликанизма, он начал вводить римский обряд и григорианское пение. Хотя позднее сам ввел вместо него монашеское богослужение. Галликанизм предполагал изменения в текстах и пении мессы, обновления их в древнем галльском стиле, без возрождения полного галльского обряда (это сделали только русские, протоиерей Гете – в России, а позднее и эмигранты во Франции во главе с Евграфом Ковалевским). Так, нео-галликанские практики видимо пытались возродить формы Ordines Romani (если посмотреть на реформу Собора, то увидим, что новые практики основаны именно на Ordines Romani). Галликанские реформаторы (об особенностях изменений можно прочитать у Д.Г. Леклерка «Нео-галликанские литургии») не только могли включать восточные тропари и кондаки в контексте коллекты начала мессы и

использовать ново-сочиненные песнопения с новой музыкой, но и вводить новые практики [Руссо, 2013] (как Жюбе – настоятель Аньерского прихода, пригорода Парижа, который позднее занимался межконфессиональным диалогом с православными в России и ввел в практику идеи некоторых литургистов).1. Месса служилась только в воскресенья и праздники (поэтому существовал только «воскресный престол», который разоблачался от покрова сразу после мессы), как у протестантов. 2. На престоле не было свечей и креста. 3. В процессии перед иереем несли крест. 4. Народ громко отвечал на молитвы у подножия алтаря. 5. «Глориа» и «Кредо», иерей запевал у седалии и не читал их, он не читал и Апостол и Евангелие, проприи. 6. Читал иерей только коллекту. 7. С особым церемониалом на алтарь приносили хлеб и вино (эта процессия оффертория была древним реликтом во Франции, как и ектения), а также сезонные фрукты. 8. Потом из ризницы приносили чашу без покрова, которую диакон и иерей возносили с громкой молитвой. 9. Канон читали вслух. «Санктус» и «Агнус» пел хор. Санкционировалось использование национального языка. 10. После слов «Per quem» освящали овощи и фрукты на алтаре.

Как видно, все из этого, кроме первого и последнего пункта, было учтено при реформе Второго Ватиканского собора (алтарь, пение проприев только хором, запевы у седалии, процессия с дарами описаны еще в Ordines Romani). Были и другие дополнения, не принятые после Второго Ватиканского собора. Галликанисты уменьшили почитание Пресвятой Девы, Святого Петра, икон, Святого Сердца, Святых Даров (которые выставлялись только на праздник Тела Христова, но в соборах – каждый месяц). Исчезала традиция ставить на алтарь мощи и цветы, совершать процессии в честь Пресвятой Девы и святых. Верующие призывались причащаться лишь гостиями, освященными за данной мессой. Против реформ в духе необдуманного архаизаторства и обновления выступал сам основатель «литургического движения» Проспер Геранже. Второй Ватиканский Собор, однако, произвел и многие дополнительные изменения в мессе, например, разрешил национальный язык, была произведена отмена иподиаконов. После появления Миссалов 1965 [King, 1957] и особенно 1970 года, введено древнеримское служение лицом к людям (в Миссале папы Бенедикта XVI оно поощряется) и причащение под двумя видами, как и архаичные позы служителей из Ordines Romani, введение еврейских молитв оффертория, написание новых молитв и Евхаристических Канонов, использование трубочки для причастия и др. Спорным является только общественное чтение исповеди в начале мессы, еврейские молитвы оффертория и новые тексты молитвословий. Можно показать, что новая месса основана на старых формах (как и реформированный Бугнини еще раньше чин традиционного пасхального триденствия). В первую очередь, это можно сделать по описанию Брагского богослужения Вербного воскресенья и Пасхального триденствия, которое приводит А. Кинг [там же]. Хотя и в других местных западных обрядах есть аналогичные практики. Однако, в XX веке католиками практически не были возрождены многие древние элементы римского обряда – многие тропы (проприев и ординария) и древние ектении («Christus vincit», bidding-prayer, проны, ектении амвроисианского обряда, ектения Мартина кельтского обряда, ектения сакраментария Геласия, французские средневековые ектении перед оффертoрием), летнеры (наоборот, убирают даже алтарные преграды), призыв оглашенным удалиться. При этом многое архаизировано. Однако, люди, особенно традиционалисты, не принимают новый чин мессы, так как считают, что он протестантизирован, а не архаизирован и приближен к Восточным чинам и апостольскому богослужению (что было важной идеей при реформе Собора). Действительно, основатель протестантизма М. Лютер предлагал служить на национальном языке лицом к людям, активно

привлекать мирян при пении в богослужении (хотя эти практики не отрицали еще основатели литургического движения в Солесме). Таким образом, часть католиков принимает новую мессу. Часть пытается принимать ее, но архаизировать. Но часть стоит за сохранение старой мессы (от этой группы произошли раскольники-лефевристы). Можно обобщить это в схеме.

Название течения/Предположительное численное соотношение /Географическая привязка (мотивированная)/Особенности течения

1 Либерализм /Более трети/ Современные страны развивающегося мира (они менее привыкли к традиционному, имеют меньший опыт восприятия типично европейского традиционного богослужения и поэтому любят инкультурирование мессы – могут быть скорее отнесены к либерализму)/ Оно будет включать в себя принятие новой мессы и инкультурацию из аджорнаменто, допустимость клира не только служить службы, взятая из теологии освобождения, мнение о не жесткой фиксированности догматов и возможности их если не изменения, то нового понимания и интерпретирования

2 Традиционализм /Половина оставшегося/ Европа и отдельные части населения США помимо консерватизма относятся к традиционализму, францисканская традиция глубоко приучила их к традиционному богослужению, которое во францисканском стиле не противоречит и идеям нищеты (то есть у них нет надобности конфликтовать по поводу любви к аскезе и нищим, популярной у либеральной части)./Это любители средневековья или латыни, или просто любители истории и личностей пап начала XX века. Особенно отличают и объединяют их любовь к двум объектам, что и является общим, и объединяет людей в течение – это любовь к традиционной мессе и латыни и запрету изменять догмы.

3 Консерватизм/Половина оставшегося/Италия и часть США, которым не близко непослушание папе и использование древних форм, можно отнести к консерватизму. /Римская и итальянская часть и часть США скорее придерживается принятия консервативной идеологии. Италия – место очень высокой концентрации верующих. Это делает группы традиционалистов и консерваторов примерно равными. Консерваторы воспринимают традицию как целостную, и старое и новое считая равно хорошим, правда, сохраняя иногда старые формы (манипул).

Несмотря на то, что, как было показано выше, месса Второго Ватиканского Собора основана во многом на традиционных древних западных и восточных формах, часть литургистов желает ее дальнейшего изменения и обновления. И некоторые говорят о незавершенности реформ Второго Ватиканского собора (как и не завершено обновление литургии у англикан, где сменились Книга Общих Молитв, ее измененный вариант и принят ныне новый Common Worship). В связи с этим следует отметить ряд известных западных литургистов и сторонников дальнейших реформ, фактически не будут учитываться католические раскольники и их исследователи. Приведем их в алфавитном порядке [Liturgical pioneers, www]. Этот список показывает, что очень многие деятели были бенедиктинцами и музыкантами, часто из «Pontifical Institute of Saint Anselm», которые продолжили литургическое движение, начатое солесмской конгрегацией. Приведем список:Aldazábal José (2006) – салезианец из «Centrode Pastoral Litúrgica de Barcelona», Arias Miguel (2012) – руководитель «Hispanic Ministry for the Office of Divine Worship of the Archdiocese of Chicago», работал в издании «Liturgy Training Publications (LTP)», Avery Raymond [Benedict] (2008) – иерей, настоятель нескольких храмов.Bagnell Mary Elizabeth (2003) – композитор и органист, Balka John (1999) – органист, участвовал в основании «Conference of Roman Catholic Cathedral Musicians», Bannister Nancy (2006) – участник «NPM Western Office in Portland, Oregon», Bauman William (2011) – участник «U.S. Bishops' Committee on Liturgy» ("Musicin Catholic Worship"), Beauduin Lambert (1960) –

один из бельгийских основателей «литургического движения», широко известен в России, Becker Johnelle (2004) – францисканская монахиня, музыкант, Bergerson Gregor (2011) – музыкант из монастыря св. Бенедикта, Bernstein Eleanor (2012) – бывший директор «Notre Dame Center for Pastoral Liturgy», Berthier Jacques (1994) – известный музыкант, основатель «Little Singers of the Wooden Cross», Bethune Ade (2002) – проповедник милосердия, мастер литургического искусства, Bischof Simon (2009) – бенедиктинец, музыкант, Botte Bernard (1980) – ассистент Ламбера Бодуэна, Bowman Thea (1990) – катехизатор, основатель Institute for Black Catholic Studies (Луизиана), Bradshaw Paul – англиканин, экуменист, Braud Dominic (2009) – бенедиктинец и музыкант, Brown Bill (2008) – церковный архитектор, Brusselmans Christiane (1991) –катехизатор, Bugnini Annibale (1982) – главный реформатор богослужения, Burbach Maur (1982) – исследователь, Burghardt Walter (2008) – миссионер, Busch William (1971) – теолог, санкционировал введение деревянных алтарей, Butler Richard (2012) – священник, директор «Center for Pastoral Liturgy» (Catholic University, Washington), участник многих изданий, Byrne Patrick (2002) – участник «National Bulletin for Liturgy». Carroll Thomas (1971) – в США президент «National Liturgical conference», Casel Odo (1948) –великий бенедиктинец из Maria Laach, создатель «Mystery-theology», Challancin James (2013) – директор «Rensselaer Program of Church Music and Liturgy» (St. Joseph's College, Rensselaer, Indiana), Chenicek Barbara (2015) –доминиканка, искусствовед, Chupungco Anscar (2013) – Rector Magnificus (Pontificio Ateneo di Sant' Anselmo, Rome), президент «Pontificio Istituto Liturgico», консультант «Vatican's Congregation for Divine Worship» и «International Commission on English in the Liturgy (ICEL)», Cioffi Paul (2004) – директор «Georgetown's Florence Program in Fiesole» (Italy), Cooney Patrick (2012) – епископ, катехизатор, Crichton James Dunlop (2001) – автор, в частности, «The Church's Worship (1964)», Cummins Patrick (1968) –бенедиктинец, участник «Orate Fratres», «American Benedictine Review». Deering William (2005) – музыкант, создал музыку для национального перевода мессы, Deiss Lucien (2007) – автор «Biblical Hymns and Psalms», Depner Mary Delores (2011) – органист, Deutsch Alcuin (1951) – бенедиктинец, восстановил у себя монашеские трапезы и службы, Diederich Everett (2011) –профессор «Saint Louis University's Stroble Center for Liturgy», Diekmann Godfrey (2002) – ассистентVirgil Michel, в выпуске «Orate Fratres», Dlugosch Teri (2006) – органист, Donovan Kevin (2008) – музыкант, Dooley Catherine (2015) – катехизатор, Doub Nicholas (2002) – бенедиктинец, музыкант, Doyle Leonard (1970) – переводчик, Ducey Michael (1970) – исследователь, Duffy Regis (2006) – участник «St. Bonaventure University community», Dunning James (1995) – священник, глава «North American Forum on the Catechumenate», Durken Daniel (2014) –бенедиктинец, участник «Liturgical Press (1989)». Ellard Gerald (1963) – сторонник облегчения поста, диалоговых и вечерних месс.Farrell Gerard (2000) – музыкант, Ferris William (2000) –композитор, Field James (2010) –историк традиций, Flannery Austin (2008) –доминиканец. Gallen John (2011) – основатель «North American Academy of Liturgy (NAAL)», Gelineau Joseph (2008) – музыкант, переложивший псалмы на национальный язык, Gertken Cecile (2001) – бенедиктинка, органист, Gertken Innocent (1953) – бенедиктинец, органист, Gertken Norbert (1957) –бенедиктинец, музыкант, Gertken Urban (1987) – бенедиктинка, органист,Goebel-Komala Felix (1987) – музыкант, Guardini Romano (1968) –основатель литургического обновления, Gully Larry (1990) – органист, Gy Pierre-Marie (2004) – известный доминиканец, помощник Aimé-Georges Martimort и Johannes Wagner (соратник Dom Bernard Botte, O.S.B., Yves Congar, O.P., Dom Gregory Dix, Fr. Joseph Andreas Jungmann, S.J., Balthasar Fischer). Haban Mary Teresine (2010) – музыкант, Hackett Estelle (1948) –миссионер, доминиканка, Hall Jerome M. (2009) – катехизатор, Hallinan Paul John (1968) –

архиепископ, деятель «Bishops' Committee on the Liturgy», Hansen James (2018) – музыкант, Hay Michael (1999) – музыкант, учитель, Hayes James Martin (2016) – епископ, деятель литургического обновления в Канаде, Heidt William (2000) – преподаватель, Heiman Lawrence (2012) –музыкант, Hellriegel Martin (1981) – участник «Orate Fratres (Worship)», Hillenbrand Reynold (1979) – деятель «National Liturgical Weeks», «Summer Schools of Social Action», «Catholic Family Movement», Hillert Richard (2010) –специалист по лютеранской литургике, Holland Eric (1991) – исследователь, Hovda Robert (1992) – участник «The Amen Corner», Howell Clifford (1981) –автор, в частности, «The Work of our Redemption», Huijbers Bernardus Maria (2003) – специалист по национальному языку в богослужении, Hurley Denis (2004) – епископ из Южной Африки, Hytrek Theophane (1992) – музыкант, органист. Isele David Clark (2016) – органист. Jones Percy (1992) – музыкант, Jones Peter (2016) – композитор, Jungmann Josef (1975) –стоял у истоков литургического обновления, деятель «University of Innsbruck», Jacob André – экуменист, Johnson Maxwell E. – лютеранин, экуменист. Kacmarcik Frank (2004) – облат, искусствовед, Kavanagh Aidan (2006) – бенедиктинец, профессор Yale Institute of Sacred Music, Keifer Ralph (1987) – участник издания «Worship», Kelly Columba (2018) – бенедиктинец, реконструктор пения, автор New Catholic Encyclopedia, Kilmartin Edward (1994) – иезуит, специалист по восточной литургике и диалогу с православием, Klimisch Jane (2010) – монахиня-бенедиктинец, музыкант, Kline Francis (2006) – монах, органист, Kraus Conrad (2009) – священник, архитектор, Kreutz Robert (1996) – композитор, Kutch Peter (2015) – капуцин, музыкант. Langenhorst Ernest (1983) – исследователь, Lanners Norita (1999) – известная литургист-музыкант, бенедиктинец, Laughlin Monica (2014) – сестра-бенедиктинец, музыкант, LaVerdiere Eugene (2008) – священник, литургист, Leonard William (2000) – участник литургического движения, Lewinski Ronald (2017) –священник, литургист из Mundelein Seminary, Lynch Albert Edwin (1976) –бывший англиканин, священник специалист по хоралу. Lanne Emmanuel – бенедиктинец, экуменист, Madden Lawrence J. (2011) – священник, преподаватель, Madsen Cletus (2002) – священник, литургист, Marier Theodore (2001) – профессор-музыкант, Marx Michael (1993) – бенедиктинский участник Worship, Mathis Michael (1960) – священник, литургист, знакомый Cavanaugh, Mazar Peter (2002) – участник Liturgy Training Publications, McGill Bob (1973) – исследователь, McManus Frederick (2005) – священник, канонист, Meehan James T. (2012) – священник, преподаватель, Melloh John Allyn (2014) – священник, преподаватель, Michel Virgil (1938) деятель «Orate Fratres»,основная идея – проповедовать жизнь Христа в литургии, Mischke Bernard (2012) – монах, специалист по мессе, Mueller Franz (1994) и Mueller Therese (2002) –специалисты по искусству и литургике, Murray Gregory (1992) – органист и композитор, Murray Jane Marie (1987) – монахиня, специалист по богослужению (исследователь издания Orate Fratres, ставшего – «Worship»). Nagel Leland "Lee" (2014) – преподаватель, глава National Conference of Catechetical Leadership (NCCL), Neville John (2008) –священник, музыкант. O'Brien John J. (2010) – монах, автор текстов, O'Donnell John (1999) – исследователь, O'Flaherty John Joseph (2001) – исследователь. Paluch Margaret (2009) – меценат, Parsch Pius (1954) – специалист по разным областям, Peloquin Alexander (1997) – органист, Perrot Jane Marie (1998) –монахиня, музыкант, первая женщина – глава хора на папской мессе, Philibert Paul (2016) – доминиканец, специалист по духовности, Piercy Robert William (2011) – катехизатор, литургист, музыкант, Pfeil Elmer (1996) –священник, музыкант, Poerio Anthony (Mary Lou) (2012) специалист по богослужению, организовывала папскую службу, Power David (2014) монах, преподаватель, Prete Anne (2014) основатель миссии, Proulx Richard (2010) органист. Quinn Frank (2008) – доминиканец, органист, Quinn James (2010) –

монах, автор гимнов.Ragan Timothy B. – искусствовед, Rasmussen Niels Krogh (1987) – доминиканец, участник многих групп, Rees Alan (2005) – бывший англо-католик, бенедиктинец, Regan Patrick (2017) – бенедиктинец, занимался всей литургикой, Reinhold Hans Anscar (1968) – искусствовед, Ridge Meri Dell "M.D." (2017) – композитор, Rivers Clarence Rufus Joseph (2004) – священник, композитор,его месса на английском была первой подобной, служившейся в США, Roberts Leon (1999) – пианист, Rokas Emily (Mary Victoria) (2015) –монахиня, участник комитета по организации первой папской мессы в Чикаго, Rotelle John (2002) –участник Bishops' Committee on the Liturgy Ryan Mary Perkins (1993) – катехизатор.Sayles Bartholomew (2006) – бенедиктинец, музыкант, Scagnelli Peter (2017) – священник, латинист, Schaefer Mary Martina (2013) – патролог, литургист, Schattauer Thomas – профессор семинарии, Schillebeeckx Edward (2009) – исследователь литургии, Schlarman Joseph H. (1951) – архиепископ, литургист, Schoen Timothy Anthony (2016) – бенедиктинец, музыкант и литургист, Scholz Bede (1966) – бенедиктинец, занимал много должностей, восстановил пение семинаристами суточных служб, ввел комментированные мессы "dry-Mass demonstrations", Schutz Brother Roger (2005) – основатель экуменической общины в Taizé, Seasoltz Kevin Robert (2013) – бенедиктинец, канонист, Searle Mark (1992) – музыкант, Seid Martin Sue (1998) – литургист, музыкант, Sheehan Shawn (1990) –специалист по пасторской литургике.

Shirilla Gerald (2004) – исследователь, Storey William (2014) литургист Stuckenschneider Placid (2007) бенедиктинец, литургист, Sullivan Leonard Louis (1999) – глава National Liturgy Office at the CCCB in Ottawa. Tamani Christine (2016) – известный музыкант, Tasch Hugh (2017) – бенедиктинец, автор Conception Abbey's Liturgy of the Hours, Tavard George (2007) – священник, экуменист, Tegels Aelred (2003) – бенедиктинец, автор текстов, Theisen Jerome (1995) – аббат-бенедиктинец, Tobin Mary Luke (2006) –активный католический деятель, Tripp David (2007) – литургист (из методистов), Trussell Christopher (2010) – музыкант, органист, Twynham Robert (2011) – музыкант. Udulutsch Irvin (2010) – капуцин, музыкант, пытался рано ввести национальный язык в службе, Untener Kenneth (2004) –священник, участник ряда комитетов. Vermulst Jan (1994) –композитор.Waddell Chrysogonus (2008) – музыкант, монах-отшельник, участник International Commission on English in the Liturgy (ICEL), Wagner Mary Anthony (2002) – сестра-бенедиктинец, издавалась в Liturgical Press,Walsh Eugene (1989) – священник, богослов, Walz Louise (1944) –сестра-бенедиктинец, литургист, Weyman Gloria (2012) – музыкант, мастер литургического танца, Westendorf Omer (1997) –музыкант, автор текстов.

White James (2004) – преподаватель, Winzen Damasus (1971) –бенедиктинец, ввел диалоговые мессы в Германии, создатель National Liturgical Conference.

Winkels Frank (1995) – органист, музыкант, Winstone Harold E. (1987) –литургист, переводчик, Wojcik Richard J. (2013) – священник, музыкант, Wright John D. (2010) – литургист, Wright John Joseph (1979) – кардинал, Wycislo Aloysius (2005) – епископ. Young Guilford (1988) –архиепископ.

Следует вспомнить также католических литургистов, которые занимались и восточным обрядом. Это – «Римская школа восточной литургиологии» [Тафт, www]. Если до VIII века наблюдается, в основном, формирование литургики, то в период Каролингского возрождения начинают изучать богослужение и описывать «Ordines Romani». И именно западные исследователи в пику реформации лютеран и англикан, которые не выделяли более трех таинств, повернулись к изучению Востока, для оправдания учения о 7 таинствах. Во многом с Ж. Гоара начинается изучение литургики Востока. При этом в XIX веке работают русские

литургисты, развивая историческую литургику (литургисты Собора 1917 года, М. Скабаланович, Школа А. Дмитриевского, откуда вышел Н. Успенский, Е. Диаковский и его работы про тритекти, чин 12 псалмов). Они, вероятно, повлияли на литургическое движение. Отчасти этому было близко литургическое возрождение (К. Керн, А. Шмеман, И. Мейендорф). Научное изучение восточного богослужения и введение дисциплины «сравнительная литургика» – дело А. Баумштарка (продолжатель – бенедиктинец Хиеронимус Энгбердинг). Его идеи берет Х. Матеос и создает «Римскую школу восточной литургиологии». Из нее выходят многие великие ученые. Он сам подготовил много ученых (в скобках приведены их ученики). Это были - С. Пудичери, П.-А. Грамалья, Ж. Табе, М. Турутьиль, Ф. ван де Паверд, Г. Бертоньер, С. Ханерас, А. Муханна, Г. Винклер (Х.-Ю. Фойльнер), М. Арранц, Р. Тафт.

Р. Тафт, продолжатель исследований [Тафт, 2011], подготовил слушателей – Д. Мулан, Л. Гуцуляк, П. Мейендорф, Х. Кидане, П. Каннокадан, А.-А. Тирмайер (В. Рудейко), Ф. Суэйф, Д. Вайс, Е. Велковска, П. Манниаятту, К. Гуджеротти, Г. Минчев, Д. Финдикян, С. Хоукс-Типлз, Т. Потт, Г. Иоаннидис, А. Джебран, М. Морозович, М. Мойзеш, Г.М. Ханке, А. Рентель, В. Ларин-Ларина, С. Паренти (Иоаннидис), П. Кумарьянос. М. Арранц, автор многих работ [Арранц, 2003, 1979] подготовил учеников – Ю. Май, Ш. Костер, Ч. Джираудо (И. Иванов), Л. Максима Аджуб, П. Кумарьянос, А. Пентковский, П. Сахаров, Ю. Рубан – также учился у Н.Д. Успенского, М. Желтов, который был не согласен по поводу возрождения древних литургий с литургистом С. Тумановым). Другие представители школы – М. Петрович, Г. Иоаннидис, Д. Серра (Н. Денисенко), Г. Лончина, У. Занетти.

До исторического исследования в литургике господствовал дискриптивизм и символизм (как у русского автора И.И. Дмитриевского, византийцев Константина Багрянородного, Николая Кавасилы, Симеона Солунского). Позднее начинается изучение литургических традиций разных конфессий. Это напоминало тезис ряда религиоведов, что все религии говорят об одном, но у всех свой стиль выражения. Многих литургистов также описывает восточный католический священник и противник II Ватиканского Собора М. Кунцлер в своей работе «Литургия Церкви».

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что католическая Церковь возрождает древние традиции (иногда реформируя новые) и сохраняет многообразие литургической практики. В частности, она сохранила исчезнувший на Востоке студийский обряд (который возрождают на Украине и православные). Многие монашеские традиции (например, колокольного звона) восходят к этому уставу. Обряд отличают ранние практики – в частности, отсутствие чина о Панагии, бдений («уставная всенощная», близко к которой служат афониты и староверы), как у греков. По уставу в соборных храмах воскресное бдение нужно заменять воскресной полунощницей. Но реально ее служат просто утром как дополнение к бдению, например, на подворье Соловецкого монастыря РПЦ в Москве. На Западе в латинскомобряде также нет бдений (у св.Бенедикта так названа полунощница). У студитов [Пентковский, 2001] и латинских католиков (особенно цистерцианцев) устав был проще, чем современный иерусалимский Устав РПЦ (хотя и студийский актуален для русских). «Чин куроглашения» студитов являлся утренними молитвами, которые в наши дни, как реликт, читаются в монастырях РПЦ на полунощнице (у студитов она и представляла собой 17 кафизму). Чин 12 псалмов (староверы читают его в пост) фактически образовывал повечерие студитов. Возможно, студиты читали

Евангелие на утрени, как в Великую Пятницу на Страстной Седмице из центра храма, а не с Престола, как староверы. Трудно сказать о наличии у студитов канонарха, которое считают главной особенностью богослужения монастырей РПЦ. Из других особенностей монастырей РПЦ, можно выделить служение полунощницы (редко повечерия), 9 часа, чтение без сокращений кафизм, 1 часа. В прочем монашеское богослужение не отличается от соборно-приходского. Нужно заметить, что на Западе соборные чины – сарумский, мозарабский, амвросианский – знали адаптации соборного богослужения (часов) для монахов. Студиты и ранний савваитский обряд имели с западным монашеством много общего (описание некоторых традиций можно встретить и в художественной литературе как «Имя Розы» У.Эко). Это – посты с невкушением до вечерни и «великая тишина» после повечерия. И до наших дней лучше сохранены традиции обителей иметь «будильщика» и чтений за трапезой.

Студийское монашество возникло у католиков в наше время в результате реформы. Опыт успехов и неудач реформ католической Церкви важен как аналог и для реформ других конфессий. В частности, реформировать богослужение образом, аналогичным реформе папы Павла VI пытались обновленцы в России в начале XX века (а в наши дни, отчасти, община о. Георгия Кочеткова), хотя свои идеи они заимствовали из постановлений Собора официальной Церкви 1917 года, где предлагалось возрождение женского клира и возврат к Студийскому чину.

Библиография

1. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. М., 2003. Том I. 612 с.
2. Арранц М. Как молились Богу древние византийцы. СПб., 1979. 311 с.
3. Ким А.В. Предпосылки к литургической реформе II Ватиканского Собора // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 6. С. 124-131.
4. Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 5. С. 69-80.
5. Тафт Р. Римская школа восточной литургиологии. URL: http://sergeyvgolovanov.narod.ru/projects/taftbio.htm
6. Руссо О. История литургического движения. К.: Дух и литера, 2013. 360 с.
7. Тафт Р.Ф. Великий вход. История перенесения даров и других преданафоральных чинов. Омск, 2011. 542 с.
8. Фиденко Ю.Л. Песенные сборники католических Азиатской части России на рубеже XX-XXI вв. // Знание. Понимание. Умение. 2014. №1. С. 250-258.
9. King A. Liturgies of the Primatial Sees. London, 1957. 656 p.
10. Liturgical pioneers. Pastoral Musicians and Liturgists. URL: http://liturgicalleaders.blogspot.com/2016/08/alphabetical-listing.html

The experience of the successes and failures of the reforms of the Catholic Church: the example of the late liturgy

Anton E. Gapanyuk

Lecturer at the Department of Philosophy and Theology,
Moscow Orthodox Institute of Saint Ioann Bogoslov,
127473, 11a, Chernyshevskogo lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: antony_e@pisem.net

Abstract

In the 20th century, the Western Church (Roman Catholic) conducted a reform of worship, which became the basis of modern Catholic liturgical texts. At the same time, the reform caused discontent of a part of Catholic believers. This was the source of the split of Leufevrists (whom we will also call "Catholic schismatics") and groups close to them. But many believers accepted the new worship service, although some Catholics criticize it. The article examines the problems of the late Catholic liturgical texts. They appeared after the Second Vatican Council. The article highlights the main problems. Also some consideration of the related problems is given. The article discusses the ancient origins of the Catholic Mass that arose after the Second Vatican Council. The reform began under the influence of the Solesmes movement, and was in fact based on the documents of the Ordines Romani. They also took into account the practices of the French Gallicans who were close to them. Many forms in modern worship have parallels in Bragan and other early Western rites. The article concludes that the new mass is based largely on ancient sources, and not on Anglican texts, as some conservatives believed. But different groups of people have different attitudes towards the new liturgy, and they perceive it in different ways. Therefore, the typology of groups that relate differently to the new Mass is introduced. Also, liturgists and their groups are celebrated, with different views on the new liturgy.

For citation

Gapanyuk A.E. (2018) Opyt uspekhov i neudach reform katolicheskoi Tserkvi: na primere pozdnei liturgii [The experience of the successes and failures of the reforms of the Catholic Church: the example of the late liturgy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 269-278.

Keywords

Mass, Solesmes abbey, Ordines Romani, Gallican rite, Bragan rite, II Vatican Counsil.

References

1. Arrants M. (2003) *Izbrannye sochineniya po liturgike* [Selected Works on liturgics]. Moscow. Vol. I.
2. Arrants M. (1979) *Kak molilis' Bogu drevnie vizantiitsy* [How ancient Byzantines prayed to God]. St. Petersburg
3. Fidenko Yu.L. (2014) Pesennye sborniki katolicheskikh Aziatskoi chasti Rossii na rubezhe XX-XXI vv. [Song collections of the Catholic Asian part of Russia at the turn of the XX-XXI centuries]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 1, pp. 250-258.
4. Kim A.V. (2013) Predposylki k liturgicheskoi reforme II Vatikanskogo Sobora [Prerequisites for liturgical reform of the Second Vatican Council]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo* [Culture. Spirituality. Society], 6, pp. 124-131.
5. King A. (1957) *Liturgies of the Primatial Sees.* London.
6. *Liturgical pioneers. Pastoral Musicians and Liturgists.* Available at: http://liturgicalleaders.blogspot.com/2016/08/alphabetical-listing.html [Accessed 10/102018]
7. Pentkovskii A.M. (2001) Studiiskii ustav i ustavy studiiskoi traditsii [Studio statutes and statutes of the studio tradition]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 5, pp. 69-80.
8. Rousseau O. (2013) *Istoriya liturgicheskogo dvizheniya* [History of the liturgical movement]. Kiev: Dukh i litera Publ.
9. Taft R. *Rimskaya shkola vostochnoi liturgiologii* [The Roman School of Oriental Litology]. Available at: http://sergeyvgolovanov.narod.ru/projects/taftbio.htm [Accessed 10/102018]
10. Taft R.F. (2011) *Velikii vkhod. Istoriya pereneseniya darov i drugikh predanaforal'nykh chinov* [Great entrance. The history of the transfer of gifts and other pre-anaphoral ranks]. Omsk.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 01

Философские проблемы научной объективности применения количественных методов в социальных науках

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра Высшей математики и естественно научных дисциплин,
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
125190, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 80;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Аннотация

В работе показано, что современная научная мысль в последние 10-15 лет с развитием информационных технологий приобрела возможности более широкого отображения научной реальности, основанной на анализе значительного массива данных, что на несколько порядков увеличило точность наблюдений в науке и технике, и в том числе позволило сформировать принципиально новое направление в области апробации научных исследований, связанных с получением данных из количественных и атрибутивных данных. В этих условиях возникает необходимость переосмысления методологических основ проведения теоретических и эмпирических исследований в части применения основных предпосылок их проведения, получения развитых теорий и верификации полученных результатов. Полученные на при большом количестве результатов, исследователь может использовать, однако полученные с помощью технологий искусственного интеллекта гипотезы могут включать заведомо ложные зависимости. Данная проблема не может решаться только путем развития методологи интерпретации полученных результатов, развитием компетентности исследователей в области количественных методов в социальных науках. В том числе, изменяется ценность постановки гипотез о наличии частных зависимостей, и, что более значимо, проблема оценки и верификации гипотез в социальных науках. Все это затрагивает философскую основу познавательного компонента социальных наук, и приводит к необходимости их переосмысления в аспекте трансформации исследовательских методов последних 10-20 лет, трансформирует ценность философского анализа в социальных науках.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А. Философские проблемы научной объективности применения количественных методов в социальных науках // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 279-284.

Ключевые слова

Философский анализ, социальные науки, количественные методы, научные гипотезы, познавательная компонента.

Введение

Научная объективность является ключевой характеристикой исследования в любой отрасли науки. Особенно данные проблемы характерны для социальных наук, где возможности применения методов количественного анализа долгое время были ограничены возможностями вычислительных алгоритмов. Развитие количественных методов не только расширяло методологию исследования в социальных науках, но и постепенно заменяло часть основанных на философском методе подходов к получению новых знаний, стандартизируя подходы к обобщению новых знаний, постановке и проверке гипотез.

В условиях развития количественных методов, увеличения возможностей обработки информации в социальных науках в том числе данные процессы усилились, несмотря на увеличение исследовательских возможностей, возникли новые методологические проблемы, связанные с научной объективностью отражения количественных показателей социальных явлений и процессов.

Современная парадигма научных исследования предполагает постоянное совершенствование исследовательских методов и инструментов получения новых знаний. Однако совершенствование технологических аспектов приобретения новых знаний выходит за рамки существующих методологических подходов к определению научной объективности, так как существенным образом меняет сам способ получения новых знаний, который все в меньшей степени зависит от исходных установок исследователей. Все это является причиной необходимости пересмотра подхода к научной объективности знаний, полученных таким методом.

Основное содержание

В отношении отражения количественных показателей в социальных науках проблема применения количественных методов, поиска их места и методологии их взаимодействия с другими видами анализа, в первую очередь философского, требует решения методологических проблем в области трансформации научного знания, необходимости учета данных процессов в современных исследованиях.

С момента предложения первых модельных представлений в социальных науках традиционно данные методы использовались при значительном количестве ограничений. В дальнейшем, при развитии статистических методов анализа, появления возможностей применения многомерных или нечетких статистических алгоритмов для формирования нового научного знания использовались обобщенные результаты, полученные для частных случаев. Например, об эффективности отдельных педагогических технологий или методов мотивации сотрудников.

Однако, современные количественные методы и развитие информационных технологий позволяет обрабатывать многократно увеличивающиеся объемы информации, а также находить частные зависимости для значительного количества случаев. Так, развитие систем искусственного интеллекта позволяет исследователям использовать алгоритмы, позволяющие находить более сложные взаимосвязи между явлениями и процессами, задавать только самые общие рамки гипотез, а в некоторых случаях и не задавать их совсем. Все это, с одной стороны, расширяет границы исследований, так как сокращает субъективный фактор при постановке гипотез, однако с другой стороны, многократно увеличивает сложность интерпретации, не

позволяет применять существующую методологию индукционных умозаключений в социальных науках.

Развитие технологий сбора, обобщения и анализа больших массивов данных в настоящее время, используя такие методы обработки информации как нейронные сети и генетические алгоритмы, делает процесс формирования знаний все менее зависимым от постановки гипотез исследователя, согласно которым задействуется только определенный сегмент информации, и повышает сложность интерпретации полученных результатов. В частности, современные возможности получения новых знаний позволяют классифицировать объекты наблюдений не только не зная потенциальное количество групп, но и группирующие признаки, неортодоксально подходить к поиску факторов причины и следствия, находить скрытую структуру явлений и определять сложные, многомерные взаимосвязи между ними, неочевидные с позиции теоретических исследований, определять характеристику процессов с самых различных позиций и используя как потоковые данные, так и данные в самой продолжительной перспективе, осуществлять распознавание устойчивых паттернов в данных самой различной природы из самых различных отраслей науки и техники, а также оперирующих не только количественными, но и графическими и атрибутивными признаками.

Все эти, и многие другие возможности трансформируют подходы к проведению научного исследования, повышая значимость компетентности в области общенаучных методов в области количественного анализа. Так, при применении данных технологий в социально-экономических науках уже позволило однозначно поставить точку в доказательстве некоторых базовых концепций, не получивших должного эмпирического подтверждения, и, с другой стороны, стать основой нового научного поиска для тех случаев, когда была доказана несовместность существующих широко распространенных теоретических представлений от объективной реальности. К таким доказательствам в первую очередь относят все существовавшие предположения об эффективности применения различных инструментов регулирования социально-экономического развития — от теоремы Рыбчинского и доказательства парадокса Леонтьева до позднейшего доказательства прибыльности «купонных» распродаж, убыточность которых многократно была доказана теоретически.

Указанное позволяет с иной стороны рассмотреть подходы к применению демаркации науки и «не науки», предложенной К. Поппером, заключающиеся в том числе в опровержении ранее действующих предположений о том, что любая теория, претендующая на то, чтобы быть научной, должна быть выводима из опыта. Так, согласно заключению данного философа, наблюдение всегда избирательно и целенаправленно, поэтому он исходит из того, что при проведении научных исследований не обязательно оперировать с реально существующими объектами, а значительное количество выводов можно получить на основе упрощенных моделей и абстрактных концепций. В частности, теория демаркации К. Поппера стала одной из ключевых идей, разделяющих в современной философии науки теоретические и эмпирические исследования в части методологии их проведения. Ее дальнейшее развитие было связано с поиском ограничений применения постулата о том, что научная объективность новых знаний определяется возможностью их опровержения. Развитие подхода, связанного с применением технологий data mining, ставит новые вопросы, связанные с развитием методологии научных исследований.

В первую очередь к таким вопросам относится методическое определение — является ли получение новых знаний с помощью инструментов data mining эмпирическим: как в широкой

трактовке в методологии научных исследований, так и в узкой по отношению к способу получения результатов. Так, согласно самому общему определению, эмпирическое исследование предполагает существенное влияние совокупности взглядов исследователя на существующие явления и процессы, сложившиеся в том числе под воздействием предыдущих исследований. Однако, технология получения новых знаний из данных предполагает наличие определенной свободы от ранее полученных установок, при этом степень данной свободы и возможности применения к такому подходу методологии эмпирических исследований является значимой областью для дальнейшего изучения именно с позиции развития философско-методических аспектов определениях их научной объективности.

Применение технологий получения новых знаний на основе анализа больших массивов данных дает возможность при исследовании явлений и процессов не ограничиваться только перечнем целей и гипотез, а позволяет широкое использование одного набора данных при исследования разных объектов, получении дополнительных результатов и так далее. Аналогичны и стадии интерпретации и верификации новых знаний. То есть, при применении данных инструментов для получения новых знаний, трансформируется роль исследователя, его личной позиции по отношению к предмету исследования, при этом данные изменения касаются в первую очередь как процесса постановки гипотез, так и процесса интерпретации полученных результатов. С одной стороны, в условиях, когда применение технологий позволяет осуществлять комплекс действий по изучению явления или процесса, широта постановки проблематики исследования менее зависит от предпосылок исследователя. С другой, научная объективность получаемых научных знаний в большей степени зависит от возможности интерпретации результатов, ранее стандартизированных при помощи применяемых и широко распространенных в науке эконометрических методов.

Полученные, на большом количестве данных, закономерности, исследователь может использовать, с помощью технологий искусственного интеллекта, для формулировки гипотез, в которые, однако могут включаться и заведомо ложные зависимости. При этом, данная проблема не может решаться только путем развития методологи интерпретации полученных результатов, поскольку она еще связана и с развитием компетентности самих исследователей в области количественных методов в социальных науках.

Заключение

Методология проведения теоретических исследований связана, в первую очередь, с концепцией проверки теоретических моделей эмпирическими результатами с целью поиска возможностей и ограничений их применения в качестве новых знаний. Однако, когда новые знания получаются преимущественно с помощью количественных исследований, следует рассмотреть методические аспекты оценки научной достоверности новых знаний в условиях, когда верификация результатов осуществляется посредством тех же инструментов, что и их создание. Все эти вопросы требуют дальнейшего изучения как в аспекте переосмысления количественных исследований в науке в целом, так и в аспекте их применения к ее отдельным областям. Верификация результатов эмпирических моделей затрагивает философскую основу познавательного компонента социальных наук, и приводит к необходимости их переосмысления в аспекте трансформации методов социальных исследований за последние 10-20 лет. Все вышесказанное позволяет надеяться, что ценность философского анализа в социальных науках в дальнейшем будет только возрастать.

Библиография

1. Везиров Т.Г., Смирнова О.О. Научная объективность репрезентативности педагогических измерений в контексте сельской школы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 3. С. 138-147.
2. Смирнова О.О. Философские аспекты научной объективности интеллектуального анализа данных// Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 1-3 (60). С. 159-161.
3. Смирнова О.О. Философско-методологические аспекты научной объективности создания новых знаний с помощью технологий DATA MINING// Таврический научный обозреватель. 2016. № 1-1 (6). С. 7-9.
4. Kothari C. R. Research methodology: Methods and techniques. – New Age International, 2004.
5. Kumar S., Phrommathed P. Research methodology. – Springer US, 2005. – С. 43-50.
6. Machlup F. The problem of verification in economics //Southern Economic Journal (pre-1986). – 1955. – Т. 22. – №. 1. – С. 1- 40.
7. Machlup F. Methodology of economics and other social sciences. – Academic press, 2014.
8. Mackenzie N., Knipe S. Research dilemmas: Paradigms, methods and methodology //Issues in educational research. – 2006. – Т. 16. – №. 2. – С. 193-205.
9. Murry Jr J. W., Hammons J. O. Delphi: A versatile methodology for conducting qualitative research //The Review of Higher Education. – 1995. – Т. 18. – №. 4. – С. 423-436.
10. Noor K. B. M. Case study: A strategic research methodology //American journal of applied sciences. – 2008. – Т. 5. – №. 11. – С. 1602-1604.
11. Peffers K. et al. A design science research methodology for information systems research //Journal of management information systems. – 2007. – Т. 24. – №. 3. – С. 45-77.
12. Schutz A. Concept and theory formation in the social sciences //Collected Papers I. – Springer Netherlands, 1962. – С. 48-66.
13. Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law // Cambridge Scholars Publishing. – 2015. – p.374.

The philosophical problems of the scientific objectivity of the application of quantitative methods in the social sciences

Oleg A. Smirnov

PhD in Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Departments of higher mathematics and natural sciences,
Moscow University for Industry and Finance "Synergy",
125190, 80, Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Abstract

The paper shows that in the last 10-15 years, with the development of information technologies, modern science has gained the possibility of a wider display of scientific reality based on the analysis of a significant body of data, which increased the accuracy of observations in science and technology by several orders of magnitude and allowed to form a fundamentally new direction in the field of approbation of scientific research related to obtaining data from quantitative and attribute data. Under these conditions, it becomes necessary to rethink the methodological foundations for conducting theoretical and empirical research in terms of applying the basic prerequisites for conducting them, obtaining advanced theories and verifying the results obtained. Obtained on with many results, the researcher can use, however, the hypothesis obtained using artificial intelligence technologies may include deliberately false dependencies. This problem cannot be solved only by developing methodologies for interpreting the results obtained, by developing the competence of researchers in the field of quantitative methods in the social sciences. The value of setting hypotheses

about the existence of private dependencies, and, more significantly, the problem of evaluating and verifying hypotheses in social sciences is changing. All this affects the philosophical basis of the cognitive component of the social sciences and leads to the need to rethink them in the aspect of transforming research methods of the last 10-20 years, increases the value of philosophical analysis in the social sciences.

For citation

Smirnov O.A. (2018) Filosofskiye problemy nauchnoy ob"yektivnosti primeneniya kolichestvennykh metodov v sotsial'nykh naukakh [The philosophical problems of the scientific objectivity of the application of quantitative methods in the social sciences]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 279-284.

Keywords

Philosophical analysis, social sciences, quantitative methods, scientific hypotheses, cognitive component.

References

1. Kothari, C. R. (2004). Research methodology: Methods and techniques. New Age International.
2. Kumar, S., & Phrommathed, P. (2005). Research methodology (pp. 43-50). Springer US.
3. Machlup F. The problem of verification in economics. Southern Economic Journal (pre-1986). 1955. T. 22. 1. p. 1- 40.
4. Machlup, F. (2014). Methodology of economics and other social sciences. Academic press.
5. Mackenzie, N., & Knipe, S. (2006). Research dilemmas: Paradigms, methods and methodology. Issues in educational research, 16(2), 193-205.
6. Murry Jr, J. W., & Hammons, J. O. (1995). Delphi: A versatile methodology for conducting qualitative research. The Review of Higher Education, 18(4), 423-436.
7. Noor, K. B. M. (2008). Case study: A strategic research methodology. American journal of applied sciences, 5(11), 1602-1604.
8. Peffers, K., Tuunanen, T., Rothenberger, M. A., & Chatterjee, S. (2007). A design science research methodology for information systems research. Journal of management information systems, 24(3), 45-77.
9. Schutz, A. (1962). Concept and theory formation in the social sciences. In Collected Papers I (pp. 48-66). Springer, Dordrecht.
10. Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law. Cambridge Scholars Publishing. – 2015. – p.374.
11. Smirnova OO Philosophical and methodological aspects of the scientific objectivity of creating new knowledge with the help of DATA MINING technologies. Tavricheskiy Observer. 2016. № 1-1 (6). Pp. 7-9.
12. Smirnova O.O. Philosophical Aspects of Scientific Objectivity of Data Mining. New Science: From Idea to Result. 2016. No. 1-3 (60). Pp. 159-161.
13. Vesirov T.G., Smirnova O.O. The scientific objectivity of the representativeness of pedagogical dimensions in the context of a rural school. Context and reflection: a philosophy about the world and man. 2016. No. 3. P. 138-147.

Publishing House "ANALITIKA RODIS" (analitikarodis@yandex.ru) http://publishing-vak.ru/

УДК 17+342+214.253

Философско-правовые основания биоэтики как современного типа мышления

Шуталева Анна Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: a.v.shutaleva@urfu.ru

Карташева Анна Александровна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: anna.kartasheva@gmail.com

Циплакова Юлия Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: j.ceplakova@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу биоэтических аспектов современного типа мышления, что обусловлено интеграцией естественных наук в жизненные процессы человека, влияние их на жизнь и здоровье человека. Актуальность исследования философско-правовых аспектов биоэтики связана со сложностью жизненных ситуаций, с которыми сталкивается человек в процессе своей жизни, требующих рационального анализа нравственных проблем в биомедицинской сфере, что делает необходимым обращение людей к нормам и ориентирам права и гуманитарных наук, ориентированных на защиту ценности человеческой личности и прав человека. Методологическим и теоретическим основанием данной статьи являются философские исследования вопросов биоэтики и стандарты по

этическим вопросам, содержащиеся в международных и российских правовых документах. Рассмотрены понятие «биоэтика» в ее современной интерпретации, общие точки соприкосновения и особенности рассмотрения вопросов биоэтики с позиций философии и права, биоэтические проблемы как объект правового регулирования в Российской Федерации. Показано, что, несмотря на то, что в целом проблематика биоэтики является философской, вопрос о личной ответственности человека в сложной ситуации может быть решен при обращении к общемировоззренческим и общеметодологическим решениям в биоэтической сфере, что предполагает целостное философско-правое видение данных проблем.

Для цитирования в научных исследованиях

Шуталева А.В., Карташева А.А., Циплакова Ю.В. Философско-правовые основания биоэтики как современного типа мышления // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 5А. С. 285-296.

Ключевые слова

Биоэтика, современный тип мышления, интеграция, права человека, принципы международного права, ответственность.

Введение. Современная интерпретация понятия «биоэтика»

Необходимость обращения к проблемам биоэтики как типа мышления в XXI веке связана с тем, что различные науки интегрируются в жизненные процессы, влияют на жизнь, здоровье человека. Биоэтика направлена также на постановку и попытку решения проблем, вызванных вмешательством человека в жизненные процессы других живых существ и всего, что относится к сохранению экосистемы. Развитие и применение биотехнологий в областях биологических и медицинских исследований начиная с XX века привело к возникновению целого ряда этических и юридических проблем, мировоззренческое осмысление которых привело к возникновению такой области исследований, как «биоэтика». Это проблемы этического отношения к людям, состояние которых может быть определено как «умирающие», возможности эвтаназии, проблемы, связанные с медицинской практикой трансплантации органов, применения новых репродуктивных технологий, абортов, а также поиск морально-этического оправдания при распределении ограниченных ресурсов, находящихся в ведении здравоохранения и др.

Актуальность развития философско-правового понимания биоэтики связана с пониманием того, как человек может решить возникающие перед ним в сложных жизненных ситуациях проблемы, такие как суррогатное материнство, эвтаназия, аборт, имплантация, трансплантация, вопросы, возникающие в связи с применением в медицине новых репродуктивных технологи и др. Биоэтическая позиция предполагает рациональный анализ нравственных проблем в биомедицинской сфере, что предполагает обращение к нормам и ориентирам права и гуманитарных наук, ориентированных на защиту ценности человеческой личности и прав человека. В связи с этим необходимой базой в исследовании биоэтики являются как философские работы в этой сфере [Potter, 1970; Reich, 1995; Beauchamp, Childress, 2001; Tristram, 1986; Швейцер, 2007; Батко, 1993; Шуталева, 2011; Петров, 2012, Доника, Щекин, 2017, Кудрявцева, Мельник, Циплакова, Язовская, 2017], так и правовые документы, регулирующие область биоэтики и устанавливающие биоэтические стандарты: Декларация о

правах человека [Universal Declaration of Human Rights, 1948, www], Нюрнбергский кодекс [Nuremberg Code (1947), 1949, www], Хельсинкская декларация всемирной медицинской ассоциации [World Medical Association. WMA Declaration of Helsinki, 1964, www], Женевская декларация [World Medical Association. WMA Declaration of Geneva, 1983, www], Международный кодекс медицинской этики [World Medical Association. WMA International Code of Medical Ethics, 1983, www], Всеобщая декларация биоэтики и прав человека Юнеско [UNESCO: Universal declaration on bioethics and human rights, 2005, www], Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) и другие международные и российские правовые документы.

Философско-правовое осмысление медико-биологических и биотехнологических объектов, приводит к тому, что идеал ценностно-нейтрального исследования, который характерен для классической научной рациональности (В. С. Степин), оказывается неприемлемым при изучении сложных систем, включающих человека. Современный тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью, так как учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями [Степин, 2000, 633-634].

Несмотря на то, то история биоэтики насчитывает более трех тысяч лет, именно в XX веке биоэтика начинает играть исключительную роль в жизни общества. Соблюдение этических норм врачом являлось требованием начиная с середины II тыс. до н. э. в Древней Индии, и с V века н.э. в Древней Греции и стало характерным для осуществления медицинской практики на протяжении многих веков, однако в XX веке была выработана надлежащая правовая база, которая предусматривает как провозглашение биоэтических принципов, так и наличие механизмов контроля за их осуществлением.

В связи со скандальными разоблачениями злоупотреблений в области экспериментирования на человеке и последовавшими за ними процессами, напоминавшими об экспериментировании в концентрационных лагерях в период нацизма, возникает дискуссия по этическим проблемам экспериментирования. Ратифицированные международные правовые документы, регулирующие область биоэтики, включает в себя как этические проблемы медицинских профессий, этические принципы и нормы, которым должны руководствоваться ученые, осуществляющими медицинские эксперименты, так социальные проблемы, связанные с государственной и международной политикой в области здравоохранения, с трудовой медициной, с демографическим контролем и т.д.

Одним из первых, кто наделил термин «биоэтика» современным смыслом, был Ван Ренсселер Поттер (V. R. Potter), американский онколог. Концепция биоэтики, разработанная Поттером, основана на его критической озабоченности по поводу способности человека к выживанию которая парадоксальным образом проблематизируется в результате развития науки и техники. В статье «Bioethics: the science of survival» в 1970 году В.Р. Поттер предложил рассматривать биоэтику как дисциплину, соединяющую в себе биологические знания и познание системы человеческих ценностей [Potter, 1970]. Корень «bio» актуализирует биологическую составляющую, развиваемую в науках о живых системах, а «ethics» отсылает к представлениям о системах человеческих ценностей.

Условием возникновения биоэтических ситуаций является возникающая перед человеком необходимость взять на себя «ответственность за установление пределов собственного

существования» [Быкова, 1993, 1-2]. Несмотря на то, что в целом проблематика биоэтики является философской, вопрос о личной ответственности человека в сложной ситуации может быть решен при обращении как к философским, так и общемировоззренческим и общеметодологическим решениям в сферах медицины, юриспруденции, политики, теологии и экономики.

Биоэтическое и правовое: общее и особенное

Важнейшим аспектом биологических/медицинских технологий является их правовое оформление. Невероятно сложно отделить сугубо этические проблемы биотехнологий от проблем, подлежащих правовому регулированию. Тем более, что в Российской Федерации не существует отдельного закона, который был бы полностью посвящен био- и медтехнологиям, последовательно перечислял все возможные этические и правовые проблемы, предлагал решения, а также определял область, которая находилась бы вне регулирования.

В такой сложной ситуации следует обратиться к уже существующим правовым терминам. Например, к юридическому термину «результаты интеллектуальной деятельности» (РИД). Этот термин используется для фиксации новых результатов работы человеческого интеллекта. Философия может (и должна) подвергать сомнению каждое слово: «результаты», «интеллект», «деятельность». В результате проблематизации заостряется проблема дистинкции, а именно разграничения между «результатами» и «не результатами», между «интеллектуальной деятельностью» и деятельностью, таковой не являющейся.

Результаты интеллектуальной деятельности в биологии и медицине могут быть объектами авторского и смежного права: права на эти объекты возникают с момента создания произведения, не требуют регистрации. Например, научные статьи, монографии, диссертации, сборники и журналы, а также кино-, теле- и видеофильмы, компьютерные программы и базы данных. Результатами интеллектуальной деятельности могут быть объекты промышленной собственности: на эти объекты права возникают с момента регистрации РИД в национальном патентном ведомстве и подтверждаются патентами или свидетельствами. Например, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, товарные знаки и знаки обслуживания. Чаще всего результаты биологических и медицинских исследований представляет собой комбинацию различных объектов интеллектуальной собственности [Данишевский, 2004].

Даже уже существующие формы охраны исключительных прав на РИД-ы далеко не всегда однозначны. Например, в мировой практике нет единого мнения о целесообразности представления правовой охраны способам (методам) диагностики, профилактики и лечения заболеваний человека. Охрана предоставляется в США, в России, с некоторыми ограничениями в Канаде, Австралии и Японии, в ряде стран СНГ. Наиболее жесткую позицию занимает Европейское патентное ведомство, где не подлежат охране даже способы диагностики заболеваний, если они связаны с манипуляциями на теле человека и требуют участия врача.

Особый тип медицинских технологий связан со сбором и анализом информации о людях. Так, в России с 1 июля 2018 года заработала Единая биометрическая система («Ключ Ростелеком») [Ключ Ростелеком, Официальный сайт, www]. Данная система – это цифровая платформа для удаленной биометрической идентификации. Платформа позволяет предоставлять цифровые как коммерческие, так и государственные услуги. При этом услуги

могут быть предоставлены в любом месте и в любое время. Система была создана по инициативе Центрального банка Российской Федерации и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Отметим, что для биологических и медицинских технологий, связанных с персональными данными, действует ряд дополнительных условий и требований, установленных законами.

Медицинскими РИД быть как новые лекарственные формы (фармацевтические субстанции), так и новые медицинские изделия.

Относительно рынка новых лекарственных форм целесообразно выделять главные или «сильные» патенты, а также «второстепенные», более «слабые». Последние (чаще всего это патенты на способы получения того или иного вещества) легко обойти, поэтому производители находят другие формы защиты своих прав. Например, регистрируют товарные знаки, относящиеся к отдельным препаратам. Или же активно используется патентный поиск. Так, исследователи компании «Пфайзер» случайно натолкнулись на патент хорватской компании «Пливы» в 1981 г. в Ведомстве США по патентам и товарным знакам (ВПТЗ). Впоследствии «Пфайзер» купил лицензию у «Пливы» и стал продавать чрезвычайно популярное лекарство под названием «зитромакс» [Wall Street Journal (Brussels), 1999].

Иная ситуация на рынке новых медицинских изделий, для которого характерно менее проработанное законодательство, а также изначальный симбиоз различных областей знаний (медицины, техники, биологии) при разработке медизделий. К изделиям медицинского назначения относится и специальное программное обеспечение, которое, в свою очередь, является объектом авторского права. И базы данных, которые можно рассмотреть как объекты как авторских, так и смежных прав.

Одной из особенностей РИД в медицине является их достоверность. Медицина, основанная на доказательствах (evidence-based medicine), является совокупностью методологических подходов к проведению клинических испытаний (controlled clinical trials), а также оценке их результатов. Клинические испытания – это способ получения именно достоверных объективных результатов при использовании сравнительных методов, рандомизации, а также методик ослепления исследования.

Проблема медицины, основанной на доказательствах, гораздо глубже, чем проблема сбора и обработки информации. Сейчас можно уже говорить и об изменении мировоззрения врача, а также о появлении нового врачебного кодекса, который был бы основан также на доказательствах.

Кроме того, цифровые технологии меняют правовые схемы. Так, в Европейском союзе, правовая охрана предоставляется промышленным образцам уже без регистрации. Важным следствием изменений в правовых технологиях является индивидуализация и технологизация управления правом, создание цифрового следа от создания РИД, а также от цепочки транзакций с правами и объектами ИС, включая смарт-контракты.

С одной стороны, общество заинтересовано в том, чтобы люди могли лечиться эффективно, а лекарства стоили дешево. С другой стороны, производители и фармацевты вкладывают огромные средства в разработку РИД, а именно новых методов лечения и лекарственных препаратов, и ожидают, что в течение какого-то времени они будут монополистами на рынке, получая больший доход, чем могли бы получить несколько фирм, одновременно предлагающих один и тот же продукт. Разнонаправленность этих интересов приводит к тому, что постоянно появляются новые способы правовой охраны или же иначе трактуются старые способы. Попытка подойти к данной проблеме с философской точки

зрения высвечивает необходимость и неизбежность компромиссов между двумя группами интересов.

Биоэтические проблемы как объект правового регулирования в Российской Федерации

Уже с 70-х гг. прошлого века в России уровень медицины вышел на высокий уровень и медики стали оказывать влияние не только на спасение жизни больных, но перед ними возник целый ряд относительно новых профессиональных и социально-обусловленных ситуаций, которые выступают объектной областью биоэтики как научной дисциплины. Разумеется, в решении этих проблем возможны разные решения и подходы. Многие из них разрешаются, ориентируясь на соответствующие законы российского законодательства.

Прежде всего, говоря о биоэтике в России, необходимо отметить, что, согласно Конституции РФ, право на охрану здоровья и медицинскую помощь является конституционно закрепленным правом человека [Конституция РФ, 1993, ч. 1, ст. 41]. В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который был принят в 2011 г. В статье 6 данного закона предполагается приоритет пациента при оказании медицинской помощи. Но здесь содержаться принципы, направленные на реализацию принципов биоэтики: «1) соблюдения и этических и моральных норм, а также уважительного и гуманного отношения со стороны медицинских работников и иных работников медицинской организации; 2) оказания медицинской помощи пациенту с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций пациента» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»]. Особое внимание обращает на себя то, что во втором пункте этого фрагмента закона упоминаются культурные и религиозные нормы. Мы полагаем, что это связано с так называемой патерналистской моделью медицины, принятой в Российской Федерации.

В подобной модели преобладает родительское отношение врача к пациенту как отца к ребенку. Между ними выстраиваются отношения патернализма, опеки. М. Фуко в работе «Рождение клиники» показывает, что подобные взаимоотношения врача и пациента являются основополагающей составляющей медицины: «Врач и больной втягиваются в бесконечно увеличивающуюся близость и связываются: врач взглядом, который насторожен и всегда направлен к постижению большего; больной - совокупностью незаменимых и немых качеств, которые его выдают, иначе говоря, демонстрируют и варьируют точные упорядоченные формы болезни» [Фуко, 1998, 40].

Разумеется, подобные рассуждения, только немного с другим оценочным знаком можно встретить также и З. Фрейда, в концепции психоанализа которого также большое место отводится патернализму родителей (в особенности отца) над детьми. Некоторые исследователи задаются вопросом о плюсах и минусах патернализма в медицине. Например, И. В. Силуянова полагает, что патернализм в России – следствие духовных установок, связанных с религиозной традицией православия в России [Силуянова, 2005]. Именно поэтому упоминание в законе культурных и религиозных традиций просто подтверждает тезис о патерналистской модели в российской медицине.

В связи с этим традиционным для России культурно-философским фоном, возникает, например, вопрос *информированного согласия* пациентов [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011]

Патернализм в медицине предполагает, что как родители ребенку не дают полной исчерпывающей информации о жестоком мире, заботясь о его самочувствии, покое, не позволяя ему тревожиться (в таком поведении видится внимание к ребенку и человечность по отношению к нему). Так и врачи не должны рассказывать пациенту о неизлечимой болезни, или стараясь рассказывать мягко, таким образом, чтобы у пациента была надежда. Эта ложь многими воспринимается как «ложь во спасение». Но для биоэтики именно здесь обнаруживается проблема: что гуманнее – говорить человеку правду, давая ему возможность серьезно осознать проблему, или оставлять его в неведении или относительном неведении, обеспечивая ему душевный покой. Особенно эта проблема будет остро звучать, если пациент, например, ребенок.

Тем, не менее, «информированное согласие» все же может существовать в условиях патернализма и не создавать этических проблем. Ведь родители в нашей культуре часто принимают решение за детей, а здоровые родственники за «немощных». Притом, что оно предполагает контрактные отношения врача и пациента, при которых возможен отказ пациента от медицинского вмешательства.

Вместе с тем нельзя сказать, что биоэтика в России полностью соответствует патерналистской парадигме. Так, в России одно из самых либеральных законодательств об аборте, в частности, об этом свидетельствует Статья 56 «Искусственное прерывание беременности» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011]. Также данная статья закона предусматривает социальные и медицинские показания для прерывания беременности

Точно также определенный либеральный характер имеет и 55-я Статья «Применение вспомогательных репродуктивных технологий»: «1. Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма …

3. Мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011]. Также в данной статье предполагает возможное использование суррогатного материнства в решении вопроса репродукции. Такая противоречивая на первый взгляд ситуация (патерналистская модель + либеральные статьи закона) продиктована, на наш взгляд, тем, что патернализм в медицине является следствием общего консерватизма русской культуры, связанной с тем же православием и другими социально-историческими факторами, исследование которых находится за рамками нашей статьи.

Точно такую же тенденцию постепенного приспособления патерналистской модели с либеральными нормами современного общества присутствуют и в вопросах биоэтики умирания. Дело в том, что традиционно смерть констатировалась как остановка сердца у человека. В современной медицине появилось состояние смерти мозга, когда в ходе реанимационных действий медицинских работников у пациента отсутствуют все функции головного мозга, при еще сохраняющейся деятельности сердца. Эта проблематика является

очень важной, так как непосредственно влияет на то, как мы определяем переходное состояние еще живого и уже неживого человека. Проблема была поставлена в нашей стране еще в 1984 году, законодательно вопрос был закреплен в 1992 году и нашел свое выражение в «Законе Российской Федерации о трансплантации органов и тканей человека.

Действующий Закон предполагает следующее решение проблемы:

«Статья 66. Определение момента смерти человека и прекращения реанимационных мероприятий

1. Моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека).

2. Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких.

3. Диагноз смерти мозга устанавливается консилиумом врачей в медицинской организации, в которой находится пациент. В состав консилиума врачей должны быть включены анестезиолог-реаниматолог и невролог, имеющие опыт работы по специальности не менее чем пять лет. В состав консилиума врачей не могут быть включены специалисты, принимающие участие в изъятии и трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011].

В решении проблемы эвтаназии наблюдается безусловное преобладание патерналистской модели. Эвтаназия в РФ запрещена, согласно Статье 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011].

Однако и здесь нельзя сказать, что вопрос решен однозначно, окончательно и бесповоротно. При вполне недвусмысленном запрете на эвтаназию в России разрешена паллиативная медицинская помощь. Так в статье 36 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» утверждается:

1. Паллиативная медицинская помощь представляет собой комплекс медицинских вмешательств, направленных на избавление от боли и облегчение других тяжелых проявлений заболевания, в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан.

2. Паллиативная медицинская помощь может оказываться в амбулаторных условиях и стационарных условиях медицинскими работниками, прошедшими обучение по оказанию такой помощи» [Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», 2011].

Таким образом, на уровне законов РФ тема биоэтики и ее проблем заявлена вполне конкретно, и весы выбора в пользу разных вариантов решения проблем присутствуют в этом законе.

Заключение

Биоэтика в наши дни – неотъемлемая часть профессиональной медицинской этики. Она соотносится не только с частной медицинской практикой конкретных врачей и пациентов, но, касаясь важнейших вопросов возникновения жизни (рождения) и ухода из нее (смерти),

является средоточием философских проблем. Извечный принцип клятвы Гиппократа «не навреди» дополнился в современном мире другими важными принципами – человечности, принятия самостоятельного решения пациента, справедливого подхода к разным пациентам, благодеяния. В то же время биоэтика обладает рядом уже ставших традиционными правил: правдивости, соблюдения конфиденциальности и так называемого информированного согласия пациента.

Библиография

1. Бартко А.Н. Биомедицинская этика: к вопросу о философских основаниях концепций субъективности и современная теория морали // Методологические и социальные проблемы медицины и биологии: Сб. науч. трудов. М.: ММСИ, 1993. С. 126-137.
2. Быкова С.Ю. Этико-философские аспекты проблемы эвтаназии : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.08. Москва, 1993. 23 с.
3. Данишевский К.Д. Интеллектуальная собственность в медицине в России. [Электронный документ] // Доклад ООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2004. URL: http://www.isophp.ru/pic/article142/intellect_property_rights_Danishevski.pdf (дата обращения 01.09.2018).
4. Доника А.Д., Щекин Г.Ю. Современные тренды исследований в проблемном поле биоэтики. Биоэтика. 2017. 2(20). С. 60-62.
5. Ключ Ростелеком. Официальный сайт. URL: https://bio.rt.ru/# (дата обращения 01.09.2018).
6. Конституция Российской Федерации. Москва, 1993. URL: http://constitution.kremlin.ru (дата обращения 01.09. 2018).
7. Кудрявцева В.И., Мельник Н.Б., Циплакова Ю.В., Язовская О В. Антропоцентризм vs биоэкоцентризм: анализ экологического сознания молодежи // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12. № 4 (170). С. 46-56.
8. Петров К.А. Петер Слотердайк о возможности биоэтики // Биоэтика. 2012. № 9. Т. 1. С. 11-14.
9. Силуянова И.В. «Патернализм» и «информированное согласие»: этическое и правовое регулирование отношений врач - пациент // Медицинское право. 2005. № 2. С. 14-18.
10. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс - Традиция, 2000. 744 с.
11. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 01.09.2018).
12. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко ; Пер. с фр., науч. ред. и предисл. А. Ш. Тхостова . М. : Смысл, 1998 . 309 с.
13. Швейцер А. Культура и этика. М.: Директ-Медиа, 2007 . 590 с.
14. Шуталева А.В. Интегральный подход и проблема холистического мировосприятия в медицине // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 18 (233). С. 131-133.
15. Beauchamp T., Childress J. Principles of Biomedical Ethics. New York: Oxford University Press, 2001. 454 p.
16. Potter V.R. Bioethics: the science of survival // Perspectives in biology and medicine. 1970. 14 (1). P. 127-153.
17. Reich W. T. The word «bioethics»: The struggle for Its earliest meanings // Kennedy Institute of Ethic Journal. 1995. № 5 (1). P. 19-29.
18. The Nuremberg Code (1947) // Mitscherlich A, Mielke F. *Doctors of Infamy: The Story of the Nazi Medical Crimes*. New York: Schuman, 1949: xxiii–xxv.
19. Tristram E.H.Jr. The Foundations of Bioethics. New York . Oxford University Press. 1986. 389 p.
20. UNESCO: Universal declaration on bioethics and human rights, 2005. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146180 (дата обращения 01.09.2018).
21. Universal Declaration of Human Rights, 1948. URL: http://ccnmtl.columbia.edu/projects/mmt/udhr/index.html (дата обращения 01.09.2018).
22. Wall Street Journal (Brussels), March 3, 1999, 14.
23. World Medical Association. WMA Declaration of Helsinki - Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects, 1964. URL: https://www.who.int/bulletin/archives/79%284%29373.pdf (дата обращения 01.09.2018).
24. World Medical Association. WMA Declaration of Geneva. URL: https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-geneva/ (дата обращения 01.09.2018).
25. World Medical Association. WMA International Code of Medical Ethics. URL: https://web.archive.org/web/20100428131219/ http://www.wma.net/en/30publications/10policies/c8/index.html (дата обращения 01.09. 2018).

Philosophical and legal foundations of bioethics as a modern type of thinking

Anna V. Shutaleva

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of ontology and theory of knowledge,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620000, 51, Lenina av., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: a.v.shutaleva@urfu.ru

Anna A. Kartasheva

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of ontology and theory of knowledge,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620000, 51, Lenina av., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: anna.kartasheva@gmail.com

Yuliya V. Tsiplakova

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department of history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and cultural theory,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
620000, 51, Lenina av., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: j.ceplakova@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the analysis of the bioethical aspects of the modern type of thinking, which is due to the integration of the natural sciences into human life processes, their influence on human life and health. The relevance of the study of the philosophical and legal aspects of bioethics is associated with the complexity of life situations that a person encounters in the course of his life, requiring a rational analysis of moral problems in the biomedical field, which makes it necessary for people to turn to the norms and guidelines of law and humanities individual and human rights. The methodological and theoretical foundations of this article are philosophical studies of bioethical issues and standards on ethical issues contained in international and Russian legal documents. The concept of "bioethics" in its modern interpretation, common points of contact and features of consideration of issues of bioethics from the standpoint of philosophy and law, bioethical problems as an object of legal regulation in the Russian Federation are considered. It is shown that despite the fact that, in general, the problems of bioethics are philosophical, the question of the personal responsibility of a person in a difficult situation can be resolved by addressing global philosophical and general methodological solutions in the bioethical sphere, which implies a holistic philosophical and rightful view of these problems.

For citation

Shutaleva A.V., Kartasheva A.A., Tsiplakova Yu.V. (2018) Filosofsko-pravovyye osnovaniya bioetiki kak sovremennogo tipa myshleniya [Philosophical and legal foundations of bioethics as a modern type of thinking]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (5A), pp. 285-296.

Keywords

Bioethics, modern thinking, integration, human rights, principles of international law, responsibility.

References

1. Bartko A.N. (1993) Biomeditsinskaya etika: k voprosu o filosofskikh osnovaniyakh kontseptsiy sub"yektivnosti i sovremennaya teoriya morali [Biomedical ethics: on the question of the philosophical foundations of the concepts of subjectivity and the modern theory of morality]. In: *Metodologicheskiye i sotsial'nyye problemy meditsiny i biologii: Sb. nauch. Trudov* [Methodological and social problems of medicine and biology: Collection of scientific works]. Moscow: MMSI, pp. 126-137.
2. Bykova S.Yu. (1993) *Etiko-filosofskiye aspekty problemy evtanazii : avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk* : 09.00.08 [Ethical-philosophical aspects of the problem of euthanasia: author's abstract, PhD Dis.]. Moscow, 23 p.
3. Danishevskiy K.D. (2004) Intellektual'naya sobstvennost' v meditsine v Rossii [Intellectual property in medicine in Russia]. In: Doklad OON o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiyskoy Federatsii [United Nations Human Development Report in the Russian Federation]. Available at: http://www.isophp.ru/pic/article142/intellect_ property_rights_Danishevski.pdf [Accessed 01/09/2018].
4. Donika A.D., Shchekin G.Yu. (2017) Sovremennyye trendy issledovaniy v problemnom pole bioetiki [Modern trends in research in the problem field of bioethics], *Bioetika* [Bioethics], 2(20), pp. 60-62.
5. *Klyuch Rostelekom. Ofitsial'nyy* sayt [The key is Rostelecom. Official site]. Available at: https://bio.rt.ru/# [Accessed 01/09/2018].
6. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation] (1993) Moscow. Available at: http://constitution.kremlin.ru [Accessed 01/09/2018].
7. Kudryavtseva V.I., Mel'nik N.B., Tsiplakova Yu.V., Yazovskaya O.V. (2017) Antropotsentrizm vs bioekotsentrizm: analiz ekologicheskogo soznaniya molodezhi [Anthropocentrism vs bio-eccentricity: an analysis of the ecological awareness of young people], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki* [News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], vol. 12, № 4 (170), pp. 46-56.
8. Petrov K.A. (2012) Peter Sloterdayk o vozmozhnosti bioetiki [Peter Sloterdijk on the possibility of bioethics], *Bioetika* [Bioethics], vol. 1, № 9, pp. 11-14.
9. Siluyanova I.V. (2005) «Paternalizm» i «informirovannoye soglasiye»: eticheskoye i pravovoye regulirovaniye otnosheniy vrach - patsiyent ["Paternalism" and "informed consent": ethical and legal regulation of doctor-patient relations], *Meditsinskoye pravo* [Medical Law], № 2, pp. 14-18.
10. Stepin V.S. (2000) *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical knowledge], Moscow: Progress -Traditsiya , 744 p.
11. *Federal'nyy zakon «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» ot 21.11.2011 № 323-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law "On the Principles of the Protection of the Health of Citizens in the Russian Federation" of 21.11.2011 No. 323-ФЗ (last revised)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_121895/ [Accessed 01/09/2018].
12. Fuko M. (1998) *Rozhdeniye kliniki* [Birth of the clinic]. M. : Smysl, 309 p.
13. Schweizer A. (2007) *Kul'tura i etika* [Culture and Ethics] Moscow: Direct Media, 590 p.
14. Shutaleva A.V. (2011) Integral'nyy podkhod i problema kholisticheskogo mirovospriyatiya v meditsine [Integral approach and the problem of a holistic world view in medicine], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], № 18 (233), pp. 131-133.
15. Beauchamp T., Childress J. (2001) *Principles of Biomedical Ethics*. New York: Oxford University Press, 454 p.
16. Potter V. R. (1970) Bioethics: the science of survival, *Perspectives in biology and medicine*, № 14 (1), pp. 127-153.
17. Reich W.T. (1995) The word «bioethics»: The struggle for Its earliest meanings, *Kennedy Institute of Ethic Journal*, № 5 (1), pp. 19-29.
18. The Nuremberg Code [1947] (1949). In: Mitscherlich A, Mielke F. *Doctors of Infamy: The Story of the Nazi Medical Crimes*. New York: Schuman, pp. xxiii–xxv.
19. Tristram E.H.Jr. (1986) *The Foundations of Bioethics*, New York . Oxford University Press. 1986. 389 p.

20. UNESCO: Universal declaration on bioethics and human rights, 2005. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146180 [Accessed 01/09/2018].
21. Universal Declaration of Human Rights, 1948. Available at: http://ccnmtl.columbia.edu/projects/mmt/udhr/index.html [Accessed 01/09/2018].
22. Wall Street Journal (Brussels) (1999) March 3, 14.
23. World Medical Association. WMA Declaration of Helsinki - Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects, 1964. Available at: https://www.who.int/bulletin/archives/79%284%29373.pdf [Accessed 01/09/2018].
24. World Medical Association. WMA Declaration of Geneva. Available at: https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-geneva/ [Accessed 01/09/2018].
25. World Medical Association. WMA International Code of Medical Ethics. Available at:https://web.archive.org/web/20100428131219/ http://www.wma.net/en/30publications/10policies/c8/index.html [Accessed 01/09/2018].

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

1) заголовок (название) статьи;

2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);

3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;

4) аннотация (авторское резюме);

5) ключевые слова;

6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;

7) список использованной литературы в алфавитном порядке;

8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

– информативной (не содержать общих слов);

– оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);

– содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);

– «англоязычной» (написанной качественным английским языком);

– **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

– книги;

– статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;

– диссертации и авторефераты;

– нормативные акты;

– электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

– архивы;

– неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 или http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои корректировки, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 an 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

– informative (be free of common words);

– original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);

– substantive (to reflect the main content of an article and research results);

– structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);

– "English-speaking" (written in high-grade English);

– **volume from 150 to 250 words**.

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauch-nyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2 or http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Cultorology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.